

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

ИЗВЕСТИЯ

**Юго-Западного
государственного
университета**

**Серия
Экономика. Социология. Менеджмент**

**Том 8
№ 3 (28)**

Курск 2018

2018. Т. 8, № 3 (28)

Научный рецензируемый журнал

Основан в 2011 г.

Выходит четыре раза в год

Учредитель: ФГБОУ ВО «Юго-Западный
государственный университет»

Журнал зарегистрирован Федеральной
службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых
коммуникаций (ПИ №ФС77-44617
от 15.04.11).

Журнал «Известия Юго-Западного
государственного университета.
Серия Экономика. Социология.
Менеджмент» включен в перечень
ведущих научных журналов ВАК
Минобрнауки России 01.12.2015 г.
по группам научных специальностей:
08.00.00 – экономические науки,
09.00.00 – философские науки,
22.00.00 – социологические науки

Журнал "Известия Юго-Западного государ-
ственного университета. Серия Экономика.
Социология. Менеджмент" индексируется в
международной базе данных Ulrichsweb
(Ulrich's Periodicals Directory)

Редакционная коллегия

С. Г. Емельянов (главный редактор),
д-р техн. наук, профессор, ректор ЮЗГУ;
Ю. В. Вертакова (заместитель главного
редактора), д-р экон. наук, профессор, ЮЗГУ;
А. П. Абрамов, д-р социол. наук, доцент;
И. А. Асеева, д-р филос. наук, доцент;
А. В. Бабкин, д-р экон. наук, профессор;
Н. Г. Багаутдинова, д-р экон. наук,
профессор;
Б. Д. Беспарточный, д-р социол. наук,
профессор;
С. Д. Бодрунов, д-р экон. наук, профессор;
В. Г. Буданов, д-р филос. наук, профессор;
И. А. Герасимова, д-р филос. наук,
профессор;

ИЗВЕСТИЯ

ЮГО-ЗАПАДНОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия Экономика. Социология. Менеджмент

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И МЕХАНИЗМЫ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ	8
<i>Лыгина Н. И., Рудакова О. В.</i> Обрабатывающая промышленность в эпоху Четвертой индустриальной революции.....	8
<i>Егоров С. Р., Карпунина Е. К., Радюкова Я. Ю.</i> Модернизация механизма формирования и реализации региональной социально-экономической политики: от дотационности к саморазвитию.....	18
<i>Хаустова Т. В., Соклаков А. А., Лебеденко О. С.</i> Анализ финансовых и организационных условий использования механизмов государственно-частного партнерства в системе социального обеспечения.....	28
<i>Жахов Н. В.</i> Механизм государственного регулирования системного развития аграрного сектора экономики региона.....	37
<i>Трусова Н. С., Клименко П. А.</i> Адаптация мер государственной фискальной политики в целях формирования благоприятных инновационных условий.....	45
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ	53
<i>Положенцева Ю. С., Вертакова Ю. В., Самохвалова М. С.</i> Оценка неравномерности экономического пространства регионов на основе конвергенции и дивергенции.....	53
<i>Леонтьев Е. Д.</i> Концепция регулирования внутрирегиональной социально- экономической дифференциации.....	64
<i>Дмитриев Д. С., Приходченко О. С., Ульяновцева Ж. А.</i> Формирование системы показателей оценки бюджетной безопасности на региональном уровне.....	73
ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ УПРАВЛЕНИЯ ПРЕДПРИЯТИЯМИ И ОТРАСЛЯМИ.....	83
<i>Барышев А. В., Авдеева И. Л., Полянин А. В.</i> Развитие информационного взаимодействия субъектов малого и среднего бизнеса в системе инфраструктурного обеспечения предпринимательской деятельности.....	83

Е. Г. Гребенщикова, д-р филос. наук,
профессор;
В. М. Давыдов, д-р экон. наук, профессор,
член-корреспондент РАН;
В. В. Зотов, д-р социол. наук, профессор;
В. С. Мкртчян, д-р техн. наук, профессор
(Австралия);
И. В. Минакова, д-р экон. наук, профессор;
В. А. Плотников, д-р экон. наук, профессор;
Б. Г. Преображенский, д-р экон. наук,
профессор;
И. Е. Рисин, д-р экон. наук, профессор;
И. А. Халий, д-р социол. наук, профессор;
А. В. Харламов, д-р экон. наук, профессор;
Е. В. Харченко, д-р экон. наук, профессор

Адрес редакции:

305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94.

Телефоны: (4712) 22-25-26

Факс: (4712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru

Оригинал-макет подготовлен А. Е. Серебряковой

Подписано в печать 24.09.18. Формат 60×84/8.

Бумага офсетная. Усл. печ. л. 34,6.

Тираж 1000 экз. Заказ 60. Цена свободная.

Юго-Западный государственный университет

305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94.

**Плата с аспирантов за публикацию
не взимается.**

Подписной индекс журнала
«Известия Юго-Западного государственного
университета. Серия Экономика.
Социология. Менеджмент»
44284 в объединенном каталоге
«Пресса России»

Мальшикина Е. А.

Направления повышения конкурентоспособности
предприятий ресторанного бизнеса.....95

Беляева О. В., Гайнацкая Ю. С.

Факторный анализ рентабельности как способ повышения
эффективности предпринимательской деятельности.....107

**ФИНАНСОВАЯ, НАЛОГОВАЯ И ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНАЯ
ПОЛИТИКА.....116***Епифанова В. И.*

Основные направления совершенствования системы
финансового контроля в Российской Федерации.....116

Обухова А. С., Нарыкова С. А., Белоусова Л. С.

Управление коммерческим банком на основе оценки
его доходности.....124

Сутягин В. Ю., Любимова Ю. К.

О тенденциях в российском цифровом банкинге.....133

Тихомиров Д. В.

Финансовые институты развития и проблемы проектного
финансирования в современной России.....145

Сазонов С. П., Вобленко Е. В.

Проблемы бухгалтерского и налогового учета
криптовалюты.....155

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА161***Колесняк А. А., Полянская Н. М., Колесняк И. А.*

Продовольственная безопасность и продовольственное
обеспечение: понятие и оценка.....161

Абрамов А. П., Цзе Л.

Социокультурная трансформация китайской семейной
традиции.....171

Килимова Л. В.

Сущность и формы социальной активности личности.....181

Симоненко Е. С.

Метод проектов в практике преподавания русского языка
как иностранного в вузах Китая для студентов технических
специальностей.....191

Чуйков О. Е.

Лидерство в системе государственного и муниципального
управления.....198

Кузьмина В. М.

Сепаратизм или движение за национальную
независимость: общественное мнение каталонцев
в 2014–2017 годах.....204

**ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИРОДЫ,
ОБЩЕСТВА, ЧЕЛОВЕКА.....214***Гребенщикова Е. Г.*

Социальная оценка техники: переосмысление экспертизы.....214

Волохова Н. В.

Синтез разума и веры в отечественной философско-
религиозной антропологии.....221

<i>Кравцевич С. В.</i>	
Системные воззрения на конкуренцию М. Портера.....	227
<i>Маякова А. В.</i>	
Сложностная интерпретация качества в системе государственного заказа России.....	233
<i>Костерина И. В., Панищев А. Л.</i>	
Феномен скептицизма в клинической практике врача.....	241
НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ	253
<i>Остриков А. И.</i>	
Совершенствование публичного управления развитием государственно-частного партнерства.....	253
<i>Шубина М. С.</i>	
Разработка модели системного взаимодействия проектного и публичного управления региональным развитием.....	262
<i>Тарновский В. В.</i>	
Проектное управление в организации: возможности гейтового подхода.....	271
<i>Лю Сюелин</i>	
Сквозное управление производственными системами предприятий.....	281
<i>Пономарева А. И.</i>	
Роль университетов в технологической трансформации промышленного комплекса России в условиях цифровизации экономики.....	290
К сведению авторов.....	298

2018. Volume 8, no 3 (28)

Scientific reviewed journal

PROCEEDINGS

of the SOUTHWEST
STATE
UNIVERSITY
Economics, Sociology and Management

Founded in 2011.

Publication frequency: four times a year

Founder: Southwest State University

Registered in the Registrar of the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies, and Mass Media (Roskomnadzor) (Certificate of mass media registration №FS77-44617 of April 15, 2011).

Included in the official list of top scientific journals of the Higher Attestation Commission of the RF Ministry of Science and Education of 01.12.2015. Scientific Specialities Groups:

08.00.00 - Economic Sciences,

09.00.00 - Philosophical Sciences,

22.00.00 - Sociological Sciences

Editors

S. G. Yemelianov (Editor-in-Chief), Doctor of Engineering, Professor, Rector of the Southwest State University;

Y. V. Vertakova (Deputy Editor-in-Chief), Doctor of Economics, Professor, Southwest State University;

A. P. Abramov, Doctor of Sociology, Associate Professor;

I. A. Aseyeva, Doctor of Philosophy, Associate Professor;

N. G. Bagautdinova, Doctor of Economics, Professor;

B. D. Bespartochny, Doctor of Sociology,

CONTENT

ECONOMIC POLICY AND MECHANISMS ITS IMPLEMENTATION.....

8

Lygina N. I., Rudakova O. V.

Industrializing Industry in the Epoch of the Fourth Industrial Revolution.....

8

Egorov S. R., Karpunina E. K., Radyukova Ya. Yu.

Modernization of the Mechanism for the Formation and Implementation of Regional Social and Economic Policy: from Dotation to Democracy.....

18

Khaustova T. V., Soklakov A. A., Lebedenko O. S.

The Analysis of Financial and Organizational Conditions of Use of Mechanisms of public-private Partnership in the Social Security System.....

28

Zhakhov N. V.

Mechanism of State Regulation System Development of the Agrarian Sector Region Economies.....

37

Trusova N. S., Klimenko P. A.

Adaptation of Measures of the State Fiscal Policy for the Purpose of Forming of Favorable Innovative Conditions.....

45

ACTUAL PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF REGIONAL SOCIAL AND ECONOMIC SYSTEMS.....

53

Polozhentseva Yu. S., Vertakova Yu. V., Samokhvalova M. S.

Evaluation of the Inequality of the Economic Space of Regions Based on the Convergence and Divergence.....

53

Leontyev E. D.

Concept of Regulation of Internal Social and Economic Differentiation.....

64

Dmitriyev D. S., Prikhodchenko O. S., Ulyantseva Zh. A.

Formation of System of Indicators of Assessment of the Budgetary Safety at the Regional Level.....

73

PROBLEMS OF THE THEORY AND PRACTICE OF MANAGEMENT BY THE ENTERPRISES AND BRANCHES.....

83

Barushev A. V., Avdeeva I. L., Polyagin A. V.

Development of Information Interaction of Subjects of Small and Medium Business in the System of Infrastructure Support of Enterprise Activity.....

83

Professor;

S. D. Bodrunov, Doctor of Economics,

Professor;

A. V. Bubkin, Doctor of Economics,

Professor;

V. G. Budanov, Doctor of Philosophy,

Professor;

V. M. Davydov, Doctor of Economics,

Professor, Correspondent member of Russian Academy of Sciences;

I. A. Gerasimova, Doctor of Philosophy,

Professor;

E. G. Grebenshchikova, Doctor

of Philosophy, Professor;

I. A. Haliy, Doctor of Sociology, Professor;

E. V. Kharchenko, Doctor of Economics,

Professor;

A. V. Kharlamov, Doctor of Economics,

Professor;

V. Mkrтчchain, Doctor of Engineering,

Professor (Australia);

I. V. Minakova, Doctor of Economics,

Professor;

V. A. Plotnikov, Doctor of Economics,

Professor;

B. G. Preobrazhensky, Doctor

of Economics, Professor;

I. E. Rysin, Doctor of Economics, Professor;

V. V. Zotov, Doctor of Sociology, Professor

Malyskhina E. A.

Directions of Increase in Competitiveness of the Entities of Restaurant Business..... 95

Belyaeva O. V., Gainatskaya Y. S.

Factor Analysis of Profitability as a Way to Improve the Efficiency of Business..... 107

FINANCIAL, TAX AND MONETARY POLICY 116

Yepifanova V. I.

The Main Directions of Improving the System of Financial Control in the Russian Federation..... 116

Obukhova A. S., Narykova S. A., Belousova L. S.

Management of Commercial Bank on the Basis of Assessment of its Profitability..... 124

Sutyagin V. Yu., Lyubimova Yu. K.

Notes about Tendencies in the Russian Digital Banking..... 133

Tikhomirov D. V.

Financial Institutions for Development and Project Finance Issues in Russia..... 145

Sazonov S. P., Voblenko E. V.

Problems of Accounting and Tax Accounting of Crypto-Currencies..... 155

SOCIAL AND ECONOMIC PROBLEMS OF THE MODERN SOCIETY 161

Kolesnyak A. A., Polyanskaya N. M., Kolesnyak I. A.

Food Security and Food Provision: Concept and Evaluation..... 161

Abramov A. P., Ze L.

Socio-cultural Transformation of the Chinese Family Tradition.... 171

Kilimova L. V.

Essence and Forms of Social Activity of the Person..... 181

Simonenko E. S.

Project Method in Teaching Russian as Foreign Language in Chinese Universities for Students of Technical Specialties..... 191

Chuikov O. E.

Leadership in the System of State and Municipal Management.... 198

Kuzmina V. M.

Separatism or the Movement for National Independence: Public Opinion of Catalans in 2014–2017..... 204

PHILOSOPHICAL RESEARCHES OF NATURE, SOCIETY, MAN 214

Grebenshchikova E. G.

Technology Assessment: Rethinking Expertise..... 214

Volokhova N. V.

The Synthesis of Reason and Faith in the Domestic Philosophical and Religious Anthropology..... 221

Kravtsevich S. V.

Systemic Views on Competition M. Porter..... 227

Mayakova A. V.

Complexity Interpretation of Quality in the System Public Procurement of Russia..... 233

Kosterina I. V., Panishev A. L.

The Phenomenon of Skepticism in the Clinical Practice
of a Doctor..... 241

SCIENTIFIC RESEARCHES OF YOUNG SCIENTISTS..... 253

Ostrikov A. I.

Improvement of Public Administration of the Development
of the State-Private Partnership..... 253

Shubina M. S.

Development of the Model of System Interaction of Project
and Public Management of Regional Development.....; 262

Tarnovsky V. V.

Project Management in Organizations: Opportunities Gate
Approach..... 271

Liu Sueling

End-to-End Management of Production Systems of the Entities... 281

Ponomareva A. I.

The Role of Universities in the Technological Transformation
of the Industrial Complex of Russia in Terms of Digitalization
of the Economy.....; 290

Information for Authors..... 298

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И МЕХАНИЗМЫ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ

УДК 33

Н. И. Лыгина, д-р экон. наук, профессор, ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет экономики и торговли» (Орел, Россия) (e-mail: lyginani@mail.ru)

О. В. Рудакова, д-р экон. наук, профессор, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ» (Среднерусский институт управления – филиал) (Орел, Россия) (e-mail: rudakova71@yandex.ru)

ОБРАБАТЫВАЮЩАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ В ЭПОХУ ЧЕТВЕРТОЙ ИНДУСТРИАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Объем промышленного производства представляет собой один из основных показателей, характеризующих уровень социально-экономического развития страны. Обрабатывающая промышленность выступает в качестве основы промышленного производства: если в России на нее приходится 2/3 общего выпуска, то в развитых – около 90%.

Промышленность прошла долгий и сложный путь развития. И сегодня темпы научно-технического прогресса очевидно указывают на то, что в мире намечается очередная промышленная революция. Согласно концепции Четвертой промышленной революции в ближайшем будущем произойдет объединение виртуального (цифрового) мира с физическим.

Набирающий обороты очередной промышленный переворот стимулирует разработку новых технологий и бизнес-моделей, радикально трансформирующих не только промышленность, но и общество в целом, которые столкнутся с новыми неопределенностями. Как следует из доклада ВЭФ «Готовность к будущему производству. 2018», российская обрабатывающая промышленность устаревает и не готова к будущей конкуренции с ведущими экономиками мира.

Если промышленная революция XVIII-XIX веков позволила целому ряду стран добиться высоких темпов экономического роста и обеспечила им планетарное лидерство на десятилетия вперед, то Четвертая промышленная революция дает России шанс на реализацию своего потенциала.

В статье исследована динамика добавленной стоимости, созданной в промышленности (включая строительство), мировых лидеров, членов ОЭСР, Европейского союза и мира в целом; доля обрабатывающей промышленности в мировом ВВП, в текущих и постоянных ценах; доля цифровой экономики в некоторых странах мира; представлена карта оценок производственного потенциала стран по версии Всемирного экономического форума, на основе чего была определена готовность к будущему производству в 2018 г. некоторых стран мира.

Ключевые слова: промышленное производство, промышленность, обрабатывающая промышленность, Четвертая промышленная революция, цифровая экономика.

Ссылка для цитирования: Лыгина Н. И., Рудакова О. В. Обрабатывающая промышленность в эпоху четвертой индустриальной революции // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2018. Т. 8, № 3 (28). С. 8–17.

Объем промышленного производства представляет собой один из основных показателей, характеризующих уровень социально-экономического развития страны, ее позиции в мировой экономике, уровень ее конкурентоспособности. В предисловии к Докладу о промышленном развитии в 2016 г. отмечается, что «...индустриализация невозможна без технологии и инноваций, а без индустриализации невозможно развитие» [1]. Действительно, промышленность, являясь важнейшей отраслью экономики страны, оказывает определяющее влияние на

темпы ее социально-экономического развития, поскольку:

– промышленность обеспечивает прочие отрасли экономики орудиями труда и новыми материалами;

– развитие таких отраслей промышленности, как машиностроение и электроэнергетика, химическая промышленность, выступает в качестве основы инновационного развития государства;

– уровень промышленного производства определяет обороноспособность государства;

– обеспеченность населения потребительскими товарами зависит от уровня развития легкой и пищевой промышленности;

– способствует росту благосостояния населения, т. к. промышленность создает, как правило, рабочие места с более высокой оплатой труда, чем в сельскохозяйственном производстве [2; 3].

Промышленность является одной из наиболее крупных отраслей мирового хозяйства. Удельный вес занятых в промышленном производстве США составляет 8,4%, Канады – 19,6%, Франции – 20,1%, Бразилии – 22,2%, Индии – 22,4%, ЮАР – 23,9%, России – 27,2%, Китая –

29,3% [4]. Доля добавленной стоимости промышленности в мировом ВВП составляла в 2010 г. 27,4%, а в 2016 г. – 25,4%. Как следует из данных, представленных в таблице 1, в странах ОЭСР уровень индустриализации несколько меньше мирового: в 2010 г. он составлял 23,1%, а в 2016 г. – 22,5%. Высокая доля промышленного производства у Китая: в 2010 г. – 46,4%, в 2017 г. – 40,5%. Российская экономика демонстрирует показатели индустриализации, также превышающие среднемировое значение: в 2010 г. и 2017 г. уровень добавленной стоимости, созданной в промышленности, составлял 30,0%.

Таблица 1

Добавленная стоимость, созданная в промышленности (включая строительство), % от ВВП [5]

Страна	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Австралия	25,1	26,3	26,2	25,0	25,4	23,5	22,3	23,0
Бразилия	23,3	23,1	22,1	21,2	20,5	19,4	18,3	18,5
Великобритания	18,0	18,1	17,9	18,2	17,8	17,8	18,0	18,6
Индия	30,1	30,2	29,4	28,4	27,7	27,2	26,6	26,2
Канада	26,7	27,5	27,9	27,0	27,5	нет данных	нет данных	нет данных
Китай	46,4	46,4	45,3	44,0	43,1	40,9	39,9	40,5
Россия	30,0	29,3	29,3	28,2	27,9	29,8	29,3	30,0
США	19,8	20,0	19,9	20,1	20,2	19,4	18,9	нет данных
Турция	24,6	26,9	26,8	27,7	28,2	27,9	28,2	29,2
Финляндия	26,2	25,0	23,3	23,3	23,1	23,3	23,4	24,0
Франция	17,8	18,0	17,9	18,0	17,7	17,7	17,6	17,4
Швейцария	25,6	26,0	25,7	25,5	25,2	25,1	25,0	25,2
Япония	28,4	26,9	26,7	26,9	27,7	28,9	29,3	нет данных
Члены ОЭСР	23,1	23,2	23,0	22,9	23,0	22,7	22,5	нет данных
Европейский союз	22,4	22,4	22,2	21,9	21,8	22,0	22,0	21,9
Мир	27,4	27,5	27,1	26,8	26,6	25,8	25,4	нет данных

Промышленность включает две основные отрасли – добывающую и обрабатывающую. Добывающая промышленность объединяет отрасли, связанные с добычей и обогащением рудного и не-

рудного сырья, добычей морского зверя и рыбы, а также других морских продуктов. Обрабатывающая промышленность объединяет предприятия по переработке продукции добывающей промышленно-

сти, продукции сельского хозяйства, лесного и иного сырья. Углубление общественного разделения труда привело к возникновению множества подотраслей и видов производств, образующих в своей совокупности отраслевую структуру промышленности. Для современной промышленности характерна высокая степень специализации. Промышленная отрасль сегодня состоит из ряда самостоятельных отраслей производства, каждая из которых включает большую группу родственных предприятий и производственных объединений.

Следует отметить, что обрабатывающая промышленность сегодня является основой промышленного производства. В развитых экономиках доля обрабатывающей промышленности в общем объеме промышленного производства

колеблется около 90%. По данным Аналитического центра при Правительстве РФ, в России на долю обрабатывающих производств приходится 2/3 выпуска промышленной продукции. В 2009 г. в обрабатывающей промышленности было занято 470 млн чел., т. е. каждый шестой работающий человек в мире. В 2013 г. в промышленном производстве было задействовано уже более 500 млн чел. [6]. Как следует из Отчета о промышленном развитии в 2016 г., представленном ЮНИДО, доля обрабатывающей промышленности в мировом ВВП в долларах с постоянным паритетом покупательной способности (ППС в долларах США), рассчитанная с использованием разных отраслевых коэффициентов пересчета (рис. 1), не претерпела значительных изменений [7].

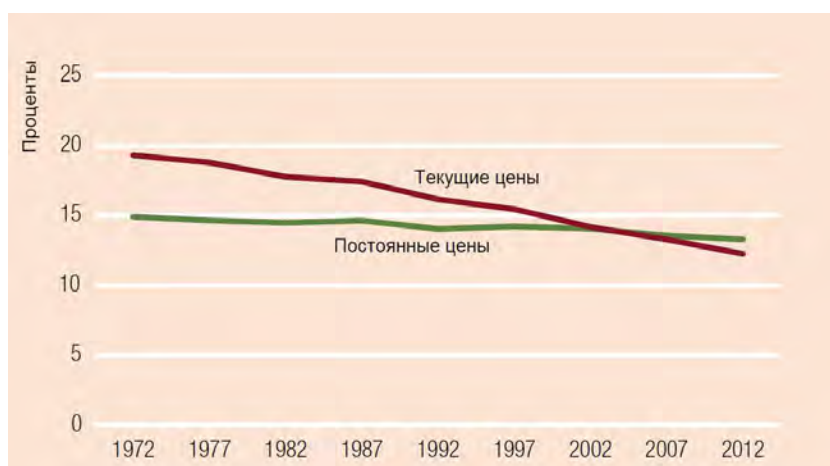

Рис. 1. Доля обрабатывающей промышленности в мировом ВВП, в текущих и постоянных ценах, 1972–2012 гг. [7]

В экономической литературе приводится целый ряд аргументов в поддержку положения о том, что обрабатывающая промышленность представляет собой основной двигатель экономического роста. В этой связи один из самых весомых аргументов был предложен Н. Калдором в 1960-х гг. По его мнению, от других отраслей экономики обрабатывающую промышленность отличает способность приносить динамично растущие доходы и обеспечивать большую производительность труда благодаря увеличению объе-

мов производства [8]. Современные тенденции мирового развития приводят некоторых наблюдателей к ошибочному мнению о том, что обрабатывающая промышленность утрачивает свою роль ключевой отрасли экономики. Подобный вывод опирается на анализ динамики номинального показателя добавленной стоимости обрабатывающей промышленности, рассматриваемого как доля номинального ВВП. И такой вывод может быть оправдан только с точки зрения производства. Однако с позиции потре-

бителя обрабатывающая промышленность и сегодня выступает в роли основного поставщика товаров [9].

Промышленность прошла долгий и сложный путь развития. И сегодня темпы научно-технического прогресса, очевидно, указывают на то, что в мире намечается очередная промышленная революция. Промышленная революция (industrial revolution) предполагает революционные изменения в орудиях и в организации производства, ведущие трансформации общественного устройства. Если Первая промышленная революция (конец XVIII – начало XIX в.) означала переход от преимущественно аграрного производства к промышленному, то Вторая (вторая половина XIX – начало XX в.) – глубинную трансформацию самого промышленного производства, связанную с изобретением электрической энергии и последовавшим затем поточным производством и разделением труда. Политическое и социальное устройство оказалось полностью подчинено новой индустриальной реальности менее чем за два столетия. Сегодня общество живет в эпоху Третьей промышленной революции (конец XX в.) и стоит на пороге Четвертой (термин введен в 2011 г.). Итогом Третьей промышленной революции стали автоматизация производства и широкое использование робототехники, основанные на цифровизации и применении информационно-коммуникационных технологий. Человечество все еще пытается оценить влияние цифровых технологий на общество. Согласно концепции Четвертой промышленной революции в ближайшем будущем произойдет объединение виртуального (цифрового) мира с физическим. В отличие от первых двух революций, когда происходила индустриализация физического труда, две последние обеспечивают индустриализацию умственного труда, за счет массовой передачи компьютерам творческих функций человека и их широкое внедрение в сферу интеллектуального труда.

Четвертая промышленная революция (Индустрия 4.0) представляет собой исключительно сложное и системное явление. Индустрия 4.0 означает ускоренную интеграцию в заводские процессы киберфизических систем. Новый тип промышленного производства потребует формирования нового типа общественного устройства. Суперинтеллектуальное общество (Общество 5.0) – это ступень, следующая за информационным обществом. Общество 5.0 представляет собой оптимизацию ресурсов не одного человека, а социума в целом через интеграцию физического и киберпространства [10]. Если Индустрия 4.0 предполагает внедрение цифровых технологий в промышленное производство, то в Обществе 5.0 ими будут охвачены все сферы жизнедеятельности.

О решающей фазе цифровой революции говорит факт подключения к Интернету в 2017 г. каждого второго жителя Земли. Признанными лидерами по развитию цифровой экономики являются государства Евросоюза и азиатские страны. Доля цифровой экономики в некоторых странах мира представлена на рисунке 2. Удельный вес цифровой экономики в России в 2015 г. составил 3,9%, что существенно выше показателя 2011 г. (2,6%), но в 2–2,5 раза меньше, чем у лидеров цифровизации. Согласно докладу The Boston Consulting Group, Россия занимает 39 место по уровню цифровизации экономики [11]. Значение Индекса цифровизации экономики (BCG e-Intensity) для нашей страны составило 113. Лидерами рейтинга стали Дания (213), Люксембург (212), Швеция (208), Южная Корея (205), Нидерланды (198). По мнению экспертов, становление информационного общества в США произойдет к 2020 г., в Японии и странах Западной Европы – к 2030–2040 гг., в России и других странах СНГ – к 2050 г. Пик развития информационного общества придется на XXI век и в этом же веке начнется переход к постинформационному обществу.

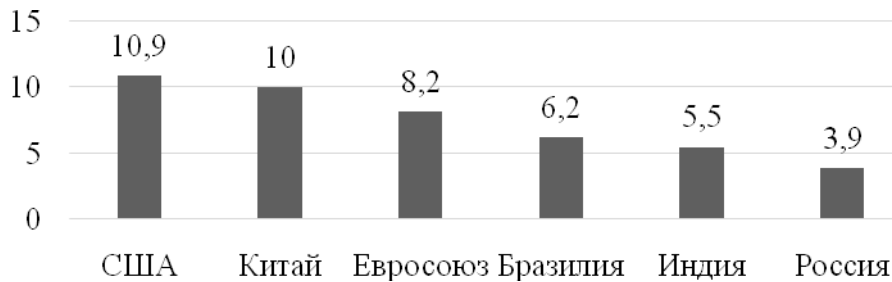

Рис. 2. Доля цифровой экономики в некоторых странах мира [12]

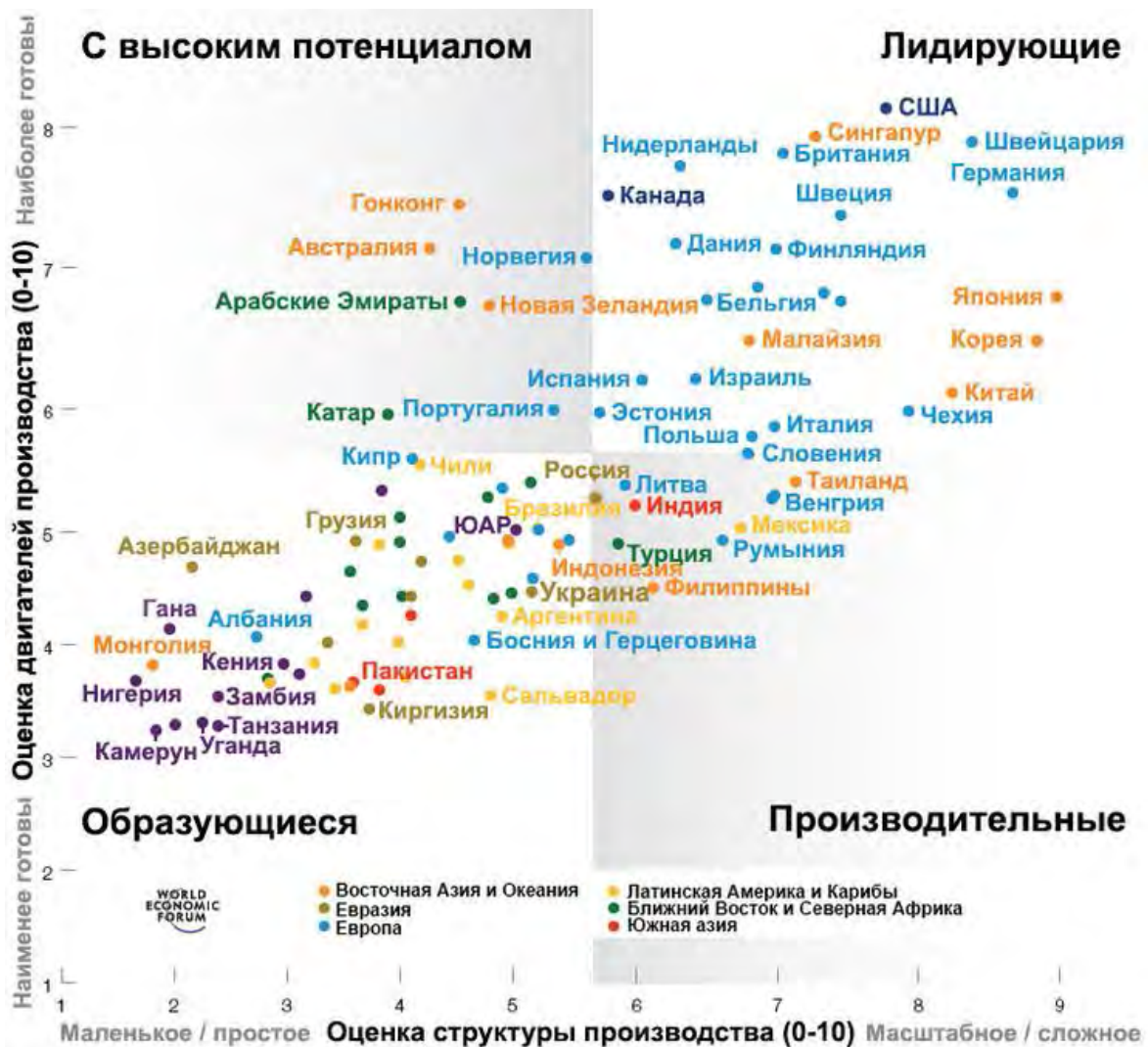

Рис. 3. Карта оценок производственного потенциала стран по версии Всемирного экономического форума [14]

Набирающий обороты очередной промышленный переворот стимулирует разработку новых технологий и бизнес-моделей, радикально трансформирующих не только промышленность, но и общество в целом, которые столкнутся с новыми неопределенностями. В докладе

«Готовность к будущему производства. 2018» ВЭФ оценивает 100 стран по степени готовности к будущему в свете Четвертой промышленной революции, кардинально преобразующей производственные процессы в обрабатывающей промышленности [13; 14]. Оценка обра-

батывающей промышленности (далее – промышленности) проводится на основании двух индексов: структуры производства, отражающей сложность и масштаб современной производственной базы, и драйверов производства, учитывающих уровень развития человеческого капитала, технологий и инноваций, институциональной структуры, участия в глобализационных процессах. В соответствии с полученными результатами страны разделились на четыре группы (рис. 3).

Первую группу представляют страны-лидеры – 25 государств с развитой промышленной базой, имеющие потенциал роста в будущем (страны Европы, Канада, Китай, Израиль, Япония, Республика Корея, Малайзия, Сингапур и США). Следует отметить, что ни одна страна не достигла рубежа готовности к

будущим переменам (табл. 2). Например, Япония стала лидером по структуре производства (8,99 баллов из 10), а пальму первенства по драйверам развития получили США (8,16 баллов). Вторую группу образовали страны с предыдущим технологическим укладом, обладающие хорошей производственной базой, но недостаточным потенциалом (Таиланд, Венгрия, Мексика, Индия, Литва, Турция, Россия и др.). Третью группу образуют страны, располагающие хорошим потенциалом развития технологий при относительно небогатой производственной базе (Австралия, Норвегия, Португалия, Катар и др.). В четвертой группе объединены страны, не имеющие ни обширной производственной базы, ни серьезных драйверов роста (Грузия, Албания, Монголия, Пакистан и др.).

Таблица 2

Готовность к будущему производства в 2018 г. некоторых стран мира, по версии Всемирного экономического форума [13]

Страна	Структура производства		Драйверы производства	
	баллы	ранг	баллы	ранг
Технологические лидеры				
Япония	8,99	1	6,82	16
Южная Корея	8,85	2	6,51	21
Германия	8,63	3	7,56	6
США	7,78	7	8,16	1
Страны предыдущего технологического уклада				
Таиланд	7,13	12	5,45	35
Словакия	6,98	16	5,33	40
Венгрия	6,96	17	5,30	42
Мексика	6,74	22	5,04	46
Индия	5,99	30	5,24	44
Литва	5,92	31	5,42	37
Турция	5,87	32	4,90	57
Россия	5,71	35	5,30	43
Страны с высоким потенциалом развития технологий				
Норвегия	5,65	36	7,07	13
Португалия	5,36	39	5,99	28
Новая Зеландия	4,79	53	6,73	20
Образующиеся страны				
Грузия	3,61	79	4,92	54
Нигерия	1,66	100	3,68	88
Камерун	1,84	98	3,24	100

Российская же обрабатывающая промышленность устаревает и не готова к будущей конкуренции с ведущими экономиками мира. Как следует из представленных в таблице 2 данных, Россия заняла 35 место по структуре производства (5,71 из 10) и 43 место по драйверам производства (5,3 балла). Как отмечают эксперты ИКСИ, Россию выделяют в большей степени масштабы промышленного производств, чем его сложность. Так, по доле обрабатывающей промышленности в ВВП страны Россия опережает США, Великобританию и Францию (рис. 4, а).

Однако по доле технологичных и высокотехнологичных отраслей в добавленной стоимости обрабатывающей промышленности Россия находится позади крупнейших экономик мира (рис. 4, б). Для сравнения: Россия – 25,6%, Германия – 61,4%, Япония – 55,3%, Китай – 41,4% [15]. Крайне тревожным является и тот факт, что по индексу драйверов роста промышленного производства наша страна расположилась только на 43 месте в рейтинге. Такие позиции свидетельствуют о том, что потенциал данного сектора российской экономики крайне низок.

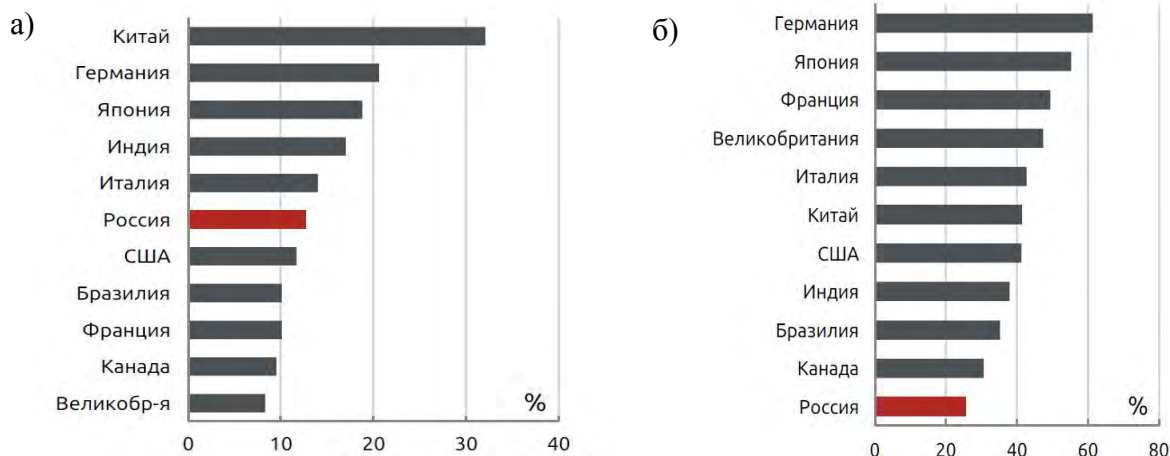

Рис. 4. Доля обрабатывающей промышленности в ВВП в некоторых странах (%) (а) и доля технологичных и высокотехнологичных отраслей в добавленной стоимости обрабатывающей промышленности (%) (б)

Среди причин низкой готовности отечественной промышленности к будущим вызовам в институциональной среде следует назвать высокий уровень коррупции (89 место из 100) и низкую эффективность государственного регулирования (82 место). В сфере устойчивого развития такими причинами являются: высокий уровень выбросов CO₂ на единицу ВВП (85 место) и низкую долю атомной и альтернативной энергетики в энергетическом балансе (74 место). В сфере международной торговли, инвестиций и инфраструктуры основным дестабилизатором является невысокое качество логистических услуг (84 место). В сфере развития технологий и инноваций традиционно «слабыми местами» россий-

ской промышленности являются: низкий уровень расходов на исследования и разработки (61 место), объемы внедрения бизнесом новых технологий (62 место) и привлечение иностранных инвестиций (87 место). Традиционными преимуществами России являются: высокий уровень развития человеческого капитала и значительный внутренний рынок, однако и в этих направлениях у России слабые драйверы роста. Наилучшее положение России в рейтинге ВЭФ (6 место) наблюдается по показателю объема внутреннего рынка [11].

Технологии Индустрии 4.0 уже сегодня преобразуют промышленное производство во всем мире. Полномасштабное внедрение этих технологий может ока-

зять в будущем эффект на производительность и рынок труда, сравнимый с промышленными революциями прошлого. И если промышленная революция XVIII–XIX вв. позволила целому ряду стран добиться высоких темпов экономического роста и обеспечила им планетарное лидерство на десятилетия вперед, то Четвертая промышленная революция дает России шанс на реализацию своего потенциала.

Список литературы

1. Industrial Development Report 2016. The Role of Technology and Innovation in Inclusive and Sustainable Industrial Development [Electronic resource] // United nations industrial development organization. URL: https://www.unido.org/sites/default/files/2015-12/EBOOK_IDR2016_FULL-REPORT_0.pdf (дата обращения: 20.05.2018).
2. Сибирская Е. В., Соболева Ю. П. Стратегия развития интеграции в промышленности // Региональная экономика: теория и практика. 2008. № 1. С. 19–26.
3. Соболева Ю. П. Управление производственной кооперацией в промышленности на основе развития субконтрактной системы организации производства: монография. СПб.: Инфо-да, 2007. 156 с.
4. Бюллетень о текущих тенденциях российской экономики. Динамика промышленного производства: региональные различия. 2017 [Электронный ресурс] // Аналитический центр при Правительстве РФ. URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/13824.pdf> (дата обращения: 20.05.2018).
5. World Development Indicators [Electronic resource] // The World Bank. URL: <http://databank.worldbank.org/data/indicator/NY.GDP.PCAP.CD/1ff4a498/Popular-Indicators#> (дата обращения: 20.05.2018).
6. Industrial Development Report 2013. Sustaining Employment Growth: The Role of Manufacturing and Structural Change [Electronic resource] // UNIDO. URL: https://www.unido.org/sites/default/files/2013-12/UNIDO_IDR_2013_main_report_0.pdf (дата обращения: 20.05.2018).
7. Отчет о промышленном развитии – 2016. Роль технологий и инноваций во всеохватывающем и устойчивом промышленном развитии [Электронный ресурс]: [обзор] // UNIDO. URL: https://www.unido.org/sites/default/files/2015-12/EBOOK_IDR2016_OVERVIEW_RUSSIAN_0.pdf (дата обращения: 20.05.2018).
8. Отчет о промышленном развитии – 2013. Устойчивый рост занятости: роль обрабатывающей промышленности и структурных изменений [Электронный ресурс]: [обзор] // UNIDO. URL: https://www.unido.org/sites/default/files/2014-04/IDR_2013_OVERVIEW_RUSSIAN_EBOOK_0.pdf (дата обращения: 20.05.2018).
9. Отчет о промышленном развитии – 2018. Спрос на продукцию обрабатывающей промышленности: фактор всеохватывающего и устойчивого промышленного развития [Электронный ресурс]: [обзор] // UNIDO. URL: https://www.unido.org/sites/default/files/files/2017-11/IDR2018_OVERVIEW_RUSSIAN.pdf (дата обращения: 20.05.2018).
10. Норицугу У. Общество 5.0: взгляд Mitsubishi Electric [Электронный ресурс] // Mitsubishi electric. URL: <https://www.mitsubishielectric.ru/upload/iblock/53f/53f2560073cbe2fccf6bb878481c9d0c.pdf> (дата обращения: 20.05.2018).
11. Россия онлайн? Догнать нельзя отстать [Электронный ресурс] // Boston Consulting Group. URL: http://image-src.bcg.com/Images/BCG-Russia-Online_tcm27-152058.pdf (дата обращения: 20.05.2018).
12. Цифровая Россия: новая реальность [Электронный ресурс] // McKinsey & Company. URL: https://www.mckinsey.com/ru/~/_/media/McKinsey/Locations/Europe%20and%20Middle%20East/Russia/Our%20Insights/Digital%20Russia/Digital-Russia-report.ashx (дата обращения: 20.05.2018).
13. Закиянов Д. К будущему не готовы: ВЭФ оценил производственный

потенциал Украины [Электронный ресурс] // MIND. URL: <https://mind.ua/ru/publications/20180876-k-budushchemu-negotovy-vef-ocenil-proizvodstvennyj-potencial-ukrainy> (дата обращения: 20.05.2018).

14. Insight Report. Readiness for the Future of Production Report 2018 [Electronic resource] // World economic forum. – URL: <http://www3.weforum.org/docs/>

FOP_Readiness_Report_2018.pdf (дата обращения: 20.05.2018).

15. Вызовы для промышленности и экономическая политика Правительства РФ [Электронный ресурс] // ИКСИ. URL: <https://icss.ru/ekonomicheskaya-politika/denezhno-kreditnaya-politika/vyizovy-dlya-promyshlennosti-i-ekonomicheskaya-politika-pravitelstva-rf> (дата обращения: 20.05.2018).

Поступила в редакцию 10.07.18

UDC 33

N. I. Lygina, Doctor of Economic Sciences, Professor, Orel State University of Economics and Trade (Orel, Russia) (e-mail: lyginani@mail.ru)

O. V. Rudakova, Doctor of Economic Sciences, Professor, Orel Branch of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Orel, Russia) (e-mail: rudakova71@yandex.ru)

INDUSTRIALIZING INDUSTRY IN THE EPOCH OF THE FOURTH INDUSTRIAL REVOLUTION

The volume of industrial production is one of the main indicators characterizing the level of social and economic development of the country. The processing industry acts as the basis of industrial production: if in Russia it accounts for 2/3 of the total output, in the developed sector it is about 90%.

The industry has passed a long and complex path of development. And today the pace of scientific and technical progress clearly indicates that another industrial revolution is being planned in the world. According to the concept of the Fourth Industrial Revolution, the virtual (digital) world will be merged with the physical world in the near future.

The next industrial revolution, which is gaining momentum, stimulates the development of new technologies and business models that radically transform not only the industry, but the society as a whole, which will face new uncertainties. As follows from the report of the WEF "Readiness for the future of production. 2018" the Russian manufacturing industry is becoming obsolete and not ready for future competition with the world's leading economies.

If the industrial revolution of the 18th and 19th centuries allowed a number of countries to achieve high rates of economic growth and ensured them a planetary leadership for decades ahead, the Fourth Industrial Revolution gives Russia a chance to realize its potential.

In article dynamics of the value added created in the industry (including a construction), world leaders, members of OECD, the European Union and the world in general is researched; share of processing industry in world GDP, in the current and stable prices; share of digital economy in some countries of the world; the card of estimates of potential production of the countries according to the World Economic Forum is provided, on a basis of what readiness for the future of production in 2018 of some countries of the world was determined.

Key words: industrial production, industry, manufacturing, Fourth industrial revolution, digital economy.

For citation: Lygina N. I., Rudakova O. V. Industrializing industry in the epoch of the fourth industrial revolution. Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management, 2018, vol. 8, no. 3 (28), pp. 8–17 (in Russ.).

References

1. Industrial Development Report 2016. The Role of Technology and Innovation in Inclusive and Sustainable Industrial Development. United nations industrial development organization. URL: https://www.unido.org/sites/default/files/2015-12/EBOOK_IDR2016_FULLREPORT_0.pdf (accessed 20.05.2018).

2. Sibirskaya E. V., Soboleva Yu. P. Strategiya razvitiya integracii v promyshlennosti. Regional'naya ehkonomika: teoriya i praktika, 2008, no. 1, pp. 19–26.

3. Soboleva Yu. P. Upravlenie proizvodstvennoj kooperaciej v promyshlennosti na osnove razvitiya subkontraktnoj sistemy organizacii proizvodstva. St. Petersburg, Info-da, 2007. 156 p.
4. Byulleten' o tekushchih tendenciyah rossijskoj ehkonomiki. Dinamika promyshlennogo proizvodstva: regional'nye razlichiya. 2017. Analiticheskij centr pri Pravitel'stve RF. URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/13824.pdf> (accessed 20.05.2018).
5. World Development Indicators. The World Bank. URL: <http://databank.worldbank.org/data/indicator/NY.GDP.PCAP.CD/1ff4a498/Popular-Indicators#> (accessed 20.05.2018).
6. Industrial Development Report 2013. Sustaining Employment Growth: The Role of Manufacturing and Structural Change. UNIDO. URL: https://www.unido.org/sites/default/files/2013-12/UNIDO_IDR_2013_main_report_0.pdf (accessed 20.05.2018).
7. Otchet o promyshlennom razvitii – 2016. Rol' tekhnologij i innovacij vo vseohvatyvayushchem i ustojchivom promyshlennom razvitii. UNIDO. URL: https://www.unido.org/sites/default/files/2015-12/EBOOK_IDR2016_OVERVIEW_RUSSIAN_0.pdf (accessed 20.05.2018).
8. Otchet o promyshlennom razvitii – 2013. Ustojchivyj rost zanyatosti: rol' obrabatyvayushchej promyshlennosti i strukturnyh izmenenij. UNIDO. URL: https://www.unido.org/sites/default/files/2014-04/IDR_2013_OVERVIEW_RUSSIAN_EBOOK_0.pdf (accessed 20.05.2018).
9. Otchet o promyshlennom razvitii – 2018. Spros na produkciju obrabatyvayushchej promyshlennosti: faktor vseohvatyvayushchego i ustojchivogo promyshlennogo razvitiya. UNIDO. URL: https://www.unido.org/sites/default/files/files/2017-11/IDR2018_OVERVIEW_RUSSIAN.pdf (accessed 20.05.2018).
10. Noricugu U. Obshchestvo 5.0: vzglyad Mitsubishi Electric. Mitsubishi Electric. URL: <https://www.mitsubishielectric.ru/upload/iblock/53f/53f2560073cbe2fccf6bb878481c9d0c.pdf> (accessed 20.05.2018).
11. Rossiya onlajn? Dognat' nel'zya otstat'. Boston Consulting Group. URL: http://image-src.bcg.com/Images/BCG-Russia-Online_tcm27-152058.pdf (accessed 20.05.2018).
12. Cifrovaya Rossiya: novaya real'nost'. McKinsey & Company. URL: https://www.mckinsey.com/ru/~/_media/McKinsey/Locations/Europe%20and%20Middle%20East/Russia/Our%20Insights/Digital%20Russia/Digital-Russia-report.ashx (accessed 20.05.2018).
13. Zakiyanov D. K budushchemu ne gotovy: VEHF ocenil proizvodstvennyj potencial Ukrainy. MIND. URL: <https://mind.ua/ru/publications/20180876-k-budushchemu-negotovy-vef-ocenil-proizvodstvennyj-potencial-ukrainy> (accessed 20.05.2018).
14. Insight Report. Readiness for the Future of Production Report 2018. World economic forum. URL: http://www3.weforum.org/docs/FOP_Readiness_Report_2018.pdf (accessed 20.05.2018).
15. Vyzovy dlya promyshlennosti i ehkonomicheskaya politika Pravitel'stva RF. IKSI. URL: <https://icss.ru/ekonomicheskaya-politika/denezhno-kreditnaya-politika/vyizovy-dlya-promyshlennosti-i-ekonomicheskaya-politika-pravitelstva-rf> (accessed 20.05.2018).

УДК 332.1

С. Р. Егоров, аспирант, ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина» (Тамбов, Россия) (e-mail: econom@tsutmb.ru)

Е. К. Карпунина, д-р экон. наук, профессор, ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина» (Тамбов, Россия) (e-mail: egenkak@mail.ru)

Я. Ю. Радюкова, канд. экон. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина» (Тамбов, Россия) (e-mail: radyukova@mail.ru)

МОДЕРНИЗАЦИЯ МЕХАНИЗМА ФОРМИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ: ОТ ДОТАЦИОННОСТИ К САМОРАЗВИТИЮ

Одной из наиболее значимых проблем российской экономики, требующих решения, является высокая дифференциация регионов по уровню социально-экономического развития и их значительное различие в степени экономической зависимости от федерального центра. В настоящее время лишь несколько субъектов Федерации являются крупными донорами федерального бюджета, остальные же находятся в статусе реципиентов либо получают бюджетную поддержку. В целях обеспечения возможностей для равного потенциального роста всех субъектов Российской Федерации необходима модернизация механизма формирования и реализации региональной политики, направленная на обеспечение саморазвития дотационных регионов. В статье раскрыты основные компоненты саморазвития региона, такие как: эффективность использования региональных факторов; финансовые стимулы и рычаги, способствующие росту производства и повышению доходов хозяйствующих субъектов в регионе; реализация человеческого потенциала на основе активизации творческих способностей, инициативы, саморазвития личности; развитие экономических отношений региона с другими территориальными системами. Обосновано, что действенными инструментами обеспечения трансформации дотационных регионов в саморазвивающиеся является модернизация региональной политики с учетом свойств неравновесности региональных хозяйственных систем, что становится возможным за счет включения блока случайного выбора в механизм формирования и реализации региональной политики. Предложено включение блока проектного управления в механизм реализации региональной политики саморазвития, который адаптируется для каждого вида регионального проекта и обеспечивает удобство каждому руководителю и членам его команды. Кроме того, в статье отражены предложенные авторами направления региональной политики перехода дотационных регионов в саморазвивающиеся, среди которых особая роль принадлежит реиндустриализации имеющегося регионального хозяйственного комплекса в соответствии с принципами инноватизации и информатизации, а также интенсификации развития человеческого потенциала в регионе.

Ключевые слова: регион, региональная социально-экономическая политика, саморазвитие, неравновесные системы.

Ссылка для цитирования: Егоров С. Р., Карпунина Е. К., Радюкова Я. Ю. Модернизация механизма формирования и реализации региональной социально-экономической политики: от дотационности к саморазвитию // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2018. Т. 8, № 3 (28). С. 18–27.

Динамичное территориальное развитие является важнейшим условием стабильного существования любого государства. Каждая отдельная территориальная единица вносит свою лепту в общее дело становления сильного государства, конкурируя между собой по уровню развития ресурсной базы, инфраструктурных объектов, уровню и качеству жизни населения.

Тем не менее, несмотря на стремление отдельных территорий к улучшению своего социально-экономического положения, в силу различных причин, будь то

неразвитый ресурсный потенциал региона, наличие объективных ограничений роста в связи с географическим положением, удаленностью региона от инфраструктурных развязок либо неэффективность мер реализуемой государственной политики, создается ситуация высокой степени дифференциации регионов по уровню их развития. Одни территориальные единицы становятся явными лидерами, демонстрируя высокие темпы экономического роста, а другие – аутсайдерами, находящимися в непрерывном поиске инструментов и методов своего перспектив-

ного развития и непосредственно зависящих от помощи федерального центра.

Таким образом, в целях обеспечения комплексного и динамичного социально-экономического развития национального хозяйства очевидна необходимость пересмотра механизма формирования и реализации политики развития территорий, способного обеспечить трансформацию регионов-аутсайдеров в саморазвивающиеся.

В научных источниках понятие «регион» раскрывается как система взаимосвязанных элементов: комплекса природных ресурсов, сложившейся материально-технической базы и производственной и социальной инфраструктур. При этом как экономической категории «региону» свойственно целенаправленное движение вперед, формирование новых структурных элементов, т. е. развитие [1; 2].

Для российских условий хозяйствования наиболее приемлемой типологией регионов в зависимости от уровня социально-экономического развития является типология, основанная на выделении регионов-реципиентов (кризисных, отсталых и депрессивных) и регионов-доноров [3; 4].

В ситуации, когда объема собственных средств для реализации территориальных программ, а также решения значимых проблем регионального масштаба оказывается недостаточно, регион будет отнесен к категории дотационных, т. е. получающих денежные средства из федерального бюджета государства на безвозвратной и безвозмездной основе.

В соответствии с методикой распределения дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации (утв. постановлением Правительства РФ от 22 ноября 2004 г. № 670) дотация на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов РФ рассчитывается на основе соотношения индексов налогового потенциала (представляет собой относительную оценку налоговых доходов консолидированного

бюджета субъекта РФ, определяемую с учетом уровня развития и структуры налоговой базы региона) и бюджетных расходов исходя из необходимости достижения минимального уровня расчетной бюджетной обеспеченности субъекта Федерации [5].

По данным официальной статистики в 2017–2018 гг. только 12 регионов России признаны регионами-донорами и не получают дотации из федерального бюджета (Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий и Ненецкий автономные округа, Тюменская, Самарская, Сахалинская, Свердловская, Московская и Ленинградская области, Татарстан, г. Москва, г. Санкт-Петербург). За последние шесть лет общий объем дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности демонстрирует уверенную тенденцию роста в среднем 5% в год (к 2015 г. он вырос на 10,9%, к 2017 г. объем дотаций вырос на 20%) [6]. По итогам 2017 г. размер дотаций, направленных регионам России, вырос примерно на 13% и составил более 1,5 трлн рублей [7]. К числу высокодотационных регионов с максимальной долей зависимости от федеральных трансфертов (более 40% в доходах их бюджетов) относятся: Республика Дагестан, Республика Якутия, Камчатский край, Алтайский край, Чеченская Республика, Республика Крым.

Закономерности и тенденции развития дотационных регионов характеризуются общими чертами, касающимися формирования и расходования бюджетных средств, инвестиционной привлекательности и уровня доходов населения.

Как правило, в развитии всех дотационных регионов можно выделить общие характеристики: их бюджетам свойственно замедление темпов роста собственных доходов, налогооблагаемая база демонстрирует исчерпание источников роста, бюджету свойственно перманентное состояние дефицита, долговой зависимости, доминирования социальных

обязательств и общей разбалансированности.

Примерно такими же являются и основные черты инвестиционных вложений в основной капитал: им характерна тенденция падения темпов роста, поскольку имеет место стагнация производств и затухание деловой активности, исчерпание ресурсной базы ключевых предприятий региона провоцирует замедление темпов роста ВРП. Такая ситуация приводит к переориентации инвестиционных потоков в сторону конкурентоспособных регионов, имеющих бюджеты, обеспеченные высокой долей ресурса маневренности развития. Это, в свою очередь, стимулирует рост социального неравенства, безработицы, снижения качества жизни населения дотационных регионов, а также обострение социально-экономического неравенства между регионами.

Причины такого специфического положения дотационных регионов кроются в диспропорциях и проблемах структурно-ресурсного характера (как правило, имеется дефицит природных и финансовых ресурсов, в инвестициях преобладают внешние источники, имеется низкая степень инновационности производственных процессов); институционального и организационного характера (проблемы организации межбюджетного распределения ресурсов, отсутствие механизма учета специфики дотационных регионов, отсутствие возможностей оперативного выявления точек роста региональной экономики); методического характера (отсутствие встроенного механизма ситуационной корректировки региональной политики, несоответствие целей региональной политики и применяемого инструментария ее реализации).

Данная ситуация позволяет сделать предположение о том, что хозяйственные системы дотационных регионов обладают свойствами неравновесности: они имеют

склонность к перманентным изменениям под воздействием внешних импульсов; для них характерны скачкообразные трансформации во времени случайного характера; они обладают временными ограничениями в диагностировании внутренней структуры и состояния; в них наблюдаются значительные изменения параметров функционирования; у них отсутствуют механизмы блокировки, регуляции и оперативного управления [8; 9].

Таким образом, для управления дотационными регионами требуется применение особых механизмов моделирования регионального развития с учетом свойств неравновесности хозяйственных систем.

На наш взгляд, для придания региональной политике дотационных регионов характера саморазвития необходима модернизация механизма формирования социально-экономической политики и последовательная реализация ее приоритетных направлений обеспечения перехода дотационных регионов в саморазвивающиеся.

Теоретико-методическую основу концепции саморазвития региональных хозяйственных систем составляет совокупность сложившейся системы федерализма, рыночных условий хозяйствования и механизмов обеспечения воспроизводственных процессов [10].

Данная концепция определяет, что каждый регион должен удовлетворить потребности населения конкретной территории с использованием собственного экономического потенциала, налаженных внутрорегиональных, межрегиональных и международных связей и установленных отношений с федеральным центром. Другими словами, саморазвивающийся регион самостоятельно обеспечивает собственные социально-экономические потребности за счет использования ресурсно-экономического потенциала территории.

Основными компонентами саморазвития региона могут являться: эффективность использования природных, материальных, финансовых, интеллектуальных факторов региональной экономики [11]; наличие финансовых стимулов и рычагов обеспечения роста производства и повышения доходов хозяйствующих субъектов региона [12]; возможности для развития человеческого потенциала на основе реализации творческих способностей и саморазвития личности [13]; существование социально-экономических связей региона с другими территориальными системами и странами, способных удовлетворить его производственные и социальные потребности.

Саморазвитие регионов обеспечивает решение проблемы эффективного использования экономического потенциала территории и планомерного достижения экономического роста, а также оптимизации системы межбюджетных отношений в части сокращения нагрузки дотационных регионов на федеральный бюджет при одновременном увеличении вклада региона в решение задач государственной важности.

В процессе перехода дотационного региона к саморазвитию низшей целью является его самообеспечение, а высшей – достижение полной финансовой независимости региона от бюджетных дотаций федерального центра.

Следует отметить, что в случае ориентации региона на саморазвитие создаются новые возможности к повышению его социального статуса и росту научно-интеллектуального, образовательного,

духовного потенциала, что способствует улучшению качества жизни населения, обеспечению экологической безопасности и возрождению национальных традиций.

Тем не менее, несмотря на существующие ограничения в возможностях самообеспечения дотационных регионов и связанной с ними экономической зависимости от федерального центра, модернизация механизма формирования и реализации региональной социально-экономической политики с учетом свойств неравновесности хозяйственных систем для многих регионов-аутсайдеров может стать реальным выходом из сложившейся ситуации [14].

Линейная схема реализации механизма формирования региональной социально-экономической политики, которая традиционно применяется российскими регионами, включает следующие этапы: постановка целей развития региона, анализ факторов внешнего и внутреннего воздействия (угроз и возможностей), целеполагание, определение целевых показателей и критериев эффективности, разработка дифференцированного инструментария реализации приоритетных направлений региональной политики (рис. 1).

Для отражения перманентных изменений региональной хозяйственной системы под внешним воздействием факторов внешней среды и в условиях регулярного обмена со средой ее функционирования, на наш взгляд, привычная схема должна быть модернизирована следующим образом (рис. 2).

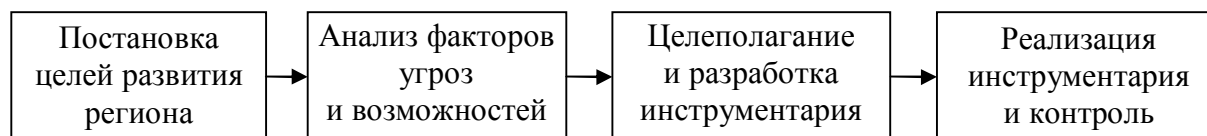

Рис. 1. Линейная схема реализации механизма формирования региональной социально-экономической политики

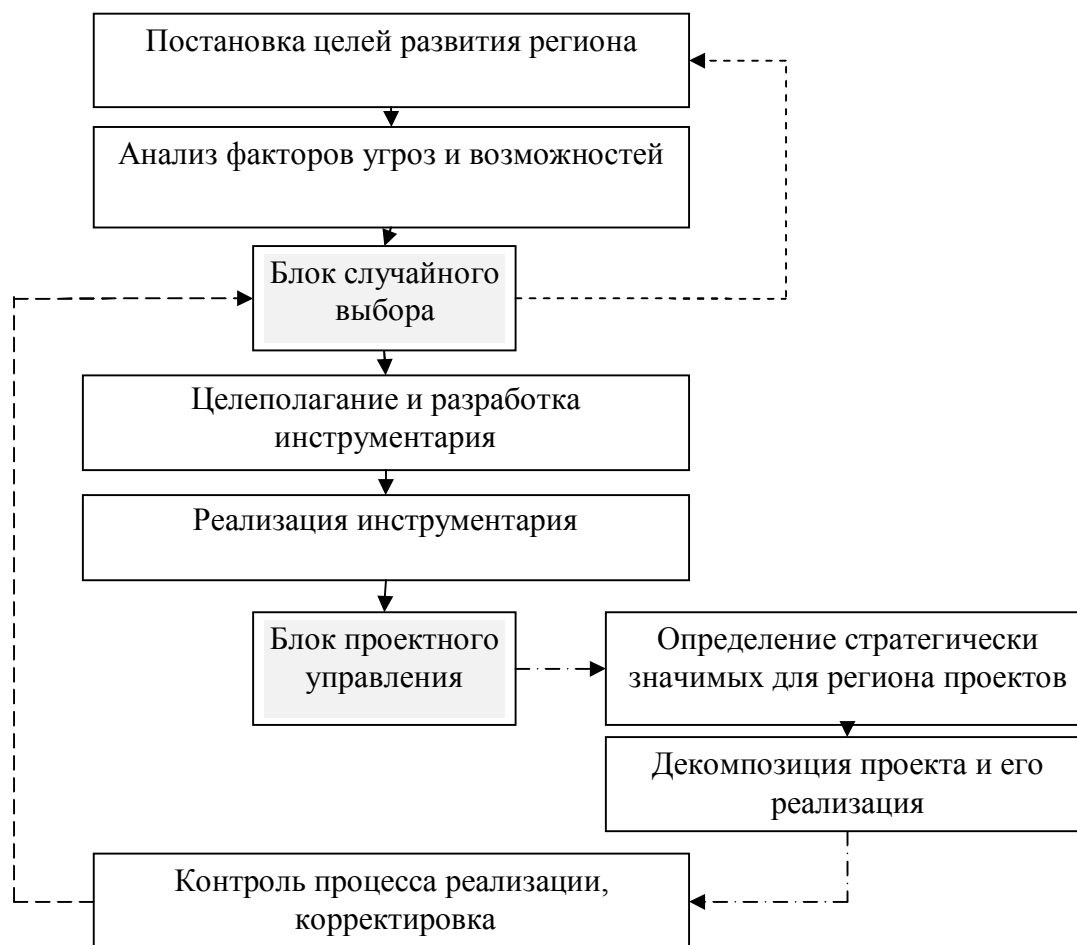

Рис. 2. Модернизированный механизм формирования и реализации региональной социально-экономической политики с учетом свойств неравновесности региональных хозяйственных систем

На этапе анализа факторов угроз и возможностей в механизм формирования и реализации региональной социально-экономической политики должен быть включен блок случайного выбора, который позволит неравновесной региональной хозяйственной системе достичь значений желаемого комплексного показателя путем гибкого управления в соответствии с заранее ранжированными по степени значимости целевыми функциями системы. Использование возможностей «блока случайного выбора» способствует повышению адаптивности хозяйственной системы и позволяет отдавать приоритет в развитии различным показателям функционирования региональной хозяйственной системы региона, прогнозировать состояние экономики региона на определенном промежутке времени, а также «вписывать» систему в эту среду любыми

показателями в любой временной точке в будущем.

Элементом модернизации механизма формирования и реализации региональной социально-экономической политики дотационного региона, по нашему мнению, является введение блока проектного управления, который адаптируется для каждого вида регионального проекта и обеспечивает удобство каждому руководителю и членам его команды.

Хозяйственная практика подтверждает, что принципы проектного управления успешно применяются в процессе государственного управления в зарубежных странах, показывают высокую эффективность реализации проектов в сравнении с наиболее распространенным программно-целевым подходом, а также способствуют оптимизации работы хозяйственной системы с целью экономии

ресурсов в сочетании с гибкостью и управляемостью.

Суть проектного управления сводится к возможности определения и оценки вклада каждого участника, эффективности его работы и оптимизации управленческих процессов. Так, если итогом реализации программы должны стать какие-либо последствия для социально-экономической системы, то проект предполагает достижение конкретного четко определенного результата (например, создание конечного продукта или услуги, которые можно измерить в количественных показателях).

Тем не менее не существует идеальной системы управления проектами, подходящей для всех видов проектов и удобной для всех исполнителей. Действенным и результативным способом реализации любого регионального проекта при линейном управлении является его разбиение на фазы (инициации, планирования, разработки, реализации и тестирования, мониторинга и завершения) или отдельные конкретизированные задачи. Однако в этом случае возможна ситуация недополучения результата вследствие нетолерантности используемого подхода к происходящим изменениям.

В связи с этим в настоящее время наиболее эффективными становятся гибкие итеративно-инкрементальные методы к управлению региональными проектами, когда основной проект разбивается на ряд так называемых подпроектов. В этом случае инициация и верхнеуровневое планирование реализуются применительно ко всему проекту, тогда как отдельные этапы разработки и тестирования осуществляются в размере каждого конкретного подпроекта, что формирует благоприятные условия для внесения оперативных изменений в «головной» проект, обеспечивая экономию затрат на реализацию остальных частей проекта.

Модернизация механизма формирования и реализации региональной социально-экономической политики с учетом свойств неравновесности хозяйственных

систем, на наш взгляд, должна включать обоснование и последовательную реализацию блока приоритетных направлений регионального развития. Безусловными приоритетами в данном аспекте, по нашему мнению, являются: реиндустриализация регионального хозяйственного комплекса в соответствии с принципами инноватизации и информатизации и интенсификация развития человеческого потенциала в регионе.

Под реиндустриализацией в научных источниках понимается процесс, сопровождаемый совершенствованием всех основных элементов производственного процесса: усложнением производственных структур; внедрением инновационных методов управления; увеличением базы технологического уровня применяемого оборудования; перманентным развитием и повышением квалификации персонала; возрастанием производительности труда и т. д.

Региональная социально-экономическая политика дотационного региона, внедряя в хозяйственную практику идеи реиндустриализации, становится ориентированной отнюдь не на создание совершенно новых знаний и генерацию инноваций, требующих значительных финансовых затрат, а на повсеместное использование имеющихся знаний и передового опыта мировой науки и техники применительно к имеющимся в регионе заделам высокотехнологичных укладов (прежде всего, в оборонном комплексе). Кроме того, к условиям и специфике отечественного промышленного и сельскохозяйственного производства следует адаптировать заимствованные прогрессивные технологии, что придаст производственной системе дотационного региона интеллектуально насыщенный характер, позволит повысить энергоэффективность производимой продукции, обеспечить экономию материалов посредством повышения их прочности и упрощения процессов обработки.

Учитывая тот факт, что уровень накопленного научно-исследовательского

потенциала в регионе определяет глубину вызовов экономического характера, побуждения к технологическим преобразованиям проявляются, как правило, в экономически неблагоприятных регионах преимущественно в периоды исчерпания источников экономического развития. Именно в этот период нестабильности возможно осуществление перехода к новой технологической системе в регионах, что может стать залогом преодоления их дотационности.

В настоящее время российская практика хозяйствования имеет примеры успешной реализации механизмов преодоления кризисных процессов и дотационности на основе создания современной региональной технологической системы, которые могут быть адаптированы и в отношении других российских регионов. Однако у каждого региона имеется своя уникальная среда хозяйствования и особые «сравнительные преимущества», которые позволяют реализовывать различные варианты технологически ориентированного регионального развития на всем экономическом пространстве страны. Такое технологическое разнообразие региональных экономических стратегий, способствующее повышению экономической самостоятельности регионов, способно сформировать основу для укрепления экономического и политического пространства страны и создать условия для повышения ее конкурентоспособности на мировых рынках.

Реиндустриализация как процесс на уровне конкретного региона раскрывается через специальные экономические инструменты реализации стратегически значимых региональных проектов. Наиболее эффективными экономическими инструментами реиндустриализации являются: рыночное стимулирование субъектов хозяйствования; применение механизмов государственно-частного партнерства; активная инвестиционно-промышленная политика. Последняя, как правило, нацелена на оптимизацию структуры и инфраструктуры региональ-

ного рынка инвестиций, совершенствование системы страховых гарантий, развитие институциональной базы инвестиционного финансирования, интеграцию инвестиционного рынка региона в международную систему инвестиционных ресурсов.

Эффективность применения экономических инструментов реиндустриализации в дотационных регионах может быть обеспечена посредством трансформации системы отношений «наука – производство – образование», в том числе через одновременное совершенствование рыночных стимулов развития крупных интегрированных структур на сетевой основе и реализацию государственных программ поддержки этого взаимодействия в длительном периоде.

Способствовать переходу дотационных регионов в саморазвивающиеся, на наш взгляд, будет интенсификация развития человеческого потенциала в регионе.

В соответствии с теорией развития человеческого капитала, обосновывающей экономическую целесообразность и выгоду вложений в человека, воспроизводство человека не только предполагает потребление более широкого и индивидуализированного круга благ и услуг, но и требует самостоятельных и целенаправленных усилий и затрат, связанных с приобретением и обновлением знаний, навыков и компетенций. Приобретенные в процессе образования знания и навыки обеспечивают дополнительную отдачу в трудовом процессе, проявляясь в более высокой результативности труда и, соответственно, оплате труда индивидов [15].

Детерминантами региональной социально-экономической политики саморазвития дотационных регионов, на наш взгляд, являются: выравнивание стартовых возможностей представителей различных социальных и доходных групп; развитие системы многоуровневого профессионального образования, интегрированного с производством и отраслевой наукой; обеспечение равного доступа ин-

дивидов к специальному профессиональному образованию, в том числе за счет расширения практики государственно-частного партнерства в этой сфере; формирование системы мотивации к обучению у представителей менее благополучных социальных групп.

Решение данной проблемы требует пересмотра взаимоотношений государства и бизнес-структур, имеющих ресурсы для социальных инвестиций и использующих прогрессивные методы хозяйствования.

Таким образом, предложенные элементы модернизации механизма формирования и реализации региональной социально-экономической политики будут способствовать переходу дотационных регионов в категорию саморазвивающихся, что, в свою очередь, обеспечит снижение дифференциации регионального развития и создаст предпосылки для устойчивого экономического роста национального хозяйства.

Список литературы

1. Гранберг А. Г. Основы региональной экономики. 2-е изд. М.: ГУ ВШЭ, 2001. 495 с.

2. Кластерная экономика и промышленная политика: теория и инструментарий / под ред. д-ра экон. наук, проф. А. В. Бабкина. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2015. 588 с.

3. Виды регионов-доноров и регионов-реципиентов. Особые экономические режимы [Электронный ресурс]. URL: <http://cito-web.yspu.org/link1/metod/met119/tema7/Ex7.3.html> (дата обращения: 06.06.2018).

4. Вертакова Ю. В., Клевцов С. М., Клевцова М. Г. Устойчивость развития территории: морфология экономического пространства // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2016. № 1 (18). С. 87–96.

5. Методика распределения дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации

[Электронный ресурс] : [утв. постановлением Правительства РФ от 22.11.2004 № 670]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_86148/ (дата обращения: 06.06.2018).

6. Крупнейшие дотации из бюджета получают Дагестан, Чечня и Камчатка [Электронный ресурс] // РБК. 2017. 11 окт. URL: <https://www.rbc.ru/economics/11/10/2017/59db751d9a794738f67da77e> (дата обращения: 06.06.2018).

7. Регионы: доноры и реципиенты – в какой «центр» уходят деньги [Электронный ресурс]. URL: [<http://polit-russia.com/ekonomika/regiony-vsyakie-nuzhny-796/>] (дата обращения: 06.06.2018).

8. Загуляев Д. Г. О квантовой сущности ситуационно-импульсного метода управления неравновесными экономическими системами // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (Новочеркасского политехнического института). Серия: Социально-экономические науки. 2011. № 2. С. 85–89.

9. Положенцева Ю. С., Вертакова Ю. В. Исследование инвестиционной привлекательности региона с целью повышения региональной конкурентоспособности // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Экономика. Информатика. 2012. № 19 (138). С. 55–60.

10. Федоляк В. С. Теоретическая модель регионального воспроизводства // Известия Саратовского университета. Серия: Экономика. Управление. Право. 2014. Т. 14, вып. 1. С. 123–127.

11. Бувальцева В. И. Устойчивость экономики региона: реализация принципов саморазвития: дис. ... д-ра экон. наук. Кемерово, 2002. 335 с.

12. Егорова Е. С. Самостоятельность бюджетов Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://upereslavl.botik.ru/economics/reports_htm (дата обращения: 06.06.2018).

13. Плотников В. А., Федотова Г. В. Индикаторы стратегического регионального планирования // Финансовая анали-

тика: проблемы и решения. 2014. № 17. С. 21–33.

14. Карпунина Е. К. Пересмотр подходов к формированию и реализации экономической политики России // Вестник Тамбовского университета. Серия:

Гуманитарные науки. 2013. Вып. 9. С. 24–28.

15. Бодрунов С. Д. Теория и практика импортозамещения: уроки и проблемы: монография. СПб.: ИНИР им. С. Ю. Витте, 2015. 171 с.

Поступила в редакцию 18.06.18

UDC 332.1

S. R. Egorov, Post-Graduate Student, Tambov State University named after G. R. Derzhavin (Tambov, Russia) (e-mail: econom@tsutmb.ru)

E. K. Karpunina, Doctor of Economic Sciences, Professor, Tambov State University named after G. R. Derzhavin (Tambov, Russia) (e-mail: egenkak@mail.ru)

Ya. Yu. Radyukova, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Tambov State University of G. R. Derzhavin (Tambov, Russia) (e-mail: radyukova@mail.ru)

MODERNIZATION OF THE MECHANISM FOR THE FORMATION AND IMPLEMENTATION OF REGIONAL SOCIAL AND ECONOMIC POLICY: FROM DOTATION TO DEMOCRACY

One of the most significant problems of the Russian economy, requiring solution, is the high differentiation of regions in terms of socio-economic development and their significant difference in the degree of economic dependence on the federal center. Currently, only a few subjects of the Federation are large donors of the federal budget, while others remain in the status of recipients or receive budgetary support. In order to provide opportunities for equal potential growth of all constituent entities of the Russian Federation, it is necessary to modernize the mechanism for the formation and implementation of regional policies aimed at ensuring the self-development of subsidized regions. The article reveals the main components of the region's self-development, such as: the effectiveness of the use of regional factors; financial incentives and levers that promote the growth of production and increase of incomes of economic entities in the region; realization of human potential on the basis of activation of creative abilities, initiative, self-development of the person; development of economic relations of the region with other territorial systems. It is substantiated that the modernization of regional policy, taking into account the nonequilibrium nature of regional economic systems, is an effective tool for ensuring the transformation of subsidized regions into self-developing ones, which is made possible through the inclusion of a random choice block in the mechanism for the formation and implementation of regional policies. The inclusion of the project management unit in the mechanism for implementing the regional self-development policy is proposed, which is adapted for each type of regional project and provides convenience to every leader and members of his team. In addition, the article reflects the directions proposed by the authors of the regional policy of transition of subsidized regions to self-developing ones, among which a special role belongs to the reindustrialization of the existing regional economic complex in accordance with the principles of innovation and informatization, as well as the intensification of human development in the region.

Key words: region, regional socio-economic policy, self-development, nonequilibrium systems.

For citation: Egorov S. R., Karpunina E. K., Radyukova Ya. Yu. Modernization of the mechanism for the formation and implementation of regional social and economic policy: from dotation to democracy. Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management, 2018, vol. 8, no. 3 (28), pp. 18–27 (in Russ.).

References

1. Granberg A. G. Osnovy regional'noj ehkonomiki. 2th ed. Moscow, GU VSHEH Publ., 2001. 495 p.

2. Klasternaya ehkonomika i promyshlennaya politika: teoriya i instrumentarij; ed.

by prof. A. V. Babkina. St. Petersburg, Politekhn. un-t Publ., 2015. 588 p.

3. Vidy regionov-donorov i regionov-recipientov. Osobyeh ehkonomicheskikh rezhimov. URL: <http://cito-web.yspu.org/link1/metod/met119/tema7/Ex7.3.html> (accessed 06.06.2018).

4. Vertakova Yu. V., Klevcov S. M., Klevcova M. G. Ustojchivost' razvitiya territorii: morfologiya ehkonomicheskogo prostanstva. Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Jekonomika. Sociologija. Menedzhment, 2016, no. 1 (18), pp. 87–96.
5. Metodika raspredeleniya dotacij na vyравnvanie byudzhetnoj obespechennosti sub"ektov Rossijskoj Federacii: [utv. postanovleniem Pravitel'stva RF ot 22.11.2004. No 670]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_86148/ (accessed 06.06.2018).
6. Krupnejšie dotacii iz byudzheta poluchat Dagestan, Chechnya i Kamchatka. RBK. 2017. 11 okt. URL: <https://www.rbc.ru/economics/11/10/2017/59db751d9a794738f67da77e> (accessed 06.06.2018).
7. Regiony: donory i recipienty – v kakoj “centr” uhodyat den'gi. URL: <http://politrus-sia.com/ekonomika/regiony-vsyakie-nuzhny-796/> (accessed 06.06.2018).
8. Zagulyaev D. G. O kvantovoj sushchnosti situacionno-impul'snogo metoda upravleniya neravnovesnymi ehkonomicheskimi sistemami. Vestnik Yuzhno-Rossijskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta (Novocherkasskogo politekhnicheskogo instituta). Seriya: Social'no-ehkonomicheskie nauki, 2011, no. 2, pp. 85–89.
9. Polozhenceva Yu. S., Vertakova Yu. V. Issledovanie investicionnoj privlekatel'nosti regiona s cel'yu povysheniya regional'noj konkurentosposobnosti. Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ehkonomika. Informatika, 2012, no. 19 (138), pp. 55–60.
10. Fedolyak V. S. Teoreticheskaya model' regional'nogo vosproizvodstva. Izvestiya Saratovskogo universitetata. Seriya: Ehkonomika. Upravlenie. Pravo, 2014, vol. 14, is. 1, pp. 123–127.
11. Buval'ceva V. I. Ustojchivost' ehkonomiki regiona: realizaciya principov samorazvitiya. Diss. dokt. ehkon. nauk. Kemerovo, 2002. 335 p.
12. Egorova E. S. Samostoyatel'nost' byudzhetov Rossijskoj Federacii. URL: http://upereslavl.botik.ru/economics/reports_htm (accessed 06.06.2018).
13. Plotnikov V. A., Fedotova G. V. Indikatory strategicheskogo regional'nogo planirovaniya. Finansovaya analitika: problemy i resheniya, 2014, no. 17, pp. 21–33.
14. Karpunina E. K. Peresmotr podhodov k formirovaniyu i realizacii ehkonomicheskoy politiki Rossii. Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki, 2013, is. 9, pp. 24–28.
15. Bodrunov S. D. Teoriya i praktika importozameshcheniya: uroki i problem. St. Petersburg, INIR im. S. Yu. Vitte Publ., 2015. 171 p.

УДК 338.1

Т. В. Хаустова, канд. экон. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: tinagub@mail.ru)

А. А. Соклаков, канд. экон. наук, доцент, Курская академия государственной и муниципальной службы (Курск, Россия) (e-mail: 090404@rambler.ru)

О. С. Лебеденко, аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва, Россия) (e-mail: olgalebedenko22@gmail.ru)

АНАЛИЗ ФИНАНСОВЫХ И ОРГАНИЗАЦИОННЫХ УСЛОВИЙ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕХАНИЗМОВ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

В статье исследуются вопросы внедрения проектов государственно-частного партнерства в систему социального обеспечения (на примере Курской области). Актуальность данной темы обусловлена тем, что государственно-частное партнерство становится все более популярным способом решения задач развития той или иной общественно значимой сферы в условиях нехватки бюджетных ресурсов, где выполнение поставленных целей без привлечения инвестиций и потенциала института предпринимательства невозможно.

В России актуальность государственно-частного партнерства в социальной сфере обусловлена низким уровнем ее развития в плане применения передовых методов управления. Этот сектор, в течение многих десятилетий являвшийся объектом прямого государственного управления, испытывает сегодня наибольшую потребность в различных ресурсах для реализации поставленных задач социально-экономического развития

В статье излагаются теоретические, методологические и практические подходы отражения развития государственно-частного партнерства в системе социального обеспечения региона. Анализируется система показателей, характеризующая количественные и качественные стороны социальной сферы региона.

В ходе исследования выявлены особенности реализации проектов государственно-частного партнерства на региональном уровне. Проведен анализ динамики ключевых индикаторов развития социального обеспечения региона.

В условиях сокращения финансовых возможностей государственного сектора и наличия у частного сектора потенциала эффективного внедрения инновационных технологий решения социально значимых задач по модернизации инфраструктуры социального обслуживания населения, направленных на повышение качества и доступности социально значимых услуг, требует объединения возможностей и усилий государственного и частного секторов.

В статье проведен комплексный анализ основных показателей инвестиционных проектов государственно-частного партнерства, предложены подходы повышения эффективности реализации указанных проектов в Курской области.

Ключевые слова: социальное обеспечение, областной бюджет, государственно-частное партнерство, социально-ориентированные некоммерческие организации

Ссылка для цитирования: Хаустова Т. В., Соклаков А. А., Лебеденко О. С. Анализ финансовых и организационных условий использования механизмов государственно-частного партнерства в системе социального обеспечения // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2018. Т. 8, № 3 (28). С. 28–36.

В современных российских условиях основная нагрузка по обеспечению социальной защиты населения лежит на органах местного самоуправления, которые нуждаются в существенной и разносторонней поддержке государства, некоммерческого сектора и бизнес-организаций. В связи с этим особую актуальность приобретает анализ условий использования и направлений совершенствования механизмов государственно-

частного партнерства на региональном уровне и, в частности, в Курской области.

В 2016 г. объем средств, направленных на финансирование системы социального обеспечения Курской области, составил более 7,14 млрд руб., или 15,6% в структуре расходов областного бюджета, и это больше предыдущего 2015 г. почти на 262,2 млн руб. [1]

Увеличение объемов финансирования в 2016 г. было связано с проведением

мероприятий по выполнению Указов Президента РФ 2012 г.

В 2017 г. объем финансирования социальной сферы Курской области составил более 7,8 млрд руб. Это выше, чем в 2016 г., но на сегодня дефицит отрасли составляет порядка 619,0 млн руб. При этом в 2018 г. объем финансирования социальной защиты населения снижается [1; 2].

Динамика и структура расходов в системе социальной защиты населения

Курской области в 2015–2018 гг. отражена на рисунке 1.

Как и в предыдущие годы, значительная часть средств (более 70%), направлена на финансирование мер социальной поддержки, предоставляемых в виде денежных выплат, адресованных свыше половине жителей области. Затраты на содержание имущества, используемого в системе социального обеспечения в 2016 г., составили более 1,5 млн руб. (рис. 2).

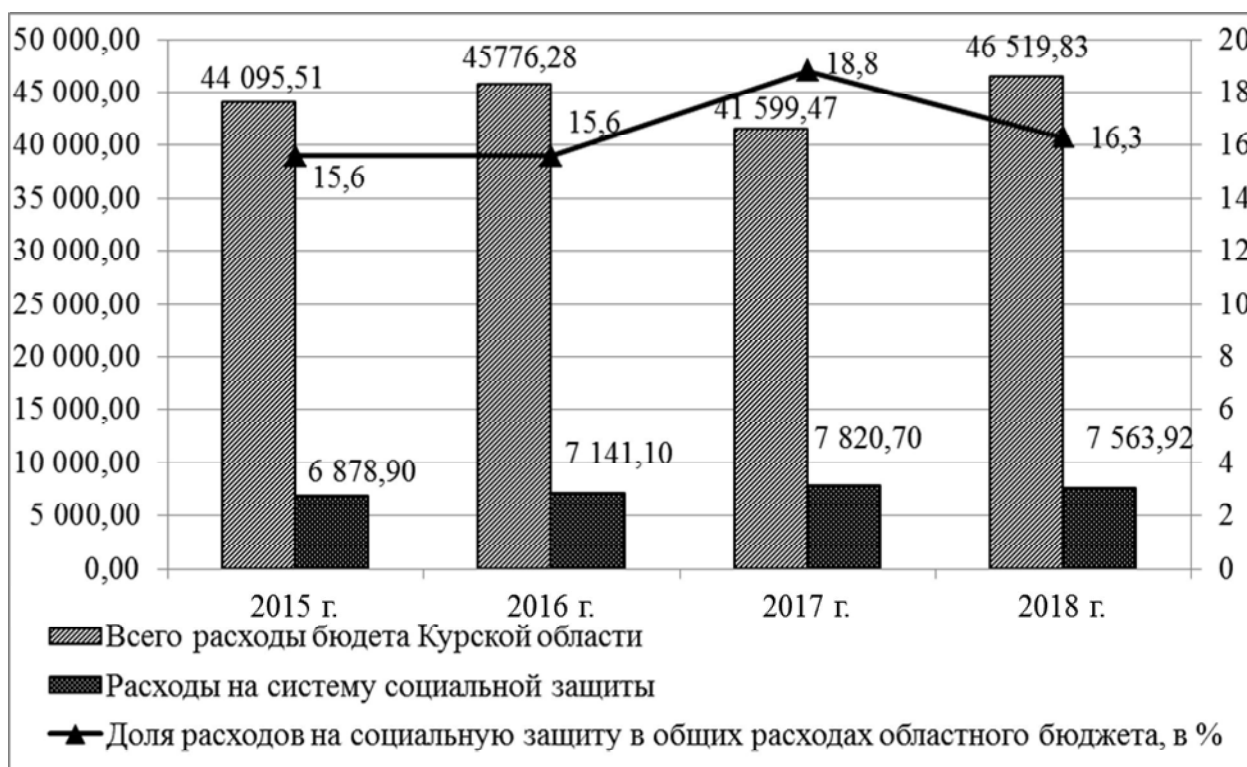

Рис. 1. Динамика и доля расходов бюджета Курской области на социальную защиту в общем объеме расходов областного бюджета, млн руб.

Почти каждый второй житель Курской области сегодня пользуется мерами социальной поддержки. Объем выделенных на это средств составил более 4,8 млрд руб., в том числе 2,4 млрд руб. – средства областного бюджета [2; 3; 4].

Особое внимание уделяется мероприятиям по адаптации объектов социальной инфраструктуры, обеспечению инвалидов техническими средствами реабилитации, которые реализуются в рамках государственной программы Курской области «Обеспечение доступности приоритетных объектов и услуг в приоритет-

ных сферах жизнедеятельности инвалидов и других маломобильных групп населения в Курской области». Все запланированные данной программой мероприятия выполнены, а именно проведены ремонтные работы с учетом принципа доступности в 29 учреждениях социальной сферы. При этом объем финансирования таких мероприятий сокращается.

По другой государственной программе «Социальная поддержка граждан в Курской области» наблюдается незначительное увеличение объема финансирования (рис. 3).

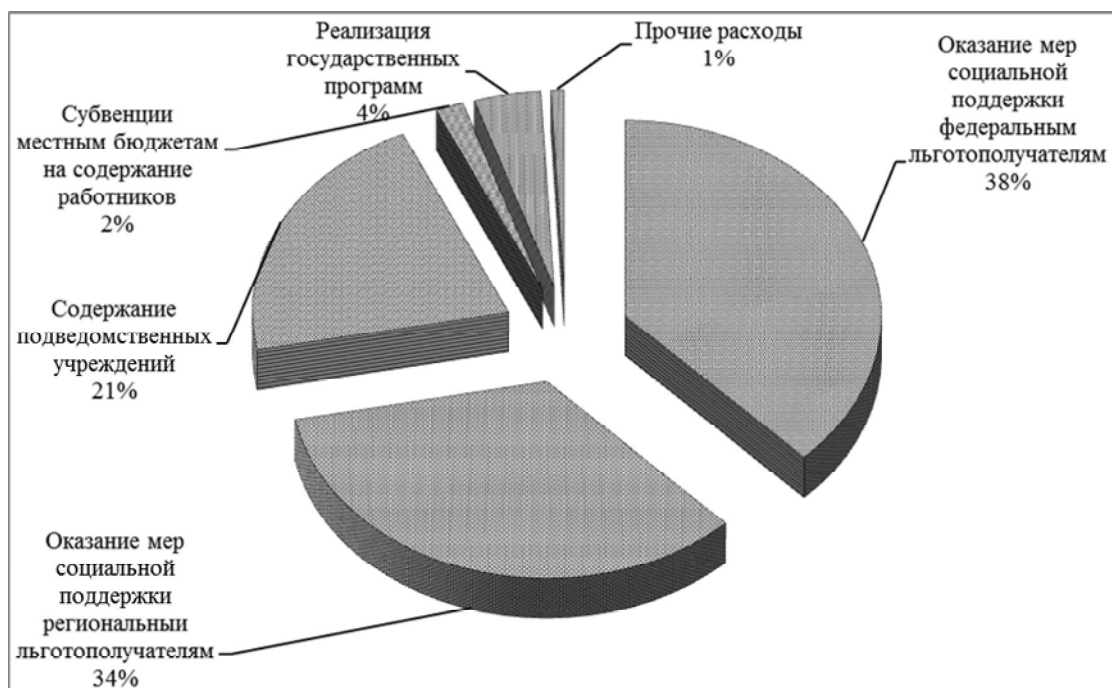

Рис. 2. Структура расходов на социальную защиту населения в Курской области в 2016 г., %

Рис. 3. Динамика расходов на финансирование государственных программ в сфере социального обеспечения в Курской области в 2016–2018 гг., млн руб.

В рамках региональной стратегии социально-экономического развития отраслевого плана мероприятий «Повышение эффективности и качества услуг в сфере социального обслуживания населения

Курской области на 2013–2018 годы» территориальные центры социального обслуживания населения Курской области в 2016 г. предоставили социальные услуги более чем 94 тыс. граждан пожи-

лого возраста и инвалидам, что на 1,2% больше, чем в 2015 г. [2; 5; 6]

Все граждане, обратившиеся за получением социальных услуг, такие услуги получили. При этом нагрузка социального работника по итогам года возросла.

В 2016 г. в условиях стационара получали социальные услуги более 2080

граждан пожилого возраста и инвалидов, очередность в психоневрологические интернаты составила 83 человека [2].

Однако в Курской области наблюдается существенный недостаток финансирования мероприятий по социальной защите инвалидов (рис. 4).

Рис. 4. Уровень финансирования переданных государственных полномочий по обеспечению инвалидов средствами реабилитации в Курской области в 2016 и 2017 гг., млн руб.

В настоящее время активно применяются и востребованы у населения как традиционные, так и инновационные формы социального обслуживания:

- предоставление социальных услуг мобильными выездными бригадами;

- предоставление транспортных услуг маломобильным гражданам службой «Социальное такси», в настоящее время служба функционирует на базе центров социального обслуживания в 25 районах и 4 городах Курской области;

- предоставление услуг пунктами проката технических средств реабилитации и средств ухода для пожилых граждан и инвалидов;

- приемные семьи для граждан пожилого возраста и инвалидов, услуги сиделки [7; 8].

В условиях роста количества пожилых людей возникает необходимость решения таких проблем, как недоукомплектованность кадрами системы социального обеспечения, недостаточное развитие материально-технической базы региональной сети учреждений социального обслуживания. Решение этих проблем позволит значительно улучшить качество социального обслуживания пожилого населения и сократить очередность на стационарное обслуживание.

Для снижения расходов областного бюджета и решения проблем качества жизни пожилых людей необходимо формирование качественно новой институциональной среды, в которой отношения между государственным сектором и бизнесом стали бы отношениями равных, взаимно

уважающих и доверяющих друг другу партнеров. Только в таких условиях возможно широкое и плодотворное развитие государственно-частного партнерства.

Внедрение модели государственно-частного партнерства в сфере социального обеспечения может обеспечить значительный вклад в решение проблем социальной защиты пожилых граждан в Курской области. В настоящее время курские организации имеют такой опыт, однако в Курской области отсутствует региональное законодательство, регулирующее отношения в сфере государственно-частного партнерства.

Разработка механизма оказания социальных услуг с участием государственно-частного партнерства позволит обеспечить взаимовыгодные отношения между органами управления, частным бизнесом и гражданским обществом.

Вопросы, связанные с реконструкцией и капитальным ремонтом зданий учреждений социального обслуживания с постоянным пребыванием людей, могут быть решены только при условии выделения дополнительных средств областного бюджета на эти цели.

В улучшении материальной базы стационарных учреждений системы социального обслуживания должны также принимать участие бизнес-структуры с применением механизмов государственно-частного партнерства.

Так, согласно опубликованному на сайте Администрации Курской области перечню объектов инфраструктуры, в отношении которых возможно заключение соглашения о государственно-частном партнерстве, в качестве объекта, предназначенного для предоставления гражданам, жителям Глушковского района, признанным в установленном порядке нуждающимися в социальном обслуживании, социальных услуг в форме социального обслуживания на дому, а также срочных социальных услуг, возможна реконструкция первого этажа административного здания, расположенного по адресу: п. Глушково, ул. Советская, д. 1 [9].

Согласно информации Единой информационной системы ГЧП в России «РОСИНФРА», у ряда регионов есть опыт в реализации подобных проектов (табл. 1) [7].

Таблица 1

Информация Единой информационной системы ГЧП в России «РОСИНФРА» о проектах, реализуемых в сфере социального обеспечения

Регион	Форма реализации проекта	Описание проектов	Общий объем инвестиций, тыс. руб.	Срок реализации проекта
Удмуртская Республика	Договор аренды или безвозмездного пользования с инвестиционными обязательствами	Предоставление социальных услуг с обеспечением проживания пожилым людям, людям с физическими недостатками и ограниченными возможностями	1 962	5 лет
Республика Бурятия	Концессионное соглашение (Закон № 115-ФЗ)	Реконструкция и эксплуатация имущественного комплекса пансионата для пожилых граждан «Горный воздух» и предоставление услуг по социальному обслуживанию	6 000	10 лет
Ульяновская область	Договор аренды или безвозмездного пользования с инвестиционными обязательствами	Реконструкция незавершенного строительного объекта Языковской участковой больницы под пансионат для пожилых граждан на 80 мест	15 000	30 лет

Окончание табл. 1

Регион	Форма реализации проекта	Описание проектов	Общий объем инвестиций, тыс. руб.	Срок реализации проекта
Республика Башкортостан	Концессионное соглашение (Закон № 115-ФЗ)	Создание негосударственного пансионата стационарного социального обслуживания для пожилых и инвалидов в д. Ирсеево Мишкинского района	5 000	25 лет
г. Санкт-Петербург	Концессионное соглашение (Закон № 115-ФЗ)	Создание современного дома-интерната для пожилых и людей с ограниченными физическими возможностями в Репино	529 000	49 лет
Воронежская область	Концессионное соглашение (Закон № 115-ФЗ)	Строительство геронтологического центра для граждан пожилого возраста	324 000	10 лет

Анализируя данные таблицы 1, можно сделать вывод о том, что реализация подобных проектов требует значительных финансовых затрат и характеризуется длительным сроком окупаемости инвестиций, в связи с чем привлекательность проектов государственно-частного партнерства в сфере социального обеспечения населения для частных инвесторов находится на низком уровне. Это, в свою очередь, требует поиска новых форм финансирования указанных проектов с учетом обеспечения интересов как государства, так и частного бизнеса.

Перспективным направлением в этой связи является развитие сотрудничества с социально-ориентированными НКО.

Социально-ориентированные НКО, входящие в реестр поставщиков социальных услуг, оказывают гражданам социально-медицинские, социально-психологические, социально-бытовые, социально-педагогические, социально-экономические, социально-трудовые, социально-правовые услуги [10; 11].

В связи с изложенным необходимо проводить мероприятия по развитию государственно-частного партнерства и привлечению социально ориентированных некоммерческих организаций к предоставлению социальных услуг в сфере социального обслуживания населения,

а также по развитию рынка социальных услуг.

Так, в Курской области в рамках государственной программы «Социальная поддержка граждан Курской области» реализуются мероприятия, предусмотренные подпрограммой 4 «Повышение эффективности государственной поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций».

В настоящее время в реестр поставщиков социальных услуг на рынке услуг социального обслуживания населения Курской области включены 9 негосударственных организаций [10]. Кроме того, заключено соглашение о государственно-частном партнерстве с ООО «Здоровая страна», в соответствии с которым будет организовано стационарное социальное обслуживание. На реализацию данного Соглашения в процессе исполнения бюджета в 2017 г. предусмотрено финансирование в размере 4,6 млн рублей.

По состоянию на 01.01.2018 г. удельный вес учреждений социального обслуживания, основанных на иных формах собственности, в общем количестве учреждений социального обслуживания всех форм собственности составил 15,8% при целевом значении 8,5% (табл. 2). Услуги данными организациями предоставляются в полустаци-

онарной и стационарной формах социального обслуживания. В 2017 г. негосударственными организациями предо-

ставлено более 72 000 социальных услуг, охвачено социальным обслуживанием более 3,6 тыс. человек.

Таблица 2

Сведения о достижении значений показателей подпрограммы 4 «Повышение эффективности государственной поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций»

Наименование показателя (индикатора)	Значения показателей (индикаторов) государственной программы, подпрограммы государственной программы		
	год, предшествующий отчетному	отчетный год	
		план	факт
Количество социально ориентированных некоммерческих организаций, за исключением государственных и муниципальных учреждений, осуществляющих деятельность по социальной поддержке и защите граждан, шт.	3	6	9
Количество граждан, принимающих участие в деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций, чел.	30	250	293
Количество социально ориентированных некоммерческих организаций, которым оказана финансовая поддержка, шт.	4	4	7
Удельный вес учреждений социального обслуживания, основанных на иных формах собственности, в общем количестве учреждений социального обслуживания всех форм собственности, %	5,5	8,5	15,8

Ожидаемый положительный эффект от привлечения к предоставлению социальных услуг организаций негосударственной формы собственности [11]:

- расширение перечня предоставляемых услуг;
- решение вопроса очередности на стационарное социальное обслуживание;
- повышение качества социального обслуживания;
- развитие конкуренции на рынке социальных услуг.

Таким образом, в условиях дефицита бюджетного финансирования социальной сферы региона перспективным направлением привлечения частных инвестиций остается государственно-частное партнерство.

Список литературы

1. Комитет социального обеспечения Курской области [Электронный ресурс]. URL: <https://ksokursk.ru/> (дата обращения: 08.02.2018).
2. Администрация Курской области [Электронный ресурс]. URL: <http://adm.kursk.ru> (дата обращения: 11.03.2018).
3. Инвестиционная активность и ее роль в социально-экономическом развитии регионов России: монография / Т. В. Хаустова, В. Ю. Мелихов, А. В. Греченюк [и др.]. М.: Изд-во РГСУ «Союз», 2010. 343 с.
4. Стратегические приоритеты регионального развития: монография / А. Н. Михайлов, А. С. Зубарев, С. Г. Емельянов [и др.]. М.: Изд. дом «Альфа-М», 2011. 480 с.

5. Национальный центр государственно-частного партнерства [Электронный ресурс]. URL: <http://pprcenter.ru/> (дата обращения: 08.02.2018).

6. Росинфра – платформа поддержки инфраструктурных проектов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pppi.ru/> (дата обращения: 08.02.2018).

7. Об утверждении государственной программы Курской области «Социальная поддержка граждан в Курской области» [Электронный ресурс]: постановление Администрации Курской области от 17.10.2013 N 742-па. URL: http://www.adm.kursk.ru/index.php?id=1098mat_id=27309/ (дата обращения: 08.02.2018).

8. Вертакова Ю. В., Положенцева Ю. С. Развитие института государственно-частного партнерства в российской инновационной среде // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Экономика. Информатика. 2012. № 13 (132). С. 75–82.

9. Исследование «Государственно-частное партнерство в России 2016-2017: текущее состояние и тренды, рейтинг регионов» / Ассоциация «Центр развития ГЧП». М., 2016. 32 с.

10. Вертакова Ю. В., Ватутина О. О. Компаративный анализ современной практики организации государственно-частного партнерства в России и за рубежом // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2012. № 1. С. 30–34.

11. Ахметзянова Р. Р. Государственно-частное партнерство в социальном обслуживании // Актуальные вопросы социальной работы с различными категориями населения: сб. ст. IV межрегиональной науч.-практ. конф. с междунар. участием. Киров: Киров. гос. мед. ун-т, 2017. С. 183–185.

Поступила в редакцию 07.06.18

UDC 338.1

T. V. Khaustova, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: tinagub@mail.ru)

A. A. Soklakov, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Kursk Academy of State and Municipal Service (Kursk, Russia) (e-mail: 090404@rambler.ru)

O. S. Lebedenko, Post-Graduate Student, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia) (e-mail: olgalebedenko22@gmail.ru)

THE ANALYSIS OF FINANCIAL AND ORGANIZATIONAL CONDITIONS OF USE OF MECHANISMS OF PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP IN THE SOCIAL SECURITY SYSTEM

The article explores the issues of implementing public-private partnership projects in the social security system of the Kursk region. The relevance of this topic is due to the fact that public-private partnership is becoming an increasingly popular way of solving the problems of the development of a socially significant sphere in the conditions of a shortage of budget resources, where it is impossible to fulfill the set goals without attracting investments and the potential of the institution of entrepreneurship.

In Russia, the relevance of public-private partnership in the social sphere is due to the low level of its development in terms of applying advanced management methods. This sector, which for many decades was the object of direct government, is experiencing today the greatest need for various resources for the implementation of the set tasks of socio-economic development

The article presents theoretical, methodological and practical approaches to reflecting the development of public-private partnership in the social security system of the region. The system of indicators that characterizes the quantitative and qualitative aspects of the social sphere of the region is analyzed.

In the course of the study, specifics of the implementation of public-private partnership projects at the regional level were revealed. The analysis of the dynamics of key indicators of the social security development in the region was carried out.

With the financial capacity of the public sector reduced and the private sector has the potential to effectively implement innovative technologies to solve socially important tasks to modernize the social services infrastructure

aimed at improving the quality and accessibility of socially important services, it requires a combination of opportunities and efforts of the public and private sectors.

The article provides a comprehensive analysis of the main indicators of investment projects of public-private partnerships, suggests approaches to increase the efficiency of implementation of these projects in the Kursk region.

Key words: social security, regional budget, public-private partnership, socially-oriented non-profit organizations.

For citation: Khaustova T. V., Soklakov A. A., Lebedenko O. S. The analysis of financial and organizational conditions of use of mechanisms of public-private partnership in the social security system. Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management, 2018, vol. 8, no. 3 (28), pp. 28–36 (in Russ.).

References

1. Komitet social'nogo obespecheniya Kurskoj oblasti. URL: <https://ksokursk.ru/> (accessed 08.02.2018).

2. Administraciya Kurskoj oblasti. URL: <http://adm.rkursk.ru> (accessed 11.03.2018).

3. Haustova T. V., Melihov V. Yu., Grechenyuk A. V., eds. Investicionnaya aktivnost' i ee rol' v social'no-ehkonomicheskom razvitii regionov Rossii. Moscow, Izd-vo RGSU "Soyuz", 2010. 343 p.

4. Mihajlov A. N., Zubarev A. S., Emel'yanov S. G., eds. Strategicheskie priority regional'nogo razvitiya. Moscow, Izd. dom "Al'fa-M", 2011. 480 p.

5. Nacional'nyj centr gosudarstvenno-chastnogo partnerstva. URL: <http://pppcen-ter.ru/> (accessed 08.02.2018).

6. Rosinfra – platforma podderzhki infrastrukturyh proektov. URL: <http://www.pppi.ru/> (accessed 08.02.2018).

7. Ob utverzhdenii gosudarstvennoj programmy Kurskoj oblasti "Social'naya podderzhka grazhdan v Kurskoj oblasti": postanovlenie Administracii Kurskoj oblasti ot 17.10.2013 N 742-pa. URL: http://www.adm.kursk.ru/index.php?id=1098mat_id=27309/ (accessed 08.02.2018).

8. Vertakova Yu. V., Polozhenceva Yu. S. Razvitie instituta chastno-gosudarstvennogo partnerstva v rossijskoj innovacionnoj srede. Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ehkonomika. Informatika, 2012, no. 13 (132), pp. 75–82.

9. Issledovanie "Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo v Rossii 2016–2017: tekushchee sostoyanie i trendy, rejting regionov" / Associaciya "Centr razvitiya GCHP". Moscow, 2016. 32 p.

10. Vertakova Yu.V., Vatutina O. O. Komparativnyj analiz sovremennoj praktiki organizacii chastno-gosudarstvennogo partnerstva v Rossii i za rubezhom. Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Jekonomika. Sociologija. Menedzhment, 2012, no. 1, pp. 30–34.

11. Ahmetzyanova R. R. Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo v social'nom ob-sluzhivanii. Aktual'nye voprosy social'noj raboty s razlichnymi kategoriyami naseleniya: sb. st. IV mezhregional'noj nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem. Kursk, 2017, pp. 183–185.

УДК 338.43

Н. В. Жахов, канд. экон. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: zhakhov@mail.ru)

МЕХАНИЗМ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СИСТЕМНОГО РАЗВИТИЯ АГРАРНОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ РЕГИОНА

Системное развитие аграрного сектора опосредуется через совокупность структурных связей, возникающих между субъектами региональной экономики, в том числе ее аграрной подсистемы. Структурные связи являются результатом управленческого взаимодействия, направленного на паритетное достижение целей всех его участников. Данный тезис в общих чертах характеризует взаимодействие субъектов региональной экономики в соответствии с представлениями о структурном управлении как актуальном подходе к управлению региональными экономическими системами и их подсистемами.

Регулирование аграрного сектора на региональном уровне, являющееся объектом данного исследования, имитирует модель, разработанная автором и представленная в данной работе. Модель описывает механизм государственного регулирования системного развития аграрного сектора экономики региона, то есть совокупность состояний и процессов, активизируемых исполнительными органами государственной власти в направлении достижения целевых ориентиров. Отличительные особенности механизма заключаются в следующем. Во-первых, динамика механизма обеспечивается за счет трех типов связей: функциональные связи; системообразующие связи; инструментальные связи. Во-вторых, механизм отличается направленностью на достижение трех типов эффектов: повышение рентабельности агропромышленного производства за счет оптимизации производственной программы; повышение плотности экономической активности за счет заполнения экономического пространства региона функционально- и пространственно-ориентированными организациями; достижение и стабилизация продовольственной безопасности региона.

Перспективы повышения эффективности государственного регулирования системного развития аграрного сектора экономики региона, по нашему мнению, заключаются в согласовании мезоэкономических целей, функционала опорных организаций и применяемого инструментария.

Отметим также, что отличительными особенностями механизма государственного регулирования системного развития аграрного сектора экономики региона являются: наличие трех типов связей и направленность на достижение трех типов эффектов (повышение рентабельности агропромышленного производства за счет оптимизации производственной программы; повышение плотности экономической активности за счет заполнения экономического пространства региона функционально- и пространственно-ориентированными организациями; достижение и стабилизация продовольственной безопасности региона).

Ключевые слова: экономика региона, системное развитие, механизм государственного регулирования, аграрный сектор.

Ссылка для цитирования: Жахов Н. В. Механизм государственного регулирования системного развития аграрного сектора экономики региона // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2018. Т. 8, № 3 (28). С. 37–44.

Введение

Отправной точкой для разработки механизма государственного регулирования системного развития аграрного сектора экономики региона являются следующие утверждения:

1) аграрный сектор экономики региона – самоорганизующаяся система;

2) системное развитие – это достижение пропорциональности в функционировании элементов системы в соответствии с их функционалом, способствующее обеспечению продовольственной безопасности региона;

3) государственное регулирование – импульс к развитию аграрного сектора как подсистемы региональной социально-экономической системы;

4) эффективность государственного регулирования зависит от адекватности применяемых мер текущему положению.

Для оценки, сложившейся в аграрном секторе экономики региона ситуации, воспользуемся методикой, предложенной Г. Г. Карпенко, А. Б. Ярлыкаповым, предполагающей применение цепных индексов, отражающих экономическую активность в динамике за опреде-

ленный период времени [1]. Данная методика анализирует такие показатели, как потребление (P_f, P_b), инвестиции (i_f, i_b), государственные расходы (g_f, g_b), экспорт (ex_f, ex_b) и импорт (im_f, im_b), показывающих соотношение фактических параметров (f) к базисным (b):

$$I_u = I_p \frac{P_f}{P_b} I_i \frac{I_{if}}{I_{ib}} I_{ex} \frac{I_{exf}}{I_{exb}} - I_{im} \frac{I_{imf}}{I_{imb}} I_g \frac{I_{gf}}{I_{gb}} =$$

$$= I_p + I_i + I_{ex} - I_{im} + I_g, \quad (1)$$

где I_u – индекс уровня экономической активности государства в аграрном секторе;

I_p – индекс потребления продуктов питания в домашних хозяйствах; I_i – индекс инвестиций в основной капитал сельского хозяйства; I_{ex} – индекс экспорта продовольствия; I_{im} – индекс импорта продовольствия; I_g – индекс государственных расходов на сельское хозяйство.

Проведенное исследование по представленной методике за период активного становления и развития агропромышленной политики наглядно продемонстрировало нестабильную, даже негативную тенденцию экономической активности государства (рис. 1).

Рис. 1. Тенденции развития уровня экономической активности государства в аграрном секторе в период институциональных реформ [2]

Как видно из рисунка 1, с 2005 по 2007 г. и с 2011 по 2013 г. наблюдается некоторое оживление, что обусловлено реализацией приоритетного национального проекта «Развитие АПК». Начиная с 2008 г. приоритетный национальный проект «Развитие АПК» трансформировался в Государственную программу развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008–2012 гг. С 2012 г. заметно снижение уровня экономи-

ческой активности государства в аграрном секторе. Это подтверждает и отрицательное значение индекса уровня активности (I_u) на оси $Y = -0,0455$.

Выявив недостаточную активность и результативность государственного регулирования аграрного сектора экономики региона, далее постараемся обосновать перспективные направления совершенствования этого процесса.

Воздействие со стороны государства на аграрный сектор экономики региона

обуславливается целым рядом особенностей, связанных с природно-климатическими условиями; поддержанием плодородия сельскохозяйственных земель (для поддержания почвенного плодородия необходимы значительные вложения ресурсов); отдачей вложений с длинным лагом; нестабильной доходностью сельскохозяйственного производства; сложностями определения, лоббирования реальной цены, диспаритетом цен на промышленную и сельскохозяйственную продукцию; проблематичностью своевременного отклика на изменения рыночной конъюнктуры (при изменении спроса на сельхозпродукцию у аграриев нет объективной возможности быстро отреагировать, скорректировать производство продукции); недостаточными темпами инновационного совершенствования; возможностью полной деградации сельских территорий и исторического уклада жизни [3; 4].

С учетом указанных обстоятельств государственное регулирование аграрного сектора экономики региона осуществляется на следующих уровнях: международный, федеральный, региональный, муниципальный, производственный, общественный [5; 6].

На международном уровне существенными факторами, оказывающими значимое воздействие на развитие регионального и национального АПК, являются: создание Таможенного союза и его возможное расширение; влияние требований ВТО, а также возможное влияние транснациональных корпораций.

На втором и третьем уровнях осуществляется самое масштабное, системное, комплексное воздействие на агропромышленное производство, нацеленное на создание благоприятных всесторонних условий для удовлетворения потребностей населения в продуктах питания, а перерабатывающих организаций – в сырье растительного и животного происхождения.

На уровне регионов регулирование осуществляется исполнительными органами государственной власти, а на

уровне муниципалитетов – органами местного самоуправления.

Производственное регулирование осуществляется непосредственно на каждом участке (этапе) технологической цепи.

Общественный контроль производится на каждом уровне с целью анализа и оценки самого процесса регулирования, а также производственных процессов.

Основная часть

Регулирование аграрного сектора на региональном уровне, являющееся объектом данного исследования, имитирует модель, разработанная автором и представленная на рисунке 2.

Механизм государственного регулирования системного развития аграрного сектора экономики региона представляет совокупность состояний и процессов, активизируемых исполнительными органами государственной власти в направлении достижения целевых ориентиров. Отличительные особенности механизма заключаются в следующем. Во-первых, динамика механизма обеспечивается за счет трех типов связей:

– функциональные связи, возникновение которых определяется ролью иницирующего их актора в процессе достижения целей регионального развития. Функциональные связи образуют иерархическую трехуровневую структуру: связи между элементами аграрного сектора как подсистемы региональной экономики; связи между элементами многоукладной системы производителей и переработчиков сельскохозяйственного сырья; связи между опорными организациями аграрного сектора экономики региона;

– системообразующие связи, создающие общий каркас для управленческого взаимодействия субъектов региональной экономики [7];

– инструментальные связи, возникающие в процессе комплексной и (или) избирательной реализации методов и инструментов государственного регулирования системного развития аграрного сектора экономики региона.

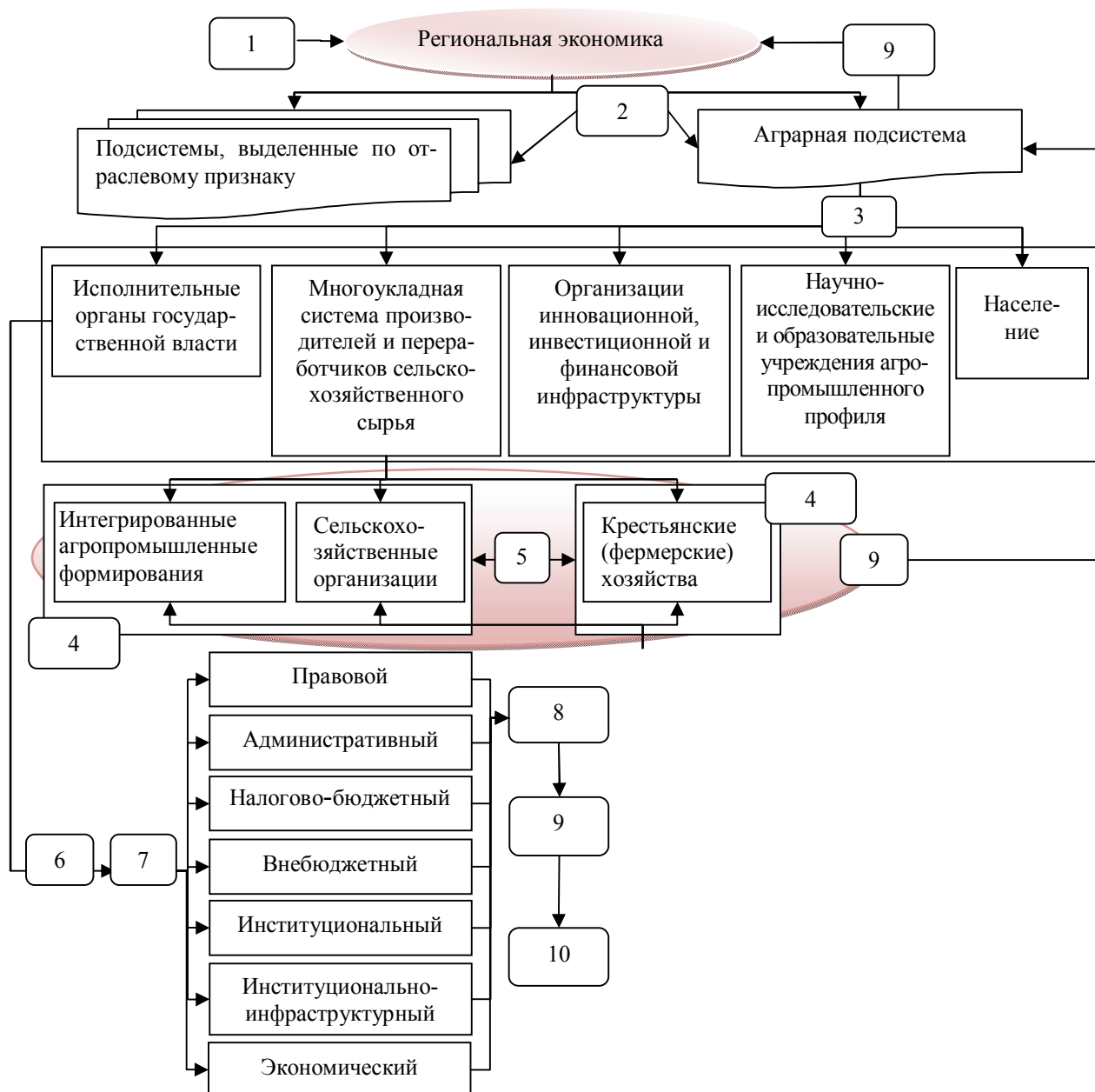

Рис. 2. Механизм государственного регулирования системного развития аграрного сектора экономики региона: 1 – цели системного развития; 2 – структуризация региональной социально-экономической системы; 3 – структуризация аграрной подсистемы (поведенческий тип); 4 – структуризация системы производителей и переработчиков сельскохозяйственного сырья (выделение функционально-ориентированных и пространственно-ориентированных организаций); 5 – формирование системы опорных организаций (трех точек опоры); 6 – обоснование условий и предпосылок реализации инструментария государственного регулирования (региональная ситуация, контур и т. д.); 7 – селекция методов; 8 – обеспечение эффективного функционирования опорных организаций при условии соблюдения целесообразной пропорциональности их присутствия на экономическом пространстве региона; 9 – достижение интегрального эффекта в плане получения экономического эффекта опорными организациями и выполнения опорными организациями функционально-целевого предназначения; 10 – обеспечение продовольственной безопасности как одной из составляющих интегрального эффекта

Во-вторых, механизм отличается направленностью на достижение трех типов эффектов: 1) повышение рентабель-

ности агропромышленного производства за счет оптимизации производственной программы; 2) повышение плотности

экономической активности за счет заполнения экономического пространства региона функционально- и пространственно-ориентированными организациями; 3) достижение и стабилизация продовольственной безопасности региона.

Снова подчеркнем, что рассматриваемый механизм раскрывает особенности активности исполнительных органов государственной власти в направлении достижения целей системного развития аграрного сектора экономики региона. От лица исполнительных органов государственной власти с помощью данного механизма оказывается возможным обеспечить выполнение всеми участниками аграрной подсистемы и, в первую очередь, опорными организациями своих функций. С этим связана третья особенность – вовлечение участников аграрного сектора экономики региона в управленческое взаимодействие в соответствии с их возможностями способствовать достижению поставленных целей. Оценив потенциал опорных организаций, нами были сделаны выводы о том, что насыщать рынок товарной продукцией в объеме и ассортименте, соответствующих требованиям потребителей, способны лишь интегрированные агропромышленные формирования, потенциал остальных групп производителей продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья не позволяет производить и реализовывать продовольственные товары в объеме, необходимом для удовлетворения потребительского спроса и, более того, для обеспечения продовольственной безопасности. При этом мы понимаем, что предназначение сельскохозяйственных организаций и крестьянских (фермерских) хозяйств заключается не в производстве товарной продукции, а в заполнении экономического пространства. Однако осознание ограниченной функциональности опорных организаций пришло еще не ко всем исследователям. В этом обнаруживается существенная проблема, заключающаяся в неадекватной оценке потенциала участников аграрного сектора экономики ре-

гиона и предъявлении некорректных требований к результатам их функционирования. Перспективы повышения эффективности государственного регулирования системного развития аграрного сектора экономики региона, по нашему мнению, заключаются в согласовании мезоэкономических целей, функционала опорных организаций и применяемого инструментария (рис. 3).

Селекция методов (п. 7 механизма государственного регулирования системного развития аграрного сектора экономики региона), визуализированная на рисунке 3, является результатом применения метода Дельфи, позволившего установить приоритетность реализации инструментария государственного регулирования при решении конкретных функциональных задач. В выборку вошли методы и инструменты, получившие наиболее высокие оценки значимости, реализация которых является возможной и целесообразной в рамках регионального и подсистемного контуров, т. е. относится к полномочиям и компетенциям исполнительных органов государственной власти, осуществляющих управленческое взаимодействие с остальными субъектами агропродовольственной подсистемы региональной экономики.

Наибольшую значимость, по оценкам экспертов, имеют правовой, институциональный и институционально-инфраструктурный инструментарий, определяющие организационные условия сбалансированного развития региона.

Чтобы понять причину полученных результатов, следует обратить внимание на состав экспертов и структуру их ответов. Так, в ходе исследования было опрошено 57 человек, среди которых оказались представители всех групп стейкхолдеров регионального развития, в том числе представители опорных организаций аграрного сектора экономики региона, т. е. те, кто на практике сталкиваются с несовершенством государственного регулирования. Именно их ответы повлияли на итоговый план ранжирования, в кото-

ром чрезвычайно низкую оценку значимости получили, например, субсидии. К сожалению, в целом налогово-бюджет-

ный инструментарий в аграрном секторе экономики региона демонстрирует низкую эффективность.

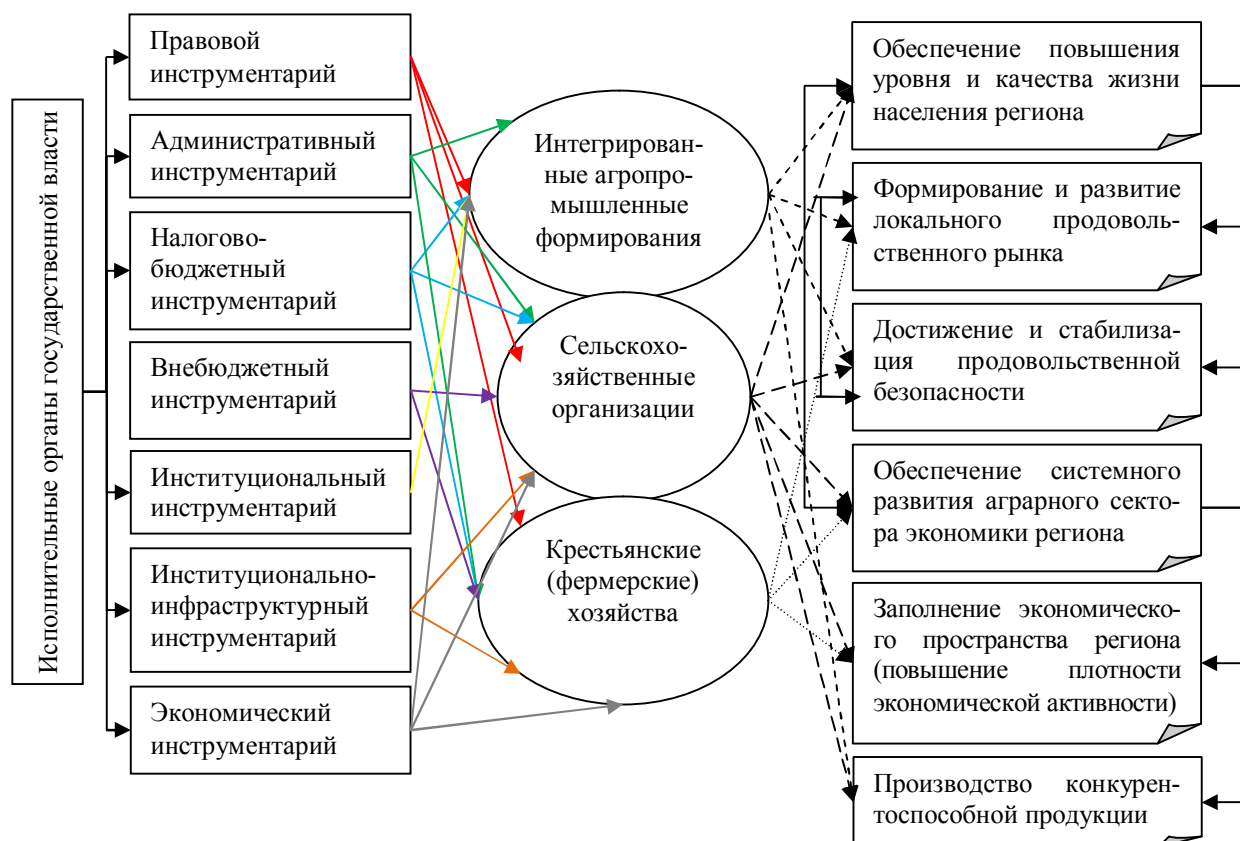

Рис. 3. Согласование функционального предназначения опорных организаций и применяемого для регулирования их развития инструментария

Заключение

Отличительными особенностями механизма государственного регулирования системного развития аграрного сектора экономики региона являются: наличие трех типов связей (институциональных, функциональных, системообразующих) и направленность на достижение трех типов эффектов (повышение рентабельности агропромышленного производства за счет оптимизации производственной программы; повышение плотности экономической активности за счет заполнения экономического пространства региона функционально- и пространственно-ориентированными организациями; достижение и стабилизация продовольственной безопасности региона). Динамика реализации механизма обеспечивается применением выделенных нами и

объединенных в группы инструментов [8] (административных, правовых, налогово-бюджетных, внебюджетных, институциональных [9], институционально-инфраструктурных, экономических). Методом экспертных оценок все многообразие методов было оценено с позиции их значимости для достижения посредством государственного регулирования целей системного развития аграрного сектора экономики региона. Инструментарий, получивший наиболее высокие оценки (признание пользователей из числа субъектов аграрного сектора как подсистемы региональной социально-экономической системы), был отобран для преимущественного применения исполнительными органами государственной власти. Наиболее востребованными, уже продемонстрировавшими свою эффективность

и обладающими большим потенциалом, оказались следующие группы: правовая, административная, институционально-инфраструктурная. Реализация входящих в их состав методов и инструментов, по нашему мнению, способна обеспечить эффективное функционирование опорных организаций, их паритетное, соответствующее целесообразной пропорциональности взаимодействие с остальными субъектами аграрного сектора экономики региона и способствовать тем самым достижению целей системного развития.

Список литературы

1. Карпенко Г. Г., Ярлыкапов А. Б. Государственное регулирование аграрного сектора экономики страны // Государственное управление. 2011. № 27. С. 1–9.
2. Центральная база статистических данных [Электронный ресурс] / Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/Cbsd/DBInet.cgi#1> (дата обращения: 23.04.2018).
3. Брыжко В. Г., Бейлин М. М. Концепция совершенствования механизма государственного регулирования сельского хозяйства региона // Аграрный вестник Урала. 2012. № 3 (95). С. 58–60.
4. Жахов Н. В. Моделирование уровня продовольственной безопасности региона при реализации политики структурно-экономических преобразований в аграрной сфере // Регион: системы, эко-

номика, управление. 2017. № 4 (39). С. 201–211.

5. Жахов Н. В. Генезис проблемы государственного регулирования мезо-экономики // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2017. № 1. С. 291–296.

6. Жахов Н. В. Основное содержание структурно-экономических преобразований региональной экономики // Региональные проблемы преобразования экономики. 2017. № 11 (85). С. 51–58.

7. Сироткина Н. В., Шан Я. О доминантах подходов к управлению региональными экономическими системами // Регион: системы, экономика, управление. 2018. № 1 (40). С. 24–32.

8. Жахов Н. В. Влияние административно-правовых инструментов государственного регулирования на аграрную сферу экономики региона // Молодые исследователи агропромышленного и лесного комплексов – регионам. Т. 1, ч. 2: Экономические науки: сб. науч. тр. по результатам работы III Междунар. молодежной науч.-практ. конф. Вологда–Молочное: Вологодская ГМХА, 2018. С. 99–103.

9. Сироткина Н. В. Институциональная структура механизма стратегического управления агропромышленными холдингами // Управление экономическими системами. 2011. № 33. С. 3.

Поступила в редакцию 16.07.18

UDC 338.43

N. V. Zhakhov, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: zhakhov@mail.ru)

MECHANISM OF STATE REGULATION SYSTEM DEVELOPMENT OF THE AGRARIAN SECTOR REGION ECONOMIES

System development of the agrarian sector is mediated through set of the structural communications arising between subjects of regional economy, including her agrarian subsystem. Structural communications are result of the administrative interaction directed to parity achievement of the goals of all its participants. This thesis in general characterizes interaction of subjects of regional economy, according to ideas of structural management as relevant approach to management of regional economic systems and their subsystems.

The regulation of the agrarian sector at the regional level which is an object of this research is imitated by the model developed by the author and presented in this work. The model describes the mechanism of state regulation of

system development of the agrarian sector of economy of the region, i.e. set of the states and processes intensified by executive bodies of the government in the direction of achievement of target reference points. Distinctive features of the mechanism consist in the following. First, dynamics of the mechanism is provided at the expense of three types of communications: functional communications; backbone communications; tool communications. Secondly, the mechanism differs in orientation on achievement of three types of effects: increase in profitability of agro-industrial production due to optimization of the production program; increase in density of economic activity due to filling of economic space of the region with the functional and spatial focused organizations; achievement and stabilization of food security of the region.

The prospects of increase in efficiency of the state regulation of system development of the agrarian sector of economy of the region, our way, to opinion, consist in coordination of mesoeconomic targets, functionality of the basic organizations and the applied tools.

We will note also that distinctive features of the mechanism of state regulation of system development of the agrarian sector of economy of the region are: existence of three types of communications and orientation on achievement of three types of effects (increase in profitability of agro-industrial production due to optimization of the production program; increase in density of economic activity due to filling of economic space of the region functional and spatially - the focused organizations; achievement and stabilization of food security of the region).

Key words: region economy, system development, mechanism of state regulation, agrarian sector.

For citation: Zhakhov N. V. Mechanism of state regulation system development of the agrarian sector region economies. Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management, 2018, vol. 8, no. 3 (28), pp. 37–44 (in Russ.).

References

1. Karpenko G. G., Yarlykapov A. B. Gosudarstvennoe regulirovanie agrarnogo sektora ehkonomiki strany. Gosudarstvennoe upravlenie, 2011, no. 27. pp. 1–9.

2. Central'naya baza statisticheskikh dannyh. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki. URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/Cbsd/DBInet.cgi#1> (accessed 23.04.2018).

3. Bryzhko V. G., Bejlin M. M. Konceptiya sovershenstvovaniya mekhanizma gosudarstvennogo regulirovaniya sel'skogo hozyajstva regiona. Agrarnyj vestnik Urala, 2012, no. 3 (95), pp. 58–60.

4. Zhahov N. V. Modelirovanie urovnya prodovol'stvennoj bezopasnosti regiona pri realizacii politiki strukturno-ehkonomicheskikh preobrazovanij v agrarnoj sfere. Region: sistemy, ehkonomika, upravlenie. 2017, no. 4 (39), pp. 201–211.

5. Zhahov N. V. Genezis problemy gosudarstvennogo regulirovaniya mezo-ehkonomiki. Konkurentosposobnost' v global'nom mire: ehkonomika, nauka, tekhnologii, 2017, no. 1, pp. 291–296.

6. Zhahov N.V. Osnovnoe sodержanie strukturno-ehkonomicheskikh preobrazovanij regional'noj ehkonomiki. Regional'nye problemy preobrazovaniya ehkonomiki, 2017, no. 11 (85), pp. 51–58.

7. Sirotkina N. V., Shan Ya. O dominantah podhodov k upravleniyu regional'nymi ehkonomicheskimi sistemami. Region: sistemy, ehkonomika, upravlenie, 2018, no. 1 (40), pp. 24–32.

8. Zhahov N. V. Vliyanie administrativno-pravovyh instrumentov gosudarstvennogo regulirovaniya na agrarnuyu sferu ehkonomiki regiona. Molodye issledovateli agropromyshlennogo i lesnogo kompleksov – regionam. Vol. 1, pt. 2: Ehkonomicheskie nauki: sb. nauch. tr. po rezul'tatam raboty III Mezhdunar. molodezhnoj nauch.-prakt. konf. Vologda–Molochnoe, Vologodskaya GMHA, 2018, pp. 99–103.

9. Sirotkina N. V. Institucional'naya struktura mekhanizma strategicheskogo upravleniya agropromyshlennymi holdingami. Upravlenie ehkonomicheskimi sistemami, 2011, no. 33, p. 3.

УДК 332.14

Н. С. Трусова, канд. экон. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: Trusova-ns@yandex.ru)

П. А. Клименко, канд. экон. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: pklimenko.81@mail.ru)

АДАПТАЦИЯ МЕР ГОСУДАРСТВЕННОЙ ФИСКАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ЦЕЛЯХ ФОРМИРОВАНИЯ БЛАГОПРИЯТНЫХ ИННОВАЦИОННЫХ УСЛОВИЙ

Одной из главных задач в процессе осуществления экономической реформы является проведение эффективной социально-экономической политики, направленной на инновационное развитие и обеспечивающей устойчивый рост национальной экономики. Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью поиска эффективных рычагов управленческого и организационно-экономического воздействия на рост инновационной активности через механизмы, которые стимулируют экономику стать инновационно-ориентированной и конкурентоспособной. Особую важность представляет регулирование инновационного развития и поддержка кластерных инициатив, которые являются необходимым инструментом перехода страны на инновационный путь развития.

Цель исследования заключается в обосновании необходимости и доказательстве возможности применения методов фискального характера для активизации инновационных процессов, на основе анализа динамики статистических показателей, характеризующих налоговые поступления и расходы на НИОКР. Для достижения поставленной цели в исследовании решены следующие задачи: в статье проведен анализ теории и практики применения фискальных методов государственного регулирования инновационных процессов; выявлены недостатки в существующем законодательстве, которые приводят к высокому уровню налоговой нагрузки, наличию административных барьеров; в статье приводится статистический анализ показателей, характеризующих налоговую нагрузку и отчисления на НИОКР. Доказывается необходимость и возможность снижения налоговой нагрузки для инновационных предприятий России.

В исследовании использованы теоретические и эмпирические методы, в частности: обзор литературы, логический и системный анализ, методы сбора эмпирических данных, описания, прогноза и обработки результатов исследования. Рассмотрены особенности государственного регулирования в соответствии с типом экономики страны. Определены актуальные проблемы формирования и развития региональных инновационных кластеров. Рассмотрены особенности государственного регулирования в контексте инновационного развития методами фискальной политики.

В результате исследования установлено, что одним из наиболее действенных методов государственного регулирования является фискальная политика, а налоговые инструменты являются наиболее эффективным механизмом государственного управления экономикой. При реализации эффективной социально-экономической политики необходимо использовать как приемлемый зарубежный опыт, так и формировать отечественный опыт регулирования социально-экономических процессов.

В заключение авторами отмечено, что фискальная политика обладает большим потенциалом в регулировании инновационного развития и содержит широкий перечень налоговых льгот и освобождений. В исследовании обосновано, что применение инструментов и механизмов фискальной политики целесообразно осуществлять в соответствии с типом экономики страны, с учетом уровня налоговой нагрузки на экономику, эффективностью перераспределения фискальных ресурсов государством, полномочиями органов власти, предоставлении налоговых льгот. В исследовании предложено активно использовать фискальные инструменты в целях стимулирования деятельности инновационных кластеров при условии реинвестирования финансовых ресурсов на цели формирования прогрессивной и инновационной структуры экономики.

Ключевые слова: фискальная политика государства, налоговые доходы, налоговые расходы, налоговая нагрузка, налоговые инструменты, инновационная деятельность, экономический рост.

Ссылка для цитирования: Трусова Н. С., Клименко П. А. Адаптация мер государственной фискальной политики в целях формирования благоприятных инновационных условий // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2018. Т. 8, № 3 (28). С. 45–52.

В настоящее время недостаточно используется потенциал фискальных инструментов в регулировании инноваци-

онного развития, на законодательном уровне отсутствует закрепление налоговых инструментов стимулирования дея-

тельности инновационных кластерных образований, при реализации фискальной политики не учитываются индикативные возможности налоговых инструментов в формировании инновационной экономики. Всё это приводит к высокому уровню налоговой нагрузки хозяйствующих субъектов, производящем инновационную продукцию, наличию административных барьеров для получения налоговых льгот, отсутствию экономических стимулов в генерировании инноваций.

Вопросам применения инструментов фискальной политики в регулировании экономики, в том числе инновационной, уделяют внимание зарубежные и российские экономисты и исследователи.

Зарубежные исследователи (Nuraini Sari, Maya Safira Dewi, Yen Sun и др.) [1] уделяют внимание фискальной политике в достижении устойчивого экономического роста экономики.

В исследованиях Abhiroop Mukherjee, Manpreet Singh, Alminas Žaldokas [2], Harry Huizinga [3], Katarzyna Boratyńska, Raqif Tofiq Huseynov [4], Luis A. Bryce Campodonico, Roberto Bonfatti, Luigi Pisano [5], Zhenshan Yang, Pu Hao, Jianming Cai [6], Zhentian Sun, Xuhong Li, Yuanchang Xie [7] рассматривается влияние налоговых инструментов на формирование инновационного развития. Российские ученые (Л. Афанасьева [8], П. Клименко [9, 10], В. Плотников [11], Л. Севрюкова [12], Т. Ю. Ткачева [13] и др.) в своих работах исследуют влияние фискальной политики на показатели социально-экономического развития в контексте формирования инновационной экономики страны.

Особого внимания заслуживают труды В. Ю. Вертаковой, Ю. С. Положенцевой, М. Г. Клевцовой и М. Ю. Хлынина [14; 15; 16], которые в своих работах проводят детальный анализ процессов формирования и развития кластерных образований и государственной политики

их регулирования, а также исследуют вопросы применения фискальных инструментов и роста инновационной активности регионов.

Однако, несмотря на значительное количество научных трудов российских и зарубежных ученых, остаются дискуссионными вопросы, связанные с государственным регулированием инновационного развития экономики методами фискальной политики.

Фискальная политика выступает основным средством государственного регулирования экономики. Выделим направления фискальной политики, такие как:

– стимулирующее – поощрение приоритетных сфер общественного воспроизводства;

– компенсирующее – перераспределение доходов для снижения ущерба от неравномерности регионального развития в виде помощи отсталым и депрессивным территориям: предоставление дотаций, льгот и т. п.;

– адаптирующее – приспособление более подвижных и управляемых компонент к инерционным, менее управляемым и оцениваемым как неустраняемые (поддержка новых видов деятельности, создание особых экономических зон, кластеров);

– противодействующее – «притормаживание» или полное подавление процессов в экономике.

Проводимая фискальная политика имеет свои принципиальные особенности, поскольку в каждом отдельном государстве присутствуют ее отличительные черты, специфика организации и функционирования. Формирование фискальной политики находится в определенной зависимости от типа государственного устройства.

В таблице приведен удельный вес налоговых доходов и расходов бюджетов к ВВП стран мира.

Показатели налоговых доходов и расходов бюджетов в 2016 году [17]

Страна	Налоговые доходы бюджета, % к ВВП	Налоговая нагрузка, % от коммерческой прибыли	Расходы бюджета, % к ВВП	Расходы на НИОКР, % к ВВП
Англия	25,4	30,9	38,6	1,7
Италия	23,7	62,0	42,8	1,29
Канада	12,0	21,0	17,2	1,61
Россия	10,9	47,4	30,7	1,19
Франция	23,4	62,8	48,7	2,26
Украина	20,5	51,9	37,5	0,66
США	11,4	44,0	22,8	2,73
Япония	11,0	50,0	28,2	3,58
Германия	11,5	48,9	28	2,87
Китай	9,7	68,0	40,2	2,05
В среднем по миру	15,8	40,6	28	2,13

Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что наибольшая налоговая нагрузка на экономику (налоговые доходы бюджета, % к ВВП) наблюдается в Англии и Франции, наименьшая – в Китае. В Российской Федерации налоговая нагрузка на экономику ниже, чем средний по миру показатель. Налоговая нагрузка на бизнес (налоговая нагрузка, % от коммерческой прибыли) значительно превышает налоговую нагрузку на экономику и достигает 68% в Китае и 62% в Италии и Франции. Наименьшее значение этого показателя из рассмотренных стран зафиксировано в Англии. В Российской Федерации налоговая нагрузка на бизнес несколько превышает средний показатель по миру. Данный показатель представляет интерес, поскольку налоговые инструменты являются основным механизмом государственного регулирования экономики. В условиях высокой налоговой нагрузки бизнес не заинтересован в инвестировании собственных средств в инновационное развитие.

В данном случае для целей исследования инновационного развития стран мира важное значение представляет показатель доли расходов на НИОКР в ВВП. Наибольшие значения этого показателя наблюдаются в Японии – 3,58%, в Германии – 2,87%, в США – 2,73%. Можно

сделать вывод, что в этих странах государственная политика в большей степени направлена на стимулирование инновационного развития по сравнению с другими странами мира. В России показатель доли расходов на НИОКР в ВВП составляет 1,19% и почти в два раза ниже показателя в среднем по миру – 2,13%.

Мировой рынок макротехнологий охватывает более 50 видов высокотехнологичной продукции, из которых на США приходится 22 наименования, Германию – 10, Японию – 7, Великобританию и Францию – по 3–5, Россию вместе с остальным миром – 3–4. Отечественные приоритеты в инноватике связаны с созданием авиакосмического оборудования, вооружений и программных продуктов. В общем мировом объеме производства наукоемкой продукции на высокоразвитые страны приходится 80–90% и практически весь мировой экспорт, тогда как доля России в этом экспорте составляет 0,3%. По данным РАН, удельный вес наукоемкого сектора России в соответствующем мировом составляет 1,2%, тогда как США – 34,2%, Японии – 19,6%, Германии – 4,9%.

Создание кластера способствует генерированию спроса на инновации. Правительство РФ приступило к утверждению кластеров в качестве необходимого

инструмента развития отдельных отраслей промышленности национального приоритета, что подтверждено в ряде нормативных актов. Всего на карту потенциальных кластеров России нанесено порядка 350 перспективных агломераций фирм – будущих конкурентных кластеров [14; 15].

Для целей налогового стимулирования целесообразно определить состав участников кластера. К ним относится сеть организаций различных отраслей (строительство, производство, обслуживание систем жизнеобеспечения населения, оказание транспортных услуг и др.), некоммерческие организации (НКО), вузы, НИИ, государство. Формирующиеся коммуникационные системы внутри кластеров на первоначальном этапе могут отличаться нестабильностью и отсутствием устойчивых связей между его участниками, что требует внимания к проблеме участников кластерной группы и их взаимодействия.

Одна из проблем заключается в трудности регистрации организации в качестве НКО, при этом организация, зарегистрировавшаяся в качестве НКО, сталкивается с обязанностью предоставления большого количества отчетов, заполнения и сдачи «нулевых» деклараций. В результате этого, по данным статистики, из всех некоммерческих организаций официально зарегистрировано около 13%, при этом только они имеют право на поддержку в форме грантов и субсидий от государства.

Приведем пример, отражающий роль кооперации НКО в кластере. Кластер «Долина Медикон» (Дания, Швеция) обеспечивает устойчивый экономический рост в результате интеграции участников кластера в единую систему. Участниками кластера являются: 32 больницы, 12 университетов, 25 фармацевтических компаний, около 100 предприятий по производству медицинской техники, 170 медико-технических компаний.

Важным представляется популяризация результатов интеллектуальной деятельности (РИД) для целей получения экономического эффекта, производство новой продукции и услуг, улучшение инфраструктуры региона и т. д.

Остается неясным вопрос о предоставлении налоговых льгот и преференций кластерным объединениям, которые функционируют за пределами утвержденных кластеров правительством. Критерии включения организаций в кластер являются достаточно сложными для малых предпринимательских сетей, т. к. подразумевают достаточно высокую проработанность управленческих мер.

Таким образом, налоговые привилегии получает ограниченный перечень хозяйствующих субъектов. На остальные компании, образующие кластерные группы, функционирующие за пределами утвержденных правительством кластеров, данные льготы и преференции не распространяются. Аналогичная ситуация складывается с порядком предоставления субсидий.

Следует отметить, что не все экономические меры государственной поддержки инновационной деятельности одинаково эффективны для различных хозяйствующих субъектов, поскольку налог на прибыль платят далеко не все налогоплательщики. Данное обстоятельство объясняется отсутствием прибыли, особенно на начальном этапе создания и функционирования кластера, из-за понесенных расходов, а имущественные налоги, как правило, играют в налоговом бремени предприятий несущественную роль.

Однако в той или иной степени зависимость между фискальными интересами государства и хозяйствующими субъектами должна служить базой для научного обоснования финансовых пропорций развития государства, в частности для определения наиболее рационального предела налоговых изъятий.

Реализуя налоговую политику, государство может снижать ставки налогов,

стимулируя те или иные сектора экономики. В данном случае механизмы государственного регулирования и развития приоритетных отраслей экономики могут предусматривать случаи, когда высвобождаемые суммы по налоговым отчислениям реинвестируются данными предприятиями в инновационное развитие, модернизацию и расширение производства.

Таким образом, государство, корректируя налоговую нагрузку, может создать индикативный механизм трансформации потенциальных налоговых поступлений в инновационные проекты. Внедряя фискальные элементы государственного регулирования с учетом их индикативного характера, государство может влиять на инновационное развитие, обеспечивая поступление инвестиций в определенные сферы и отрасли, бюджетный эффект от которых будет наиболее существенным. Результатом индикативного регулирования должно стать на макроуровне: проведение эффективной фискальной политики, формирование инновационной экономики, модернизация и технологическое обновление производства.

Проведенный анализ современного мирового опыта, а также результаты нашего исследования позволяют сформулировать ряд положений, направленных на формирование инновационной экономики с использованием инструментов фискальной политики. Так, следует проводить фискальную политику с учетом особенностей, специфики организации и функционирования экономики, а также в зависимости от типа государственного устройства страны. Кроме того, формирование и регулирование деятельности инновационных кластеров следует с учетом индивидуального подхода к проблемам развития каждого кластера. Также требуется совершенствование законодательной базы регулирования деятельности кластеров, в том числе решение проблем нормативно-правового закрепления категории «кластер» для целей Налогового кодекса; общественных некоммерче-

ских организаций как участников кластера; методов налогового стимулирования деятельности участников кластера. Особое внимание необходимо при активном использовании механизмов налогового стимулирования (снижение ставок основных налогов, предоставление налоговых льгот, отсрочки уплаты налоговых платежей) инновационных территориальных образований, распространяющихся на всех участников инновационного сектора экономики. И особенно тщательного обоснования требуют налоговые поощрения малых и средних предприятий при их объединении в кластер, не включенный в перечень кластеров, утвержденных Правительством РФ.

Список литературы

1. Sari N., Dewi M. S., Idonesina Y. S. The effect of tax holiday on economic growth related to foreign investment // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2015. Vol. 211. P. 1008–1015.
2. Mukherjee A., Singh M., Žaldokas A. Do corporate taxes hinder innovation? // *Journal of Financial Economics*. 2017. Vol. 124, No. 1. P. 195–221.
3. Huizinga H. National tax policies towards product-innovating multinational enterprises // *Journal of Public Economics*. 1991. Vol. 44, No. 1. P. 1–14.
4. Boratyńska K., Huseynov R. T. An innovative approach to food security policy in developing countries // *Journal of Innovation & Knowledge*. 2017. Vol. 2, no. 1. P. 39–44.
5. Campodonico L. A. B., Bonfatti R., Pisano L. Tax policy and the financing of innovation // *Journal of Public Economics*. 2016. Vol. 135. P. 32–46.
6. Yang Z., Hao P., Cai J. Economic clusters: A bridge between economic and spatial policies in the case of Beijing // *Cities*. 2015. Vol. 42 (B). P. 171–185.
7. Sun Z., Li X., Xie Y. A comparison of innovative financing and general fiscal investment strategies for second-class high-

ways // Perspectives for building a sustainable financing strategy Transport Policy. 2014. Vol. 35. P. 193–201.

8. Tkacheva T. Yu., Sevryukova L. V., Afanaseva L. V. Organizational and functional features of fiscal mechanisms: theoretical aspects and current trends // Journal of the Social Sciences. 2016. Vol. 15. P. 3692–3696.

9. Trusova N., Klimenko P., Prihodchenko O. Regional State Fiscal Policy: Russian and Foreign Experience // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. Vol. 6, No. 6. P. 436–443.

10. Клименко П. А., Трусова Н. С. Компаративный анализ государственной налоговой политики в России и зарубежных странах // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2016. № 1 (18). С. 136–144.

11. Program budgeting as a mechanism to achieve social and economic development of the region / V. Plotnikov, P. Klimenko, N. Trusova, O. Prihodchenko // SGEM 2015 International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts Political Sciences, Law, Finance, Economics and Tourism Conference Proceedings. Albena, Bulgaria, 2015. P. 851–858.

12. Севрюкова Л. В., Трусова Н. С. Государственная политика стимулирова-

ния инвестиционной активности // Экономічний часопис-XXI. 2014. № 9-10. С. 106–109.

13. Ткачева Т. Ю., Севрюкова Л. В., Афанасьева Л. В. Развитие бюджетных отношений для обеспечения справедливого перераспределения финансовых ресурсов // Известия Юго-Западного государственного университета. 2013. № 6 (51), ч. 1. С. 50–56.

14. Вертакова Ю. В., Положенцева Ю. С., Клевцова М. Г. Векторный анализ кластерных инициатив региона // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2015. № 1. С. 43–50.

15. Вертакова Ю. В., Положенцева Ю. С., Хлынин М. Ю. Формирование и развитие промышленных кластеров // Техничко-технологические проблемы сервиса. 2014. № 1. С. 92–99.

16. Вертакова Ю. В., Симоненко Е. С. Проблемы становления и развития методологии индикативного управления: монография / Курск. гос. техн. ун-т. Курск, 2009. 349 с.

17. The World Bank [Electronic resource]. URL: <http://www.worldbank.org/> (дата обращения: 07.07.2018)

Поступила в редакцию 30.08.18

UDC 332.14

N. S. Trusova, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: Trusova-ns@yandex.ru)

P. A. Klimenko, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: pklimenko.81@mail.ru)

ADAPTATION OF MEASURES OF THE STATE FISCAL POLICY FOR THE PURPOSE OF FORMING OF FAVORABLE INNOVATIVE CONDITIONS

One of the main tasks in the course of implementation of an economic reform is carrying out the effective social and economic policy aimed at innovative development and providing the steady growth of national economy. The relevance of a subject of a research is caused by need of search of effective levers of administrative and organizational and economic impact on growth of innovative activity via mechanisms which stimulate economy to become innovative focused and competitive. Special importance is represented by regulation of innovative

development and support of cluster initiatives which are the necessary instrument of transition of the country on the innovative way of development.

The research objective consists in justification of need and the proof of a possibility of application of methods of fiscal character for activization of innovative processes, on the basis of the analysis of dynamics of the statistics characterizing tax revenues and expenses on research and development. For achievement of a goal in a research the following tasks are solved: in article the analysis of the theory and practice of application of fiscal methods of state regulation of innovative processes is carried out; shortcomings of the existing legislation which lead to the high level of tax burden, existence of administrative barriers are revealed; the statistical analysis an indicator, characterizing tax burden and assignments of research and development is provided in article. Need and a possibility of decrease in tax burden for the innovative enterprises of Russia is proved. The research objective consists in justification of need and the proof of a possibility of application of methods of fiscal character for activization of innovative processes, on the basis of the analysis of dynamics of the statistics characterizing tax revenues and expenses on research and development. For achievement of a goal in a research the following tasks are solved: in article the analysis of the theory and practice of application of fiscal methods of state regulation of innovative processes is carried out; shortcomings of the existing legislation which lead to the high level of tax burden, existence of administrative barriers are revealed; the statistical analysis an indicator, characterizing tax burden and assignments of research and development is provided in article. Need and a possibility of decrease in tax burden for the innovative enterprises of Russia are proved.

In a research theoretical and empirical methods are used, in particular: review of literature, logical and system analysis, methods of collecting empirical data, descriptions, forecast and processing of results of a research. Features of state regulation according to national economy type are considered. Current problems of formation and development of regional innovative clusters are defined. Features of state regulation in the context of innovative development are considered by methods of fiscal policy. In a research theoretical and empirical methods are used, in particular: review of literature, logical and system analysis, methods of collecting empirical data, descriptions, forecast and processing of results of a research.

In a research features of state regulation according to national economy type are considered. Current problems of formation and development of regional innovative clusters are defined. Features of state regulation in the context of innovative development are considered by methods of fiscal policy.

As a result of a research it is established that one of the most effective methods of state regulation is the fiscal policy, and tax tools are the most effective mechanism of public administration by economy. At realization of effective social and economic policy it is necessary to use as acceptable foreign experience, and to form domestic experience of regulation of social and economic processes.

In the conclusion authors have noted that the fiscal policy has high potential in regulation of innovative development and contains a wide list of tax benefits and releases. In a research it is proved that it is expedient to carry out use of tools and mechanisms of fiscal policy according to national economy type, taking into account the level of tax burden of economy, efficiency of redistribution of fiscal resources by the state, powers of authorities granting tax benefits. In a research it is offered to use actively fiscal tools for stimulation of activity of innovative clusters on condition of reinvestment of financial resources on the purpose of formation of progressive and innovative structure of economy.

Key words: fiscal policy of the state, tax income and tax expenses, tax burden, tax tools, innovative activity, economic growth.

For citation: Trusova N. S., Klimenko P. A. Adaptation of measures of the state fiscal policy for the purpose of forming of favorable innovative conditions. Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management, 2018, vol. 8, no. 3 (28), pp. 45–52 (in Russ.).

References

1. Sari N., Dewi M. S., Idonesina Y. S. The effect of tax holiday on economic growth related to foreign investment. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2015, vol. 211, pp. 1008–1015.

2. Mukherjee A., Singh M., Žaldokas A. Do corporate taxes hinder innovation? *Journal of Financial Economics*, 2017, vol. 124, no. 1, pp. 195–221.

3. Huizinga H. National tax policies towards product-innovating multinational enterprises. *Journal of Public Economics*, 1991, vol. 44, no. 1, pp. 1–14.

4. Boratyńska K., Huseynov R. T. An innovative approach to food security policy in developing countries. *Journal of Innovation & Knowledge*, 2017, vol. 2, no. 1, pp. 39–44.

5. Campodonico L. A. B., Bonfatti R., Pisano L. Tax policy and the financing of in-

novation. *Journal of Public Economics*, 2016, vol. 135, pp. 32–46.

6. Yang Z., Hao P., Cai J. Economic clusters: A bridge between economic and spatial policies in the case of Beijing. *Cities*, 2015, vol. 42 (B), pp. 171–185.

7. Sun Z., Li X., Xie Y. A comparison of innovative financing and general fiscal investment strategies for second-class highways. *Perspectives for building a sustainable financing strategy Transport Policy*, 2014, vol. 35, pp. 193–201.

8. Tkacheva T. Yu., Sevryukova L. V., Afanaseva L. V. Organizational and functional features of fiscal mechanisms: theoretical aspects and current trends. *Journal of the Social Sciences*, 2016, vol. 15, pp. 3692–3696.

9. Trusova N., Klimenko P., Prikhodchenko O. Regional State Fiscal Policy: Russian and Foreign Experience. *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 2015, vol. 6, no. 6, pp. 436–443.

10. Klimenko P. A., Trusova N. S. Komparativnyj analiz gosudarstvennoj nalogovoj politiki v Rossii i zarubezhnyh stranah. *Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Jekonomika. Sociologija. Menedzhment*, 2016, no. 1 (18), pp. 136–144.

11. Plotnikov V., Klimenko P., Trusova N., Prikhodchenko O. Program budgeting as a mechanism to achieve social and economic development of the region. *SGEM 2015 International Multidisciplinary Scientific Con-*

ference on Social Sciences and Arts Political Sciences, Law, Finance, Economics and Tourism Conference Proceedings. Albena, Bulgaria, 2015, pp. 851–858.

12. Sevryukova L. V., Trusova N. S. Gosudarstvennaya politika stimulirovaniya investicionnoj aktivnosti. *Ekonomichnij chasopis-XXI*, 2014, no. 9-10, pp. 106–109.

13. Tkacheva T. Yu., Sevryukova L. V., Afanas'eva L. V. Razvitie byudzhetnyh otoshenij dlya obespecheniya spravedlivogo pereraspredeleniya finansovyh resursov. *Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, no. 6 (51), pt. 1, pp. 50–56.

14. Vertakova Yu. V., Polozhenceva Yu. S., Klevcova M. G. Vektornyj analiz klasternyh iniciativ regiona. *Nauchno-tehnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Ehkonomicheskie nauki*, 2015, no. 1, pp. 43–50.

15. Vertakova Yu. V., Polozhenceva Yu. S., Hlynin M. Yu. Formirovanie i razvitie promyshlennyh klasterov. *Tekhniko-tehnologicheskie problemy servisa*, 2014, no. 1, pp. 92–99.

16. Vertakova Yu. V., Simonenko E. S. Problemy stanovleniya i razvitiya metodologii indikativnogo upravleniya. *Kursk, Kursk. gos. tekhn. un-t*, 2009. 349 p.

17. The World Bank. URL: <http://www.worldbank.org/> (accessed 07.07.2018).

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

УДК 332.1

Ю. С. Положенцева, канд. экон. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: polojenceva84@mail.ru)

Ю. В. Вертакова, д-р экон. наук, профессор, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: vertakova7@yandex.ru)

М. С. Самохвалова, магистрант, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: blinova10_95@mail.ru)

ОЦЕНКА НЕРАВНОМЕРНОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА РЕГИОНОВ НА ОСНОВЕ КОНВЕРГЕНЦИИ И ДИВЕРГЕНЦИИ

В последнее время все чаще в научной литературе поднимается вопрос относительно экономического роста стран. Под экономическим ростом понимается увеличение способности регионов удовлетворять все более широкий круг потребностей людей, что свидетельствует об эффективности экономики региона. К факторам, определяющим темпы экономического роста, относятся качество и количество природных ресурсов, качество и количество трудовых ресурсов, объем основного капитала, новые технологии. Темпы экономического роста отличаются во всех странах мира. Во многих странах произошел переход экстенсивного типа экономического роста к интенсивному типу, главной чертой которого является увеличение производительности труда. Многие связывают экономический рост с конвергенцией. Теория конвергенции возникла из-за неравенства в уровнях социально-экономического развития стран. На сегодняшний день термин «конвергенция» используется для описания интегрирующих процессов. Основой мирового интеграционного развития являются тенденции научно-технического и социально-экономического прогресса, обусловленные сближением экономик большого числа стран с учетом сохранения своих национальных особенностей.

В современной России, согласно исследованиям, территориальное экономическое социальное неравенство не только велико, но и увеличивается. Выделяется ряд причин и факторов, обуславливающих неравенство, к ним относятся уровень дохода различных социальных групп, неординарная степень адаптации различных социальных слоев и групп населения к новым экономическим условиям, региональные и территориальные особенности и вытекающие из них возможности решения социально-экономических проблем. Различия регионов связаны как с характером и особенностями экономического развития, так и с увеличением числа экономических и социальных факторов, которые в своей мере определяют развитие страны.

Целью данной работы является расчет коэффициента вариации среднедушевого ВРП регионов ЦФО, а также анализ динамики изменения коэффициентов вариации, определение бета-коэффициента, проведение регрессионного анализа с целью оценки неравномерности экономического пространства регионов ЦФО за период с 2006 по 2016 г.

Ключевые слова: *неравномерное развитие, конвергенция, дивергенция, коэффициент вариации, валовой региональный продукт, показатель дифференциации, темпы роста.*

Ссылка для цитирования: Положенцева Ю. С., Вертакова Ю. В., Самохвалова М. С. Оценка неравномерности экономического пространства регионов на основе конвергенции и дивергенции // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2018. Т. 8, № 3 (28). С. 53–63.

В российской экономике одной из ведущих проблем, еще с начала переходного периода, выступает проблема неравномерного развития экономического пространства. Неравномерное пространственное развитие является серьезной проблемой, обуславливающей масштабные межбюджетные перераспределения.

В недавнем времени правительством было декларировано несколько подходов к региональной политике, в которых излагались методы по поддержанию отстающих территорий, однако положительного эффекта они не дали [1; 2; 3; 4], поэтому становится актуальным вопрос механизации пространственной эволюции эконо-

мической активности и об определении мер государственной политики, направленных на сбалансированное региональное развитие.

Под неравномерным развитием понимаются особенности экономического и социального развития отдельных регионов, социально-экономические процессы в которых прогрессируют, или стагнируют, и даже откатываются назад.

По нашему мнению, положения теории конвергенции могут стать основой анализа динамики межрегиональных различий. Под конвергенцией в экономике понимается процесс сближения во времени уровней развития стран, регионов, отраслей, уровней развития различных социально-экономических показателей [5]. Являясь системным явлением, она, несомненно, затрагивает пространственное развитие региона.

Выделяют такие типы конвергенции, как:

– абсолютная конвергенция (безусловная сходимоссть), когда бедные страны растут быстрее богатых, независимо от характера экономики разница в уровнях среднедушевого дохода постепенно снижается;

– сигма-конвергенция (σ -сходимость), когда с течением времени происходит снижение дисперсии уровня душевого дохода между странами;

– бета-конвергенция (β -сходимость), когда относительно бедные страны растут быстрее, чем богатые страны;

– условная конвергенция, бедные страны растут быстрее богатых при прочих равных (при условии схожести структурных параметров и производственной функции), т. е. при одинаковом устойчивом состоянии. Если устойчивые состояния отличаются, то условная конвергенция означает, что страна растет быстрее, когда находится дальше от собственного устойчивого состояния.

Термин «конвергенция» начинает использоваться в анализе международной экономической интеграции [5; 6; 7]. Развитие новых форм межстранового внут-

риотраслевого разделения труда, а также расширение мирового рынка способствуют взаимозависимости экономики разных стран. Происходит создание единого финансового, информационного, телекоммуникационного культурного и экономического пространства. Данные процессы способствуют проявлению тенденции сближения (конвергенции) экономик различных стран с учетом сохранения своих национальных особенностей.

Яркое проявление конвергенции характерно для региональной интеграции, в качестве примера можно привести образование в рамках ЕС Еврзоны. Переход входящих в нее стран к единой валюте – евро стал возможным в результате конвергенции экономик этих стран по основным макроэкономическим показателям.

Противоположным процессом конвергенции является дивергенция. Дивергенция – это процесс расхождения, разрыва между уровнями развития отдельных стран, усиление различий между национальными моделями экономики, их отдельными структурами и методами. При дивергенции происходит усиление разрыва между странами-должниками и странами-кредиторами [7]. По данным ООН, углубляется дивергенция между абсолютными размерами душевого дохода в 1/5 самых богатых и 1/5 самых бедных стран [8]. Различают дивергенцию класса А и класса В, а также скрытую дивергенцию.

На практике дивергентные и конвергентные процессы, которые находятся в непрерывном взаимодействии, обеспечивают стабильное развитие и функционирование общественных организмов.

В России нет конкретных моделей и методик оценки конвергенции и дивергенции в развитии регионов. Согласно данным Федерального государственного агентства РФ, для характеристики экономической активности можно использовать ВРП, а также число занятых в экономике региона и численность населения [9].

В работах [5; 10; 11] предложен интересный подход к количественной оценке процессов интеграции и дезинтеграции в промышленности, базирующийся на расчете показателей конвергенции и дивергенции. М. С. Бедакова предлагает для оценки показателя σ -конвергенции использовать стандартные отклонения динамики объемов отгрузки товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по видам экономической деятельности, а для характеристики дивергенции применять коэффициенты вариации.

Мы модифицировали этот подход, используя в качестве анализируемого показателя динамику валового регионального продукта.

Провести оценку «вклада» региона в интегральный показатель дифференциации душевого ВРП предлагается по следующей формуле:

$$d_i = \frac{1}{N} \left(\frac{x_i}{\bar{x}} - 1 \right)^2 : v^2, \quad (1)$$

где d_i – оценка вклада региона i ; x_i – значение душевого ВРП в регионе i ; \bar{x} – среднерегionalное значение душевого ВРП; N – число регионов; v^2 – квадрат коэффициента вариации [12], соответственно $\sum d_i = 1$;

$$v^2 = \frac{1}{N} \sum_{i=1}^N \left(\frac{x_i}{\bar{x}} - 1 \right)^2.$$

В таблице 1 представлены значения показателя ВРП на душу населения регионов Центрального федерального округа за период с 2006 по 2016 г.

По представленным данным с помощью формулы (1) нами был посчитан коэффициент вариации по ЦФО, полученные данные представлены в таблице 2.

Таблица 1

Валовой региональный продукт в ЦФО, тыс. руб./чел. [13]

Субъекты РФ	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
ЦФО	208 806,5	267 272,1	331 472,2	297 793,0	350 204,2	417 288,1	451 517,2	494 482,7	536 607,9	580 706,6	616 366,2
Белгородская обл.	118 211,4	156 225,1	208 548,1	199 046,1	260 015,6	331 010,0	354 570,6	368 874,8	400 820,8	447 619,7	470 874,3
Брянская обл.	62 187,8	78 518,8	96 885,4	98 014,5	114 777,6	137 187,1	164 726,6	175 865,0	196 096,7	221 080,0	233 701,0
Владимирская обл.	76 184,8	99 682,5	119 941,8	127 815,1	155 494,2	181 842,6	200 456,4	216 320,8	232 757,6	262 945,5	281 366,9
Воронежская обл.	70 492,7	94 849,5	122 591,1	129 112,5	148 432,6	203 575,5	241 947,4	262 578,3	308 004,7	345 566,8	360 418,2
Ивановская обл.	50 271,5	68 865,7	80 708,5	81 286,7	103 280,0	121 945,5	129 448,3	151 263,6	146 032,6	174 687,5	174 995,3
Калужская обл.	84 317,4	109 790,3	147 929,5	152 611,6	186 347,8	232 722,0	283 299,9	291 365,2	324 024,4	336 353,9	368 913,4
Костромская обл.	78 226,9	95 687,2	119 071,5	116 856,2	146 536,9	175 626,6	198 142,5	211 383,4	223 884,2	245 940,9	247 313,7
Курская обл.	88 949,4	111 348,4	146 276,4	141 833,5	171 322,1	203 676,0	221 537,3	242 646,1	266 769,3	301 242,5	325 114,5
Липецкая обл.	150 197,1	176 534,6	219 135,8	192 165,2	211 610,6	246 213,8	251 960,8	271 896,2	343 840,0	388 074,7	406 726,2
Московская обл.	137 092,1	188 565,3	237 595,8	217 339,7	259 421,5	304 342,6	336 650,6	359 047,3	381 892,9	437 249,1	483 683,3
Орловская обл.	79 341,5	95 387,1	120 531,4	113 848,8	134 533,8	167 464,9	187 659,7	213 218,2	232 961,6	273 107,5	282 494,1
Рязанская обл.	89 010,9	102 982,5	128 211,5	131 891,2	154 844,8	186 187,2	221 430,1	244 399,3	259 732,0	285 257,8	298 624,0
Смоленская обл.	77 366,8	94 432,4	121 012,7	125 743,1	156 567,3	184 184,9	206 391,7	232 503,7	242 884,6	266 927,2	274 415,3
Гамбовская обл.	70 416,2	94 532,5	108 653,3	123 512,0	131 456,7	159 543,0	188 418,7	220 392,5	268 051,7	300 289,9	297 933,7
Тверская обл.	90 517,8	112 021,5	139 216,2	144 257,9	161 305,0	189 484,3	200 327,2	224 621,6	239 829,4	251 633,2	276 255,4
Тульская обл.	88 476,2	109 225,6	146 465,6	136 851,6	152 571,7	180 866,3	202 302,5	227 925,7	270 914,9	316 248,5	344 487,4
Ярославская обл.	117 309,2	143 936,4	166 711,8	165 757,6	187 875,5	225 777,7	257 426,7	285 331,7	307 827,1	348 375,7	369 539,9
г. Москва	477 873,0	601 146,9	734 242,0	628 930,3	730 774,2	859 355,1	895 017,9	980 986,6	1 051 559,6	1 102 496,4	1 157 373,0

Таблица 2

Коэффициент вариации субъектов ЦФО

Субъекты РФ	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Белгородская обл.	0,025345	0,023261	0,018977	0,017808	0,010891	0,007221	0,008451	0,011874	0,012196	0,010805	0,011393
Брянская область	0,066384	0,067205	0,069113	0,072891	0,074209	0,07611	0,073954	0,076405	0,076692	0,0789	0,078815
Владимирская обл.	0,054314	0,052979	0,056195	0,052767	0,05076	0,053777	0,056675	0,058234	0,061067	0,061599	0,060403
Воронежская обл.	0,059076	0,056079	0,054796	0,051965	0,054509	0,044307	0,03949	0,040476	0,034566	0,033731	0,035259
Ивановская обл.	0,077613	0,074255	0,078974	0,085609	0,081635	0,084618	0,093267	0,088659	0,100902	0,100569	0,104853
Калужская обл.	0,047857	0,046781	0,042309	0,038495	0,035948	0,033046	0,025443	0,031051	0,029891	0,036425	0,032958
Костромская обл.	0,052654	0,055536	0,056659	0,059791	0,055538	0,056654	0,057724	0,06032	0,064686	0,068368	0,073308
Курская обл.	0,044362	0,04586	0,043074	0,044422	0,042843	0,044265	0,047556	0,047733	0,048161	0,047646	0,045657
Липецкая обл.	0,010608	0,015531	0,015849	0,020377	0,025718	0,028391	0,035806	0,037289	0,024579	0,022637	0,023655
Московская обл.	0,015882	0,011685	0,011068	0,011821	0,011035	0,012375	0,011864	0,013805	0,015833	0,012555	0,009476
Орловская обл.	0,051759	0,05573	0,055882	0,061795	0,062277	0,060545	0,062599	0,05954	0,060985	0,057722	0,059997
Рязанская обл.	0,044316	0,050913	0,051887	0,050267	0,051099	0,05181	0,047601	0,047071	0,050706	0,053252	0,05434
Смоленская обл.	0,05335	0,056351	0,055628	0,054061	0,050202	0,052712	0,054027	0,051655	0,057064	0,060065	0,062936
Тамбовская обл.	0,059142	0,056286	0,062353	0,055473	0,064067	0,064446	0,06224	0,056542	0,047704	0,047971	0,054577
Тверская обл.	0,043209	0,045465	0,046421	0,043052	0,047776	0,050342	0,056733	0,05481	0,058258	0,066063	0,062261
Тульская обл.	0,044713	0,047118	0,042986	0,047306	0,052295	0,054223	0,055844	0,053476	0,046693	0,042666	0,039785
Ярославская обл.	0,025852	0,028694	0,034093	0,031839	0,035281	0,035579	0,033872	0,032923	0,03462	0,032929	0,032791
г. Москва	0,223564	0,210271	0,203736	0,20026	0,193917	0,189578	0,176856	0,178137	0,175397	0,166097	0,157535
Σ	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1

Согласно расчетам значительный вклад в численное значение коэффициента вариации в 2016 г. внес г. Москва (22,4%). Сумма квадратов отклонений всех остальных 17 регионов составляет половину всего разброса, то же самое наблюдается и в остальные анализируемые годы.

Ослабление или усиление региональной поляризации связано с динамическими факторами, изменением роли отдельных регионов в совокупном показателе рассеяния. Существенный вклад в дифференциацию душевого ВРП с 2006 по 2013 г. оказывает г. Москва, с 2014 по 2016 г. – г. Москва и Ивановская область.

Наименьший вклад в интегральный показатель дифференциации был внесен Белгородской областью на протяжении всего анализируемого периода. Что касается остальных регионов, то их показатели незначительны. Вклад каждого из регионов с 2006 по 2016 г. сравнительно низок и меньше соответствующего 2006 г.

Рассмотрим динамику коэффициента вариации с 2006 по 2016 г. (рис. 1) с учетом всех регионов, без г. Москва и без 2 регионов-лидеров.

На рисунке 1 представлена динамика коэффициента вариации среднедушевого ВРП, согласно которой можно отметить, что без учета г. Москвы наблюдается положительная динамика. Без учета двух регионов-лидеров также наблюдается положительная динамика, но слабее, чем в первом случае.

Проведя анализ коэффициента вариации ЦФО, был определен бета-коэффициент конвергенции, который равен 0,005213, его значение меньше нуля, что характерно при наличии конвергенции (сходимости). Коэффициент детерминации равен 0,96, что говорит о том, что темпы роста душевого дохода ЦФО на 97% зависят от уровня дохода на душу населения.

Без двух регионов-лидеров бета-коэффициент равен 0,002984, его значение меньше нуля, значит, существует наличие бета-конвергенции. Коэффициент детерминации в данном случае равен 0,79.

При помощи анализа коэффициента вариации и оценки модели бета-конвергенции были выделены следующие периоды, которые характеризуются динамикой межрегиональных различий: 2006–

2008 гг. и 2008–2011 гг. – рост, 2011–2013 гг. и 2013–2016 гг. – снижение дифференциации. Такие колебания вариации происходят не только в ЦФО в целом, но и в регионах. Такая периодичность не случайна, обнаруживается взаимосвязь изменений

вариации в федеральном округе с общим трендом экономической динамики. Сопоставление темпов роста ВРП ЦФО и составляющих его регионов, а также соответствующие им изменения межрегиональной вариации представлены в таблицах 3 и 4.

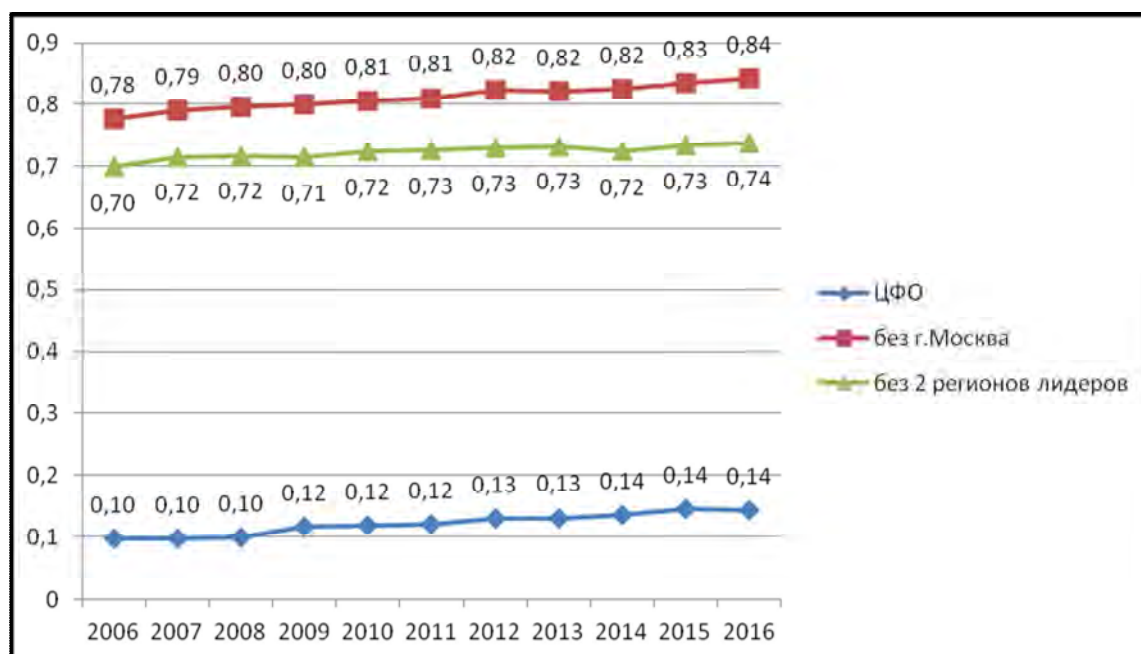

Рис. 1. Коэффициент вариации среднедушевого ВРП

Таблица 3

Среднегодовые темпы роста физического объема ВРП регионов ЦФО, %

Субъекты РФ	2006–2008 гг.	2008–2011 гг.	2011–2013 гг.	2013–2015 гг.
Центральный федеральный округ	43,67	56,65	73,73	87,17
Белгородская обл.	34,19	53,02	74,65	86,17
Брянская обл.	33,89	47,80	68,15	84,59
Владимирская обл.	35,04	51,99	70,92	84,35
Воронежская обл.	26,63	41,88	65,49	84,73
Ивановская обл.	38,07	55,32	76,70	89,90
Калужская обл.	30,90	48,77	72,95	86,00
Костромская обл.	39,49	56,42	78,87	91,81
Курская обл.	35,53	50,99	68,47	83,12
Липецкая обл.	44,74	53,42	63,11	82,27
Московская обл.	38,82	52,65	68,92	81,20
Орловская обл.	34,84	47,47	67,06	84,87
Рязанская обл.	35,74	50,33	72,78	88,11
Смоленская обл.	35,57	53,52	75,69	90,17
Тамбовская обл.	30,61	43,90	63,59	88,24
Тверская обл.	41,24	57,40	74,14	86,40
Тульская обл.	33,30	44,76	59,13	78,87
Ярославская обл.	38,60	50,48	69,32	84,93
г. Москва	52,22	63,79	78,78	90,29

Таблица 4

Среднегодовые изменения коэффициента вариации душевого ВРП в регионах ЦФО

Субъекты РФ	2006–2008 гг.	2008–2011 гг.	2011–2013 гг.	2013–2016 гг.
Белгородская обл.	-0,0888	-0,19674	0,191799	-0,00813
Брянская обл.	0,013589	0,02459	0,001604	0,007869
Владимирская обл.	0,012042	-0,0099	0,027135	0,009487
Воронежская обл.	-0,02454	-0,04747	-0,02792	-0,03121
Ивановская обл.	0,006762	0,018535	0,017601	0,044346
Калужская обл.	-0,03936	-0,05926	-0,00322	0,021512
Костромская обл.	0,024981	0,00106	0,021287	0,05039
Курская обл.	-0,00899	0,007237	0,02602	-0,01087
Липецкая обл.	0,161528	0,16294	0,100862	-0,09372
Московская обл.	-0,10569	0,030751	0,040777	-0,07636
Орловская обл.	0,026484	0,021448	-0,00498	0,002545
Рязанская обл.	0,055996	-0,00019	-0,03079	0,03697
Смоленская обл.	0,01447	-0,01239	-0,00632	0,051275
Тамбовская обл.	0,019835	0,012623	-0,04193	-0,00325
Тверская обл.	0,024416	0,022718	0,031017	0,03483
Тульская обл.	-0,0113	0,060708	-0,00417	-0,07015
Ярославская обл.	0,099354	0,012614	-0,02533	-0,00037
г. Москва	-0,03018	-0,01778	-0,01996	-0,02999

При графическом отображении среднегодовых темпов роста физического объема ВРП регионов было выявлено, что третий и четвертый интервалы всех исследуемых регионов отличаются значительно быстрым ростом и усилением дифференциации, в то время как первый интервал отличается ослаблением дифференциации и невысокими темпами роста. Быстрые изменения с каждым периодом, положительная связь роста и изменения вариации уже подтверждены статистически.

Регрессионное уравнение для проверки взаимосвязи роста и изменений

дифференциации за период 2006–2016 гг. имеет следующий вид:

$$\Delta v_{it} = aI_{it} + b + e_{it}, \quad (2)$$

$$i = 1, \dots, 7, t = 2006, \dots, 2016,$$

где Δv_{it} – годовое изменение коэффициента вариации душевого ВРП с года $t - 1$ до года t для i -го региона ЦФО; I_{it} – индекс роста ВРП i -го региона в год t ; a – коэффициент; b – свободный член регрессии; e_{it} – остатки регрессии.

Результаты оценки этой регрессии по данным за период с 2006 по 2016 г. представлены в таблице 5.

Таблица 5

Результаты оценки изменения вариации от темпов роста по регионам ЦФО в период 2006–2016 гг.

Субъекты РФ	Коэф. a	F-статистика	Уровень значимости	R-квадрат
Белгородская обл.	2,403337	13,23	0,005	0,59
Брянская обл.	2,362656	83,57	7,51E-06	0,90
Владимирская обл.	2,420354	14,74	0,003	0,62
Воронежская обл.	1,851368	106,74	2,72E-06	0,92

Субъекты РФ	Коэф. a	F-статистика	Уровень значимости	R-квадрат
Ивановская обл.	2,504889	77,33	1,03E-05	0,89
Калужская обл.	2,138697	12,86	0,005	0,58
Костромская обл.	2,738567	30,23	0,0003	0,77
Курская обл.	2,466232	5,70	0,040	0,38
Липецкая обл.	2,874761	5,14	0,049	0,36
Московская обл.	2,668915	0,19	0,672	0,02
Орловская обл.	2,498688	3,69	0,086	0,29
Рязанская обл.	2,629459	2,65	0,137	0,22
Смоленская обл.	2,501318	3,62	0,089	0,28
Тамбовская обл.	2,160223	3,23	0,105	0,26
Тверская обл.	2,817175	65,60	2E-05	0,87
Тульская обл.	2,352347	0,06	0,798	0,007
Ярославская обл.	2,781214	4,03	0,075	0,30
г. Москва	3,93061	345,34	1,73E-08	0,97

Согласно полученным данным за весь исследуемый период наибольший коэффициент дифференциации принадлежит г. Москва и Воронежской области, наименьший – Тульской области (0,007). Экономический рост связан с краткосрочным усилением дифференциации. Это объясняется тем, что импульсы роста реализуются в основном за счет более экономически развитых, более продуктивных регионов, способных достаточно быстро получить эффект от своих преимуществ, оторваться от более слабых территорий.

Проведенный анализ социально-экономического развития субъектов ЦФО показал наличие межрегиональной дифференциации, при этом в динамике ее уровень меняется и увеличивается диапазон между наибольшими и наименьшими значениями. Неудовлетворительное сочетание уровня и скорости развития этих регионов требует повышенного внимания не только региональных, но и федеральных органов власти и управления процессами дифференциации [14; 15; 16], поэтому необходимо обоснование направлений управления дифференциацией социально-экономических систем регионов на основе формирования адресных мер

государственного регулирования в зависимости от глубины дифференциации.

На основе этого можно выделить основные стратегические задачи, ориентированные на управление процессом сглаживания дифференциацией социально-экономических систем регионов: создание и развитие новых точек экономического роста в субъектах РФ и их муниципальных образованиях; формирование положений новой региональной политики и межрегиональных и межмуниципальных экономических связей, в том числе между развитыми и депрессивными территориями; развитие инфраструктурных объектов, призванных обеспечить связанность и транспортную доступность всех населенных пунктов.

Структура формирования механизма государственного регулирования дифференциации представлена на рисунке 2.

В процессе государственного управления региональным социально-экономическим развитием происходит корректировка осуществляемых программ госрегулирования через оценку достигаемой эффективности и социальной значимости, определение соответствия произведенных затрат полученным результатам [17; 18; 19; 20].

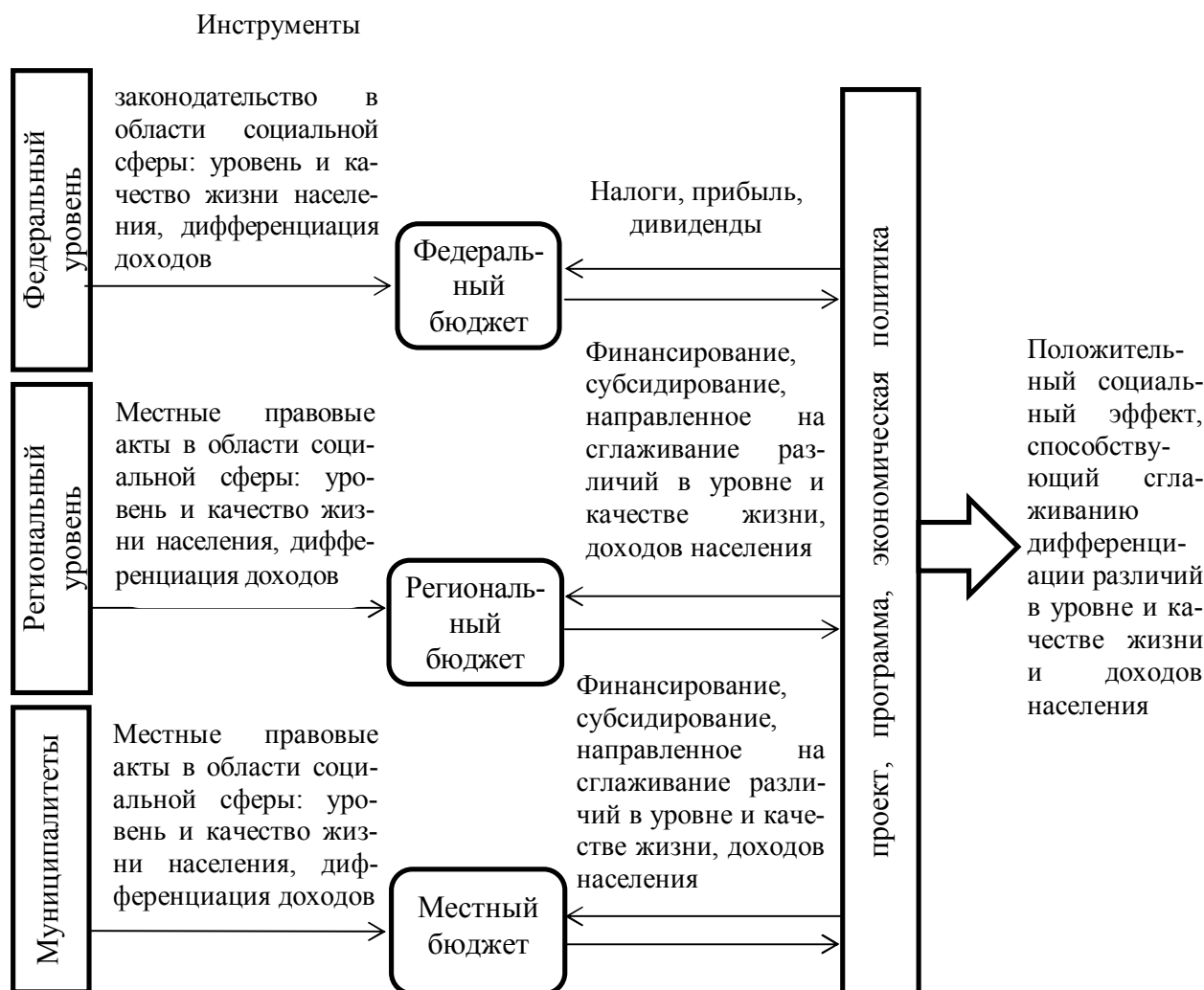

Рис. 2. Структура формирования механизма государственного регулирования дифференциации

В исследовании представлен подход к измерению дифференциации социально-экономических систем регионов на основе конвергенции и дивергенции, которые отражают взаимосвязь между темпами экономического роста и социальным равновесием, показывающими эффективность государственного управления и реализацию принципов социального партнерства в обществе. В условиях глобализации мирового экономического пространства и глубоких социально-экономических изменений в экономике стран формирование эффективной системы государственного управления позволит повысить результативность использования ограниченных ресурсов (финан-

совых, материальных, кадровых), выделяемых для решения задач сокращения дифференциации.

Исследование выполнено на основе гранта Президента РФ по государственной поддержке молодых российских ученых № МК-831.2017.6 «Государственное регулирование дифференциации экономического пространства инструментами новой региональной политики».

Список литературы

1. Данченко Н. В., Киселева Н. Н., Русинова О. С. Теория пространственного развития. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2015. 111 с.

2. Леонтьев Е. Д. Методика оценки межрегиональной дифференциации экономического пространства // Известия Юго-Западного государственного университета. 2017. № 3 (72). С. 93–103.
3. Положенцева Ю. С. Компаративный анализ тенденций межтерриториальной дифференциации: международные сопоставления // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2017. Т. 7, № 3 (24). С. 24–36.
4. Преображенский Б. Г., Трещевский Ю. И., Хрипченко М. А. Резистентность российских регионов к интеграции и конвергенции // Регион: системы, экономика, управление. 2008. № 2. С. 26–35.
5. Бедакова М. С. Управление интеграционными и дезинтеграционными процессами промышленных предприятий и комплексов: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. Курск, 2016. 24 с.
6. Йодчин А. А. Декомпозиция межрегиональной конвергенции в России // Аудит и финансовый анализ. 2007. № 4. С. 3–7.
7. Коломак Е. А. Модели региональной политики: конвергенция или дивергенция // Вестник НГУ. Серия: Социально-экономические науки. 2009. Т. 9, вып. 1. С. 113–120.
8. Рындина М. Н., Василевский Е. Г., Голосов В. В. История экономических учений. М.: Высш. шк., 1983. 559 с.
9. Лавровский Б. Л., Шильцин Е. А. Российские регионы: сближение или расслоение? // Экономика и математические методы. 2009. № 2 (45). С. 31–36.
10. Бедакова М. С., Растопчинова И. Л. Теоретико-методические аспекты интеграционных и дезинтеграционных процессов в промышленной сфере // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2015. № 3 (16). С. 188–195.
11. Вертакова Ю. В., Бедакова М. С. Проявление дезинтеграционных процессов в промышленности: формы, типы, влияющие факторы // Технико-технологические проблемы сервиса. 2016. № 1 (35). С. 58–62.
12. Сизова Т. М. Статистика. СПб.: С.-Петербург. НИУ ИТМО, 2013. 176 с.
13. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 06.07.2018).
14. Мишулин Г. М., Стягун А. В. Экономический рост: факторы, источники, механизмы: монография. М.: Современная экономика и право, 2012. 212 с.
15. Нестеров А. К. Экономический рост и развитие стран мира [Электронный ресурс]. URL: <http://odiplom.ru/lab/ekonomicheskii-rost-i-razvitie-stran-mira.html> (дата обращения: 06.07.2018).
16. Сафрончук М. В. Экономический рост // Курс экономической теории. 5-е исп., доп. и перераб. Киров: АСА, 2004. С. 605–644.
17. Лавров Е. И., Капогузов Е. А. Экономический рост: теории и проблемы. Омск: Изд-во ОмГУ, 2006. 214 с.
18. Либман А. М. Экономическая интеграция на постсоветском пространстве: институциональный аспект // Вопросы экономики. 2005. № 3. С. 29–35.
19. Положенцева Ю. С. Управление дифференциацией социально-экономических систем регионов на основе мобилизации внутренних и привлечения внешних ресурсов развития // Известия Юго-Западного государственного университета. 2017. № 2 (71). С. 137–149.
20. Постникова Е. А., Шильцин Е. А. Новейшие тенденции регионального развития России: некоторые фрагменты // Регион: экономика и социология. 2009. № 3. С. 67–86.

Поступила в редакцию 07.08.18

UDC 332.1

Yu. S. Polozhentseva, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: polojenceva84@mail.ru)

Yu. V. Vertakova, Doctor of Economic Sciences, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: vertakova7@yandex.ru)

M. S. Samokhvalova, Undergraduate, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: blinova10_95@mail.ru)

EVALUATION OF THE INEQUALITY OF THE ECONOMIC SPACE OF REGIONS BASED ON THE CONVERGENCE AND DIVERGENCE

Recently, the question of the economic growth of countries has been increasingly raised in the scientific literature. Economic growth is understood as an increase in the ability of regions to meet an ever wider range of people's needs, which indicates the effectiveness of the region's economy. The factors determining the rate of economic growth include quality and quantity of natural resources, quality and quantity of labor resources, volume of fixed capital, new technologies. The pace of economic growth is different in all countries of the world. In many countries there has been a transition of an extensive type of economic growth to an intensive type, the main feature of which is an increase in labor productivity. Many associate economic growth with convergence. The theory of convergence arose because of inequality in the levels of socio-economic development of countries. To date, the term "convergence" is used to describe integrating processes. The basis of world integration development is the trends of scientific and technical and socio-economic progress, caused by the convergence of economies of a large number of countries, taking into account the preservation of their national characteristics.

In modern Russia, according to research, territorial economic social inequality is not only great, but also increasing. There are a number of reasons and factors that cause inequality, including the level of income of various social groups, the extraordinary degree of adaptation of different social strata and groups of the population to the new economic conditions, regional and territorial features and the opportunities to solve social and economic problems stemming from them. The differences in regions are related both to the nature and characteristics of economic development, and to the growing number of economic and social factors that in their turn determine the development of the country.

The purpose of this paper is to calculate the coefficient of variation of the average per capita GRP of the regions of the Central Federal District. Also, an analysis of the dynamics of variation in the coefficients of variation, the determination of the beta coefficient. Regression analysis to assess the unevenness of the economic space of the regions of the Central Federal District for the period from 2006 to 2016.

Key words: uneven development, convergence, divergence, coefficient of variation, gross regional, indicator of differentiation, growth rates.

For citation: Polozhentseva Yu. S., Vertakova Yu. V., Samokhvalova M. S. Evaluation of the inequality of the economic space of regions based on the convergence and divergence. Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management, 2018, vol. 8, no. 3 (28), pp. 53–63 (in Russ.).

References

1. Danchenko N. V., Kiseleva N. N., Rusinova O. S. Teoriya prostranstvennogo razvitiya. Stavropol', SKFU Publ., 2015. 111 p.

2. Leont'ev E. D. Metodika ocenki mezhterritorial'noj differenciacii ehkonomicheskogo prostranstva. Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta, 2017, no. 3 (72), pp. 93–103.

3. Polozhenceva Yu. S. Komparativnyj analiz tendencij mezhterritorial'noj differenciacii: mezhdunarodnye sopostavleniya. Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Jekonomika. Sociologija.

Menedzhment, 2017. vol. 7, no. 3 (24), pp. 24–36.

4. Preobrazhenskij B. G., Treshchevskij Yu. I., Hripchenko M. A. Rezistentnost' rossijskih regionov k integracii i konvergencii. Region: sistemy, ehkonomika, upravlenie, 2008, no. 2, pp. 26–35.

5. Bedakova M. S. Upravlenie integracionnymi i dezintegracionnymi procesami promyshlennyh predpriyatij i kompleksov. Avtoref. diss. kand. ehkon. nauk. Kursk, 2016. 24 p.

6. Jodchin A. A. Dekompoziciya mezhterritorial'noj konvergencii v Rossii. Audit i finansovyj analiz, 2007, no. 4, pp. 3–7.

7. Kolomak E. A. Modeli regional'noj politiki: konvergenciya ili divergenciya. Vestnik NGU. Seriya: Social'no-ehkonomicheskie nauki, 2009, vol. 9, is. 1, pp. 113–120.
8. Ryndina M. N., Vasilevskij E. G., Golosov V. V. Istoriya ehkonomicheskikh uchenij. Moscow, Vyssh. shk. Publ., 1983. 559 p.
9. Lavrovskij B. L., Shil'cin E. A. Rossijskie regiony: sblizhenie ili rassloenie? Ehkonomika i matematicheskie metody, 2009, no. 2 (45), pp. 31–36.
10. Bedakova M. S., Rastopchinova I. L. Teoretiko-metodicheskie aspekty integracionnyh i dezintegracionnyh processov v promyshlennoj sfere. Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Jekonomika. Sociologija. Menedzhment, 2015, no. 3 (16), pp. 188–195.
11. Vertakova Yu. V., Bedakova M. S. Proyavlenie dezintegracionnyh processov v promyshlennosti: formy, tipy, vliyayushchie factory. Tekhniko-tekhnologicheskie problemy servisa, 2016, no. 1 (35), pp. 58–62.
12. Sizova T. M. Statistika. St. Petersburg, St. Petersburg NIU ITMO, 2013. 176 p.
13. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki. URL: <http://www.gks.ru/> (accessed 06.07.2018).
14. Mishulin G. M., Styagun A. V. Ehkonomicheskij rost: factory, istochniki, mekhanizmy. Moscow, Sovremennaya ehkonomika i pravo Publ., 2012. 212 p.
15. Nesterov A. K. Ehkonomicheskij rost i razvitie stran mira. URL: <http://odiplom.ru/lab/ekonomicheskii-rost-i-razvitie-stran-mira.html> (accessed 06.07.2018).
16. Safronchuk M. V. Ehkonomicheskij rost. Kurs ehkonomicheskoy teorii. 5th ed. Kirov, ASA Publ., 2004, pp. 605–644.
17. Lavrov E. I., Kapoguzov E. A. Ehkonomicheskij rost: teorii i problemy. Omsk, OmGU Publ., 2006. 214 p.
18. Libman A. M. Ehkonomicheskaya integraciya na postsovetском prostranstve: institucional'nyj aspect. Voprosy ehkonomiki, 2005, no. 3, pp. 29–35.
19. Polozhenceva Yu. S. Upravlenie differenciaciej social'no-ehkonomicheskikh sistem regionov na osnove mobilizacii vnutrennih i privlecheniya vneshnih resursov razvitiya. Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta, 2017, no. 2 (71), pp. 137–149.
20. Postnikova E. A., Shil'cin E. A. Novejshie tendencii regional'nogo razvitiya Rossii: nekotorye fragment. Region: ehkonomika i sociologiya, 2009, no. 3, pp. 67–86.

УДК 332.1

Е. Д. Леонтьев, канд. экон. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: leo88swsu@mail.ru)

КОНЦЕПЦИЯ РЕГУЛИРОВАНИЯ ВНУТРИРЕГИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ

Современный этап социально-экономического развития России характеризуется наличием пространственных деформаций на региональном и внутрирегиональном уровнях. Однако, если проблема асимметричности региональных трендов развития широко освещается, а на ее преодоление направлены механизмы государственной региональной политики, то вопрос внутрирегиональных социально-экономических диспропорций остается недостаточно исследованным. В то же время именно на внутрирегиональном уровне дифференциация по ряду показателей экономического и социального развития административно-территориальных образований значительно превышает межрегиональные значения. Такая ситуация обуславливает существование разорванности и фрагментарности социально-экономического пространства регионов, расширение ареалов депрессивности, что связано с концентрированием финансовых ресурсов в центрах развития регионов (в частности, в крупных городах), усиление разрыва между городскими и сельскими территориями, углубление проблем территориальной разбалансированности на внутрирегиональном уровне.

Внутрирегиональная социально-экономическая дифференциация является сложным многоплановым явлением, которое может проявляться через определенные особенности: социально-экономические различия административных образований, входящих в состав области; социально-экономические различия экономико-географических территорий, выделяемых в рамках региона; социально-экономические различия регионального центра и периферийных территорий.

Цель данной статьи заключается в развитии теоретических положений и разработке научно обоснованных рекомендаций по регулированию процессов внутрирегиональной дифференциации социально-экономического развития в современных условиях.

Предложена концепция регулирования внутрирегиональной социально-экономической дифференциации, которая направлена на снижение уровня дифференциации социально-экономического пространства региона за счет налаживания сетевых взаимодействий между менее экономически развитыми территориями и полюсами роста; обеспечение интегрированности социально-экономического пространства региона; стимулирования эффективного использования собственного потенциала территорий; повышение конкурентоспособности территорий и регионов в целом.

Ключевые слова: *социально-экономическая дифференциация, концепция регулирования, внутрирегиональные различия.*

Ссылка для цитирования: Леонтьев Е. Д. Концепция регулирования внутрирегиональной социально-экономической дифференциации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2018. Т. 8, № 3 (28). С. 64–72.

Усиление дифференциации в условиях и последствиях жизнедеятельности населения регионов независимо от причин, которые ее вызывают, приводит к нарастанию деструктивных процессов в обществе и обостряет проблему поступательного развития как отдельного региона, так и страны в целом, что становится основой для увеличения диапазонов их экономического и социального развития. Отсутствие эффективного механизма государственного вмешательства в процессы общественного производства, доминирование стихийного саморазвития послужили главными факторами потери поступательного развития регионов.

Современная практика отношений между государством и регионами, а также между отдельными регионами свидетельствует, что политика выравнивания, направленная на поддержку менее экономически и социально развитых территорий, не дает необходимого результата. Эта поддержка выражается в финансовой помощи в форме субсидирования и не нацелена на формирование и сохранение необходимого потенциала этой территории. Поскольку политика выравнивания направлена на достижение определенного экономического равновесия между регионами, объективно достаточно проблематично обеспечить как в ближайшей, так и в отдаленной перспективе, более дей-

ственной является политика стимулирования территориального развития [1; 2]. Она имеет целью принятие мер на государственном и региональном уровнях по максимальному использованию имеющихся материальных, трудовых, организационных и финансовых возможностей. Для того чтобы такая политика стала эффективным рычагом развития как регионов, так и их составляющих (административных единиц), необходимо использовать методы экономического регулирования [2; 3]. Значительная дифференциация в уровнях экономического развития регионов и условиях жизни населения может быть преодолена с помощью экономического регулирования регионального развития, способного обеспечивать тесное взаимодействие всех участников общественных отношений на определенной территории.

Современный этап развития мировой и отечественной науки характеризуется усилением внимания к вопросам территориального развития и его локальных проявлений в частности. При этом имеет место смещение акцентов исследования по исключительно экономической плоскости к политическим и административным его аспектам [4; 5; 6]. В значительной степени это обусловлено вызовами и рисками (которые имеют как внешнюю, так и внутреннюю по отношению к региону природу) для сохранения национальной идентичности государства и их регионов.

К основным вызовам национального характера, обуславливающих необходимость выработки новой концепции регулирования социально-экономической дифференциации в России, следует отнести:

1) углубление социально-экономической дифференциации административно-территориальных единиц страны по ВРП, собственным доходам местных бюджетов, доходам населения и т. д.;

2) усиление концентрации экономического пространства и расширение ареалов депрессивности, что связано с концентрированием финансовых ресурсов в центрах развития (в частности, в крупных

городах) и их «перелив» через банковскую систему от менее состоятельных территорий к более зажиточным;

3) повышение уровня внутрирегиональной социально-экономической дифференциации; речь идет, прежде всего, об усилении разрыва между городскими и сельскими территориями [7];

4) дезинтеграция национального экономического пространства и неэффективность функционирования внутреннего рынка страны;

5) нарастание социальной напряженности в обществе, вызванное неоднозначной для различных слоев населения внутренней и внешней политикой государства.

Преодоление определенных угроз требует усиления роли инструментов регулирования территориального развития, которые реализуются на внутреннем региональном уровне, и их активного включения в формирование конвергентной модели развития регионов страны. При этом перечень традиционных целей региональной политики (в частности, снижение межрегиональной социально-экономической дифференциации и преодоление депрессивности территорий [8]) должно быть расширено такими целями, как снижение внутрирегиональной дифференциации, обеспечение децентрализации власти и налаживания партнерства между различными ее уровнями и ветвями, а также партнерства с частным и неправительственным секторами [9]. Таким образом, в основе современной концепции региональной политики должны быть заложены следующие положения:

1) направленность не только на снижение асимметрий развития территорий по таким показателям, как ВРП, ВДС, уровень доходов населения, но и достижение гуманитарной, информационной, институциональной конвергенции развития регионов и их внутреннего регионального социально-экономического пространства [10];

2) внутрирегиональная и межрегиональная конвергенция должна рассматри-

ваться как критерий достижения единства экономического пространства государства и сплоченности общества. Миссией региональной политики, реализуемой на национальном и региональном уровнях, должно стать обеспечение социально-экономической интегрированности национального пространства.

Необходимость управления внутрирегиональной социально-экономической дифференциацией обусловлена, прежде всего, отсутствием действенных механизмов, направленных на сглаживание существующих диспропорций как в направлении обеспечения соответствующего уровня, так и создания единого комплекса необходимых мер экономического регулирования и правового обеспечения деятельности регионов, которые должны способствовать усилению процесса развития межрегиональных взаимодействий. К тому же разница в уровне жизни, в ценах, в качестве предоставляемых социальных услуг на местном уровне ощущается сильнее, чем на межрегиональном уровне.

Перспективы сглаживания асимметрии на внутрирегиональном уровне в значительной степени зависят от их возможности перераспределения ресурсов между районами, базовыми административно-территориальными единицами. Очевидно, что ресурсов в проблемных регионах значительно меньше, поэтому у них гораздо меньше пространства для маневра ресурсами.

Целенаправленное урегулирование внутрирегиональной дифференциации в сторону уменьшения (а иногда и увеличения) должно быть результатом взвешенной долгосрочной политики социально-экономического развития региона. Это обстоятельство, в свою очередь, предполагает разработку соответствующей стратегии регулирования внутрирегиональной дифференциации, которая основана на принципах и приоритетах региональной стратегии социально-экономического развития и была бы ее составной частью.

В то же время стратегия регулирования внутрирегиональной дифференциации соответствующего региона должна находиться в органическом единстве с целями, приоритетами, временными интервалами, использовать инструментарий регулирования государственной стратегии регионального развития.

Следует также заметить, что как на национальном, так и на региональном уровнях присутствует определенное противоречие между целями социально-экономического развития, декларируемыми в различных стратегических документах [11]. Так, преодоление территориальной дифференциации не всегда сопровождается ростом темпов экономического развития – даже наоборот. Ведь современная теория и практика показывают, что высокие темпы роста, как правило, достигаются благодаря концентрации человеческих, финансовых и других типов ресурсов на определенных территориях, что обуславливает их отвлечение от других территорий и, соответственно, снижение темпов развития последних.

Основными недостатками применения методов и инструментов политики выравнивания являются следующие:

– усиление противостояния между территориями-донорами и территориями-реципиентами при перераспределении бюджетных ресурсов, выстраивания модели «патерналистских» отношений между центром и территориями, отсутствие стимулов для эффективного использования собственного потенциала;

– большая часть предоставленных из центра финансовых ресурсов используется на текущее потребление, а не на финансирование проектов развития, часто имеет результатом низкую эффективность использования бюджетных средств;

– увеличение потоков бюджетных ресурсов в менее развитые территории не сопровождается ростом темпов их социально-экономического развития.

Итак, можно сказать, что в современных условиях для российских регионов неприемлемо исключительное применение инструментария выравнивания развития территорий или стимулирования экономического роста в отдельных точках. Преодоление такого противоречия возможно лишь при условии взвешенного сочетания указанного инструментария.

Однако крайне важно, чтобы в процессе стимулирования развития отдельных территорий региона придерживались определенные требования как на этапе отбора таких точек, так и на этапе использования дополнительно полученного ресурса от их функционирования:

1. Основными критериями выбора точек роста должны стать не их преимущество в абсолютных показателях, а в относительных (в частности, в темпах роста валовой добавленной стоимости, производимой продукции, занятости и т. д.), а также наличие соответствующего экономического и социального потенциала для победы в конкурентной борьбе не только на внутреннем региональном, но и на национальном и внешнем рынках.

2. Полученные финансовые ресурсы от ускоренного роста отдельных точечных проектов в регионе должны направляться не только на дальнейшее их же финансирование, но и на реализацию проектов на других территориях региона, что позволит обеспечить его сбалансированность.

Следует отметить нецелесообразным полную концентрацию финансовых и других видов ресурсов исключительно на решении проблем наиболее слабо развитых и депрессивных ареалов региона.

Решение проблем наиболее депрессивных локальных ареалов невозможно без реализации эффективных инвестиционных проектов, которые, скорее всего, могут быть предложены вне зон острой депрессии, в точках пространства, обла-

дающих весомыми конкурентными преимуществами, например, высоким инновационным и человеческим потенциалом, агломерационным эффектом или благоприятным расположением с точки зрения доступа к ключевым транспортным магистралям.

Использование смешанного подхода к регулированию дифференциации внутрирегионального развития требует отказа от «патерналистских отношений» между центром и регионами и передачи значительной части полномочий наряду с финансовым ресурсом в распоряжение органов региональной власти и местного самоуправления. С другой стороны, на них ложится ответственность за эффективное использование собственного ресурса, ведь в таких условиях определяющая роль принадлежит умению использовать имеющийся финансовый, геополитический, инвестиционный, креативный, другой социально-экономический потенциал территории. В значительной степени решение этих вопросов происходит в ходе реализации реформы местного самоуправления, поэтому региональные органы управления должны на практике учитывать особенности каждого района, стимулировать преодоление их замкнутости в своем развитии за счет усиления интенсивности межрайонных связей, применять различные механизмы сглаживания внутрирегиональных различий, таких как инвестиционные, трансфертные и налоговые [12; 13; 14; 15]. Такие действия непременно приведут к улучшению социально-экономического положения как внутри регионов, так и в России в целом.

Указанные положения легли в основу разработки концепции регулирования внутрирегиональной социально-экономической дифференциации (рис.).

Предложенная концепция является основой для выработки стратегии регулирования внутрирегиональной дифференциации (как документа) и детерминации четких механизмов ее реализации.

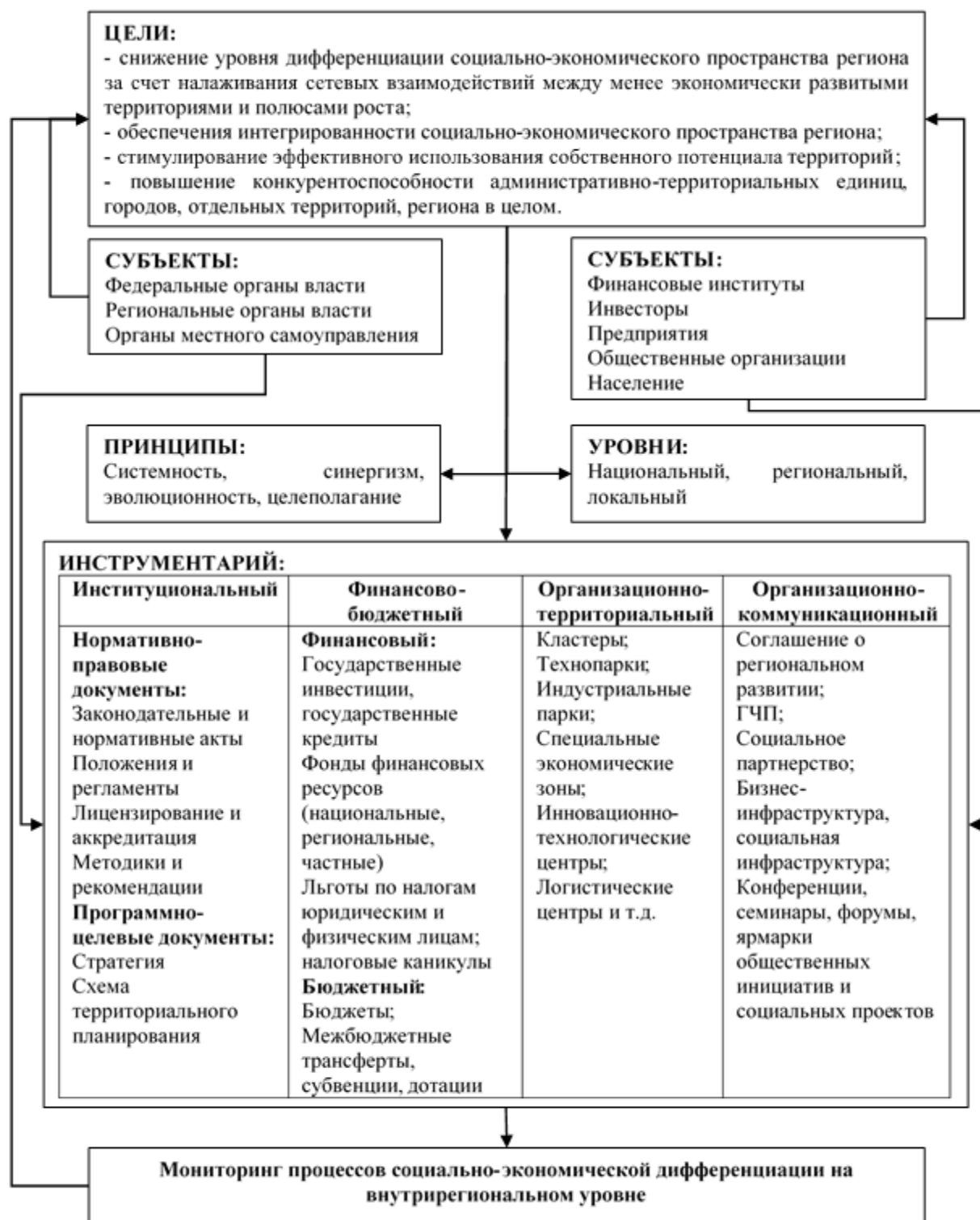

Рис. Концепция регулирования социально-экономической дифференциации на внутрирегиональном уровне

Долгосрочными целями такой стратегии должны стать:

– снижение уровня дифференциации социально-экономического пространства региона за счет налаживания сетевых взаи-

модействий между менее экономически развитыми территориями и полюсами роста;

– обеспечение интегрированности социально-экономического пространства региона;

– стимулирование эффективного использования собственного потенциала территорий;

– повышение конкурентоспособности отдельных территорий, региона в целом.

Рассматривая концепцию в объектно-субъектной плоскости, следует отметить отсутствие прямого разделения на регулируемую составляющую и регулируемое. Предполагается, что население региона, предприятия и организации, инвесторы, финансовые институты, общественные организации следует рассматривать как сорегулирующую составляющую, поскольку для преодоления дивергенционных тенденций обязательным условием является налаживание взаимодействия между регуляторами этого процесса (федеральными и региональными органами власти, органами местного самоуправления) и ее объектной составляющей через учет ее интересов.

Практическая ценность предложенной концепции регулирования социально-экономической внутрирегиональной дифференциации состоит в предложенном инструментарии ее реализации. Современные экономические и политические условия требуют новых подходов к регулированию темпов развития отдельных территорий и сглаживания существующей дифференциации в социально-экономической сфере на региональном уровне. Функционирование инструментария должно быть построено на основе обеспечения условий самодостаточности отдельных объектов, что возможно при наличии в них внутренних факторов экономического роста, а также правовых основ стимулирования к эффективному использованию эндогенного социально-экономического потенциала.

Несмотря на это, прежде всего, возможности сглаживания территориальной дифференциации, необходимо искать в формировании и продвижении новых инструментов, к которым можно отнести:

– проведение исследований по совершенствованию методики оценки территориальной дифференциации по уровню развития;

– расширение коммерческих принципов в стимулировании эффективного использования экономического потенциала территорий;

– развитие государственно-частного партнерства как эффективного инструмента поддержки малого и среднего бизнеса на уровне базовых административно-территориальных единиц;

– создание условий для развития государственных контрактов при размещении заказов у субъектов малого и среднего предпринимательства, расположенных за пределами областных центров и точек концентрации экономической активности в регионе.

Исследование выполнено на основе гранта Президента РФ по государственной поддержке молодых российских ученых № МК-831.2017.6 «Государственное регулирование дифференциации экономического пространства инструментами новой региональной политики».

Список литературы

1. Буфетова А. Н. Неравномерность пространственного развития: региональные центры и региональная периферия // Регион: экономика и социология. 2009. № 4. С. 55–68.

2. Вертакова Ю. В., Положенцева Ю. С. Повышение устойчивости регионального развития на основе сглаживания территориального неравенства: монография. Старый Оскол: ТНТ, 2009. 248 с.

3. Головачева О.А. Инструменты сглаживания пространственной поляризации регионов // Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение. 2012. № 2 (30). С. 34–38.
4. Вертакова Ю. В., Положенцева Ю. С., Клевцова М. Г. Реализация инновационного подхода к мониторингу траекторий социально-экономического развития региона // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2014. № 2. С. 26–36.
5. Гранберг А. Г. Основы региональной экономики. 2-е изд. М.: ГУ ВШЭ, 2001. 495 с.
6. Загазежева О. З., Сахтуева М. В. Механизмы управления территориальными неравенствами и пространственными различиями в региональных социально-экономических системах // Известия Уфимского научного центра РАН. 2011. № 3-4. С. 88–94.
7. Кушу Р. Т. Внутрорегиональная социально-экономическая дифференциация и роль малого бизнеса в ее преодолении // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 5: Экономика. 2011. № 1. С. 101–105.
8. Леонтьев Е. Д. Методика оценки межрегиональной дифференциации экономического пространства // Известия Юго-Западного государственного университета. 2017. № 3 (72). С. 93–103.
9. Положенцева Ю. С. Дифференциация регионов по уровню инвестиционной привлекательности экономики // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2017. № 2 (20). С. 142–149.
10. Положенцева Ю. С. Количественная оценка уровня развития межрегиональной связанности экономического пространства // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2018. № 3 (29). С. 116–128.
11. Клевцова М. Г., Положенцева Ю. С. Инструментарий измерения диспропорций в условиях трансформации экономики // Структурные преобразования экономики территорий: в поиске социального и экономического равновесия: сб. науч. ст. Междунар. науч.-практ. конф.: в 2-х т. Курск: ЗАО «Университетская книга», 2018. С. 212–220.
12. Мельников Р. М. Федеральное регулирование регионального развития: дифференциация подходов и выбор инструментария // Региональная экономика: теория и практика. 2007. № 12 (51). С. 69–75.
13. Зубаревич Н. В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация: монография. М.: Независимый институт социальной политики, 2010. 160 с.
14. Кривошей В. А. Государственное регулирование региональной дифференциации уровня и качества жизни населения // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. 2013. № 6. С. 35–40.
15. Чернова Т. В. Статистические характеристики дифференциации экономического развития муниципальных образований // Вестник РГЭУ РИНХ. 2015. №1 (49). С. 138–143.

Поступила в редакцию 20.07.18

UDC 332.1

E. D. Leontyev, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: leo88swsu@mail.ru)

CONCEPT OF REGULATION OF INTERNAL SOCIAL AND ECONOMIC DIFFERENTIATION

The current stage of Russia's socioeconomic development is characterized by the presence of spatial deformations at the regional and intra-regional levels. However, if the problem of asymmetric regional development trends is widely covered, and mechanisms for state regional policy are directed at overcoming it, the issue of intra-regional socio-economic imbalances remains insufficiently explored. At the same time, it is at the intra-regional level that the differentiation of a number of indicators of the economic and social development of administrative-territorial entities significantly exceeds interregional values. This situation determines the existence of fragmentation and fragmentation of the social and economic space of the regions, the expansion of the areas of depressiveness, which is connected with the concentration of financial resources in the development centers of the regions (in particular large cities), the widening of the gap between urban and rural areas, and deepening the problems of territorial imbalances at the intra-regional level.

Intraregional socio-economic differentiation is a complex multi-faceted phenomenon that can manifest itself through specific features: the socio-economic differences of administrative entities that make up the region; socio-economic differences in economic and geographical areas allocated within the region; socio-economic differences of the regional center and peripheral territories.

The purpose of this article is to develop theoretical provisions and develop scientifically based recommendations on regulating the processes of intraregional differentiation of social and economic development in modern conditions.

The concept of regulation of intra-regional socio-economic differentiation is proposed, which is aimed at reducing the level of differentiation of the socio-economic space of the region through the establishment of network interactions between less economically developed territories and growth poles; ensuring the integration of the socio-economic space of the region; stimulating the effective use of the territory's own potential; increasing the competitiveness of territories and regions in general.

Key words: socio-economic differentiation, concept of regulation, intra-regional differences.

For citation: Leontyev E. D. Concept of regulation of internal social and economic differentiation. Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management, 2018, vol. 8, no. 3 (28), pp. 64–72 (in Russ.).

References

1. Bufetova A. N. Neravnomernost' prostranstvennogo razvitiya: regional'nye centry i regional'naya periferiya. Region: ehkonomika i sociologiya, 2009, no. 4, pp. 55–68.

2. Vertakova Yu. V., Polozhenceva Yu. S. Povyshenie ustojchivosti regional'nogo razvitiya na osnove sglazhivaniya territorial'nogo neravenstva. Staryj Oskol, TNT Publ., 2009. 248 p.

3. Golovacheva O. A. Instrumenty sglazhivaniya prostranstvennoj polyarizacii regionov. Sovremennye naukoemkie technologii. Regional'noe prilozhenie, 2012, no. 2 (30), pp. 34–38.

4. Vertakova Yu. V., Polozhenceva Yu. S., Klevcova M. G. Realizaciya innovacionnogo podhoda k monitoringu

traektorij social'no-ehkonomicheskogo razvitiya regiona. Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Jekonomika. Sociologija. Menedzhment, 2014, no. 2, pp. 26–36.

5. Granberg A. G. Osnovy regional'noj ehkonomiki. 2th ed. Moscow, GU VSHEH Publ., 2001. 495 p.

6. Zagazezheva O. Z., Sahtueva M. V. Mekhanizmy upravleniya territorial'nymi neravenstvami i prostranstvennymi razlichiyami v regional'nyh social'no-ehkonomicheskikh sistemah. Izvestiya Ufimskogo nauchnogo centra RAN, 2011, no. 3-4, pp. 88–94.

7. Kushu R. T. Vnutriregional'naya social'no-ehkonomicheskaya differenciaciya i rol' malogo biznesa v ee preodolenii. Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo univer-

siteta. Seriya 5: Ehkonomika, 2011, no. 1, pp. 101–105.

8. Leont'ev E. D. Metodika ocenki mezhregional'noj differenciacii ehkonomicheskogo prostranstva. Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta, 2017, no. 3 (72), pp. 93–103.

9. Polozhenceva Yu. S. Differenciaciya regionov po urovnyu investicionnoj privlekatel'nosti ehkonomiki. Innovacionnaya ehkonomika: perspektivy razvitiya i sovershenstvovaniya, 2017, no. 2 (20), pp. 142–149.

10. Polozhenceva Yu. S. Kolichestvennaya ocenka urovnya razvitiya mezhregional'noj svyazannosti ehkonomicheskogo prostranstva. Innovacionnaya ehkonomika: perspektivy razvitiya i sovershenstvovaniya, 2018, no. 3 (29), pp. 116–128.

11. Klevcova M. G., Polozhenceva Yu. S. Instrumentarij izmereniya disproporcij v usloviyah transformacii ehkonomiki. Strukturnye preobrazovaniya ehkonomiki territorij: v poiske social'nogo i

ehkonomicheskogo ravnovesiya: sb. nauch. st. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Kursk, ZAO "Universitetskaya kniga", 2018, pp. 212–220.

12. Mel'nikov R. M. Federal'noe regulirovanie regional'nogo razvitiya: differenciaciya podhodov i vybor instrumentariya. Regional'naya ehkonomika: teoriya i praktika, 2007, no. 12 (51), pp. 69–75.

13. Zubarevich N. V. Regiony Rossii: neravenstvo, krizis, modernizaciya: monografiya. Moscow, Nezavisimyj institut social'noj politiki, 2010. 160 p.

14. Krivoshej V. A. Gosudarstvennoe regulirovanie regional'noj differenciacii urovnya i kachestva zhizni naseleniya. Fundamental'nye i prikladnye issledovaniya kooperativnogo sektora ehkonomiki, 2013, no. 6, pp. 35–40.

15. Chernova T. V. Statisticheskie karakteristiki differenciacii ehkonomicheskogo razvitiya municipal'nyh obrazovanij. Vestnik RGEHU RINH, 2015, no. 1 (49), pp. 138–143.

УДК 336.051

Д. С. Дмитриев, канд. экон. наук, ведущий научный сотрудник, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: olgarikhodchenko@yandex.ru)

О. С. Приходченко, ст. преподаватель, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: olgarikhodchenko@yandex.ru)

Ж. А. Ульянцева, студент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: zhanna-ulyanceva@mail.ru)

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ОЦЕНКИ БЮДЖЕТНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

Статья посвящена вопросам выбора критериев и показателей оценки бюджетной безопасности региона.

Проблема бюджетной безопасности играет доминирующую роль в устойчивом и стабильном развитии региона, поэтому ее обеспечение становится одним из приоритетов финансовой политики субъектов РФ. Значимость вопросов обеспечения бюджетной безопасности на мезоуровне вызывает необходимость формирования системы индикаторов, их пороговых значений, характеризующих уровень бюджетной безопасности региона. Учеными и практиками сделан значительный вклад в разработку методического аппарата оценки бюджетной безопасности региона. Однако можно указать на отсутствие системных теоретико-методологических представлений об оценке бюджетной безопасности региона как комплексной экономической категории, определяющей развитие экономики территории.

Цель настоящего исследования – определить критерии и систематизировать показатели (индикаторы) бюджетной безопасности региона, позволяющие ранжировать субъекты по уровню бюджетной безопасности. В статье представлена методика оценки бюджетной безопасности региона на основе расчета коэффициентов бюджетного анализа и определения уровня бюджетной безопасности в зависимости от полученных фактических значений. Предложенная методика позволяет разделить субъекты по степени бюджетной безопасности на пять групп (пять уровней бюджетной безопасности). Представлена апробация методики на примере Курской области на основе аналитических данных 2012–2016 гг. По результатам исследования предлагается комплекс мер по обеспечению бюджетной безопасности региона, сформированных в соответствии с выявленным уровнем бюджетной безопасности.

В ходе исследования использовались методы сравнения, анализа и синтеза, структурно-функционального, экономического и статистического анализа, табличная визуализация статистической информации, обеспечивших обоснованность оценок и выводов.

Ключевые слова: бюджетный анализ, бюджетная устойчивость, бюджетная безопасность, индикатор, региональный бюджет, бюджетная система.

Ссылка для цитирования: Дмитриев Д. С., Приходченко О. С., Ульянцева Ж. А. Формирование системы показателей оценки бюджетной безопасности на региональном уровне // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2018. Т. 8, № 3 (28). С. 73–82.

В настоящее время базисом обеспечения устойчивого социально-экономического развития РФ выступает обеспечение безопасности бюджетной системы на мезоуровне.

Бюджетная система любого региона обладает значительным количеством связей между ее элементами, поэтому для адекватного понимания функционирования бюджетной системы в целом недостаточно анализа поведения ее отдельных показателей. Для этого требуется комплексная диагностика региональной

бюджетной политики во всем многообразии ее элементов и связей между ними [1]. При проведении такой диагностики особая роль отводится бюджетному анализу.

Суть бюджетного анализа заключается в выявлении уровня соответствия доходов и расходов, определении причин несбалансированности бюджета и поиска путей движения в направлении формирования бездефицитного бюджета [2, с. 73]. В свою очередь, необходимым этапом бюджетного анализа при исследовании

бюджетной политики, ее роли и значения для обеспечения бюджетной безопасности региона становится анализ устойчивости регионального бюджета. Оценка устойчивости бюджета позволяет оценить качество планирования и исполнения регионального бюджета, регулирование процессов управления бюджетными ресурсами и должна проводиться в увязке с оценкой сбалансированности бюджета.

Финансовая устойчивость служит главным и определяющим среди крите-

риев пропорционального развития бюджетной системы региона. В связи с этим оценка финансовой устойчивости и сбалансированности регионального бюджета играет особую роль в формировании системы индикаторов оценки бюджетной безопасности на региональном уровне [3, с. 255].

В настоящее время современными исследователями предложены различные методики оценки устойчивости бюджета региона (табл. 1).

Таблица 1

Сравнительный анализ методик оценки устойчивости бюджета региона

Автор	Содержание методики	Преимущества	Недостатки
Г. Б. Поляк [4]	Выделение четырех типов состояния бюджета: абсолютно устойчивое, нормальное, неустойчивое, кризисное. Использование 12 бюджетных коэффициентов в качестве инструментария для анализа устойчивости бюджета	Простота определения типа состояния бюджета и расчета бюджетных коэффициентов	Коэффициенты не структурированы по группам, характеризующим отдельные аспекты бюджета, что не позволяет сразу сделать выводы о сбалансированности, самостоятельности и платежеспособности бюджета
Н. И. Яшина, Е. В. Поющева, Н. Н. Прончатов-Рубцова [5]	Основана на использовании сводного стандартизированного показателя, рассчитанного с учетом коэффициентов, входящих в систему критериев оценки бюджетной устойчивости субъектов РФ, включающих три группы показателей	Определение сводного стандартизированного показателя проводится двумя способами, что дает возможность получить не только конкретную меру устойчивости бюджета разными способами, но и сравнить результаты по ним	Сложна в использовании, т. к. предполагает расчет интегрального показателя и многоступенчатость расчетов
Е. В. Кузнецова [6]	Оценка качества сбалансированности бюджетов с использованием коэффициентов общей, базовой, собственной сбалансированности как основного условия устойчивости бюджета	Расчет и анализ значений коэффициентов повышает степень объективности оценки состояния региональных бюджетов, способствует выявлению факторов, влияющих на такое состояние	Использование только коэффициентов сбалансированности для оценки финансового состояния бюджета не позволяет оценить уровень автономии бюджета, степень его зависимости от вышестоящего бюджета

Автор	Содержание методики	Преимущества	Недостатки
Т. А. Найденнова, И. Н. Швецова [7]	Основана на использовании трех групп индикаторов: 1) показатели, характеризующие сбалансированность бюджета; 2) показатели, характеризующие самостоятельность бюджета; 3) показатели, характеризующие платежеспособность бюджета	Классификация бюджетных коэффициентов на основе критериев устойчивости бюджета. Получение более объективной оценки на основе анализа и расчета показателей	Показатели не приведены к единому интегральному показателю, на основе значения которого можно определить тип бюджетной устойчивости
М. А. Зырянова [8]	Для оценки используются 7 индикаторов, значимость показателей определена весовыми коэффициентами с помощью корреляционного анализа. В зависимости от изменения отдельного показателя ему присваивается тот или иной балл. Итоговая оценка финансовой устойчивости осуществляется с помощью расчета интегрального показателя	Индикаторы приведены к единому интегральному показателю с учетом значимости индикаторов. Расчет интегрального показателя облегчает оценку уровня финансовой устойчивости бюджета региона	Неясность порядка оценки динамики показателей финансовой устойчивости бюджета с помощью баллов. Система индикаторов для оценки сформирована из основных показателей, которые не позволяют объективно и точно оценить устойчивость бюджета
Н. В. Фролова [9]	Оценка долгосрочной сбалансированности и устойчивости бюджета региона осуществляется путем расчета трех групп показателей: а) бюджетной самостоятельности; б) бюджетной обеспеченности; в) бюджетной сбалансированности. В зависимости от полученных значений присваивается значение параметра для анализа 1 или 0. Для каждой группы на основе анализа значений показателей определяется трехмерный показатель оценки	Показатели объединены по группам с учетом важных характеристик бюджета. Определение трехмерного показателя оценки, характеризующего состояние отдельных групп показателей	Заданные условия (эталонные) оценки определены методом экспертных оценок. Не приведена итоговая шкала оценки, на основе которой можно определить тип устойчивости и сбалансированности

Таким образом, в современных исследованиях для определения уровня устойчивости бюджета субъекта РФ используются различные расчетно-аналитические методы, преимущественно метод анализа бюджетных коэффициентов и экспертных оценок. В этой связи коэффициентный анализ является тем методическим инструментом, который позволит объективно определить устойчивость бюджета региона, выявить угрозы, влияющие на его состояние.

При изучении вопросов бюджетной устойчивости, под которой понимается «такое состояние бюджета, при котором обеспечивается нормальное функционирование бюджета за счет полного и своевременного финансирования расходов»

[10, с. 189], нельзя не подчеркнуть ее взаимосвязь с бюджетной безопасностью. В настоящее время отсутствуют методики, позволяющие точно определить уровень бюджетной безопасности региона, поэтому необходимо установление показателей, которые бы достаточно полно отражали уровень бюджетной безопасности отдельного региона, и представляли возможность для его сопоставления с другими субъектами.

Обобщив результаты исследований современных авторов в области бюджетного анализа и бюджетной безопасности, предлагаем в качестве основы для оценки бюджетной безопасности региона использовать следующую систему коэффициентов (табл. 2).

Таблица 2

Коэффициенты, характеризующие уровень бюджетной безопасности региона

Показатель	Формула расчета	Нормативное значение
1. Показатели, характеризующие сбалансированность бюджета		
Коэффициент общей сбалансированности	$K_{oc} = \frac{D + ИФ_{дб}}{P},$ где D – доходы бюджета; ИФ _{дб} – источники финансирования дефицита бюджета; P – расходы бюджета	1
Коэффициент базовой сбалансированности	$K_{oc} = \frac{D}{P}$	1
Коэффициент собственной сбалансированности	$K_{cc} = \frac{D - B_{п}}{P - C},$ где B _п – безвозмездные и безвозвратные перечисления; C – субвенции	1
2. Показатели, характеризующие независимость бюджета		
Коэффициент бюджетной зависимости	$K_{зав} = \frac{B_{п}}{D}$	≤ 0,2
Коэффициент бюджетной независимости (автономии)	$K_{авт} = \frac{D_{п}}{D},$ где D _п – суммарные доходы за вычетом безвозмездных и безвозвратных перечислений	≥ 0,8
Коэффициент, характеризующий уровень налоговых доходов	$K_{cc} = \frac{D_{н}}{D_{п}},$ где D _н – сумма налоговых доходов	0,6–0,8
Коэффициент деловой активности	$K_{дел.ак} = \frac{D_{нен}}{D_{п}}$ где D _{нен} – сумма неналоговых доходов	0,1–0,2

Показатель	Формула расчета	Нормативное значение
Коэффициент, характеризующий уровень дефицита	$K_d = \frac{D_{\text{деф}}}{D_n},$ где $D_{\text{деф}}$ – размер дефицита	≤ 10
3. Показатели, характеризующие платежеспособность бюджета		
Коэффициент абсолютной платежеспособности	$K_{\text{ап}} = \frac{D}{P_{\text{сз}}},$ где $P_{\text{сз}}$ – социальнозначимые расходы	$\geq 0,2-0,5$
Коэффициент собственной платежеспособности	$K_{\text{сп}} = \frac{D_n + D_{\text{нен}}}{P}$	$\geq 0,5-0,7$

Предложенная система индикаторов для оценки бюджетной безопасности региона, состоящая из трех групп, включает определенные показатели, которые характеризуют важные аспекты бюджетной системы региона, от состояния которых

зависит безопасность системы в целом – сбалансированность, независимость и платежеспособность.

На основе таблицы 3 рассчитаем индикаторы бюджетной безопасности Курской области за 2012–2016 гг.

Таблица 3

Расчет коэффициентов, характеризующих уровень бюджетной безопасности Курской области

Показатель	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
1. Показатели, характеризующие сбалансированность бюджета					
Коэффициент общей сбалансированности	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00
Коэффициент базовой сбалансированности	0,97	0,96	0,89	0,99	0,96
Коэффициент собственной сбалансированности	0,69	0,70	0,65	0,75	0,77
2. Показатели, характеризующие независимость бюджета					
Коэффициент бюджетной зависимости	0,33	0,32	0,30	0,30	0,30
Коэффициент бюджетной независимости (автономии)	0,67	0,68	0,70	0,70	0,70
Коэффициент деловой активности	0,02	0,02	0,03	0,03	0,02
Коэффициент, характеризующий уровень налоговых доходов	0,98	0,98	0,97	0,97	0,98
Коэффициент, характеризующий уровень дефицита	0,05	0,06	0,18	0,01	0,07
3. Показатели, характеризующие платежеспособность бюджета					
Коэффициент абсолютной платежеспособности	1,54	1,55	1,37	1,51	1,46
Коэффициент собственной платежеспособности	0,65	0,66	0,62	0,69	0,67

Примечание. Рассчитано на основании данных законов Курской области «Об исполнении областного бюджета» за соответствующие годы.

Анализ данных, представленных в таблице 3, показывает, что коэффициент общей сбалансированности в течение всего исследуемого периода равен 1, что свидетельствует о соблюдении принципов сбалансированности бюджета. Коэффициент базовой сбалансированности в течение 2012–2014 гг. находился в пределах от 0,89 до 0,97, однако в 2016 г. наблюдается его снижение до 0,96. Сокращение данного коэффициента свидетельствует о недостаточности доходной части бюджета для покрытия расходных обязательств и несовершенстве механизма формирования доходов бюджета региона.

Наблюдается увеличение коэффициента собственной сбалансированности до 0,77 по итогам 2016 г., следовательно, общая сумма расходов бюджета на реализацию собственных полномочий бюджета покрывается за счет доходов без учета безвозмездных поступлений на 78%.

Коэффициент бюджетной зависимости имеет тенденцию к уменьшению в течение 2012–2016 гг. Так, за анализируемый период показатель сократился до 0,3, что свидетельствует о повышении степени устойчивости бюджета региона. Наблюдается увеличение коэффициента бюджетной независимости в динамике, которое говорит об увеличении собственных доходов в общей сумме доходов бюджета и уменьшении зависимости областного бюджета от федерального центра и заемных средств.

Значение коэффициента деловой активности в 2012–2016 гг. находится в пределах от 0,2 до 0,3, что свидетельствует о низком удельном весе неналоговых доходов в общей сумме собственных доходов бюджета. В свою очередь, коэффициент, характеризующий уровень налоговых доходов, близок к 1. Высокое значение данного показателя говорит о том, что собственные доходы областного бюджета сформированы в основном за счет налоговых поступлений. Коэффициент, характеризующий уровень дефицита, в 2012–2014 гг. увеличился до критических 0,18, однако к концу исследуемого

периода данный показатель сократился до 0,07.

Коэффициент абсолютной платежеспособности имеет неустойчивую динамику развития, при этом его значения достаточно высокие. Следовательно, социально значимые расходы бюджета покрываются имеющимися в его распоряжении доходами. Коэффициент собственной платежеспособности находится в пределах нормативного значения, что свидетельствует о достаточности собственных доходов бюджета для финансирования расходных обязательств.

Таким образом, анализ коэффициентов, характеризующих уровень бюджетной безопасности Курской области, выявил существенную динамику развития представленных коэффициентов.

В настоящее время проблема отсутствия прозрачных методик определения уровня бюджетной безопасности региона в целях повышения эффективности функционирования бюджетной системы, а также поддержки комплексного социально-экономического развития территории, остро встает перед органами государственной власти. Это делает чрезвычайно актуальной необходимость разработки новых методологических подходов к проведению комплексной оценки бюджетной безопасности субъектов РФ.

Предлагаем для идентификации уровня бюджетной безопасности региона использовать систему коэффициентов бюджетного анализа. Сущность предлагаемой методики заключается в определении уровня бюджетной безопасности региона в зависимости от набранного количества баллов. Границы уровней бюджетной безопасности определены исходя из нормативных значений коэффициентов с помощью метода экспертной оценки.

Присвоение баллов каждому показателю осуществляется в зависимости от фактического значения показателя и его принадлежности к одному из уровней безопасности. При абсолютном уровне безопасности каждому показателю присваивается 5 баллов, соответственно, при кризисном уровне – 1 балл (табл. 4).

Таблица 4

Границы значений при оценке бюджетной безопасности Курской области

Показатель	Границы уровней				
	кризисный	низкий	средний	высокий	абсолютный
1. Показатели, характеризующие сбалансированность бюджета					
1. Коэффициент общей сбалансированности	0–0,19	0,20–0,39	0,40–0,59	0,60–0,79	0,80–1,00
Количество баллов	1	2	3	4	5
2. Коэффициент базовой сбалансированности	Менее 0,49	0,5–0,59	0,6–0,69	0,70–0,79	0,8 и более
Количество баллов	1	2	3	4	5
3. Коэффициент собственной сбалансированности	0–0,49	0,5–0,59	0,6–0,69	0,70–0,79	0,8 и более
Количество баллов	1	2	3	4	5
2. Показатели, характеризующие независимость бюджета					
4. Коэффициент бюджетной зависимости	0,5 и более	0,4–0,49	0,3–0,39	0,2–0,29	Менее 0,2
Количество баллов	1	2	3	4	5
5. Коэффициент бюджетной независимости (автономии)	0–0,30	0,31–0,39	0,40–0,44	0,49–0,45	0,5–0,6
Количество баллов	1	2	3	4	5
6. Коэффициент деловой активности	Менее 0,1	0,10–0,12	0,13–0,14	0,15–0,16	0,17–0,2 и более
Количество баллов	1	2	3	4	5
7. Коэффициент, характеризующий уровень налоговых доходов	0,75–0,8 и более	0,7–0,74	0,65–0,69	0,6–0,64	Менее 0,6
Количество баллов	1	2	3	4	5
8. Коэффициент, характеризующий уровень дефицита	Более 0,1	0,08–0,1	0,06–0,08	0,04–0,06	0,00–0,02
Количество баллов	1	2	3	4	5
3. Показатели, характеризующие платежеспособность бюджета					
9. Коэффициент абсолютной платежеспособности	Менее 0,2	0,2–0,29	0,3–0,39	0,4–0,49	0,5 и более
Количество баллов	1	2	3	4	5
10. Коэффициент собственной платежеспособности	Менее 0,5	0,51–0,54	0,55–0,59	0,60–0,64	0,65–0,7 и более
Количество баллов	1	2	3	4	5
Границы уровней	1–10	11–20	21–30	31–40	41–50

Таблица 5

Оценка уровня бюджетной безопасности Курской области

Показатель	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
1. Показатели, характеризующие сбалансированность бюджета					
Коэффициент общей сбалансированности	5	5	5	5	5
Коэффициент базовой сбалансированности	5	5	5	5	5
Коэффициент собственной сбалансированности	3	4	3	4	4
2. Показатели, характеризующие независимость бюджета					
Коэффициент бюджетной зависимости	3	3	3	3	3
Коэффициент бюджетной независимости (автономии)	5	5	5	5	5
Коэффициент деловой активности	1	1	1	1	1
Коэффициент, характеризующий уровень налоговых доходов	1	1	1	1	1
Коэффициент, характеризующий уровень дефицита	4	4	1	5	3
3. Показатели, характеризующие платежеспособность бюджета					
Коэффициент абсолютной платежеспособности	5	5	5	5	5
Коэффициент собственной платежеспособности	5	5	4	5	5
Сумма баллов	37	38	33	39	37
Уровень бюджетной безопасности	Высокий	Высокий	Высокий	Высокий	Высокий

Определим уровень бюджетной безопасности Курской области с помощью предложенной методики (табл. 5).

Оценка уровня бюджетной безопасности Курской области показала, что бюджетная безопасность региона является высокой в течение всего исследуемого периода.

Предложенная методика оценки бюджетной безопасности региона отвечает критериям объективности, конкретности полученных результатов. Использование данной методики позволит провести комплексный анализ состояния бюджетной безопасности региона, сделать обоснованные выводы о наличии угроз и рисков устойчивому и сбалансированному развитию. Результаты такой диагностики могут стать основой для последующей разработки бюджетной стратегии региона, планирования доходов и расходов.

По результатам проведенного исследования можно выделить следующие

направления по повышению уровня бюджетной безопасности Курской области:

- повышение эффективности использования бюджетных средств;
- сокращение необоснованных и малоэффективных бюджетных расходов с целью уменьшения дефицита областного бюджета;
- повышение качества планирования и исполнения бюджета;
- увеличение собственной доходной базы областного бюджета;
- изменение принципов расходования финансовых ресурсов;
- разработка нормативов планирования и софинансирования расходов бюджета;
- разработка бюджетного менеджмента, применение системы территориального выравнивания;
- повышение бюджетной ответственности субъектов.

Приведенный перечень мер по повышению уровня бюджетной безопасно-

сти Курской области не является исчерпывающим. Реализация данных направлений на практике является долгосрочным и необходимым процессом в условиях финансовой нестабильности экономики РФ.

Список литературы

1. Сумская Т. В. Методика анализа субфедеральной бюджетной политики // Системное управление. 2016. № 2 (31). С. 28.

2. Сумская Т. В. Методика анализа региональных и местных бюджетов: сущность и применение на примере Новосибирской области // Мир экономики и управления. 2017. Т. 17, № 2. С. 72–85.

3. Ульяновцева Ж. А., Приходченко О. С. Оценка бюджетной безопасности региона // Институты и механизмы инновационного развития: мировой опыт и российская практика: сб. науч. ст. 7-й Междунар. науч.-практ. конф. Курск: ЗАО «Университетская книга», 2017. С. 254–259.

4. Бюджетная система России / под ред. Г. Д. Поляка. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. 703 с.

5. Яшина Н. И., Поющева Е. В., Прончатова-Рубцова Н. Н. Совершенствование методологии определения бюджетной устойчивости субъектов РФ: два подхода к оценке в современных социально-экономических условиях // Бухгалтерский учет в бюджетных и неком-

мерческих организациях. 2013. № 9. С. 37–46.

6. Кузнецова Е. В. Методологические основы и особенности обеспечения сбалансированности бюджетов субъектов Российской Федерации // Региональная экономика: теория и практика. 2011. № 12. С. 53–60.

7. Найденова Т. А., Швецова И. Н. Методический инструментарий оценки финансовой устойчивости бюджетов субъектов Российской Федерации // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2017. № 2. С. 222–233.

8. Зырянова М. А. Оценка финансовой устойчивости бюджета региона с помощью интегрального показателя // Вестник науки и образования. 2015. № 5 (7). С. 59–63.

9. Фролова Ю. В. Механизм оценки долгосрочной сбалансированности и устойчивости региональных бюджетов Российской Федерации // Вопросы новой экономики. 2014. № 4 (32). С. 54–58.

10. Шевченко И. К., Развадовская Ю. В. Управление социально-экономическим развитием региона: разработка мер повышения бюджетной устойчивости // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2013. № 4 (24). С. 188–193.

Поступила в редакцию 17.08.18

UDC 336.051

D. S. Dmitriyev, Candidate of Economic Sciences, Leading Researcher, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: olgaprikhodchenko@yandex.ru)

O. S. Prikhodchenko, Senior Lecturer, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: olgaprikhodchenko@yandex.ru)

Zh. A. Ulyantseva, Student, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: zhanna-ulyanceva@mail.ru)

FORMATION OF SYSTEM OF INDICATORS OF ASSESSMENT OF THE BUDGETARY SAFETY AT THE REGIONAL LEVEL

Article is devoted to questions of the choice of criteria and indicators of assessment of the budgetary safety of the region.

The problem of the budgetary safety plays the dominating role in sustainable and stable development of the region therefore her providing becomes one of priorities of financial policy of territorial subjects of the Russian Federation. The importance of questions of ensuring the budgetary safety at the mesolevel causes the necessity of

formation of system of indicators, their threshold values characterizing the level of the budgetary safety of the region. Scientists and practicians have made the significant contribution to development of the methodical device of assessment of the budgetary safety of the region. However, the complex economic category defining development of economy of the territory can indicate lack of system teoretiko-methodological ideas of assessment of the budgetary safety of the region as.

The purpose of the real research – to define criteria and to systematize indicators (indicators) of the budgetary safety of the region allowing to range subjects on the level of the budgetary safety. The technique of assessment of the budgetary safety of the region on the basis of calculation of coefficients of the budgetary analysis and determination of level of the budgetary safety depending on the received actual values is presented in article. The offered technique allows to divide subjects on degree of the budgetary safety into five groups (five levels of the budgetary safety). Approbation of a technique on the example of Kursk region on the basis of analytical these 2012–2016 is presented. By results of a research the package of measures for ensuring the budgetary safety of the region, created according to the revealed level of the budgetary safety is offered.

During the research methods of comparison, the analysis and synthesis, the structurally functional, economic and statistical analysis, tabular visualization of statistical information which have provided validity of estimates and conclusions were used.

Key words: budget analysis, budget stability, budget security, indicator, regional budget, budget system.

For citation: Dmitriyev D. S., Prikhodchenko O. S., Ulyantseva Zh. A. Formation of system of indicators of assessment of the budgetary safety at the regional level. Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management, 2018, vol. 8, no. 3 (28), pp. 73–82 (in Russ.).

References

1. Sumskaya T. V. Metodika analiza subfederal'noj byudzhetnoj politiki. Sistemnoe upravlenie, 2016, no. 2 (31), pp. 28.
2. Sumskaya T. V. Metodika analiza regional'nyh i mestnyh byudzhetov: sushchnost' i primeneniye na primere Novosibirskoj oblasti. Mir ehkonomiki i upravleniya, 2017, vol. 17, no. 2. pp. 72–85.
3. Ulyanceva Zh. A., Prihodchenko O. S. Ocenka byudzhetnoj bezopasnosti regiona. Instituty i mekhanizmy innovacionnogo razvitiya: mirovoj opyt i rossijskaya praktika: sb. nauch. st. 7-j Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Kursk, ZAO "Universitetskaya kniga", 2017, pp. 254–259.
4. Byudzhetnaya sistema Rossii; ed. by G. D. Polyaka. 2th ed. Moscow, YUNITI-DANA Publ., 2008. 703 p.
5. Yashina N. I., Poyushcheva E. V., Pronchatova-Rubcova N. N. Sovershenstvovanie metodologii opredeleniya byudzhetnoj ustojchivosti sub"ektov RF: dva podhoda k ocenke v sovremennyh social'no-ehkonomicheskikh usloviyah. Buhgalterskij uchet v byudzhetnyh i nekommercheskikh organizacijah, 2013, no. 9, pp. 37–46.
6. Kuznecova E. V. Metodologicheskie osnovy i osobennosti obespecheniya sbalansirovannosti byudzhetov sub"ektov Rossijskoj Federacii. Regional'naya ehkonomika: teoriya i praktika, 2011, no. 12, pp. 53–60.
7. Najdenova T. A., Shvecova I. N. Metodicheskij instrumentarij ocenki finansovoj ustojchivosti byudzhetov sub"ektov Rossijskoj Federacii. Vestnik Permskogo nacional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Social'no-ehkonomicheskie nauki, 2017, no. 2, pp. 222–233.
8. Zyryanova M. A. Ocenka finansovoj ustojchivosti byudzhetov regiona s pomoshch'yu integral'nogo pokazatelya. Vestnik nauki i obrazovaniya, 2015, no. 5 (7), pp. 59–63.
9. Frolova Yu. V. Mekhanizm ocenki dolgosrochnoj sbalansirovannosti i ustojchivosti regional'nyh byudzhetov Rossijskoj Federacii. Voprosy novoj ehkonomiki, 2014, no. 4 (32), pp. 54–58.
10. Shevchenko I. K., Razvadovskaya Yu. V. Upravlenie social'no-ehkonomicheskimi razvitiem regiona: razrabotka mer povysheniya byudzhetnoj ustojchivosti. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ehkonomika, 2013, no. 4 (24), pp. 188–193.

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ УПРАВЛЕНИЯ ПРЕДПРИЯТИЯМИ И ОТРАСЛЯМИ

УДК 330.101.8

А. В. Барышев, аспирант, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС (Орел, Россия) (e-mail: polyanin.andrei@yandex.ru)

И. Л. Авдеева, канд. экон. наук, доцент, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС (Орел, Россия) (e-mail: i-avdeeva-i@yandex.ru)

А. В. Полянин, д-р экон. наук, профессор, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС (Орел, Россия) (e-mail: polyanin.andrei@yandex.ru)

РАЗВИТИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУБЪЕКТОВ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА В СИСТЕМЕ ИНФРАСТРУКТУРНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Одним из приоритетных векторов развития национальной экономики является становление и эффективное функционирование предпринимательской деятельности. При этом важнейшую роль играет инфраструктурное обеспечение предпринимательской деятельности, которая представляет собой совокупность различных инфраструктурных инструментов в управлении и производстве, обеспечивающих эффективное функционирование субъектов малого и среднего предпринимательства.

Целью развития инфраструктуры предпринимательской деятельности является формирование благоприятной среды для её эффективного функционирования.

В работе определены подходы к определению роли малого и среднего бизнеса в экономике, а также выделены типы инфраструктур эффективного функционирования субъектов предпринимательской деятельности. Анализ выделенных типов инфраструктуры предпринимательской деятельности необходим для определения комплексной поддержки субъектов предпринимательской деятельности в различных сферах их экономической деятельности.

В результате проведенного исследования сделан акцент на развитии информационного взаимодействия субъектов предпринимательской деятельности, так как информационные и коммуникационные технологии стали частью отраслей экономики и государственного управления, которые оказывают существенное влияние на социально-политическую, культурную и духовную сферы. Без информационных технологий невозможно представить осуществление предпринимательской деятельности, что предполагает постоянно возрастающий объем электронного взаимодействия как между самими участниками экономической деятельности, так и между государством и бизнесом. К сожалению, на сегодняшний день вклад малого и среднего бизнеса в ВВП России примерно вдвое ниже, чем в экономиках развитых стран, поэтому необходимо создавать благоприятные условия для субъектов предпринимательской деятельности, особенно в части развития ее инфраструктуры на основе информационного взаимодействия.

Таким образом, теоретико-методологическая неразработанность вопросов развития информационного взаимодействия субъектов малого и среднего предпринимательства в системе инфраструктурного обеспечения предпринимательской деятельности доказывает актуальность и необходимость данного исследования.

Ключевые слова: инфраструктура, субъекты, малое и среднее предпринимательство, предпринимательская деятельность, информационное взаимодействие, государственная поддержка.

Ссылка для цитирования: Барышев А. В., Авдеева И. Л., Полянин А. В. Развитие информационного взаимодействия субъектов малого и среднего бизнеса в системе инфраструктурного обеспечения предпринимательской деятельности // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2018. Т. 8, № 3 (28). С. 83–94.

В большинстве развитых стран мира малый и средний бизнес обеспечивает основную долю ВВП, доминируя как по количеству в общем числе предприятий, так и по объемам произведенного товара и оказываемых услуг. Ввиду

насыщенности внутреннего рынка, спрос на котором ограничен, а также постоянно возрастающего стремления производителей достичь максимальных объемов продаж, организация экспорта произведенной продукции становится

ключевым фактором успеха в современном бизнесе.

Объемы продаж на внешнем рынке, однако, ввиду усиленной конкуренции, во многом зависят от уровня конкурентоспособности продукции, для чего необходимо качественное сырье и современное оборудование, приобретение которого требует существенных финансовых вложений. В мировой практике применяются эффективные методы финансирования, которые позволяют даже при недостатке финансовых средств приобрести необходимое в производственном процессе оборудование.

Аналізу российского предпринимательства посвящены труды С. Б. Авдашевой, А. А. Александровой, К. Б. Борисовой, В. Ю. Бутова, А. В. Виленского, Л. Л. Гишкаевой, А. В. Горлова, В. Е. Дементьева, Н. Д. Ерифы, Д. А. Жданова, Г. Б. Клейнера, Б. З. Мильнера, В. М. Полтеровича, Е. Н. Сироты, С. Г. Фалько, А. Ю. Чепуренко.

Аналізу проблем и перспектив развития бизнеса в зарубежной литературе уделяют внимание такие авторы, как П. Аррениус, Э. Аустер, Е. Аутио, У. Баумол, Д. Бёрч, Ч. Браун, Х. Валлениус, Н. Шарма и многие другие исследователи. Долгосрочные закономерности экономического развития, его волнообразный характер исследовались в работах зарубежных ученых: А. Акаева, К. Жюгьяра, Дж. Китчина, Х. Кларка, К. Перес, У. Ростоу, М. Хирооки, Й. Шумпетера и отечественных ученых С. Ю. Глазьева, В. Е. Дементьева, Е. Н. Каблова, Л. А. Клименко, Н. Д. Кондратьева, С. М. Меньшикова, М. И. Туган-Барановского.

Классификации состава инфраструктуры предпринимательской деятельности представлена в работах А. К. Казанцева, М. Г. Ламанского, В. К. Потёмкина, А. В. Тимофеева, У. Г. Трибунской, О. Н. Григорьевой, Е. Б. Хоменко и других учёных.

Анализ теоретических и прикладных исследований по проблеме показал, что в

них уделяется неоправданно мало внимания вопросам инфраструктурного обеспечения предпринимательской деятельности. Несмотря на глубокое исследование проблем малого и среднего предпринимательства, проведенное отечественными и зарубежными учеными в последние десятилетия, вопрос о развитии информационного взаимодействия субъектов малого и среднего предпринимательства в современных условиях остается дискуссионным. Формирование инфраструктуры развития малого и среднего предпринимательства является неотъемлемой частью долгосрочного экономического развития государства.

Дискуссии экономистов по поводу вклада бизнеса разных размеров в экономическое развитие обостряются в период технологической революции.

Теории о роли малого бизнеса в экономике начали разрабатываться с 1900-х гг. Шумпетер рассматривал малые фирмы как место сбора инноваций и изменений, включаемых в экономическую систему [1]. Однако позднее в 1942 г. Шумпетер писал, что необходимо принять тот факт, что крупные предприятия стали наиболее мощным двигателем прогресса.

В. В. Иванов указывает на неоднозначность роли малого предпринимательства в экономике. Для малых предприятий, занимающихся созданием технологий, обязательно необходим потребитель, в качестве которого должны выступать крупные производственные структуры, способные обеспечить массовое производство [2].

Понятие «инфраструктура» – комплекс рыночных институтов, обеспечивающих взаимосвязь основных макроэкономических потоков. Инфраструктура предпринимательства включает в себя самые разнообразные общественные отношения и институты [3].

В общем виде инфраструктуру поддержки предпринимательской деятельности можно рассматривать как систему

государственных и негосударственных органов, институтов, организаций, а также частных лиц, их взаимосвязь, деятельность которых направлена на поддержку и обслуживание предприятий и предпринимателей, обеспечивающую устойчивое экономическое развитие и функционирование поселений и межселенных территорий [4].

Малый и средний бизнес, из-за присутствия ему многочисленных проблем, часто не в силах самостоятельно экспортировать произведенную продукцию. Однако наряду с преимуществами субъектам предпринимательской деятельности присутствуют некоторые недостатки, важнейшим из которых является исключительно большая роль личных и профессиональных качеств предпринимателя, особенно на микро- и малых предприятиях.

Отметим, что в современном мире развитие предпринимательства происходит в основном в отраслях, не требующих существенных инвестиций (в торговле, в сельском хозяйстве и т. д.), что объясняется такими причинами, как непреодолимые для субъектов МСБ входные барьеры некоторых отраслей, а также проблемы конкурентоспособности малого и среднего бизнеса, среди которых следует особенно выделить недостаток финансовых средств, обусловленный сравнительно высокими ставками кредитования субъектов МСБ во многих странах мира. Недостаток финансовых ресурсов часто является также причиной относительно короткого жизненного цикла многих субъектов МСБ [5].

Соотношение малого и крупного бизнеса в разных странах варьируется в зависимости от разных факторов.

1. *Структура экономики.* Большая доля сектора услуг в экономике способствует развитию малых форм организаций. В связи с дальнейшим развитием постиндустриального общества и увеличением доли третичного сектора роль малых фирм в экономике будет расти.

Данный вывод подтверждают эксперты Chatham House – крупнейшего британского аналитического центра. По их данным, доля промышленности в мировом ВВП сокращается уже несколько лет подряд, а доля сферы услуг растет. В развитых странах на сектор услуг приходится все большая доля [6]. В то же время малым фирмам сложнее отстаивать свои патентные права. В отраслях, где велика роль патентной защиты (например, в фармацевтической промышленности), у малых предприятий меньше возможностей для развития, что сказывается на соотношении малого и крупного бизнеса.

При переходе отрасли на новую технологическую базу происходит рост концентрации продавцов. Эта концентрация способствует реализации эффекта масштаба при внедрении новых технологий широкого применения. Если за счет такого совершенствования сокращаются издержки, то при данной норме прибыли совокупная экономия будет тем значительней, чем больше объем производства с использованием обновленной технологии.

Также важно учитывать характер инновационного развития отрасли. Происходит взаимное влияние структуры отрасли и темпов технологических изменений в отрасли [5; 7].

2. *Различия в нормативных условиях деятельности фирм разных размеров.* Хенрексон и Йоханнсон связывают различия между странами в распределении фирм по размерам со спецификой институциональных условий бизнеса в отдельных странах [8].

3. *Ориентация фирм на разные группы потребителей.* Крупные предприятия производят продукцию массового спроса, а малые – более разнообразную (индивидуализированную) продукцию.

4. *Ограниченность некоторых материальных ресурсов.* Увеличение числа потребляющих ограниченный ресурс компаний ведет к его удорожанию и росту удельных затрат на производимую при помощи этого ресурса продукцию.

Это становится препятствием выхода на рынок новых фирм с этой же технологией и побуждает их использовать другую технологию, поэтому меняется эффективный масштаб операций фирмы и на рынке сосуществуют фирмы разных размеров.

5. *Различия между фирмами в жесткости финансовых ограничений.* Так как подразделения ТНК меньше зависят от внутреннего рынка капитала и им присущи относительно мягкие финансовые ограничения, то такие подразделения изначально имеют оптимальный размер. Национальные предприятия не дотягивают до оптимального размера вследствие более жестких финансовых ограничений.

6. *Разная информированность фирм.* Предприятия, более информированные о возможностях сокращения издержек, быстрее растут и превышают в размерах менее информированных конкурентов.

7. *Различия в организационных способностях руководителей разных фирм.* Здесь применима формула «чем выше способности, тем больше бизнес». Оптимальный размер фирмы, в которой собственник является управляющим, уступает оптимальным размерам фирм с наемным менеджментом.

8. *Современные информационные технологии.* Согласно одной точке зрения, крупные корпорации трансформируются в структуры сетевого типа, в рамках которых акционерные отношения уже не играют принципиальной роли. Однако исследования японских ученых Мориты и Накахары (Morita, Nakahara, 2004) говорят о том, что информационные технологии могут повысить эффективность деятельности корпораций типа «keiretsu», которые имеют сильные акционерные связи между входящими в нее компаниями.

9. *Стадия экономического развития конкретной страны.* Стадия экономического развития влияет на соотношение бизнеса разных размеров через долю тру-

доспособного населения, вовлеченного в ранние стадии предпринимательства (фирмы, существующие менее 3,5 лет). Выделяют три стадии развития и два переходных периода.

Научные разработки касательно роли малого и среднего бизнеса в экономике разделяются на: отрицающие важность малого и среднего бизнеса и признающие его роль как средства обеспечения экономического развития.

Отметим, что не существует также и единого мнения о критериях классификации субъектов предпринимательской деятельности. Представим на рисунке 1 существующие подходы к определению роли малого и среднего бизнеса в экономике.

Наибольшее распространение в практике организации предпринимательской деятельности получил комбинированный подход. При этом хотелось бы отметить, что критерии классификации предприятий по размерам в разных странах специфичны. Считаем, что предприятие относится к сфере малого или среднего бизнеса, если удовлетворяет применяемым в конкретной стране критериям классификации субъектов предпринимательской деятельности.

Деятельность малого и среднего бизнеса в РФ регулируется соответствующими законодательными актами, которые, однако, в настоящее время не обеспечивают его эффективного развития (очевидно, при сравнении состояния малого и среднего бизнеса в РФ и в других развитых странах мира) [9].

Несмотря на экономическую мощь в РФ все еще существуют огромные нереализованные возможности для развития предпринимательской деятельности, которой присущи материальные, технологические, финансовые и информационные проблемы, вследствие чего наблюдается незначительная доля МСБ в ВВП и экспорте страны, а также сравнительно малое количество занятых в данной сфере (на тысячу граждан РФ в среднем приходится около 10 субъектов МСБ, тогда

как в развитых европейских странах – не менее 35, а доля малого и среднего бизнеса в ВВП РФ составляет порядка 10%) [10].

Представим на рисунке 2 объем бюджетных ассигнований подпрограммы «Развитие малого и среднего предпринимательства» на 2013–2020 гг. [11]

Рис. 1. Существующие подходы к определению роли малого и среднего бизнеса в экономике

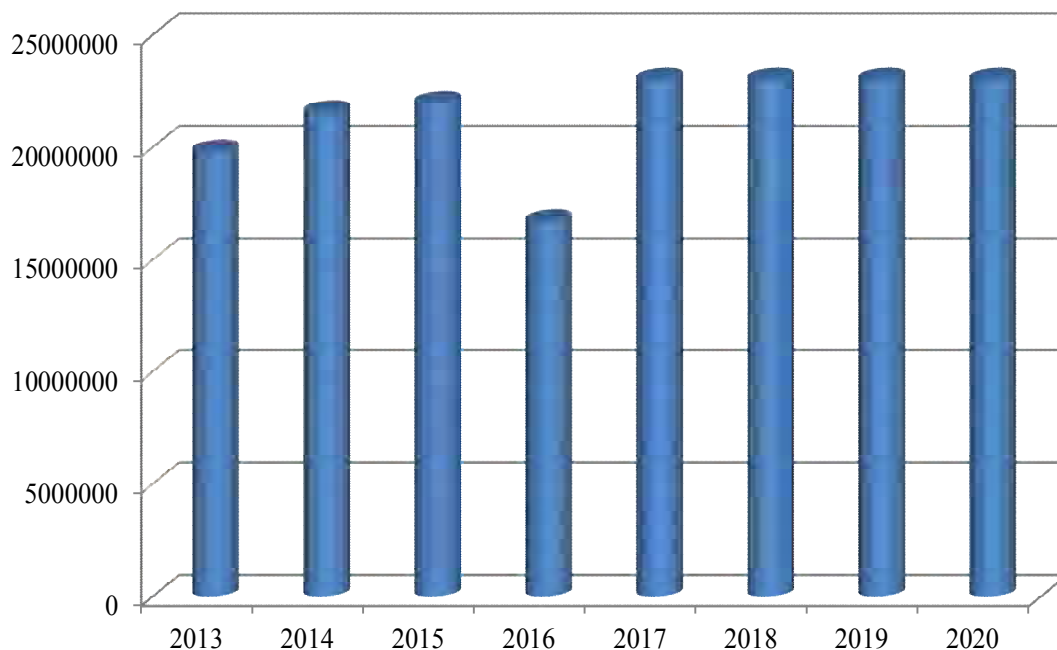

Рис. 2. Объем бюджетных ассигнований подпрограммы «Развитие малого и среднего предпринимательства» на 2013–2020 гг., тыс. руб.

Для стимулирования развития предпринимательской деятельности в РФ, необходимо предпринять серьезные ша-

ги: уменьшить налоговую нагрузку субъектов МСБ, осуществить широкое применение лизинга и франчайзинга для

вновь создаваемых предприятий, улучшить инфраструктуру бизнеса. Отметим, что все перечисленные меры для развития и расширения сектора МСБ необходимо предпринять не только в РФ, но и практически во всех странах постсовет-

ского пространства, с целью разрешения аналогичных проблем [12].

Представим на рисунке 3 группы факторов по характеру влияния на систему малого и среднего предпринимательства.

Рис. 3. Группы факторов по характеру влияния на систему малого и среднего предпринимательства

Выделенные группы факторов необходимы для формирования комплексной инфраструктуры поддержки предпринимательской деятельности на региональном уровне в целях повышения эффективности функционирования субъектов малого и среднего предпринимательства [13].

Необходимо определить существующие типы инфраструктуры, способствующие эффективному функционированию субъектов предпринимательской деятельности: финансовая, институцио-

нальная, информационная, внешнеэкономическая, социальная, рыночная, инвестиционная (рис. 4).

Именно эффективное взаимодействие выделенных типов инфраструктуры предпринимательской деятельности будет способствовать эффективному их развитию. Считаем, что в настоящее время необходимо сделать акцент на информационном взаимодействии субъектов предпринимательской деятельности, т. к. развитие современного общества базируется на формировании и использовании

информационной инфраструктуры, которая охватывает все сферы его жизнедеятельности.

Внедрение информационных технологий осуществляется в условиях постоянного воздействия государства на этот процесс по различным направлениям. Прежде всего, это принятие и реализация программных документов и законодательное регулирование.

Активное развитие информационных технологий, информатизация российского общества нашли отражение в праве, в

регулировании информационных отношений, складывающихся в экономике. Формирование информационного законодательства, включение большого количества норм об информации в законы о предпринимательской деятельности, а также в целый ряд соглашений РФ в связи с ее участием в международных объединениях (ВТО, Таможенном союзе, Евразийском экономическом союзе) обусловило необходимость анализа нормативно-правовой базы информационного обеспечения бизнеса [14].

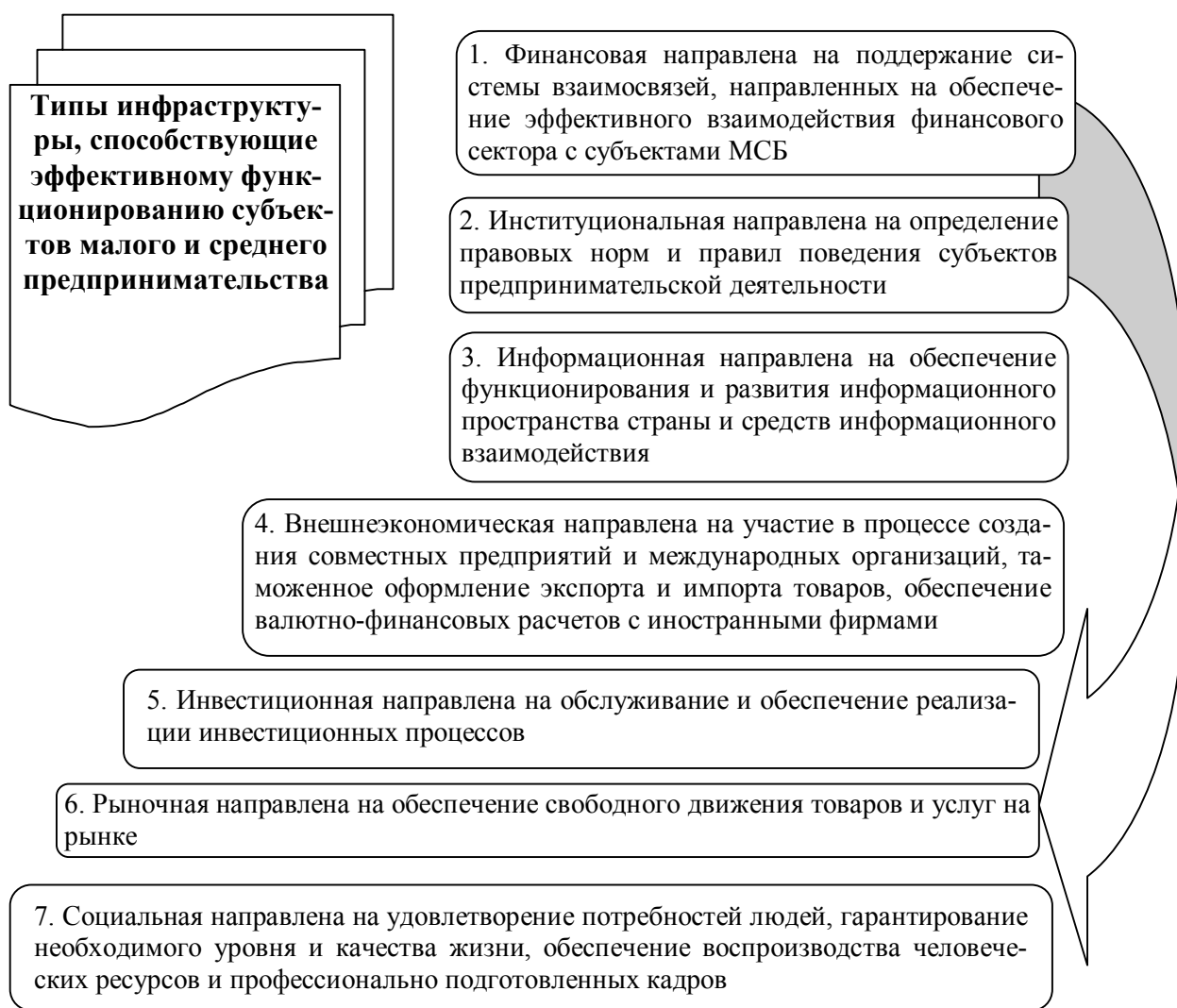

Рис. 4. Типы инфраструктуры, способствующие эффективному функционированию субъектов малого и среднего предпринимательства

В числе базовых направлений развития цифровой экономики в названной программе выделяется нормативное ре-

гулирование. Анализ правовых документов, сформулированных в них новых понятий, изучение проблем, возникаю-

щих в процессе реализации концепции формирования цифровой основы общества, позволяет актуализировать проблему формирования информационной инфраструктуры развития предпринимательской деятельности в России [15; 16; 17].

Представим на рисунке 5 сеть инфраструктуры поддержки предпринимательской деятельности в России.

Проведенный анализ подтверждает тот факт, что необходимо сформировать механизм, способствующий развитию информационного взаимодействия между субъектами предпринимательской дея-

тельности. Нельзя не заметить также тенденцию усиления коммерциализации деятельности в области телекоммуникаций и информационных технологий. Отношения, складывающиеся при использовании Интернета в коммерческих целях (по продаже товаров и услуг, применению компьютерных программ, распространению рекламы, размещению развлекательной продукции, передаче исключительных прав, коммерческой информации и др.) охватываются понятием предпринимательской деятельности в Интернете или электронной коммерции.

Рис. 5. Сеть инфраструктуры поддержки предпринимательской деятельности в регионах России

Представим на рисунке 6 предлагаемые направления информационного вза-

имодействия субъектов предпринимательской деятельности.

Направления информационного взаимодействия
субъектов предпринимательской деятельности

Рис. 6. Предлагаемые направления информационного взаимодействия субъектов предпринимательской деятельности

Таким образом, развитие системы информационного взаимодействия субъектов предпринимательской деятельности является необходимым элементом для формирования инфраструктурного её обеспечения. Применение автоматизированных информационных систем в современном мире широко используется менеджерами, т. к. владение автоматизированными технологиями – это мощный инструмент, усиливающий возможности планирования предпринимательской деятельности, что также является актуальным.

Список литературы

1. Isom C. J., David R. J. Innovation in Small Businesses: Drivers of Change and Value Use [Electronic resource] // U.S.

Small Business Administration. URL: https://www.sba.gov/sites/default/files/rs342tot_0.pdf (дата обращения: 12.05.2018).

2. Иванов В. В. Проблемы переориентации научно-технологического комплекса России на задачи инновационного развития экономики // Стратегические приоритеты. 2016. № 2. С. 46–62.

3. Ватутина Л. А., Хоменко Е. Б., Багаутдинова Д. З. Развитие инновационной инфраструктуры поддержки предпринимательства: основные принципы, факторы и элементы // Глобальный научный потенциал. 2017. № 6 (75). С. 25–27.

4. Ламанский М. Г. Инфраструктурное обеспечение предпринимательства // Известия ИГЭА. 2009. № 5 (67). С. 124–126.

5. Вертакова Ю. В., Плотников В. А., Курбанов А. Х. Информационное обес-

печение бизнес-структур промышленности // Проблемы развития современного общества: сб. науч. тр. 3-й Всерос. науч.-практ. конф. Курск: ЗАО «Университетская книга», 2015. С. 13–18.

6. Что ждет мировую промышленность в XXI веке [Электронный ресурс] // Финмаркет. URL: <http://www.finmarket.ru/main/article/3406044> (дата обращения: 12.05.2018).

7. Вертакова Ю. В., Леонтьев Е. Д., Плотников В. А. Оценка влияния конкурентной среды на эффективность стратегического управления развитием малого предприятия: методология и практика // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2015. № 2 (15). С. 30–36.

8. Henrekson M., Johansson D. Institutional Effects on the Evolution of the Size Distribution of Firms [Electronic resource] // Social Science Research Network. URL: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=998290 (дата обращения: 12.05.2018).

9. О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ. [ред. от 28.12.2013]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52144/ (дата обращения: 12.05.2018).

10. Строков М. А., Рудакова О. В., Головина Т. А. Государственная политика в системе российского предпринимательства // Устойчивый экономический рост: политические и социальные предпосылки: сб. по материалам Гайдаровских чтений: в 2-х т. / под ред. С. В. Приходько. Орел: Среднерусский институт управления – филиал РАНХ и ГС, 2017. С. 179–183.

11. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 12.05.2018).

12. Коробов С. А. Формирование региональной системы развития малого и среднего предпринимательства в современных экономических условиях // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология. 2016. № 3 (36). С. 46–55.

13. Магасумова А. Р., Хоменко Е. Б. Современные тенденции развития инфраструктурной поддержки молодежного предпринимательства в Удмуртской республике // Социально-экономическое управление: теория и практика. 2017. № 2 (31). С. 58–61.

14. Головина Т. А., Полянин А. В., Рудакова О. В. Развитие системы государственного стратегического управления предпринимательскими структурами на базе возможностей новой модели цифровой экономики // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2017. № 2. С. 13–18.

15. Тимофеев А. В. Основные функции, цели и задачи инфраструктурного обеспечения предпринимательской деятельности // Вестник Омского университета. 2012. № 1. С. 376–378.

16. Вертакова Ю. В. Использование сетевого подхода для обеспечения устойчивости развития предпринимательских структур в условиях экономического кризиса // Инновационный Вестник Регион. 2009. № 2. С. 36–43.

17. Дорошенко С. В., Шеломенцев А. Г. Предпринимательская экосистема в современных социоэкономических исследованиях // Журнал экономической теории. 2017. № 4. С. 212–221.

Поступила в редакцию 16.06.18

UDC 330.101.8

A. V. Barushev, Post-Graduate Student, Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPA (Orel, Russia) (e-mail: polyanin.andrei@yandex.ru)

I. L. Avdeeva, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPA (Orel, Russia) (e-mail: i-avdeeva-i@yandex.ru)

A. V. Polyenin, Doctor of Economic Sciences, Professor, Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPA (Orel, Russia) (e-mail: polyanin.andrei@yandex.ru)

DEVELOPMENT OF INFORMATION INTERACTION OF SUBJECTS OF SMALL AND MEDIUM BUSINESS IN THE SYSTEM OF INFRASTRUCTURE SUPPORT OF ENTERPRISE ACTIVITY

One of the priority vectors for the development of the national economy is the establishment and effective functioning of entrepreneurial activities. At the same time, the most important role is played by the infrastructural support of entrepreneurial activity, which is a combination of various infrastructural tools in management and production that ensure the effective functioning of small and medium-sized businesses.

The goal of developing business infrastructure is to create an enabling environment for its effective functioning.

The paper defines approaches to determining the role of small and medium business in the economy, as well as types of infrastructures for the effective functioning of business entities. Analysis of the identified types of business infrastructure is necessary to determine the integrated support of business entities in various areas of their economic activities.

As a result of the study, emphasis was placed on the development of information interaction between business entities, as information and communication technologies have become part of the branches of the economy and public administration, which have a significant impact on the socio-political, cultural and spiritual spheres. Without information technology, it is impossible to imagine the implementation of entrepreneurial activities, which assumes an ever-increasing volume of electronic interaction both between the participants in economic activity and between the state and business. Unfortunately, to date, the contribution of small and medium-sized businesses to Russia's GDP is approximately twice lower than in the economies of developed countries, so it is necessary to create favorable conditions for business entities, especially in the development of its infrastructure based on information interaction.

Thus, the theoretical and methodological undeveloped issues of the development of information interaction of small and medium-sized enterprises in the system of infrastructural support of entrepreneurial activity proves the urgency and necessity of this research.

Key words: *infrastructure, subjects, small and medium-sized business, entrepreneurial activity, information interaction, state support.*

For citation: Barushev A. V., Avdeeva I. L., Polyenin A. V. Development of information interaction of subjects of small and medium business in the system of infrastructure support of enterprise activity. Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management, 2018, vol. 8, no. 3 (28), pp. 83–94 (in Russ.).

References

1. Isom C. J., David R. J. Innovation in Small Businesses: Drivers of Change and Value Use. U.S. Small Business Administration. URL: https://www.sba.gov/sites/default/files/rs342tot_0.pdf (accessed 12.05.2018).

2. Ivanov V. V. Problemy pereorientatsii nauchno-tekhnologicheskogo kompleksa Rossii na zadachi innovatsionnogo razvitiya ehkonomiki. Strategicheskie prioritety, 2016, no. 2, pp. 46–62.

3. Vatutina L. A., Homenko E. B., Bagautdinova D. Z. Razvitie innovatsionnoj infrastruktury podderzhki predprinimatel'stva:

osnovnye principy, faktory i ehlementy. Global'nyj nauchnyj potencial, 2017, no. 6 (75), pp. 25–27.

4. Lamanskij M. G. Infrastrukturnoe obespechenie predprinimatel'stva. Izvestiya IGEHA, 2009, no. 5 (67), pp. 124–126.

5. Vertakova Yu. V., Plotnikov V. A., Kurbanov A. H. Informatsionnoe obespechenie biznes-struktur promyshlennosti. Problemy razvitiya sovremennogo obshchestva: sb. nauch. tr. 3-j Vseros. nauch.-prakt. konf. Kursk, ZAO "Universitetskaya kniga", 2015, pp. 13–18.

6. Chto zhdet mirovuyu promyshlennost' v XXI veke. Finmarket. URL: <http://www.finmarket.ru/main/article/3406044> (accessed 12.05.2018).
7. Vertakova Yu. V., Leont'ev E. D., Plotnikov V. A. Ocenka vliyaniya konkurentnoj sredy na ehffektivnost' strategicheskogo upravleniya razvitiem malogo predpriyatiya: metodologiya i praktika. Izvestiya Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Jekonomika. Sociologiya. Menedzhment, 2015, no. 2 (15), pp. 30–36.
8. Henrekson M., Johansson D. Institutional effects on the evolution of the size distribution of firms. Social science research network. URL: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=998290 (accessed 12.05.2018).
9. O razvitii malogo i srednego predprinimatel'stva v Rossijskoj Federacii: feder. zakon ot 24.07.2007 No 209-FZ: [red. ot 28.12.2013]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52144/ (accessed 12.05.2018).
10. Stokov M. A., Rudakova O. V., Golovina T. A. Gosudarstvennaya politika v sisteme rossijskogo predprinimatel'stva. Ustojchivyy ehkonomicheskij rost: politicheskie i social'nye predposylki: sb. po materialam Gajdarovskih chtenij; ed. by S. V. Prihod'ko. Orel, Srednerusskij institut upravleniya – filial RANH i GS Publ., 2017, pp. 179–183.
11. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki. URL: <http://www.gks.ru> (accessed 12.05.2018).
12. Korobov S.A. Formirovanie regional'noj sistemy razvitiya malogo i srednego predprinimatel'stva v sovremennyh ehkonomicheskikh usloviyah. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Ehkonomika. Ehkologiya, 2016, no. 3 (36), pp. 46–55.
13. Magasumova A. R., Homenko E. B. Sovremennye tendencii razvitiya infrastrukturoj podderzhki molodezhnogo predprinimatel'stva v Udmurtskoj respublike. Social'no-ehkonomicheskoe upravlenie: teoriya i praktika, 2017, no. 2 (31), pp. 58–61.
14. Golovina T. A., Polyanin A. V., Rudakova O. V. Razvitie sistemy gosudarstvennogo strategicheskogo upravleniya predprinimatel'skimi strukturami na baze vozmozhnostej novej modeli cifrovoj ehkonomiki. Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ehkonomika i upravlenie, 2017, no. 2, pp. 13–18.
15. Timofeev A. V. Osnovnye funkicii, celi i zadachi infrastrukturojnogo obespecheniya predprinimatel'skoj deyatel'nosti. Vestnik Omskogo universiteta, 2012, no. 1, pp. 376–378.
16. Vertakova Yu .V. Ispol'zovanie setevogo podhoda dlya obespecheniya ustojchivosti razvitiya predprinimatel'skih struktur v usloviyah ehkonomicheskogo krizisa. Innovacionnyj Vestnik Region, 2009, no. 2, pp. 36–43.
17. Doroshenko S. V., Shelomencev A. G. Predprinimatel'skaya ehkossistema v sovremennyh socioehkonomicheskikh issledovaniyah. Zhurnal ehkonomicheskoy teorii, 2017, no. 4, pp. 212–221.

УДК 33

Е. А. Малышкина, канд. экон. наук, доцент, Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина, (Тамбов Россия) (e-mail: e-malyshkina@mail.ru)

НАПРАВЛЕНИЯ ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ РЕСТОРАННОГО БИЗНЕСА

В современных условиях развития российской экономики конкурентоспособность предприятий ресторанного бизнеса – это относительная характеристика, которая выражает степень отличия заведения от конкурентов в сфере удовлетворения потребностей клиентов. Конкурентоспособность ресторанного бизнеса является решающим фактором коммерческого успеха заведения на развитом конкурентном рынке. В последнее время все больше людей предпочитают питание вне дома, поэтому собственное производство хлебной продукции является в настоящих условиях российского рынка востребованной темой в развитии ресторанного бизнеса. Во многих городах стали развиваться мини-пекарни как самостоятельные, так и в структуре ресторана или торговой сети. Развитие рынка в данных форматах в основном идет за счет производства нетрадиционных сортов хлеба и хлебобулочных изделий. Малые пекарни более перспективны, чем крупные производители, они более мобильны и легко приспособляются к запросам потребителей. Им легче менять технологии и рецептуры, тем самым формируя любой уникальный спрос на элитный и изысканный хлебный продукт. Сегодня предпочтения потребителей сместились с традиционной заводской выпечки в пользу изделий, изготовленных вручную по домашним рецептам в семейных пекарнях. Именно рестораны, оборудованные полным циклом выпекания хлеба вручную, ломают современные потребительские стереотипы, делая выпечку «ремесленного» хлеба своим конкурентным преимуществом перед потребителями. Немаловажная роль в повышении конкурентоспособности является эффективность производства «ремесленного» хлеба, технологическим фактором, включающим в себя технический уровень и собственно технологию производства (т. е. способ преобразования факторов производства в конечный или промежуточный продукт). Обеспечение конкурентоспособности предприятия ресторанного бизнеса должна быть подчинена стратегии обновления производства готовой продукции, расширение меню, реорганизация структуры, изменение интерьера или даже целой концепции ресторана.

В статье рассматривается производственная деятельность по выпечке хлеба и хлебной продукции, анализируется ассортимент хлебной корзины ресторана. Автором предложены возможные направления развития хлебопекарного производства в ресторанном бизнесе и даны рекомендации повышения конкурентоспособности ресторанов г. Тамбова.

Ключевые слова: конкурентоспособность, ресторанный бизнес, «ремесленный» хлеб, выпечка хлеба, конкурентное преимущество.

Ссылка для цитирования: Малышкина Е. А. Направления повышения конкурентоспособности предприятий ресторанного бизнеса // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2018. Т. 8, № 3 (28). С. 95–106.

На сегодняшний день, говоря о ресторанном бизнесе, нельзя не отметить, что данный рынок услуг включен в организационную структуру рынка хлеба и хлебобулочных изделий. Данная система экономических отношений складывается в процессе производства, обращения и распределения данной продукции, в тесном взаимодействии находятся все экономические агенты: производители сырья, потребители продукции, предприятия сферы обслуживания, предприятия торговли (сетевой ритейл, розница, опт), транспортные компании (логистика), финансовые компании и потребители. В последнее время одной из особенностей

хлебопекарной отрасли является концентрация производственных мощностей на малых предприятиях различных форм собственности, представленных частными мини-пекарнями, торговыми сетями и ресторанами. Хлеб является особым товаром, имеющим характерные закономерности спроса и предложения, поскольку относится к товарам, которые не имеют полноценных заменителей и обеспечивают первоочередные потребности человека [1], ведь хлебобулочные изделия пользуются спросом всегда вне зависимости от политической обстановки и экономической ситуации в стране. В связи с этим актуальность темы исследова-

ния обусловлена усилением конкуренции между предприятиями ресторанного бизнеса и повышением интереса к производству хлеба в мини-пекарнях, в том числе и в ресторанах. Причин, обусловивших это усиление, достаточно много: во-первых, это последствия экономического кризиса, продовольственное эмбарго в отношении России привело к необходимости импортозамещения ряда продуктов, используемых в ресторанах, в том числе и хлебной продукции; во-вторых, усиленное влияние научно-технического прогресса на повышение качества и конкурентоспособности услуг и товаров; в-третьих, широкое использование новых инновационно-производственных технологий. Необходимость исследовать конкурентоспособность заведений, использующих собственное производство хлеба, позволяет, с одной стороны, определить значение хлеба как важного продукта, влияющего на общую концепцию заведения и формирование меню, а с другой стороны, именно качество хлеба в ресторанной отрасли в последние годы ужесточает конкуренцию между заведениями общественного питания.

В условиях рынка затруднительно добиться стабильного успеха в ресторанном бизнесе, если не планировать его эффективное развитие, не аккумулировать постоянно информацию о собственных перспективах и возможностях, о состоянии целевых рынков, о положении на них конкурентов и своей конкурентоспособности [2]. Сегодня конкурентоспособность предприятий ресторанного бизнеса – это относительная характеристика, которая выражает степень отличия заведения от конкурентов в сфере удовлетворения потребностей клиентов. Коммерческий успех заведения на развитом конкурентном рынке возможен только при создании конкурентных преимуществ – стратегического направления деятельности не только отдельных предприятий, но и целых отраслей и регионов, государства и его органов. К существенным для настоящего исследования методологиче-

ским и методическим вопросам, связанным с термином «конкурентоспособность», следует отнести:

– относительность, которая проявляется в том, что конкурирующий на одних рынках товар будет совершенно неконкурентоспособен на других;

– различие подходов к оценке и анализу конкурентоспособности на разных ее уровнях: на уровне товара, предприятия, отрасли и, наконец, национальной экономики в целом [3]. Необходимо отметить, что общим для определения конкурентоспособности является подход, заключающийся в динамичном развитии экономики и повышение ее эффективности, что характеризуют страну, успешную в конкурентной борьбе, а повышение уровня жизни ее граждан является главной целью и основным критерием успеха страны в международной конкуренции [4].

В ходе исследования были определены причины обострения конкуренции в данном сегменте:

– снижение покупательской способности населения;

– изменение товарного качества зерна, вследствие чего происходит снижение показателей качества хлеба и хлебобулочных изделий;

– увеличение требований к качеству хлеба;

– изменение потребительских предпочтений покупателей, смещение с традиционной заводской выпечки в пользу изделий, изготовленных вручную по домашним рецептам в семейных мини-пекарнях;

– омоложение потенциальной аудитории клиентов ресторанов и кафе;

– резкое ускорение темпа жизнедеятельности;

– внедрение новых инновационных производственных технологий.

Снижение покупательской способности населения и последствия продовольственного эмбарго за последние три года привели к изменению ресторанного бизнеса. Многие рестораторы, подхватив

идею производства «ремесленного» хлеба на натуральной закваске от отечественных мини-пекарен, запустили производство собственного хлеба. По словам основателя семейной пекарни «ГлавХлеб» Романа Буякова, люди «наелись» стандартной выпечкой и предпочитают хлеба ручной работы по старым рецептам вместо французской заморозки [6]. Именно рестораны, оборудованные полным циклом выпекания хлеба вручную, поломали современные потребительские стереотипы и стали считаться трендом в развитии ресторанного бизнеса. Выпекать хлеб самим конечно дешевле. Однако высокая конкуренция в сегменте выпечки хлеба весьма высока, по статистике из десяти открывшихся частных пекарен через год действующими остаются только две-три. Причиной такого массового закрытия заведений является ряд типичных ошибок, которые допускают «стартаперы» при запуске своего бизнеса. За кажущейся простотой и «вечным» потреблением хлеба стоит сложная технологическая основа. Открытие собственного хлебопекарного проекта, в формате «ремесленная» пекарня, хлебная лавка при ресторане или производство в торговой сети, всегда будет сопряжено рядом проблем. Только грамотно разработанные ресторанные проекты с необычной концепцией и авторской кухней и рецептурой, объединенные в одном месте, дадут синергетический эффект. Так каким образом наладить собственное самостоятельное производство хлеба в ресторане и не стать заложником неудачного бизнеса? На чем нужно акцентировать внимание при вложении инвестиций в ресторанный бизнес, чтобы обеспечить высокий и долговременный результат? Естественно, первым делом необходимо изучить ближайших конкурентов и их предложения. Разработанное предложение должно быть конкурентоспособным, постарайтесь еще на начальной стадии реализации идеи по производству собственного хлеба в ресторане ответить на ряд вопросов:

– будет ли концепция ресторана ориентирована на выпечку хлеба?

– в чем заключается уникальность, эксклюзивность и интернациональность предложения, отличающая вас от конкурентов?

– какой ассортимент хлеба и блюд на его основе будет использоваться в меню?

– какое оборудование использовать в производственной деятельности ресторана?

– как определить количество персонала и график работы?

– каким образом будет организована логистика ресторана?

– когда будет выпекаться хлеб?

– в какое время он будет реализован?

– будут ли приниматься отдельные заказы на выпечку хлеба?

Ответы на данные вопросы позволят избежать закрытия заведения на первом году работы.

С развитием хлебного производства в ресторанах изменилась и структура рынка хлеба в целом, поскольку собственное производство ритейлеров учитывает интересы потребителей [6]. Традиционные точки питания вынуждены меняться под новые вкусовые предпочтения потребителей, ориентируясь в своем предложении на «продвинутых», динамичных молодых людей, которые все больше становятся потребителями их продукции. В ресторанном бизнесе, ориентированном на платежеспособного гостя, достичь плановых выручек становится все труднее, приходится изыскивать новые методы ведения бизнеса и проявлять креативность. Как следствие, многие предприятия общественного питания от ресторанов до обычных столовых вынуждены менять формат своего заведения и превращать их в модные буфеты, гастромакетты, бургерные или кофейни, со средним чеком 200–450 руб., именно эти причины приводят к смещению ресторанного бизнеса из формата fast casual в формат fast food. При этом не секрет,

что в меню fast food основным из составляющих ингредиентов является хлебная продукция.

Хлеб – один из основных ингредиентов ресторанный меню, подчеркивающий их авторское исполнение. Его влияние на конечный продукт велико, вкусовые качества хлеба кардинальным образом могут изменить вкус блюда, поэтому в производстве необходимо использовать качественный хлеб определенного вида, который не будет расплывчатым, подчеркнет вкус других составляющих и не поломается под тяжестью ингредиентов. Для преодоления негативных тенденций и выхода на траекторию устойчивого развития ресторану необходимо правильно выбрать состав

инновационных технологий, способствующих повышению эффективности использования ресурсов и конкурентоспособности продукции. Успешный выход на рынок – залог финансового благополучия компании.

Хлебопекарное производство в ресторанном бизнесе представлено в большинстве заведений, разнородных по своему потенциалу, объемам, ассортименту выпускаемой продукции, финансовым ресурсам и т. д. Ключевой позицией в оценке конкурентоспособности ресторана с выпечкой собственного хлеба является хлебная корзина, представленная в меню, – это второй показатель, на который гость обращает внимание после интерьера (табл. 1) [7; 8].

Таблица 1

Ассортимент хлебной корзины ресторанов Москвы и Санкт-Петербурга

Разновидность ресторана	Название ресторана	Наименование хлебобулочного изделия
1. Азиатский	Azia	Индийские тонкие лепешки Наан: – наан с чесноком и кориандром; – наан с кунжутом; – классический наан. Китайское песочное печенье. Чипсы из корня лотоса. Китайский бобовый хлеб
2. Русский	Банщики	Хлеб «Бородинский». Хлеб «Деревенский». Хлеб «Луковый». Белая булочка на кефирной закваске. Хлеб «Заварной карельский с вяленой клюквой и медом»
3. Европейский	Birch	Хлеб «Буханка кукурузного»
4. Индийский	Curry House	Индийские тонкие лепешки Наан: – классический наан; – наан с карри. Многослойная парата
5. Авторская гастрономия	EM	Хлеб «Серый ржаной». Хлеб «Белый»
6. Авторская гастрономия	Jerome	Хлеб «с 4 видами муки» (многозерновой, ржаной, и два вида пшеничной, семена подсолнечника)
7. Советский	Кококо	Хлеб «Льняной». Хлеб «Ромашка с маком». Хлеб «Бородинский кирпичик». Луковый багет

Окончание табл. 1

Разновидность ресторана	Название ресторана	Наименование хлебобулочного изделия
8. Итальянский	Пробка	Тонкий хлеб из смеси ржаной и пшеничной муки (гибрид между сардинской лепешкой и шведскими тминными хлебцами)
9. Авторская гастрономия	Ферма Бенуа	Серый хлеб из гречневой муки. Белый хлеб из кукурузной муки
10. Восточно-европейский	Зеленый сад	Хлеб «Ржаной». Хлеб «Льняной на закваске». Хлеб «Гречишный». Хлеб «Десертный финиковый». Хлеб «С арахисом»
11. Франко-бельгийский	Flamand Rose	Хлеб ржаной «Альпийский» с морковью и семенами подсолнечника. Хлеб ржаной «Фитнес» с овсянкой и семенами льна. Тыквенный буль (из припущенной тыквы, куркумы и тыквенных семечек)
12. Итальянский	Pane	«Чиабатта». «Рустико». Сельский «Пьезе» с семечками. «Гармонита». Палочки «Гриссини». Круассаны
13. Европейский	Коржов	Хлеб «Солодовый». Парижский багет. Фугас с оливками. Хлеб «Русский кирпичик»
14. Европейский	Волконский	Багет. Хлеб «С укропом». Хлеб «Монж с изюмом». Хлеб «Вестфальский»
15. Бельгийский	Хлеб насущный	Грамотный багет. Флейта с фундуком. Хлеб «5 злаков». Хлеб «Ореховый». Каравай
16. Русский	Сашина Пекарня	Хлеб «Ржаной». Хлеб «Заварной с курагой». Хлеб «Пшеничный». Хлеб «Серый». Сдобная булочка

Из полученных результатов можно сделать вывод, что ассортимент хлебной корзины ресторанов, производящих выпечку хлеба, в основном формирует-

ся на основании выбранной концепции ресторана.

При мониторинге ресторанов г. Тамбова показатели были практически соп-

ставимы со столичными ресторанами, концепция ресторана в основном определяет меню и хлебную корзину. Для исследования были определены три крупных ресторана города, использующие в своем меню хлебную корзину и блюда на его основе: это паб и бар «ХЛЕБ и ВИНОтека», рестобарчик «Гренок», семейный ресторан «Рго Плов» (табл. 2).

Проведенные исследования позволили проанализировать производственную деятельность ресторанов по выпечке

«ремесленного» хлеба. В целом, из трех ресторанов ассортимент блюд на основе хлеба соответствует заявленной концепции, что же касается собственного производства хлеба, то только два из трех имеют собственное производство – это паб и бар «ХЛЕБ и ВИНОтека» и семейный ресторан «Рго Плов». Неожиданный результат показал рестобарчик «Гренок», в своей производственной деятельности ресторан использует хлеб других производителей.

Таблица 2

Ассортимент хлебной корзины ресторанов г. Тамбова

Разновидность ресторана	Название ресторана	Наименование хлебобулочного изделия	Наименование блюда в меню на его основе
1. Европейский	ХЛЕБ и ВИНОтека	Хлеб «Бородинский». Хлеб «Витебский». Хлеб «Мультизлаковый». Французский багет. Чиабатта. Фокачча	Брускета с различными начинками
2. Европейский	Гренок	-	Гренка из багета с сыром. Бородинские гренки с чесноком. Двойные мультизлаковые гренки с хреном. Гренки с ароматным маслом и килькой
3. Узбекский	Рго Плов	Узбекская лепешка	Хачапури. Сырная лепешка. Чебуреки. Самса

Полученные данные являются основой для дальнейших разработок рекомендаций по улучшению конкурентоспособности предприятий ресторанного бизнеса г. Тамбова, связанных с производством хлеба в ресторане. Пабу и бару «ХЛЕБ и ВИНОтека» необходимо усовершенствовать свою концепцию и запустить формат пекарни «за стеклом», когда весь процесс по выпечке хлеба является открытым, а формирование хлеба становится неким развлекательным действием для гостей. Данный

формат предполагает производственное помещение размером до 60 кв. м с большими окнами или прозрачными стенами, оборудованием и свободным пространством для внутренней логистики, перемещения сотрудников. При этом еще можно произвести оборудование зала ресторана Led экранами или телевизорами, по которым будет вестись трансляция скрытых процессов выпечки хлеба. Гости ресторана должны наслаждаться театральным зрелищем выпечки «ремесленного» хлеба.

Также актуальным будет предложение с применением техники «блюдо-конструктор» – разные вариации одного и того же продукта, но с разными ингредиентами, предложение посетителям нового ассортимента блюд на основе хлеба или хлебной продукции, например, без глютена, лактозы, продукцию с органическими продуктами, хлебные чипсы и хлебцы [9].

Рестобарчику «Гренок» перейти к производству конкурентоспособной продукции за счет применения технологических процессов, отвечающих современному уровню развития отрасли.

Повышение эффективности производства «ремесленного» хлеба принадлежит технологическим факторам, включающим в себя технический уровень и собственно технологию производства (т. е. способ преобразования факторов производства в конечный или промежуточный продукт). Конечно, производство хлеба – удовольствие не дешевое, затраты на переоборудование рестобарчика будут иметь значительные размеры. Минимальный набор производственного оборудования и площади представлен в таблице (табл. 3) [8].

Таблица 3

Помещение и оборудование, необходимое для собственного производства

	Работа с полуфабрикатами	Выпечка «от муки»
Оборудование	Морозильная камера (если речь идет о заморозке), t^0 хранения, как правило, 18^0C . Расстойка, если заготовки не расстоены производителем. Печь (конвекционная или ротационная)	Место для хранения сырья. Мукопросеиватель. Тестомес (если ассортимент широкий, то, возможно, понадобится несколько тестомесов для разного вида теста). В некоторых случаях делитель и округлитель либо место для ручной формовки теста, формы для хлеба. Расстойка. Печи (ротационная и, при необходимости, подовая)
Площадь	10–15 кв. м	не менее 50 кв. м

Естественно, закладывая в концепцию ресторана производство хлеба, необходимо учитывать возможность помещения. Исходя из требуемых показателей площади, несложно оценить, способна ли дополнительная маржа от продажи собственного хлеба, выпечки и привлечения новых гостей из числа любителей горячего мучного покрыть ежемесячные расходы на аренду и персонал, а также окупить инвестиции в оборудование. Инвестиции могут достигать полумиллиона евро, а срок окупаемости – от 3 лет. Объем вложений в проект рассчитывается из следующих расходных статей:

1) *затраты на помещение* – аренда или покупка помещений, строительство

собственного здания, ремонт торгового зала и производственных площадей, работы по фасадам, проведение коммуникаций;

2) *технологическое проектирование*, покупка оборудования цехов и торговых точек, оснащение торгового зала, обеспечение необходимым инвентарём, обеспечение товарами и продуктами;

3) *маркетинг* – исследования, работы с фокус-группами, разработка конкурентной стратегии, брэндинг, рекламная кампания, разработка маркетинговых инструментов и их поддержка, расходы на продвижение и каналы коммуникации;

4) *создание системы управляющей компании*, централизованной логистики,

найм и обучение персонала, создание центра обучения и аттестации персонала, создание системы управления качеством и контроля, управление персоналом.

Если принятие решения о самостоятельном производстве «ремесленного» хлеба в ресторане становится одной из составляющих концепции, заведение должно обладать достаточным количеством посадок и иметь высокую посещаемость. Однако хлебное предложение не должно быть чрезмерным, иначе производство будет трудоемким и затратным. Ассортимент хлеба и блюд на его основе в ресторане должен включать не более 10 позиций, целесообразно выпекать небольшие булочки, пшеничные хлеба, багеты, которые можно использовать в приготовлении гренок. Ржаные хлеба и сложные хлеба на заквасках все-таки лучше закупать готовыми или приобретать тесто, т. к. их производство требует дополнительных площадей, оборудования и специалистов. Лучше делать акцент на уникальность и конкурентоспособность продукта, в том числе на яркую, оригинальную, интересную, модную подачу блюд и упаковки на вынос.

Планируя такую бизнес-модель, необходимо проанализировать цифры и просчитать окупаемость под конкретный проект: средний чек, ассортимент, объемы производства. В то же время необходимо обратить внимание на ряд санитарных требований, которые нужно заранее выяснить: например, недопустимость подвальных помещений, обязательное плиточное покрытие на стенах и полу, открытие собственных точек сбыта или привлечение внешних.

В деятельности всех трех ресторанов, формируя свои конкурентные преимущества, рекомендуется использовать ассортиментную матрицу производственной деятельности. Некий номенклатурный документ, который включает в себя полный перечень всех производимых позиций, предлагаемых к продаже, с

учетом требований ассортиментной политики, особенностей выбранного формата, местоположения ресторана и потребностей региона.

В основе успешной ассортиментной матрицы ресторана лежат пять определяющих факторов:

1) концепция ресторана (его формат и позиционирование);

2) месторасположение ресторана (от этого фактора напрямую зависит количество потенциальных клиентов);

3) социально-экономические особенности района (от этого зависит как количество совершаемых покупок клиентами, так и сумма среднего чека);

4) конкуренты (оценка конкурентных предложений);

5) потенциальная аудитория вашего ресторана (пол, возраст, социальный статус, уровень дохода, национальность, род деятельности).

Именно от грамотно разработанной ассортиментной матрицы напрямую зависит процветание заведения и, как следствие, выручка. Любая корректировка ассортимента – это не интуитивная работа, а еженедельный анализ динамики продаж. Для его проведения необходимо воспользоваться методом оценки, предложенным в 1982 г. американскими консультантами Майклом Касановой и Дональдом Смитом на основе популярной матрицы BCG (Boston Consulting Group) (рис.) [11]. В основе матрицы лежит анализ, позволяющий ответить на главный вопрос: какой вклад вносит каждая позиция в ассортимент меню в зависимости от ее популярности и валовой прибыли. Анализ данной матрицы помогает понять, какие позиции конкурентоспособны. Определить имеющие слишком большую или слишком маленькую отпускную цену позиции, нуждающиеся в рекламе и продвижении позиции, требующие уменьшения себестоимости за счет пересмотра рецептуры или изменения размера порции.

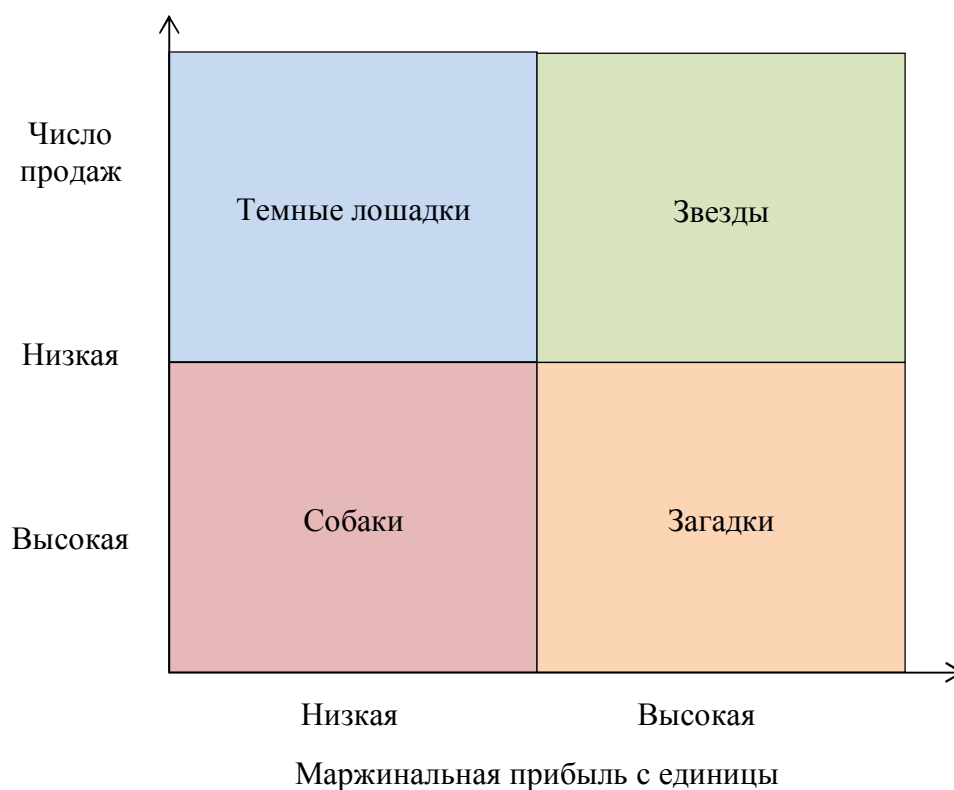

Рис. Пример матрицы BCG

Согласно матрице BCG все позиции ассортимента меню можно разделить на четыре группы:

– «звезда» – позиция с высокой популярностью и высоким уровнем прибыльности; спрос потребителей на блюда, которые окажутся в данном квадрате, необходимо поддерживать;

– «темная лошадка» – позиция с высоким уровнем популярности, но с низким уровнем прибыльности; блюда нуждаются в уменьшении себестоимости или увеличении отпускной цены;

– «загадка» – позиция с низкой популярностью, но высоким уровнем прибыльности требует более активной рекламы, возможно, стоит немного понизить отпускную цену или повысить ценность данного блюда для клиента;

«собака» – позиция с низкой популярностью и низким уровнем прибыльности; данное блюдо необходимо исключить из ассортимента.

В результате анализа по данной модели ассортимент меню и хлебной корзи-

ны распределяется относительно его конкурентоспособности. Еженедельный анализ по данной модели является трудоемким и сложным процессом. Лучше воспользоваться современными системами автоматизации, которые позволят ускорить процесс и представить полученный результат. В итоге необходимо ориентироваться на изменения потребностей населения с целью их более полного удовлетворения, постоянно производить изменения в меню и хлебной корзине путем освоения новых технологий и рецептов.

В то же время ресторанам города необходимо грамотное управление маркетинговой деятельностью. Многие методы, определенные в стратегии продвижения, не оправдывают себя на практике и связаны с большими рисками. Затраты на наружную рекламу, а также на проведение специальных акций не окупаются, поэтому необходимо анализировать возможность использования определенных маркетинговых инструментов исходя из размещения ресторанов, целевых клиент-

ских сегментов, направленности и согласованности мероприятий [12].

С увеличением числа открывающихся ресторанов расширяется разнообразие гастрономических предложений, и соответственно, требования потребителей в качественном обслуживании тоже растут. Как фактор повышения качества предоставляемых услуг рекомендуется использовать более квалифицированный персонал. В «ремесленном» производстве хлеба персонал должен хорошо ориентироваться, знать все производственные процессы, отличительные характеристики хлеба и используемых ингредиентов для приготовления блюд на его основе. Уверенно рассказывать о меню, знать ассортимент хлебной корзины, быть приветливыми и дружелюбными. Компетентность вызывает доверие, а значит, клиенты не будут сомневаться в качестве предлагаемой продукции. Применение креативности позволит увеличить конкурентоспособность. Целесообразно нанять на время шефа-иностранца, который обучит и вырастит специалистов; отправлять сотрудников на стажировку в популярные рестораны, пекарни или кафе. В производственный персонал надо вкладывать и силы, и ресурсы, и эмоции. Хлеб – это тот продукт, который не спрячешь за красивой упаковкой и уловками опытных продавцов, он либо вкусный и качественный, либо нет.

Таким образом, сделаем вывод, что конкурентное преимущество ресторана производство «ремесленного» хлеба не является чем-то стабильным, постоянно гарантирующим успех и поток гостей. Основным фактором коммерческого успеха предприятия в условиях рыночной экономики является его конкурентоспособность, которая зависит от качества менеджмента и конкурентоспособности выпускаемой продукции, т. е. от того, насколько данная продукция лучше аналогов – продукции, выпускаемой конкурирующими предприятиями [13].

Учитывая высокую циркуляцию конкурентов на ресторанном рынке, конкурентное преимущество ресторана легко потерять. Укрепить свои позиции в конкурентной среде можно только с помощью цены и качества предлагаемых продуктов. В условиях развитого, быстрорастущего рынка, когда в нем много близких или аналогичных по цене и качеству, продуктов характер конкуренции тяготеет к использованию преимуществ, предоставляемых имиджем ресторана [14]. Только социально-психологические характеристики сформируют благоприятное общественное восприятие ресторана. Устойчивый имидж ресторана в маленьком городе выступает как стимулом к первоначальному выбору заведения, так и основным мотивом к предпочтению перед конкурентами. Имидж является важнейшим фактором укрепления конкурентных позиций ресторана, обеспечивающим его преимущества и способность к активной конкурентной борьбе.

Список литературы

1. Калинин Н. Н. Статистическое исследование потребления хлеба и хлебобулочных изделий в Российской Федерации // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2014. № 5-1. С. 96–105.
2. Оковкина О. Н., Чупайда А. М. Пути повышения конкурентоспособности предприятий // Экономический журнал. 2010. № 5 (41). С. 37–42.
3. Саяпин А. В., Кожевникова Т. М. Структурная модернизация как фактор конкурентоспособности предприятий АПК // Социально-экономические явления и процессы. 2013. № 2 (48). С. 102–109.
4. Лоскутова М. В. Анализ теорий конкуренции и конкурентоспособности // Социально-экономические явления и процессы. 2011. № 9 (31). С. 101–106.

5. Хлебное дело: как заработать на пекарне и булочной [Электронный ресурс] // РБК. 2017. 25 янв. URL: https://www.rbc.ru/own_business/25/01/2017/5887222b9a7947b7583155ec (дата обращения: 23.06.2018).

6. Агапов А. Р. Перспективы развития мини-пекарен в условиях импортозамещения // Агропродовольственная экономика. 2017. № 6. С. 27–32.

7. Лучшие хлебные корзины [Электронный ресурс] // Ресторанный гид. URL: <https://www.restorating.ru/articles/breaking-bread-bakery/> (дата обращения: 23.06.2018).

8. Гид по пекарням [Электронный ресурс] // Ресторанный гид. URL: <https://www.restorating.ru/articles/breaking-bread-basket/> (дата обращения: 23.06.2018).

9. Считаем и печем [Электронный ресурс] // Ресторанные ведомости. URL: <http://restoranoff.ru/sp/pekarni/articles/oborudovanie/schitaem-i-pechem/> (дата обращения: 23.06.2018).

10. Производство хлеба в ресторане «за» и «против» [Электронный ресурс] // Ресторанные ведомости. URL: http://bakery.restoranoff.ru/articles/resheniya/proizvodstvo_khleba_v_restorane_za_i_protiv/ (дата обращения: 23.06.2018).

11. Ассортиментная матрица [Электронный ресурс] // Ресторанные ведомости. URL: <http://restoranoff.ru/sp/pekarni/articles/produkty/assortimentnaya-matritsa/> (дата обращения: 23.06.2018).

12. Денисов И. В., Ляндау Ю. В. Технологии управления ресторанном бизнесом // Управление в России: проблемы и перспективы. 2017. № 2. С. 3–10.

13. Солдаткина О. В. Особенности оценки конкурентоспособности продовольственных товаров // Вестник Оренбургского государственного университета. 2013. № 8 (157). С. 59–66.

14. Что отдать на съедение? [Электронный ресурс] // Российская газета. 2017. 2 февр. URL: <https://rg.ru/2017/02/02/mintrud-peresmotrit-soderzhaniepotrebitelskoj-korziny.html> (дата обращения: 23.06.2018).

Поступила в редакцию 17.07.18

UDC 33

E. A. Malyshkina, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Tambov State University named after G. R. Derzhavin (Tambov, Russia) (e-mail: e-malyshkina@mail.ru)

DIRECTIONS OF INCREASE IN COMPETITIVENESS OF THE ENTITIES OF RESTAURANT BUSINESS

In modern conditions of development of the Russian economy, the competitiveness of the restaurant business is a relative characteristic, which expresses the degree of difference between the institution and competitors in the field of customer satisfaction. The competitiveness of the restaurant business is a decisive factor in the commercial success of the institution in the developed competitive market. In recent years, more and more people prefer eating out, so their own production of bread products is in the present conditions of the Russian market in demand in the development of the restaurant business. In many cities, mini-bakeries began to develop as an independent, as in the structure of a restaurant or retail network. The development of the market in these formats is mainly due to the production of non-traditional varieties of bread and bakery products. Small bakeries are more promising than large manufacturers, they are more mobile and easily adapt to the needs of consumers. It is easier for them to change technologies and recipes, thereby forming any unique demand for elite and refined bread product. Today, consumer preferences have shifted from traditional factory baking to products made by hand using homemade recipes in family bakeries. It is the restaurants, are equipped with a full cycle of baking bread by hand, breaking the stereotypes of the modern consumer, making baking "artisan" bread with its competitive advantage to consumers. An important role in increasing competitiveness is the efficiency of the production of "craft" bread, technological factors, including the technical level and the actual production technology (ie. a method of converting factors of production into a final or intermediate product). To ensure the competitiveness of the restaurant business, the strategy of updating the produc-

tion of finished products, expanding the menu, restructuring the structure, changing the interior, or even the whole concept of the restaurant should be subordinated.

The article deals with the production activities of baking bread and bread products, analyzes the range of the breadbasket of the restaurant. The author suggests possible directions of development of the bakery production in the restaurant business and recommendations enhancing the competitiveness of the restaurants of the city of Tambov.

Key words: competitive ability, restaurant business, "handicraft" bread, bread baking, competitive advantage.

For citation: Malysheva E. A. Directions of increase in competitiveness of the entities of restaurant business. Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management, 2018, vol. 8, no. 3 (28), pp. 95–106 (in Russ.).

References

1. Kalinin N. N. Statisticheskoe issledovanie potrebleniya hleba i hlebo-bulochnykh izdelij v Rossijskoj Federacii. Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki, 2014, no. 5-1, pp. 96–105.

2. Okovkina O. N., Chupajda A. M. Puti povysheniya konkurentosposobnosti predpriyatij. Ekonomicheskij zhurnal, 2010, no. 5 (41), pp. 37–42.

3. Sayapin A. V., Kozhevnikova T. M. Strukturnaya modernizaciya kak faktor konkurentosposobnosti predpriyatij APK. Social'no-ehkonomicheskie yavleniya i processy, 2013, no. 2 (48), pp. 102–109.

4. Loskutova M. V. Analiz teorij konkurencii i konkurentosposobnosti. Social'no-ehkonomicheskie yavleniya i processy, 2011, no. 9 (31), pp. 101–106.

5. Hlebnoe delo: kak zarabotat' na pekarne i bulochnoj. RBK. 2017. 25 Jan. URL: https://www.rbc.ru/own_business/25/01/2017/5887222b9a7947b7583155ec/ (accessed 23.06.2018).

6. Agapov A. R. Perspektivy razvitiya mini-peKaren v usloviyah importozameshcheniya. Agropredovol'stvennaya ehkonomika, 2017, no. 6, pp. 27–32.

7. Luchshie hlebnye korziny. Restorannyj gid. URL: <https://www.restorating.ru/articles/breaking-bread-bakery/> (accessed 23.06.2018).

8. Gid po pekarnyam. Restorannyj gid. URL: <https://www.restorating.ru/articles/breaking-bread-basket/> (accessed 23.06.2018).

9. Schitaem i pechem. Restorannye vedomosti. URL: <http://restoranoff.ru/sp/pekarni/articles/oborudovanie/schitaem-i-pechem/> (accessed 23.06.2018).

10. Proizvodstvo hleba v restorane "za" i "protiv". Restorannye vedomosti. URL: http://bak-ery.restoranoff.ru/articles/resheniya/proizvodstvo_khleba_v_restorane_za_i_protiv/ (accessed 23.06.2018).

11. Assortimentnaya matrica. Restorannye vedomosti. URL: <http://restoranoff.ru/sp/pekarni/articles/produkty/assortimentnaya-matritsa/> (accessed 23.06.2018).

12. Denisov I. V., Lyandau Yu. V. Tekhnologii upravleniya restorannym biznesom. Upravlenie v Rossii: problemy i perspektivy, 2017, no. 2, pp. 3–10.

13. Soldatkina O. V. Osobnosti ocenki konkurentosposobnosti prodovol'stvennykh tovarov. Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2013, no. 8 (157), pp. 59–66.

14. Chto otdat' na s'edenie? Rossijskaya gazeta. 2017. 2 fevr. URL: <https://rg.ru/2017/02/02/mintrud-peresmotrit-soderzhaniepotre-bitelskoj-korziny.html> (accessed 23.06.2018).

УДК 338.314

О. В. Беляева, канд. социол. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: bels21973@yandex.ru)

Ю. С. Гайнацкая, студент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: yulia.gain@yandex.ru)

ФАКТОРНЫЙ АНАЛИЗ РЕНТАБЕЛЬНОСТИ КАК СПОСОБ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В системе экономического анализа деятельности организации важное значение имеет анализ показателей рентабельности. Рентабельность непосредственно связана с величиной прибыли и является ключевым индикатором эффективности хозяйственной деятельности предприятия, так как комплексно отражает интенсивность производства, использование материальных, трудовых и денежных ресурсов. В статье раскрываются теоретико-практические аспекты расчета и анализа показателей рентабельности. Особое внимание авторы уделяют изучению показателей эффективности управления, прибыльности хозяйственной деятельности и эффективности использования денежных потоков организации. Учитывая, что рентабельность комплексно отражает интенсивность производства, представляется вполне естественным, что в целом эффективность работы предприятия может определить лишь система показателей рентабельности, которая включает в себя три группы показателей: показатели эффективности управления, показатели прибыльности хозяйственной деятельности, показатели эффективности использования денежных потоков. В качестве эмпирической базы исследования выбран сельскохозяйственный производственный кооператив «Амосовский», основным видом деятельности которого является выращивание зерновых и зернобобовых культур. По данным бухгалтерской (финансовой) отчетности за 2015-2017 годы авторами проведен детальный анализ рентабельности исследуемой организации. В связи с тем, что рентабельность является обобщающим показателем, в статье выявлена и обоснована необходимость факторного анализа рентабельности. Факторный анализ рентабельности предприятия (капитала, активов) проведен с использованием semifакторной модели рентабельности А. Д. Шеремета, сущность построения которой заключается в создании определенной математической зависимости между факторами. На основе данных проведенного исследования подробно рассматривается влияние каждого фактора на изменение общей рентабельности исследуемой организации. Подводя итог, авторы отмечают, что повышение рентабельности способствует росту финансовой устойчивости предприятия, а для предпринимателей показатели рентабельности характеризуют степень привлекательности бизнеса.

Ключевые слова: прибыль, рентабельность, факторный анализ, эффективность, предпринимательская деятельность.

Ссылка для цитирования: Беляева О. В., Гайнацкая Ю. С. Факторный анализ рентабельности как способ повышения эффективности предпринимательской деятельности // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2018. Т. 8, № 3 (28). С. 107–115.

В современной экономической ситуации существенно возрастает значение экономического анализа, который воспринимается как комплексное системное исследование приемов и способов достижения финансовой стабильности и безопасности развития организаций [1, с. 105]. Для определения успеха функционирования организации весомую роль играют аргументированные экономические решения на основе проведения повсеместного анализа его финансового состояния и оценки хозяйственной деятельности. Целью финансового анализа

является комплексное изучение финансового состояния организации и влияющих на него факторов, которое даст возможность прогнозировать уровень доходности капитала и выявлять возможности повышения эффективности ее функционирования [2, с. 29]. Значимость финансового анализа растет в связи с тем, что полученные результаты важны не только для руководства организации, но и для его существующих и потенциальных партнеров [3, с. 38].

В экономическом анализе важнейшим фактором оценки производственно-

финансовой и инвестиционной деятельности является прибыль, которая формирует стабильную финансовую и социальную основу будущих проектов организации. Наглядные результаты деятельности предприятия характеризуют показатели рентабельности. Достижение максимального размера прибыли и уровня рентабельности определяет основную цель предпринимательской деятельности, обеспечивает защиту интересов собственников и снижение рисков ликвидации и банкротства бизнес-структур [4, с. 225].

Финансово-хозяйственную деятельность организации можно представить в

виде единой социально-экономической системы, объединяющей потоки материальных, финансовых, трудовых ресурсов на входе и результаты функционирования в натуральном и денежном выражении на выходе системы. В этой системе необходимо выделить позицию анализа рентабельности организации на основе интеграции управленческого, финансового и прочих видов анализа с целью проведения комплексного анализа хозяйственной деятельности организации, результаты которого будут являться основой принятия обоснованных управленческих решений (рис.).

Рис. Структурная модель анализа рентабельности организации

Рентабельность комплексно отражает интенсивность производства, а также использование материальных, трудовых и денежных ресурсов и рассчитывается как отношение прибыли к затратам, запасам или потокам, её формирующим. Сопоставляя прибыль с вложенным капиталом, рентабельность дает возможность срав-

нить доходность хозяйствования предприятия с альтернативным употреблением капитала или уровнем доходности предприятия при похожих условиях риска.

Показатели рентабельности характеризуют результативность работы организации в целом, эффективность различных направлений деятельности. Они более

полно, чем прибыль, отражают результаты финансово-хозяйственной деятельности, т. к. представляют собой соотношение прибыли и капитала, вложенного в формирование этой прибыли. Рентабельность характеризует разные стороны деятельности организации. Представляется логичным, что в целом эффективность работы предприятия способна определить только система показателей рентабельности. Она, на наш взгляд, включает в себя три группы показателей: показатели эффективности управления, показатели при-

быльности хозяйственной деятельности, показатели эффективности использования денежных потоков [5, с. 143].

В качестве эмпирической базы исследования выбран сельскохозяйственный производственный кооператив «Амосовский», основным видом деятельности которого является выращивание зерновых и зернобобовых культур.

Проведем анализ рентабельности СПК «Амосовский» по данным бухгалтерской (финансовой) отчетности организации за 2015–2017 годы (табл. 1).

Таблица 1

Анализ показателей рентабельности СПК «Амосовский» за 2015–2017 годы

Наименование показателя	Значение			Абсолютное отклонение, ед.		Темп роста, %	
	2015	2016	2017	2016-2015	2017-2016	2016-2015	2017-2016
Показатели эффективности управления, ед.							
Рентабельность основной деятельности	0,4	0,5	0,3	0,1	-0,2	112	62
Рентабельность продаж (по валовой прибыли)	0,3	0,3	0,2	0,0	-0,1	107	69
Операционная рентабельность продаж	0,3	0,3	0,3	0,0	0,0	100	100
Рентабельность продаж (по чистой прибыли)	0,3	0,3	0,2	0,0	0,1	100	83
Показатели прибыльности хозяйственной деятельности, ед.							
Рентабельность внеоборотных активов	0,4	0,4	0,3	0,0	0,2	100	83
Рентабельность оборотных активов	0,4	0,4	0,3	0	0,0	100	83
Рентабельность совокупных активов	0,2	0,2	0,1	0	0,1	100	70
Рентабельность собственного капитала	0,2	0,2	0,2	0,0	0,0	100	100
Рентабельность заемного капитала	1,3	2,4	1,4	1,1	-1	185	56
Показатели эффективности использования денежных потоков, ед.							
Чистая прибыльность денежных платежей от операционной деятельности	0,3	0,3	0,2	0,0	-0,1	107	80
Чистая прибыльность совокупных денежных платежей	0,2	0,3	0,2	0,1	-0,1	113	82

Исходя из данных таблицы 1, можно сделать следующие выводы. Рентабельность основной деятельности организации в 2017 г. уменьшилась по сравнению с предыдущим годом. Значения данного показателя в 2017 г. показывают, что на 1 рубль затрат на производство и сбыт продукции приходилось 30 копеек прибыли от продаж (на 18 копеек меньше, чем в 2016 г.). За анализируемый период произошло уменьшение показателей рентабельности продаж, это свидетельствует о том, что сельскохозяйственный кооператив получает меньше прибыли с каждого рубля реализованной продукции.

Анализ прибыльности хозяйственной деятельности СПК «Амосовский» показал, что в 2017 г. рентабельность внеоборотных активов организации снизилась на 0,2 единиц относительно 2016 г. Коэффициент рентабельности оборотных активов в 2016 г. и 2015 г. принимал равные значения, но в 2017 г. данный показатель уменьшился на 0,1 единиц, т. е. снизилась сумма чистой прибыли, которую организация получает с 1 рубля, вложенного в оборотные активы. Рентабельность всех активов за рассматриваемый период также имела тенденцию к снижению, в 2017 г. значение этого коэффициента показывает, что 14 копеек прибыли приносит каждый рубль, вложенный в совокупные активы предприятия. За 2015–2017 гг. наблюдается тенденция к снижению рентабельности собственного капитала СПК «Амосовский», что свидетельствует о значительном превышении собственных средств по отношению к заемным. Причинами снижения рентабельности собственного капитала являются: снижение рентабельности продаж и уменьшение оборачиваемости капитала [6, с. 74].

Уменьшение рентабельности заемного капитала в 2017 г. на 1,1 единиц говорит о снижении доходности на 1 рубль

заемных средств. Снижение перечисленных показателей в динамике говорит о сокращении прибыльности хозяйственной деятельности СПК «Амосовский».

В 2017 г. произошло снижение показателей чистой прибыльности денежных платежей от операционной деятельности и совокупных денежных платежей, это говорит о том, что исследуемая организация стала менее эффективно вкладывать средства в операционную деятельность.

В целом, проведенный анализ рентабельности СПК «Амосовский» показал, что в 2017 г. все рассмотренные показатели снизились по сравнению с предыдущим периодом. Такая тенденция является отрицательной, т. к. снижается эффективность финансово-хозяйственной деятельности организации.

Учитывая, что рентабельность является обобщающим показателем, для количественной и качественной оценки экономической эффективности деятельности предприятия необходимо определить влияние факторов на данный показатель. Модели факторного анализа являются аналитическим инструментом, который позволяет выявлять причины, оказывающие влияние на совокупный показатель и количественно сопоставлять влияние каждого из них на изменение обобщающего показателя.

Модели факторного анализа отличаются по количеству и уровню факторов. Самые распространенные модели содержат немного укрупненных факторов, называемых факторами первого уровня. В процессе детализации факторной модели некоторые факторы первого уровня меняются на факторы второго уровня. Для факторного анализа рентабельности предприятия в практике наиболее часто используют модель А. Д. Шеремета. Данная модель служит для идентификации факторов, определяющих эффективность работы предприятия, и для оценки степени их влияния на

показатель рентабельности. Суть создания модели заключается в построении определенной математической зависимости между факторами [7, с. 73].

Рассмотрим семифакторную модель рентабельности предприятия (капитала, активов):

$$P_K = \frac{1 - K_a - K_{мз} - K_{фот} - K_{пр} - K_{сальдо}}{(\lambda_{оф} + \lambda_{ок})}, \quad (1)$$

где P_K – рентабельности предприятия (капитала, активов); K_a – доля амортизационных отчислений в выручке от продаж; $K_{мз}$ – доля материальных затрат в вы-

ручке от продаж; $K_{фот}$ – удельный вес затрат на оплату труда в выручке от продаж; $K_{пр}$ – удельный вес прочих затрат в выручке от продаж; $K_{сальдо}$ – удельный вес сальдо прочих доходов и расходов в выручке от продаж; $\lambda_{оф}$ – фондоемкость внеоборотных активов; $\lambda_{ок}$ – фондоемкость оборотных активов.

Проведем поэтапно факторный анализ рентабельности СПК «Амосовский» с применением семифакторной модели (1). Для этого сгруппируем данные в таблице 2.

Таблица 2

Исходные данные для факторного анализа, тыс. рублей

Показатель	Обозначение	Отчетный год (2017)	Базисный год (2016)
Чистая прибыль	П _ч	40432	46928
Выручка от продаж	В	168495	161754
Материальные затраты	МЗ	102358	88166
Фонд оплаты труда	ФОТ	46705	43525
Амортизация	А	18970	17825
Прочие прямые затраты	П _{пр}	4201	2624
Сальдо прочих доходов и расходов	Сальдо _{пр}	7340	-1021
Основные фонды	ОФ	109815	116421
Оборотные активы	ОК	131895	123722
Капитал	К	291213	240392

Для выявления варианта соотношения динамики применим восьмикомпонентный показатель, который состоит из нулей и единиц, отвечающих динамике рентабельности активов и ее факторов. Единица соответствует положительному изменению факторного показателя в отчетном периоде по сравнению с базисным, ноль – соответственно, негативному изменению. Результаты расчета факторных переменных за два периода, определение их динамики и оценку динамической ситуации представим в виде таблицы 3.

Далее воспользуемся методом цепных подстановок. Общее изменение рен-

табельности равно сумме частных факторных изменений, которые определяются как в абсолютном выражении, так и в процентах к итоговому изменению рентабельности. Обобщенные данные сведены в таблицу 4.

По результатам проведенного нами факторного анализа можно сделать вывод. В 2017 г. по сравнению с 2016 г. общая рентабельность СПК «Амосовский» снизилась на 6%, что объясняется изменением перечисленных факторов. Увеличение доли материальных затрат в выручке на 6 процентных пунктов привело к снижению общей рентабельности на 4%. Увеличение доли затрат на оплату

труда и социальные нужды в выручке на 1 процентный пункт привело к снижению общей рентабельности на 1%. Рост фон-

доемкости оборотных активов на 2 процентных пункта способствовало снижению общей рентабельности на 5%.

Таблица 3

Результаты расчета факторных переменных

Показатель	Обозначение и расчет	Отчетный год	Базисный год	Изменение
Удельный вес материальных затрат в выручке, %	$K_{мз} = \frac{МЗ}{В}$	61	55	6
Удельный вес затрат на оплату труда в выручке, %	$K_{фот} = \frac{ФОТ}{В}$	28	27	1
Удельный вес амортизации в выручке, %	$K_a = \frac{А}{В}$	11	11	0
Удельный вес прочих затрат в выручке, %	$K_{пр} = \frac{\Pi_{пр}}{В}$	2	2	0
Удельный вес прочих доходов и расходов в выручке, %	$K_{сальдо} = \frac{Сальдо_{пр}}{В}$	4	-1	5
Фондоемкость основных фондов	$\lambda_{оф} = \frac{ОФ}{В}$	0,65	0,72	-0,07
Коэффициент закрепления оборотных активов	$\lambda_{ок} = \frac{ОК}{В}$	0,78	0,76	0,02
Рентабельность всех активов	$P_{общ} = P_k = \frac{\Pi_{ч}}{К}$	0,14	0,20	-0,06
Комплексный показатель динамики	(0, 0, 0, 0, 1, 1, 0, 0)			

Таблица 4

Анализ влияния факторов на изменение общей рентабельности

Рассматриваемые факторы	Абсолютное влияние фактора	Процентное влияние фактора
Изменение материальных затрат	-0,04	66,67
Изменение фонда оплаты труда	-0,01	16,67
Изменение амортизационных отчислений	0	0
Изменение прочих затрат	0	0
Изменение сальдо от прочей деятельности	0,03	-50,00
Изменение фондоемкости основных производственных фондов	0,01	-16,67
Изменение коэффициента закрепления оборотных активов	-0,05	83,33
Изменение рентабельности итога	-0,06	100

Благоприятно на изменение общей рентабельности организации в 2017 г. повлияли следующие факторы: положительное сальдо прочих доходов и расходов и снижение фондоемкости основных производственных фондов, за счет которых общая рентабельность СПК «Амосовский» в 2017 г. возросла на 4%.

Доли амортизации и прочих затрат в выручке организации не изменились и, следовательно, данные факторы не оказали влияния на изменение общей рентабельности СПК «Амосовский» в 2017 г.

Таким образом, факторы, изменяющие рентабельность производства, разнообразны. Некоторые из них подвластны слаженной работе трудовых коллективов, другие связаны с технологией производственного процесса, рациональностью применения имеющихся ресурсов [8, с. 83].

Повышение рентабельности способствует росту финансовой устойчивости предприятия [9, с. 48]. По показателям рентабельности бизнесмены могут оценить уровень прибыльности начатого дела. В каждой отрасли и сфере деятельности выделяют определенные мероприятия, способствующие росту рентабельности. Проект мероприятий должен учитывать специфику производства и множество внутренних и внешних факторов. Чаще всего для увеличения рентабельности внедряют одновременно нескольких мероприятий. Прямой путь воздействия на рентабельность – это воздействие на прибыль организации, а именно: снижение себестоимости и увеличение выручки (объема продаж), также используются и другие более конкретные мероприятия, например, улучшение качества продукции, диверсификация производства, эффективное расходование ресурсов [10, с. 168].

Подводя итог, можно отметить, что рыночная экономика нуждается в правдивой оценке итогов финансово-хозяйственной деятельности предприя-

тий. Такая информация ценна и самим организациям, т. к. без нее невозможно принимать стратегические решения об их дальнейшем развитии. Результативность и доходность всех направлений деятельности организации более точно характеризуют показатели рентабельности. Они дают возможность определить уровень прибыльности разных видов деятельности хозяйствующего субъекта для всех заинтересованных сторон экономического процесса.

Список литературы

1. Кононов А. А., Сергеев П. В., Гуров В. И. Особенности инновационного развития российских корпораций // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2013. № 4. С. 105–111.
2. Асеев О. В., Юзбашян С. К. Финансовый анализ текущих пассивов организации // Финансы. Управление. Инновации: сб. науч. ст. Курск: ЗАО «Университетская книга», 2016. С. 26–33.
3. Беляева О. В., Кочуева Н. Н. Управление финансовым состоянием организации (на примере ООО ГК «Промресурс») // Молодежь и XXI век – 2012: материалы IV Междунар. молодежной науч. конф. / отв. ред. А. А. Горохов. Курск: ЗАО «Университетская книга», 2012. С. 38–42.
4. Сергеев П. В., Ткаченко А. В. Анализ и оценка финансовых рисков предприятия // Финансы. Управление. Инновации: материалы Национальной науч.-практ. конф. / отв. ред. Т. С. Колмыкова. Курск, 2017. С. 224–229.
5. Асеев О. В., Машкина Н. А. Особенности управления денежными потоками в структуре задач финансовой службы предприятия // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2017. Т. 7, № 2 (23). С. 141–147.

6. Мартынова А. С., Беляева О. В. Особенности управления собственным капиталом сельскохозяйственной организации // Актуальные проблемы экономики и управления: материалы науч. конф. / сост. Е. Ю. Каблучков. Курск: Регион. открытый социальный институт, 2016. С. 73–76.

7. Блажевич О. Г., Сулейманова А. Л. Рентабельность предприятия – важнейший показатель эффективности деятельности предприятия // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. 2015. № 4 (33). С. 67–75.

8. Беляева О. В., Мальсагов Р. Б. Производительность труда в системе оценки эффективности финансово-хозяйственной деятельности организации

// European Social Science Journal. 2017. № 5. С. 82–86.

9. Беляева О. В., Заугольников И. С., Астапенко Е. О. Финансовая устойчивость в модели факторов, влияющих на инвестиционную привлекательность предприятия // Финансы. Управление. Инновации: материалы Национальной науч.-практ. конф. / отв. ред. Т. С. Колмыкова. Курск: ЗАО «Университетская книга», 2017. С. 47–50.

10. Беляева О. В. Внутренние механизмы финансовой стабилизации предприятия // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2012. № 2. С. 167–170.

Поступила в редакцию 10.08.18

UDC 338.314

O. V. Belyaeva, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: bels21973@yandex.ru)

Y. S. Gainatskaya, Student, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: yulia.gain@yandex.ru)

FACTOR ANALYSIS OF PROFITABILITY AS A WAY TO IMPROVE THE EFFICIENCY OF BUSINESS

In the system of economic analysis of the organization is important to analyze the profitability. Profitability is directly related to the amount of profit and is a key indicator of the efficiency of economic activity of the enterprise, as it comprehensively reflects the intensity of production, the use of material, labor and monetary resources. The article reveals theoretical and practical aspects of calculation and analysis of profitability indicators. The authors pay special attention to the study of management efficiency indicators, profitability of economic activity and efficiency of use of cash flows of the organization. Taking into account that profitability comprehensively reflects the intensity of production, it seems quite natural that in General the efficiency of the enterprise can be determined only by the system of profitability indicators, which includes three groups of indicators: management efficiency indicators, profitability indicators of economic activity, indicators of efficiency of cash flows. As empirical base of the study is the agricultural production cooperative "Amosovskoe", the main activity is growing of cereals and leguminous crops. According to the accounting (financial) statements for 2015-2017, the authors conducted a detailed analysis of the profitability of the studied organization. Due to the fact that profitability is a General indicator, the article identifies and justifies the need for factor analysis of profitability. Factor analysis of profitability of the enterprise (capital, assets) is carried out using a seven-factor model of profitability of A. D. Sheremet, the essence of which is to create a certain mathematical relationship between the factors. Based on the data of the study, the influence of each factor on the change in the overall profitability of the studied organization is considered in detail. Summing up, the authors note that the increase in profitability contributes to the growth of financial stability of the enterprise, and for entrepreneurs profitability indicators characterize the degree of attractiveness of the business.

Keywords: profit, profitability, factor analysis, efficiency, business.

For citation: Belyaeva O. V., Gainatskaya Y. S. Factor analysis of profitability as a way to improve the efficiency of business. Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management, 2018, vol. 8, no. 3 (28), pp. 107–115 (in Russ.).

References

1. Kononov A. A., Sergeev P. V., Gurov V. I. Osobennosti innovacionnogo razvitiya rossijskih korporacij. *Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Jekonomika. Sociologija. Menedzhment*, 2013, no. 4, pp. 105–111.
2. Aseev O. V., Yuzbashyan S. K. Finansovyj analiz tekushchih passivov organizacii. *Finansy. Upravlenie. Innovacii: sb. nauch. st. Kursk, ZAO "Universitetskaya kniga"*, 2016. pp. 26–33.
3. Belyaeva O. V., Kochueva N. N. Upravlenie finansovym sostoyaniem organizacii (na primere OOO GK "Promresurs"). *Molodezh' i XXI vek – 2012: materialy IV Mezhdunar. molodezhnoj nauch. konf.; ed. by A. A. Gorohov. Kursk, ZAO "Universitetskaya kniga"*, 2012, pp. 38–42.
4. Sergeev P. V., Tkachenko A. V. Analiz i ocenka finansovyh riskov predpriyatiya. *Finansy. Upravlenie. Innovacii: materialy Nacional'noj nauch.-prakt. konf.; ed. by T. S. Kolmykova. Kursk, 2017*, pp. 224–229.
5. Aseev O. V., Mashkina N. A. Osobennosti upravleniya denezhnymi potokami v strukture zadach finansovoj sluzhby predpriyatiya. *Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Jekonomika. Sociologija. Menedzhment*, 2017, vol. 7, no. 2 (23), pp. 141–147.
6. Martynova A. S., Belyaeva O. V. Osobennosti upravleniya sobstvennym kapitalom sel'skohozyajstvennoj organizacii. *Aktual'nye problemy ehkonomiki i upravleniya: materialy nauch. konf.; ed. E. Yu. Kabluchkov. Kursk, Region. otkrytyj social'nyj institut, 2016*, pp. 73–76.
7. Blazhevich O. G., Sulejmanova A. L. Rentabel'nost' predpriyatiya – vazhnejshij pokazatel' ehffektivnosti deyatel'nosti predpriyatiya. *Nauchnyj vestnik: finansy, banki, investicii*, 2015, no. 4 (33), pp. 67–75.
8. Belyaeva O. V., Mal'sagov R. B. Proizvoditel'nost' truda v sisteme ocenki ehffektivnosti finansovo-hozyajstvennoj deyatel'nosti organizacii. *European Social Science Journal*, 2017, no. 5, pp. 82–86.
9. Belyaeva O. V., Zaugol'nikova I. S., Astapenko E. O. Finansovaya ustojchivost' v modeli faktorov, vliyayushchih na investicionnyu privlekatel'nost' predpriyatiya. *Finansy. Upravlenie. Innovacii: materialy Nacional'noj nauch.-prakt. konf.; ed. by T. S. Kolmykova. Kursk, ZAO "Universitetskaya kniga"*, 2017, pp. 47–50.
10. Belyaeva O. V. Vnutrennie mekhanizmy finansovoj stabilizacii predpriyatiya. *Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Jekonomika. Sociologija. Menedzhment*, 2012, no. 2, pp. 167–170.

ФИНАНСОВАЯ, НАЛОГОВАЯ И ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНАЯ ПОЛИТИКА

УДК 332.1

В. И. Епифанова, канд. экон. наук, доцент, Управление Федерального казначейства по Курской области (Курск, Россия) (e-mail: epifanova_vi@mail.ru)

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Актуальность выявления основных направлений совершенствования системы финансового контроля в Российской Федерации обусловлена тем, что государственный финансовый контроль является одним из основных средств осуществления финансово-правовой политики, важнейшим рычагом финансового механизма. Его основное назначение состоит в содействии успешной реализации финансовой стратегии и тактики Российской Федерации в целом и регионов в частности, целесообразном и эффективном распределении и использовании финансовых ресурсов.

В статье затрагиваются актуальные вопросы развития финансовой системы страны, а именно механизмы государственного финансового контроля. Определена ведущая роль Казначейства России как динамично развивающейся структуры, долгое время занимающейся решением широкого круга вопросов в сфере финансового контроля. В исследовании подвергнуты анализу существенные изменения содержательной части финансового контроля – цели, задачи, процедуры, методы, вопросы ответственности за нарушения бюджетного законодательства. Выявлены приоритетные направления развития внутреннего государственного финансового контроля.

Анализ статистической информации позволил визуализировать основные показатели осуществления функций по контролю и надзору в финансово-бюджетной сфере РФ в 2017 г. Анализ отчетов о результатах проведения департаментом финансово-бюджетного контроля Курской области контрольных мероприятий в бюджетной сфере и в сфере закупок за 2015–2017 годы позволил автору выявить основные нарушения в сфере соблюдения бюджетного законодательства, а также эффективность деятельности департамента финансово-бюджетного контроля Курской области

В заключение автор отмечает, что для совершенствования системы финансового контроля в Российской Федерации и регионе в частности УФК по Курской области предстоит определение и разработка новых стратегических направлений контрольно-ревизионной работы, совершенствование и формирование эффективного механизма взаимодействия со всеми органами власти.

Ключевые слова: государственный финансовый контроль, ревизионная служба, Министерство финансов Российской Федерации, Управление Федерального казначейства, Курская область.

Ссылка для цитирования: Епифанова В. И. Основные направления совершенствования системы финансового контроля в Российской Федерации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2018. Т. 8, № 3 (28). С. 116–123.

Актуальность совершенствования системы государственного финансового контроля в Российской Федерации подтверждается необходимостью обеспечения полноты формирования и своевременности поступления государственных доходов, а также законностью и эффективностью использования бюджетных средств и распоряжением государственной собственностью.

После административных преобразований с 2016 г., в соответствии со ст. 265 Бюджетного кодекса Российской Федерации, функции внутреннего государственного финансового контроля воз-

ложены на Федеральное казначейство [1; 2]. С этого периода началась точка отсчета в запуске крайне необходимой функции контроля в новом качестве. Современная система внутреннего государственного финансового контроля ориентирована на предупреждение нарушений, одновременное исполнение механизмов предварительного и последующего контроля с целью укрепления финансовой дисциплины всех участников бюджетного процесса. Федеральное казначейство – главный поставщик информации для участников бюджетного процесса. Важной его функцией является контроль за

соблюдением бюджетного законодательства, прежде всего законодательства о федеральном бюджете, контроль за ведением операций с бюджетными средствами участниками бюджетного процесса, координация работы с другими органами исполнительной власти в процессе осуществления финансового контроля [3; 4].

Контроль давно стал необходимым и неотъемлемым звеном в системе управления.

Казначейство – это многофункциональный организм, который обладает уникальным набором задач. С момента его создания пройден большой и сложный путь развития. За минувшие годы функции Казначейства существенно совершенствовались и расширялись: от кассира до казначейского обслуживания и управления ликвидностью единого казначейского счета; от внедрения электронного документооборота до выполнения функций оператора крупнейших государственных информационных систем; от осуществления предварительного контроля до исполнения полномочий по контролю в финансово-бюджетной сфере и сфере закупок [3; 5].

Происходящие в последнее время изменения в бюджетной политике затронули практически все этапы бюджетного процесса, бюджетную классификацию, бюджетный учет, подходы к системе бюджетного планирования и исполнения бюджета. Особую значимость в новациях бюджетного процесса приобретают новые подходы к организации государственного финансового контроля, предполагающие совершенствование инструментария и алгоритма контрольно-ревизионных процедур, формирование интегрированной системы информационного обеспечения контроля [5; 6].

В настоящее время финансовому контролю отводится особое внимание. Функции финансового контроля не сводятся только к использованию денежных средств с соблюдением надлежащих формальностей, но и предполагается

снижение объемов нарушений законодательства в финансово-бюджетной сфере и повышение эффективности расходования бюджетных средств, улучшение финансовой дисциплины, установление законности, целесообразности принятых решений.

В настоящее время существенно изменилась содержательная часть финансового контроля – цели, задачи, процедуры, методы, вопросы ответственности за нарушения бюджетного законодательства, т. е. не только его правовая составляющая, но и методическая, технологическая. Такой подход, при котором возможные негативные события своевременно выявляются и контролируются, достигается за счет непрерывного контрольного процесса.

Решение о передаче контрольных функций создало новые возможности для более целостного подхода к осуществлению контроля, который заключается в том, что платежная операция должна быть прозрачна, необходимо понимание финансово-казначейской операции и последствий ее совершения. Инструменты контроля должны минимизировать риски возникновения повторяющихся бюджетных нарушений.

С передачей контрольных полномочий Росфиннадзора в Федеральное казначейство фактически стираются границы между предварительными и последующими действиями проверяющей стороны, происходит переход к непрерывному внутреннему финансовому контролю. Предварительный и последующий контроль взаимосвязан между собой, дополняет друг друга и направлен на более полное выявление резервов, предупреждение и своевременное устранение недостатков. Содержание непрерывного контроля заключается в том, чтобы объекты контроля постоянно находились в зоне непрерывного мониторинга, при этом создаются механизмы, сигнализирующие о рисках возникновения бюд-

жетных нарушений с тем, чтобы ими оперативно управлять [7].

Осуществление функций по контролю и надзору в финансово-бюджетной сфере РФ, представленное в «Отчете о реализации Публичной декларации целей и задач Казначейства России на 2017 год», позволило достичь следующие основные показатели в сфере финансового контроля, представленные на рисунке. При этом было проведено 8 250 контрольных мероприятий в финансово-бюджетной сфере РФ [8].

Развитие контрольных функций рассматривается через призму стратегических задач и приоритетов. Сегодня уже сформировалось несколько направлений

в развитии внутреннего государственного финансового контроля. В качестве первого нужно отметить смещение приоритетов с последующего финансового контроля на предварительный. Уже на начальных стадиях формирования бюджетной операции в рамках бюджетного мониторинга проводятся определенные контрольные действия. На первый план выдвигается именно предварительная проверка бизнес-процессов, ведь именно на стадии планирования своих действий у организаций возникают риски, на которые нужно обращать внимание ревизорам. Казначейская система должна предупредить о возможных последствиях и не допустить совершения ошибок и нарушений.

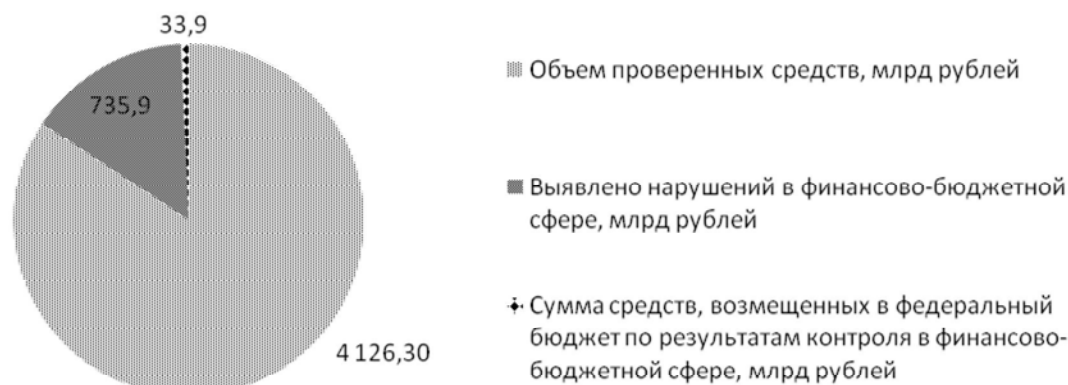

Рис. Показатели осуществления функций по контролю и надзору в финансово-бюджетной сфере РФ в 2017 г.

Второе направление – использование на стадии текущего контроля механизма казначейского сопровождения. Контролер имеет возможность проследить весь путь движения денежных средств из бюджета до конечного пользователя и до достижения поставленной цели.

Третье направление – внедрение риск-ориентированного контроля. При таком контроле акцент с контроля над финансовыми потоками смещается к контролю за результатами их использования. Он основывается не на стопроцентном охвате подконтрольных субъектов, а зависит от степени присвоения уровня риска субъекту. Контроль по ключевым опе-

рациям позволяет получить своевременную информацию о вероятности наступления рискованных ситуаций.

Использование информационных систем дает возможность максимальной автоматизации процесса осуществления контроля вплоть до оценки каких-то типовых признаков нарушения.

В системе риск-ориентированного контроля необходимо формирование полного цикла сбора, анализа, передачи и использования информации внутри контрольного органа, основные процедуры которого включают:

1) использование критериев отбора объектов по признаку существенности и

значимости мероприятий, осуществляемых объектами контроля;

2) сбор статистических данных, информации, их анализ с целью выявления факторов риска;

3) мониторинг всех контрольных процессов у предполагаемых объектов контроля;

4) анализ эффективности применяемых подконтрольными субъектами мер [7].

Переход к использованию цифровых технологий позволяет внедрить информационные и цифровые технологии в контрольную деятельность Казначейства. Это позволит обеспечить прозрачность осуществления как контрольных мероприятий, так и самой хозяйственной деятельности подконтрольного субъекта, а также оперативность реагирования на то или иное нарушение.

Используя риск-ориентированные модели контроля, органы Федерального казначейства обеспечивают эффективное управление государственными финансами, предупреждение участников бюджетного процесса о рисках и возможном недостижении результата использования бюджетных средств.

Сложившаяся преемственность в осуществлении контроля (в 2018 г. исполняется 95-летие со дня образования органов финансового контроля Минфина

России) способствует выработке новой модели внутреннего финансового контроля. На современном этапе задачи по наполнению новым содержанием контроля возложены на органы Казначейства [9].

В Управлении Федерального казначейства по Курской области создана оптимальная структура для принятия быстрых и качественных управленческих решений, обеспечения последовательного развития потенциала контрольно-ревизионного блока и каждого его специалиста.

На территории Курской области реализуется множество федеральных целевых программ, для выполнения которых выделяется значительное количество федеральных средств. На всех этапах Управлением Федерального казначейства по Курской области отслеживается движение средств, профинансированных в рамках реализации госпрограмм.

Анализ отчетов о результатах проведения департаментом финансово-бюджетного контроля Курской области контрольных мероприятий в бюджетной сфере и в сфере закупок за 2015–2017 гг. позволил выявить основные нарушения в сфере соблюдения бюджетного законодательства, а также эффективность деятельности департамента финансово-бюджетного контроля Курской области [1; 10].

Эффективность деятельности департамента финансово-бюджетного контроля Курской области

Наименование показателя	2015 г.	2016 г.	2017 г.
1. Объем проверенных средств, млн рублей	15543,4	11646,8	5 103,30
2. Количество контрольных мероприятий, единиц, в том числе:	162	150	137
2.1. Количество контрольных мероприятий, проведенных по плану контрольной деятельности департамента финансово-бюджетного контроля Курской области, из них:	139	124	115
2.1.1. Количество контрольных мероприятий, проведенных в сфере бюджетных правоотношений, ед.	109	93	84
2.1.2. Количество контрольных мероприятий, проведенных в сфере закупок, ед.	30	31	31

Окончание табл.

Наименование показателя	2015 г.	2016 г.	2017 г.
2.2. Количество встречных проверок, ед.	13	12	11
2.3. Количество внеплановых контрольных мероприятий, ед.	10	14	11
3. Количество представлений, направленных объектам контроля, шт.	92	89	75
4. Количество предписаний, направленных объектам контроля, шт.	10	14	17
5. Количество уведомлений о применении бюджетных мер принуждения, направленных финансовому органу, шт.	10	5	4
6. Общая сумма установленных нарушений, тыс. руб., в том числе:	436383,10	160125,70	3 482 877,2
6.1. Нецелевое и незаконное использование средств областного бюджета, тыс. руб.	114,70	6,70	1491,10
6.2. Нарушение целей и (или) условий при использовании средств межбюджетных трансфертов, выделенных из областного бюджета	12622,50	153,80	205,80
6.3. Нарушение целей и порядка предоставления средств субсидий на иные цели	3914,30	2551,90	4,20
6.4. Иные нарушения, тыс. руб.	419731,60	157413,30	3 335 547,56
7. Восстановлено бюджетных средств, использованных с нарушением действующего законодательства на сумму, тыс. руб.	-	1503,40	3291,50
8. Восстановлено средств межбюджетных трансфертов, использованных с нарушением целей и условий предоставления межбюджетных трансфертов, тыс. руб.	12622,50	153,80	-
9. Количество протоколов, составленных должностными лицами департамента ФБК Курской области, шт.	40,00	60,00	109,00
10. Количество вынесенных постановлений о привлечении к административной ответственности виновных лиц, шт.	19,00	46,00	62,00
11. Наложено административных штрафов по постановлениям о назначении административного наказания на общую сумму, тыс. руб.	276,30	800,00	625,20
12. Сумма административных штрафов, поступивших в доход областного бюджета, тыс. руб.	266,30	300,00	767,30
13. Количество должностных лиц, привлеченных к дисциплинарной ответственности		17,00	26,00

По итогам каждого контрольного мероприятия органы контроля должны оценивать эффективности вложения бюджетных средств. Проверяющий обязан не только выявлять нарушения в использовании средств, но и устанавливать

их причину. Ревизоры Управления оперативно реагируют на изменения в сфере финансов, выявляя пробелы в практическом применении законодательства и возможности, которые в связи с этим открываются перед нарушителями бюджет-

ной дисциплины. Для эффективного управления рисками необходимо их оценивать с позиции существующих проблем в подконтрольных сферах. Исчерпывающие знания о сущности и механизме возможных злоупотреблений необходимы не только специалистам контрольно-ревизионных служб, но и бухгалтерам. Четкое представление об обстоятельствах, которые могут создать почву для злоупотреблений, помогут бухгалтерским службам правильно организовать работу и контролировать каждую бюджетную операцию по использованию средств. Только своевременное выявление рисков совершения бюджетных правонарушений и предупреждение всех участников бюджетного процесса по наиболее рискованным направлениям деятельности способны обеспечить соблюдение объектами контроля бюджетной дисциплины [11].

В перспективе УФК по Курской области предстоит изменить сами принципы контрольной деятельности, более широко использовать возможности информационных систем. Контролер должен анализировать все происходящие бизнес-процессы, оперативно выявляя отклонения от принятых стандартов и идентифицируя рискованные операции, т. е. стать аналитиком и своевременно выявлять индикаторы, свидетельствующие о рисках возникновения бюджетных правонарушений. Совместными усилиями органов власти всех уровней в Курской области будет обеспечена слаженная работа всех механизмов бюджетной системы.

Для совершенствования системы финансового контроля в Российской Федерации и регионе в частности УФК по Курской области предстоит определение и разработка новых стратегических направлений контрольно-ревизионной работы, совершенствование и формирование эффективного механизма взаимодействия со всеми органами власти [3].

Статья подготовлена в честь 95-летия со дня образования контрольно-ревизионных органов Минфина России. Автор поздравляет всех коллег и разделяет с ними убеждение, что выбрана достойная, благородная профессия, которая прошла испытание временем и приобрела особую актуальность в новых условиях для укрепления финансовой стабильности нашей страны и региона.

Список источников

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 31.07.1998 № 145-ФЗ: [ред. от 03.08.2018]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/ (дата обращения: 07.06.2018).
2. Ткачева Т. Ю., Севрюкова Л. В., Афанасьева Л. В. Развитие бюджетных отношений для обеспечения справедливого перераспределения финансовых ресурсов // Известия Юго-Западного государственного университета. 2013. № 6(51), ч. 1. С. 50–56.
3. Епифанова В. И. Деятельность Управления Федерального казначейства по Курской области как фактор развития региона // Политика, экономика и инновации. 2017. № 2 (12). С. 17.
4. Севрюкова Л. В. Концептуальные основы функционирования органов казначейства в системе бюджетных отношений // Экономические и гуманитарные науки. 2012. №10(249). С. 83–88.
5. Итоги деятельности за 2018 год и основные направления развития Федерального казначейства на 2019 год и среднесрочную перспективу [Электронный ресурс] // Федеральное казначейство. URL: <http://www.roskazna.ru/> (дата обращения: 07.06.2018).
6. Tkacheva T. Yu., Sevryukova L. V., Afanaseva L. V. Organizational and functional features of fiscal mechanisms: theoretical aspects and current trends // The Social Sciences (Pakistan). 2016. Vol. 11, No. 15. P. 3692–3696.

7. Стратегическая карта Казначейства России на 2014–2018 годы [Электронный ресурс] // Федеральное казначейство. URL: <http://www.roskazna.ru/dokumenty/o-kaznacheystve/strategicheskie-tseli-i-zadachi/1148808/> (дата обращения: 07.06.2018).

8. Отчет о реализации Публичной декларации целей и задач Казначейства России на 2017 год [Электронный ресурс]. URL: http://www.roskazna.ru/upload/iblock/047/otchet-po-pd_2017-_1_.pdf (дата обращения: 07.06.2018).

9. Федеральное казначейство [Электронный ресурс]. URL: <http://roskazna.ru> (дата обращения: 07.06.2018).

10. Отчет об исполнении плана контрольной деятельности департамента финансово-бюджетного контроля Курской области на 2017 год [Электронный ресурс] // Администрация Курской области. URL: http://adm.rkursk.ru/index.php?id=1590&mat_id=78797 (дата обращения: 07.06.2018).

11. Управление Федерального казначейства по Курской области [Электронный ресурс]. URL: <http://kursk.roskazna.ru> (дата обращения: 07.06.2018).

Поступила в редакцию 23.07.18

UDC 332.1

V. I. Yepifanova, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Federal Treasury across Kursk region (Kursk, Russia) (e-mail: epifanova_vi@mail.ru)

THE MAIN DIRECTIONS OF IMPROVING THE SYSTEM OF FINANCIAL CONTROL IN THE RUSSIAN FEDERATION

The relevance of identification of the main directions of improvement of system of financial control in the Russian Federation is caused by the fact that the state financial control is one of fixed assets of implementation of financial and legal policy, the most important lever of the financial mechanism. Its basic purpose consists in assistance of successful realization of financial strategy and tactics of the Russian Federation in general and regions in particular, expedient and effective distribution and use of financial resources.

In article topical issues of development of a financial system of the country, namely mechanisms of the state financial control are raised. The leading role of Federal Treasury as dynamically developing structure, long time engaged in the solution of a wide range of questions in the sphere of financial control is defined. In a research essential changes of a substantial part of financial control – the purpose, a task, procedures, methods, questions of responsibility for violations of the budgetary legislation are subjected to the analysis. The priority directions of development of internal state financial control are revealed.

The analysis of statistical information has allowed to visualize key indicators of implementation of functions on control and supervision in the financial and budgetary sphere of the Russian Federation in 2017. The analysis of reports on results of carrying out the financial and budgetary control of Kursk region of control actions by department in the budgetary sphere and in the sphere of purchases for 2015–2017 has allowed the author to reveal the main violations in the sphere of observance of the budgetary legislation and also efficiency of activity of department of the financial and budgetary control of Kursk region

In the conclusion the author notes that for improvement of system of financial control in the Russian Federation and region in particular UFK across Kursk region is necessary definition and development of the new strategic directions of control and auditing work, improvement and formation of the effective mechanism of interaction with all authorities.

Key words: *state financial control, auditing service, Ministry of Finance of the Russian Federation, Federal Treasury Department, Kursk region.*

For citation: Yepifanova V. I. The main directions of improving the system of financial control in the Russian Federation. Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management, 2018, vol. 8, no. 3 (28), pp. 116–123 (in Russ.).

References

1. Byudzhetnyj kodeks Rossijskoj Federacii: feder. Zakon ot 31.07.1998 No 145-FZ: [red. ot 03.08.2018]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/ (accessed 07.06.2018).
2. Tkacheva T. Yu., Sevryukova L. V., Afanas'eva L. V. Razvitie byudzhetnyh otnoshenij dlya obespecheniya spravedlivogo pereraspredeleniya finansovyh resursov. *Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, no. 6(51), pt. 1, pp. 50–56.
3. Epifanova V. I. Deyatel'nost' Upravleniya Federal'nogo kaznachejstva po Kurskoj oblasti kak faktor razvitiya regiona. *Politika, ehkonomika i innovacii*, 2017, no. 2 (12), pp. 17.
4. Sevryukova L. V. Konceptual'nye osnovy funkcionirovaniya organov kaznachejstva v sisteme byudzhetnyh otnoshenij. *Ehkonomicheskie i gumanitarnye nauki*, 2012, no.10(249), pp. 83–88.
5. Itogi deyatelnosti za 2018 god i osnovnye napravleniya razvitiya Federal'nogo kaznachejstva na 2019 god i srednesrochnuyu perspektivu. *Federal'noe kaznachejstvo*. URL: <http://www.roskazna.ru/> (accessed 07.06.2018).
6. Tkacheva T. Yu., Sevryukova L. V., Afanaseva L. V. Organizational and functional features of fiscal mechanisms: theoretical aspects and current trends. *The Social Sciences (Pakistan)*, 2016, vol. 11, No. 15, pp. 3692–3696.
7. Strategicheskaya karta Kaznachejstva Rossii na 2014-2018 gody. *Federal'noe kazna-chejstvo*. URL: <http://www.roskazna.ru/dokumenty/o-kaznacheystve/strategicheskie-tseli-i-zadachi/1148808/> (accessed 07.06.2018).
8. Otchet o realizacii Publichnoj deklaracii celej i zadach Kaznachejstva Rossii na 2017 god. URL: http://www.roskazna.ru/upload/iblock/047/otchet-po-pd_2017-_1_.pdf (accessed 07.06.2018).
9. *Federal'noe kaznachejstvo*. URL: <http://roskazna.ru> (accessed 07.06.2018).
10. Otchet ob ispolnenii plana kontrol'noj deyatelnosti departamenta finansovo-byudzhetnogo kontrolya Kurskoj oblasti na 2017 god. *Administraciya Kurskoj oblasti*. URL: http://adm.rkursk.ru/index.php?id=1590&mat_id=78797 (accessed 07.06.2018).
11. Upravlenie Federal'nogo kaznachejstva po Kurskoj oblasti. URL: <http://kursk.roskazna.ru> (accessed 07.06.2018).

УДК 336

А. С. Обухова, канд. экон. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: obuhova_anna@inbox.ru)

С. А. Нарыкова, студент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: swnar1996@mail.ru)

Л. С. Белоусова, д-р экон. наук, профессор, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: kgtu_fk@list.ru)

УПРАВЛЕНИЕ КОММЕРЧЕСКИМ БАНКОМ НА ОСНОВЕ ОЦЕНКИ ЕГО ДОХОДНОСТИ

Коммерческие банки являются индикатором развития экономики страны в целом, так как если экономика функционирует эффективно, то и банковская система получает достаточно ресурсов для того, чтобы вкладывать их в свои активные операции. Эффективное функционирование банковской системы в большей степени зависит от сохранения возможностей собственного развития за счет обеспечения стабильной доходности. Наращивание доходности банка является важной задачей банковского менеджмента, поскольку достаточный уровень прибыли позволяет привлекать дополнительные средства, увеличивать капитал, платить дивиденды акционерам, формировать резервы на случай возможных потерь, повышая финансовую устойчивость банка. Если же страна находится в кризисном состоянии, то коммерческие банки сталкиваются с препятствиями для развития по двум направлениям: возникает недостаток средств и их источников для формирования ресурсной базы и снижается спрос на банковские продукты, за счет которых банк может получить доход. Таким образом, рентабельность коммерческого банка является важным показателем, позволяющим не только определить эффективность деятельности отдельного банка, но и условия хозяйствования в стране.

В настоящее время достаточно значимым является факторный анализ финансовых результатов банковской деятельности, позволяющий определить резервы повышения показателей доходности организации. Прибыль создает финансовую базу для самофинансирования, характеризует степень деловой активности и финансового благополучия, определяет уровень отдачи авансированных средств и доходность вложений в активы, а также оказывает стимулирующее воздействие на укрепление коммерческого расчета.

Модель Дюпона позволяет банку быстро оценить степень влияния различных факторов на формирование показателя рентабельности собственного капитала, который занимает ключевое место при оценке стоимости банка и его привлекательности для акционеров. Результаты факторного анализа рентабельности капитала Банка ВТБ показали, что ее уровень в 2015 году вырос на 0,021 (2,1%) по сравнению с 2014 годом – с 0,023 до 0,044 (с 2,3% до 4,4%).

Анализ основных показателей Банка ВТБ свидетельствует о динамичном росте доходов. Так у Банка ВТБ на протяжении 2014–2016 годов наблюдалась положительная динамика повышения финансовых результатов его деятельности, заключающаяся в росте объема чистой прибыли и увеличении показателей рентабельности активов и капитала банка. Эти показатели эффективности деятельности существенно отставали от средних значений по банковскому сектору Российской Федерации, что объясняется тем, что темпы роста прибыли у банка отстают от роста прибыли в банковской системе Российской Федерации. В ходе анализа финансовых результатов Банка ВТБ было установлено, что доля комиссионных доходов в составе совокупных доходов банка невелика (всего 16,2% в 2016 году), следовательно, для повышения объема прибыли банку необходимо помимо ссудных операций расширять услуги, приносящие ему комиссионные доходы.

Ключевые слова: финансовый результат, доходы, расходы коммерческого банка, доходность коммерческого банка, рентабельность собственного капитала, рентабельность капитала.

Ссылка для цитирования: Обухова А. С., Нарыкова С. А., Белоусова Л. С. Управление коммерческим банком на основе оценки его доходности // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2018. Т. 8, № 3 (28). С. 124–132.

Прибыль как положительный финансовый результат выступает в качестве индикатора доходности коммерческого банка, которая дает возможность определения и оценки эффективности деятельности кредитной организации. Прибыль служит показателем, концентрирующим

результаты различных пассивных и активных операций банка и отражающим влияние многочисленных факторов, воздействующих на его деятельность [1; 2; 3]. В таблице 1 проведен анализ показателей доходности кредитных операций на примере Банка ВТБ.

Таблица 1

Показатели доходности кредитных операций Банка ВТБ

Наименование показателя	2014 г.	2015 г.	2016 г.	Темп роста, %	
				2015 г. к 2014 г.	2016 г. к 2015 г.
1. Процентные доходы, млн руб.	416464	636297	721941	152,8	113,5
2. Процентные расходы, млн руб.	325492	534652	540590	164,3	101,1
3. Чистый процентный доход до создания резервов, млн руб. (п.1–п.2)	90972	101645	181351	111,7	178,4
4. Стоимость активов (среднегодовая), млн руб.	6781756	8845013	9411795	130,4	106,4
5. Стоимость собственного капитала (среднегодовая), млн руб.	856241	1115142	1319711	130,2	118,3
6. Сумма обязательств (среднегодовая), млн руб.	5925516	7729871	8092084	130,5	104,7
7. Выданные кредиты (среднегодовая величина), млн руб.	4815092	6051660	6468330	125,7	106,9
8. Привлеченные депозиты (среднегодовая величина), млн руб.	4235557	5603739	6442611	132,3	115,0
9. Чистый процентный доход на активы, руб. (п.3/п.4)	0,013	0,011	0,019	85,7	167,7
10. Чистый процентный доход на собственный капитал, руб. (п.3/п.5)	0,106	0,091	0,137	85,8	150,8
11. Чистый процентный доход на 1 руб. обязательств, руб. (п.3/п.6)	0,015	0,013	0,022	85,7	170,4
12. Чистый спрэд, % ((п.1/п.7)-(п.2/п.8))·100	0,964	0,973	2,770	100,9	2,8 раз
13. Чистая процентная маржа, руб. ((п.1-п.2)/п.4)	0,013	0,011	0,019	85,7	167,7

Величина чистого процентного дохода на 1 рубль активов выросла с 0,011 рубля в 2015 г. до 0,019 рубля в 2016 г. (на 67,7%). Чистый процентный доход на 1 рубль собственного капитала увеличился с 0,091 руб. в 2015 г. до 0,137 руб. в 2016 г. (50,8%). Величина чистого процентного дохода в расчете на 1 рубль обязательств выросла с 0,013 руб. в 2015 г. до 0,022 руб. в 2016 г. Чистая маржа выросла на 67,7% (с 0,011 руб. в 2015 г. до 0,019 руб. в 2016 г.).

Особо следует отметить положительную тенденцию роста величины чистого спреда в 2,8 раза (с 0,973% в 2015 г. до 2,77% в 2016 г.), что позволяет оценить эффективность выполнения банком функции посредника между вкладчиками и заемщиками. Проведенный анализ по-

казал рост доходности кредитных операций в Банке ВТБ (ПАО), что свидетельствует о повышении эффективности его деятельности.

В таблице 2 и на рисунке 1 представлена динамика рентабельности активов и собственного капитала Банка ВТБ (ПАО) за 2014–2016 гг. Основным фактором финансовой устойчивости коммерческих банков являются адекватные размеры собственного капитала, поскольку его основная роль – обеспечивать устойчивость кредитных организаций [4, с. 203].

Прибыльность банковской деятельности определяется его специализацией [5, с. 196]. Рентабельность активов в Банке ВТБ (ПАО) выросла с 0,29% в 2014 г. до 0,56% в 2015 г. и до 0,73% в 2016 г., т. е. в 2014 г. банк получил чистой при-

были в сумме 0,29 копейки на 1 рубль среднегодовой стоимости активов, а в 2016 г. было получено 0,73 копейки чистой прибыли в расчете на 1 рубль среднегодовой стоимости активов, т. е. за три года рентабельность активов выросла в 2,5 раза. В целом, повышение рентабельности коммерческого банка обеспечивается за счет возрастания группы активов [6, с. 87], которые приносят процентный доход, роста удельного веса доходных

активов в совокупных активах, регулирования общего уровня процентной ставки по активным операциям банка, управления структурой портфеля доходных активов, повышения уровня отдачи операционных и административно-управленческих расходов, а также за счет снижения объемов уплаченные проценты по депозитам, административно-хозяйственных расходов, платежей в бюджет, резервов для списания кредитов [7, с. 307].

Таблица 2

Рентабельность активов и собственного капитала Банка ВТБ (ПАО) в 2014–2016 гг.

Наименование показателя	2014	2015	2016	Отклонение (+,-)	
				2015 к 2014	2016 к 2015
Чистая прибыль, млн руб.	19674	49140	69088	29466	19948
Среднегодовая стоимость активов, млн руб.	6781756	8845013	9411795	2063257	566782
Среднегодовая величина собственного капитала, млн руб.	856240	1115142	1319711	258902	204569
Рентабельность активов, %	0,29	0,56	0,73	0,27	0,18
Рентабельность собственного капитала, %	2,30	4,41	5,24	2,11	0,83

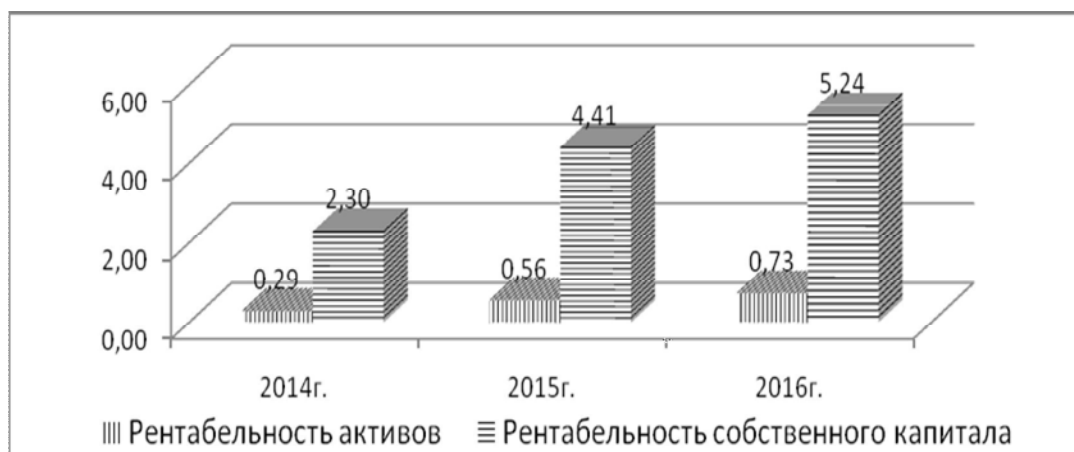

Рис. 1. Показатели рентабельности активов и собственного капитала Банка ВТБ (ПАО), %

Рентабельность собственного капитала Банка ВТБ (ПАО) увеличилась с 2,3% в 2014 г. до 4,41% в 2015 г. и до 5,24% в 2016 г., т. е. в 2014 г. банк получил чистой прибыли в сумме 2,3 копейки на 1 рубль среднегодовой стоимости собственного капитала, а в 2016 г. было получено 5,24 копейки чистой прибыли в расчете на 1 рубль среднегодовой стоимости собственного капитала, т. е. за три

года рентабельность собственного капитала выросла в 2,3 раза.

Повышение рентабельности активов обусловлено опережающим ростом чистой прибыли над увеличением активов – за три года величина чистой прибыли выросла в 3,5 раза (19674 млн руб. в 2014 г. до 69088 млн руб. в 2016 г.), а величина активов выросла на 38,8% (с 6781756 млн руб. в 2014 г. до 9411795 млн руб. в

2016 г.). Рост рентабельности капитала обусловлен опережающим увеличением чистой прибыли (за три года в 3,5 раза) над ростом капитала (за три года на 54,1%).

Следовательно, рост показателей рентабельности активов и рентабельности капитала позволяет сделать вывод о повышении эффективности деятельности Банка ВТБ (ПАО) в 2014–2016 гг.

Вывод об эффективности формирования источников финансирования деятельности Банка ВТБ (ПАО) невозможно сделать без анализа показателя рента-

бельности капитала (ROE), значение которого зависит от доли чистой прибыли в чистых доходах, доходности активов и мультипликатора капитала.

В таблице 3 представлены данные для проведения факторного анализа рентабельности капитала [8, с. 402] Банка ВТБ (ПАО) в 2014–2016 гг.

Рассчитаем по формуле Дюпона (1) влияние факторов на изменение рентабельности капитала в Банке ВТБ (ПАО) с помощью способа абсолютных разниц и результаты представим в виде таблицы 4.

Таблица 3

Исходные данные для факторного анализа рентабельности собственного капитала в Банке ВТБ (ПАО)

Наименование показателя	2014 г.	2015 г.	2016 г.	Отклонение	
				2015 г. к 2014 г.	2016 г. к 2015 г.
Чистая прибыль (NP), млн руб.	19674	49140	69088	29466	19948
Чистые доходы (IN), млн руб.	85970	130152	164783	44182	34631
Активы (средняя величина) (A), млн руб.	6781756	8845013	9411795	2063257	566782
Собственный капитал (средняя величина) (K), млн руб.	856241	1115142	1319711	258902	204569
Доля чистой прибыли в чистом доходе (NP/IN)	0,229	0,378	0,419	0,149	0,042
Доходность активов (IN/A)	0,013	0,015	0,018	0,002	0,003
Мультипликатор капитала (A/K)	7,920	7,932	7,132	0,011	-0,800
Рентабельность собственного капитала (NP/K)	0,023	0,044	0,052	0,021	0,008

Таблица 4

Факторный анализ изменения рентабельности собственного капитала в Банке ВТБ (ПАО)

Наименование фактора	2015 г. к 2014 г.		2016 г. к 2015 г.	
	расчет влияния	величина влияния	расчет влияния	величина влияния
Изменение рентабельности – всего	0,044–0,023	0,021	0,052–0,044	0,008
в т.ч. за счет изменения доли чистой прибыли в чистых доходах	$(0,378-0,229) \times 0,013 \cdot 7,92$	0,015	$(0,419-0,378) \times 0,015 \cdot 7,932$	0,005
за счет изменения доходности активов	$0,378 \cdot (0,015-0,013) \times 7,92$	0,006	$0,419 \cdot (0,018-0,015) \times 7,932$	0,009
за счет изменения мультипликатора капитала	$0,378 \cdot 0,015 \times (7,932-7,92)$	0,00006	$0,419 \cdot 0,018 \times (7,132-7,932)$	-0,00587

Модель Дюпона позволяет банку быстро оценить степень влияния различных факторов на формирование показателя рентабельности собственного капитала, который занимает ключевое место при оценке стоимости банка и его привлекательности для акционеров. Рассмотрим более подробно составляющие компоненты в данной модели, а также механизм построения самой формулы и расчетов, которые построены на основании заданной формулы [7, с. 301].

В двухфакторной модели прибыльность банка оценивается показателями ROE (рентабельность капитала – отношение финансового результата (неиспользованной прибыли (убытков) за отчетный период) (NP) к средней величине собственного капитала (K)) и ROA (рентабельность активов – отношение финансового результата (NP) к средней величине активов (A)), а показателем риска банка служит МК (мультипликатор капитала – отношение активов (A) к собственному капиталу (K)).

Для получения трехфакторной модели разложим прибыльность активов (ROA) на показатель маржи прибыли и коэффициент доходности активов.

Маржа прибыли (PM) является отношением финансового результата (NP) к совокупному чистому доходу (IN) кредитной организации. Коэффициент доходности активов (EA) рассчитывается как отношение совокупного чистого дохода (IN) к средним активам банка (A). Тогда получим зависимость

$$ROE = PM \cdot EA \cdot МК = \frac{NP}{IN} \cdot \frac{IN}{A} \cdot \frac{A}{K} \quad (1)$$

Результаты факторного анализа рентабельности капитала Банка ВТБ показали, что ее уровень в 2015 г. вырос на 0,021 (2,1%) по сравнению с 2014 г. – с 0,023 до 0,044 (с 2,3% до 4,4%).

Положительное влияние на рост рентабельности собственного капитала в 2015 г. оказал рост доли чистой прибыли

в чистых доходах банка, которая выросла с 0,229 до 0,378. Этот фактор вызывал увеличение рентабельности капитала на 0,015 (на 1,5%). Увеличение мультипликатора капитала с 7,92 до 7,932 привело к росту рентабельности на 0,00006 (на 0,006%). Рост доходности активов с 0,013 до 0,015 привел к повышению рентабельности капитала на 0,006 (на 0,6%). Следовательно, все три фактора оказали положительное влияние на рост рентабельности капитала Банка ВТБ (ПАО) в 2015 г.

В 2016 г. уровень рентабельности капитала Банка ВТБ (ПАО) вырос незначительно – на 0,008 (на 0,8%) по сравнению с 2015 г. – с 0,044 до 0,052 (с 4,4% до 5,2%). Положительное влияние на рост рентабельности капитала оказали следующие факторы: 1) повышение доли чистой прибыли в чистых доходах с 0,378 до 0,419 привело к росту рентабельности на 0,005 (на 0,5%); 2) рост доходности активов с 0,015 до 0,018 (с 1,5% до 1,8%) привел к увеличению рентабельности капитала на 0,009 (на 0,9%). Однако при этом отрицательное влияние на изменение рентабельности капитала оказало уменьшение мультипликатора капитала с 7,932 до 7,132, что привело к снижению рентабельности капитала на 0,00587 (на 0,587%). Следовательно, у Банка ВТБ (ПАО) в 2016 г. существовал резерв увеличения рентабельности капитала на 0,00587 (на 0,587%) за счет повышения мультипликатора капитала до уровня 2015 г., т. е. для финансирования своей деятельности банку в целях повышения рентабельности капитала следует привлекать больше заемных средств.

На рисунке 2 проведено сравнение динамики показателя рентабельности активов Банка ВТБ (ПАО) со средними значениями по банковскому сектору Российской Федерации с использованием данных квартальной отчетности Банка ВТБ (ПАО) [6] и статистических показателей, опубликованных Центральным Банком РФ [7].

Рис. 2. Сравнение рентабельности активов Банка ВТБ (ПАО) со средними значениями по банковскому сектору Российской Федерации

Значения показателя рентабельности активов Банка ВТБ (ПАО) на протяжении первых двух кварталов 2016 г. значительно опережали средние значения по банковскому сектору Российской Федерации – в первом квартале в 2,4 раза (0,9% и 0,38% соответственно), во втором квартале в 1,5 раза (0,9% и 0,6% соответственно). Однако начиная с 3 квартала 2016 г. рентабельность активов у Банка ВТБ (ПАО) начала отставать от среднего значения по российскому банковскому сектору в 1,3 раза (0,7% и 0,9% соответственно). Еще большее отставание показателя рентабельности активов Банка ВТБ (ПАО) от средних значений по банковскому сектору наблюдается в 1 квартале 2017 г. – в 4,7 раза (0,3% и 1,7% соответственно). Только в 3 квартале 2017 г. по показателю рентабельности активов Банку ВТБ (ПАО) удалось сократить отставание от среднего значения по банковскому сектору до 1,33 раза (0,9% и 1,2% соответственно).

На рисунке 3 представлено сравнение рентабельности капитала Банка ВТБ (ПАО) со средними значениями по банковскому сектору Российской Федерации.

Рентабельность капитала у Банка ВТБ (ПАО) на 1 января 2016 г. (по итогам 2015 г.) в 2 раза превысила среднее значение по российскому банковскому сектору (4,6% и 2,3% соответственно), затем в первом и втором кварталах 2016 г. значения показателя рентабельности капитала банка практически сравнялись со средними значениями по банковскому сектору (6,1%), а в дальнейшем наблюдается отставание значений этого показателя у Банка ВТБ (ПАО) от средних значений по банковскому сектору: в 3 квартале 2016 г. – в 1,6 раза, в 4 квартале 2016 г. – в 2 раза (4,6% и 7,5% соответственно), в 1 квартале 2017 г. – в 5,3 раза (2,4% и 12,7% соответственно), во 2 квартале 2017 г. – в 3,6 раза (4% и 14,4% соответственно) и в 3 квартале 2017 г. – в 1,49 раза (6,8% и 10,1% соответственно).

Отставание Банка ВТБ (ПАО) по показателям рентабельности активов и капитала от средних значений по банковскому сектору РФ объясняется тем, что темпы роста прибыли у банка отстают от роста прибыли в банковской системе Российской Федерации.

Рис. 3. Сравнение рентабельности капитала Банка ВТБ (ПАО) со средними значениями по банковскому сектору Российской Федерации

В ходе анализа финансовых результатов Банка ВТБ (ПАО) было установлено, что доля комиссионных доходов в составе совокупных доходов банка невелика (всего 16,2% в 2016 г.), следовательно, для повышения объема прибыли банку необходимо, помимо ссудных операций, расширять услуги, приносящие ему комиссионные доходы.

На основе проведенного анализа можно сделать вывод, что за счет снижения маржинального дохода и усиления конкуренции между банками комиссионный доход становится важным источником заработка для Банка ВТБ (ПАО). Следовательно, увеличение их доли и абсолютного значения свидетельствует об активизации банком операций по расчетно-кассовому обслуживанию клиентов.

Список литературы

1. О банках и банковской деятельности [Электронный ресурс]: федер. закон от 02.12.1990. №395-1: [ред. от 31.12.2017]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5842/ (дата обращения: 08.06.2018).

2. Колмыкова Т. С., Ситникова Э. В., Третьякова И. Н. Кредитные ресурсы в решении задач модернизации национальной экономики // Финансы и кредит. 2015. № 14 (638). С. 2–11.

3. Колмыкова Т. С., Ситникова Э. В. Долгосрочное банковское кредитование в российской экономике: роль и тенденции развития // Экономика и предпринимательство. 2015. № 2 (55). С. 49–54.

4. Казаренкова Н. П. Совершенствование механизма обеспечения финансовой устойчивости коммерческого банка // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2013. № 1. С. 202–207.

5. Третьякова И. Н., Чегиль А. В. Доходность коммерческого банка как показатель его результативности // Финансы. Управление. Инновации: сб. науч. ст. Курск: ЗАО «Университетская книга», 2016. С. 193–196.

6. Казаренкова Н. П. Необходимость и инструменты управления финансовым состоянием коммерческого банка // Известия Юго-Западного государственного

университета. 2012. № 4 (43), ч. 3. С. 85–89.

7. Шорикова О. А., Заверткина Ю. А. Проблема выбора вариации модели Дюпона для анализа рентабельности коммерческого банка // Экономика и управление: современные теории и практические разработки: сб. науч. тр. по материалам II Международного экономического форума молодых ученых. Н. Новгород: НОО «Профессиональная наука», 2017. С. 298–306.

8. Мочалина О. С., Мирошникова Л. Ш. Факторы, влияющие на уровень рентабельности коммерческого банка // Бюллетень науки и практики. 2016. № 5 (6). С. 400–408.

9. Банк ВТБ (ПАО) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vtb.ru> (дата обращения: 08.06.2018).

10. Банк России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cbr.ru> (дата обращения: 08.06.2018).

Поступила в редакцию 20.07.18

UDC 336

A. S. Obukhova, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: obuhova_anna@inbox.ru)

S. A. Narykova, Student, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: swnar1996@mail.ru)

L. S. Belousova, Doctor of Economic Sciences, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: kgtu_fk@list.ru)

MANAGEMENT OF COMMERCIAL BANK ON THE BASIS OF ASSESSMENT OF ITS PROFITABILITY

Commercial banks are an indicator of the development of the country's economy as a whole, as if the economy is functioning effectively, and the banking system receives enough resources to invest them in their active operations. The effective functioning of the banking system depends to a greater extent on preserving the opportunities for its own development, by ensuring stable profitability. Increasing the profitability of the Bank is an important task of Bank management, as a sufficient level of profit allows to attract additional funds, increase capital, pay dividends to shareholders, to form reserves in case of possible losses, increasing the financial stability of the Bank. If a country is in crisis, then commercial banks face obstacles to development in two directions: there is a lack of funds and their sources for the formation of the resource base and reduced demand for banking products, through which the Bank can receive income. Thus, the profitability of a commercial Bank is an important indicator that allows not only to determine the effectiveness of the individual Bank, but also the conditions of management in the country.

At present, the factor analysis of the financial results of banking activity, which allows to determine the reserves for increasing the profitability of the organization, is quite significant. Profit provides the financial basis for self-financing, characterizes the degree of business activity and financial well-being, determines the level of return on advances and return on investments in assets, and has a stimulating effect on the strengthening of commercial calculation.

DuPont model allows the Bank to quickly assess the degree of influence of various factors on the formation of return on equity, which is a key factor in assessing the value of the Bank and its attractiveness to shareholders. The results of factor analysis of return on equity of VTB Bank showed that its level in 2015 increased by 0.021 (2.1%) compared to 2014 – from 0.023 to 0.044 (from 2.3% to 4.4%).

Analysis of the main indicators of VTB Bank indicates a dynamic growth in income. Thus, during 2014-2016 VTB Bank observed positive dynamics of increase in financial results of its activity, consisting in growth of net profit and increase in return on assets and capital of the Bank, these performance indicators significantly lagged behind the average values in the banking sector of the Russian Federation, which is explained by the fact that the growth rate of profit of the Bank lags behind the growth in profit in the banking system of the Russian Federation. In the course of analysis of VTB Bank's financial results, it was found that the share of Commission income in the total income of the Bank is small (only 16.2% in 2016), therefore, in order to increase the volume of profit, the Bank needs, in addition to lending operations, to expand the services that bring it Commission income.

Key words: *financial result, income, expenses of commercial Bank, profitability of commercial Bank, return on equity, return on capital.*

For citation: Obukhova A. S., Narykova S. A., Belousova L. S. Management of commercial bank on the basis of assessment of its profitability. Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management, 2018, vol. 8, no. 3 (28), pp. 124–132 (in Russ.).

References

1. O bankah i bankovskoj deyatel'nosti: feder. zakon ot 02.12.1990. No 395-1: [red. ot 31.12.2017]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5842/ (accessed 08.06.2018).

2. Kolmykova T. S., Sitnikova Eh. V., Tret'yakova I. N. Kreditnye resursy v reshenii zadach modernizacii nacional'noj ehkonomiki. *Finansy i kredit*, 2015, no. 14 (638), pp. 2–11.

3. Kolmykova T. S., Sitnikova Eh. V. Dolgosrochnoe bankovskoe kreditovanie v rossijskoj ehkonomike: rol' i tendencii razvitiya. *Ehkonomika i predprinimatel'stvo*, 2015, no. 2 (55), pp. 49–54.

4. Kazarenkova N. P. Sovershenstvovanie mekhanizma obespecheniya finansovoj ustojchivosti kommercheskogo banka. *Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Jekonomika. Sociologija. Menedzhment*, 2013, no. 1, pp. 202–207.

5. Tret'yakova I. N., Chegil' A. V. Dohodnost' kommercheskogo banka kak pokazatel' ego rezul'tativnosti. *Finansy. Upravlenie. Innovacii: sb. nauch. st. Kursk, ZAO*

“Universitetskaya kniga”, 2016, pp. 193–196.

6. Kazarenkova N. P. Neobhodimost' i instrumenty upravleniya finansovym sostoyaniem kommercheskogo banka. *Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta*, 2012, no. 4 (43), pt. 3, pp. 85–89.

7. Shorikova O. A., Zavertkina Yu. A. Problema vybora variacii modeli Dyupona dlya analiza rentabel'nosti kommercheskogo banka. *Ehkonomika i upravlenie: sovremennye teorii i prakticheskie razrabotki: sb. nauch. tr. po materialam II Mezhdunarodnogo ehkonomicheskogo foruma molodyh uchenyh. N. Novgorod, NOO “Professional'naya nauka”*, 2017, pp. 298–306.

8. Mochalina O. S., Miroshnikova L. Sh. Faktory, vliyayushchie na uroven' rentabel'nosti kommercheskogo banka. // *Byulleten' nauki i praktiki*, 2016, no. 5 (6), pp. 400–408.

9. Bank VTB (PAO). URL: <https://www.vtb.ru> (accessed 08.06.2018).

10. Bank Rossii. URL: <http://www.cbr.ru> (accessed 08.06.2018).

УДК 336.71

В. Ю. Сутягин, канд. экон. наук, доцент, Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина (Тамбов, Россия) (e-mail: vl.sutyagin@gmail.com)

Ю. К. Любимова, студент, Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина (Тамбов, Россия) (e-mail: yulya-lyubimova-1997@mail.ru)

О ТЕНДЕНЦИЯХ В РОССИЙСКОМ ЦИФРОВОМ БАНКИНГЕ

Одной из наиболее актуальных тем для современной России является процесс внедрения и развития технологий и инноваций в различных экономических сферах жизни. В условиях развивающейся цифровизации, безусловно, российская банковская система начала функционировать в данном направлении. В данной статье представлен анализ современной системы российского цифрового банкинга, в рамках которого подробно изучено понятие цифрового банкинга, рассмотрены основные критерии отнесения коммерческих банков к цифровым, описано текущее положение крупнейшего в России цифрового банка «Тинькофф банк», выделены основные отличительные черты и особенности структуры ведения бизнеса данного банка, а также проведен сравнительный анализ деятельности «Тинькофф банка» по отношению к иным коммерческим банкам, функционирующим на российском и зарубежном рынках. Стоит отметить, в рамках сравнительного анализа для оценки деятельности цифровых банков были приняты во внимание такие показатели, как размер активов кредитных организаций, показатели рентабельности капитала банков, а также представлены рейтинги коммерческих банков по различным экономическим показателям. В процессе анализа были выявлены основные трудности, возникающие как при работе самих цифровых банков, так и универсальных коммерческих банков, внедряющих цифровые технологии в свою деятельность. Основные задачи, стоящие перед коммерческими банками, вытекают из технологических проблем виртуальных банков, и, как правило, среди них выделяют следующие: преодоление уровня недоверия со стороны населения, повышение технической безопасности цифровых банков, а также совершенствование политики Центрального банка касательно деятельности цифровых банков. По результатам анализа определены основные преимущества и перспективы развития цифровых банков в России.

Ключевые слова: коммерческий банк, инновационные технологии, банковская система, цифровой бандинг.

Ссылка для цитирования: Сутягин В. Ю., Любимова Ю. К. О тенденциях в российском цифровом банкинге // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2018. Т. 8, № 3 (28). С. 133–144.

В течение всей жизни каждый человек сталкивается с постоянными изменениями. Меняется всё – и природа, и человеческие ценности, строятся новые города, развивается инфраструктура различных рынков, мир никогда не стоит на месте. Одним из самых важных на данный момент направлений развития мира являются технологии. Последнее время на технологиях сосредоточена вся наша жизнь, без каких-либо «гаджетов» уже сложно справиться с обычными человеческими ситуациями.

Конечно, банковская система не стала исключением. Технологии всё больше врываются в эту сферу, они становятся всё популярнее в банковском бизнесе. Изменились клиенты банков и новыми пользователями банковских услуг стали люди поколения Z – Next Generation, ко-

торые среди всего многообразия кредитных организаций выбирают те, где доступ к банковским продуктам наиболее удобен и комфортен [1, с. 691]. В этой связи, чтобы банку удержать своих клиентов, приходится бороться за лучшую среду обитания, уметь обгонять конкурентов в качестве сервиса предоставляемых услуг.

В последние 5–7 лет в банковской среде разворачивается революция, в ходе которой многие банковские услуги приходят клиенту в дом. Чтобы упростить нашу жизнь, было изобретено множество механизмов для более комфортного пользования банковскими услугами. Сейчас абсолютно каждый может воспользоваться услугами коммерческого банка дистанционно, практически не выходя из дома [2, с. 23].

Безусловно, магистральным направлением развития банковской системы России последних лет стало введение цифровых технологий. Мы наблюдаем появление целой индустрии, занимающейся разработками технологий аутентификации и защиты бесконтактных платежей [3, с. 89]. Все это приводит к формированию в банковской среде отдельного направления – цифрового банкинга (digital banking). Более того, на рынке появляются цифровые (в английской терминологии digital, direct, branchless bank, virtual bank или internet-only bank) банки. Фактически, речь идет о том, что кредитная организация почти полностью готова предоставлять свои продукты дистанционно, с использованием интернет-технологий.

Что собой представляет система цифрового банкинга? Как развивать коммерческий банк путём использования таких технологий, а также как сформиро-

вать и реализовать новую стратегию банка, чтобы выйти на новый уровень развития?

Прежде всего, заметим, что существует множество трактовок данного понятия. Виртуальные (цифровые) банки представляют собой, в первую очередь, digital-команды, объединяющие компетенции бизнеса, ИТ и маркетинга для формирования банковских продуктов и услуг [4, с. 48]. Данная система начинает распространяться везде, где это необходимо пользователю: в мобильных устройствах, социальных сетях, информационных сервисах, в электронном бизнесе, интернет-магазинах и т. д. [5, с. 12] Одним словом, в любом месте цифрового пространства, где может возникнуть потребность в банковских сервисах. Для того чтобы углубиться в понятие «цифрового банкинга», необходимо выявить основные критерии, по которым банки можно отнести в разряд таковых (рис. 1) [16].

Рис. 1. Критерии определения цифрового банка

Цифровой банкинг хоть и в новинку потенциальным российским пользователям, но уже сейчас банки, основанные на данной системе, пользуются большой популярностью. При этом стоит отметить,

что цифровые банки за рубежом давно не являются редкостью.

В качестве примера первого полнофункционального цифрового банка следует отметить банк First Direct, кото-

рый запустил телефонный банкинг в Великобритании еще в 1989-м году [7]. Этот банк впервые в то время применил концепцию работы без филиалов, круглосуточно обслуживая клиентов с помощью колл-центра. К маю 1991 г. услугами банка пользовались уже 100 тыс. клиентов, а на сегодняшний момент в банке обслуживается более 1 млн клиентов [8, с. 89].

В США первый полностью виртуальный банк появился в 1995 г. Им стал Security First Network Bank (SFNB).

Большинство цифровых банков на первых порах сосредоточивались на работе с онлайн сберегательными счетами, ставки по которым были выше, чем в традиционных банках.

Однако основные успехи цифровых банков приходятся на последние лет 7–10. К примеру, ING Direct начал свою деятельность в Канаде в качестве эксперимента, но уже к 2010 г. его бизнес был представлен в США, Великобритании и Австралии.

Еще более интересен современный успешный пример – английский Atom Bank, который получил лицензию только в октябре 2016 г., и при этом за очень короткий срок – с момента официального запуска и до декабря 2016 г. Atom привлёк в депозитах 110 млн фунтов стерлингов [9, с. 69]. И еще один пример: крупнейшим цифровым банком мира по размеру клиентской базы является ING Diba (Германия) [10]. Его клиентская база составляет более 8 млн человек [11], что, кстати сказать, составляет примерно 10% населения Германии и больше, чем население таких соседних стран, как Дания или Норвегия.

Примечательно, что успехи современных цифровых банков в значительной степени связаны не столько с качеством менеджмента, сколько с теми технологиями, которые стали доступны в последние годы. «Банк сегодня – это не место для хранения денег, это друг или личный помощник, который с тобой на связи семь дней в неделю, 24 часа в сутки», –

уверен Бретт Кинг, автор нашумевшего финансового бестселлера «Банк 3:0» [4, с. 56].

Что касается российского сегмента цифрового банкинга, то он начал формироваться заметно позднее. На сегодняшний день заметными игроками сегмента российского digital являются «Тинькофф банк», Touch банк (входит в группу ОТП), «Точка банк» (входит в группу Открытие). Среди цифровых банков особенно выделяется «Тинькофф банк», который является крупнейшим интернет-банком страны.

Однако сравнивая, например, активы банка ING Diba, составившие 157 553 млн евро на конец 2016 г. [11], и активы «Тинькофф банка» на аналогичную дату, которые достигли 2 763 млн евро [12], следует отметить, что российский цифровой банк существенно уступает ведущим мировым интернет-банкам.

Однако, если мы говорим о российской практике, то «Тинькофф Банк» стал первым и единственным полностью интернет-банком и в настоящее время обслуживает свыше 5 млн клиентов по всей России. «Тинькофф банк» специализируется на сегментах розничного обслуживания и малого бизнеса. Отметим, что по состоянию на конец 2017 г. Тинькофф банк является 31 по размеру активов на российском банковском рынке и входит в 19 ведущих банков по размеру собственного капитала [13].

Текущее положение банка на российском рынке в значительной степени косвенно свидетельствует о правильности выбора digital-направления развития своего бизнеса. И это при том, что прародителем «Тинькофф банка» является «Химмашбанк», который появился на свет в 1994 г. и долгое время функционировал в традиционном формате. «Цифровая перестройка» банка началась лишь в 2006 г.

Заметим, по состоянию на 1 августа 2017 г. банк является вторым крупнейшим игроком на российском рынке кредитных карт с долей рынка 11,5%; чистая прибыль TCS Group Holding PLC (материнская компания банка) по МСФО по

итогах первого полугодия 2017 г. составила 7,6 млрд руб., рентабельность капитала составила 46% [12]; банк был признан «Банком года 2016», по версии крупнейшего российского финансового портала Banki.ru [13].

Учитывая, что в российской практике виртуальные банки находятся на стадии становления и принятия обществом,

становится необходимым понять, как функционируют подобные кредитные организации. В этом смысле полезно рассмотреть структуру ведения бизнеса на примере «Тинькофф банка», которая отражает основные отличительные черты функционирования этой кредитной организации от классических схем ведения бизнеса (рис. 2) [14].

Рис. 2. Структура ведения бизнеса «Тинькофф банка»

Проанализируем основные выделенные структурные элементы:

1) отсутствие офисов с очередями. Многие банки на протяжении долгих лет пытаются бороться с очередями. Собственно говоря, широкое распространение цифровых технологий и использование дистанционного обслуживания позволяют решить эту проблему. «Нет офисов – нет очередей!» – девиз на протяжении всех 10 лет работы банка Тинькофф [12];

2) наличие штаб-квартиры в Москве – основное и единственное офисное здание компании, в котором производится регулирование банковской деятельности по всей стране и принятие управленческих решений;

3) интернет-банкинг – это инструмент, который позволяет клиентам воспользоваться банковскими услугами с помощью смартфона и удалённо, вне зависимости от места нахождения;

4) самый крупный облачный call-центр. В условиях высокой конкуренции на рынке банковских услуг большое значение имеет привлечение новых клиентов за счёт проводимых коммуникаций. Облачный call-центр в Тинькофф называют «домашним call-центром». Сегодня более 5 тысяч сотрудников сидят в облаке, дома, и обслуживают большую часть звонков [15, с. 65];

5) собственная курьерская сеть. Для того чтобы воспользоваться услугами банка, недостаточно одного онлайн-сервиса. Личное взаимодействие с клиентом не менее важно, поэтому «Тинькофф банк» создал свою курьерскую сеть, чтобы реализовывать традиционные банковские услуги без ограничений и для более комфортного обслуживания клиентов.

Успех выбранной модели развития бизнеса должен подтверждаться финан-

совыми результатами. В этом смысле довольно наглядным выглядит сравнительный анализ показателя динамики размера активов «Тинькофф банка» с

другими банками, сопоставимыми по размеру и работающими по традиционной схеме взаимодействия с клиентами (табл. 1).

Таблица 1
Динамика изменения размера активов коммерческих банков, тыс. руб. [13]

Год	Тинькофф банк	Восточный банк	Номе кредит банк	Сити банк
Февраль18	285 177 094	287 648 523	264 603 160	526 301 400
Февраль17	184 771 060	289 164 849	222 427 404	451 288 974
Февраль16	158 921 590	248 694 246	245 172 289	516 506 704
Февраль15	143 211 998	249 329 768	350 292 364	449 658 989
Февраль14	115 567 581	251 826 413	375 447 765	332 102 027

Анализ показывает, что «Тинькофф банк» за достаточно короткий срок смог нарастить показатель активов банка и встать на уровень с крупными кредитными организациями России. Так, например, в течение пяти последних периодов рассмотренные банки не только наращивали активы, но также и теряли позиции по данному показателю (например, «Хоум кредит банк» в 2017 г. потерял 22 744 885 тыс. руб. относительно

прошлого периода, а «Сити банк» 65 217 730 тыс. руб.) [13]. В это время «Тинькофф банк» медленно, но уверенно поднимался выше по рейтинговым строчкам и на данный момент занимает 31 строчку рейтинга коммерческих банков по размеру активов. Для большей наглядности необходимо проанализировать темпы прироста активов рассматриваемых банков относительно предыдущих периодов (рис. 3).

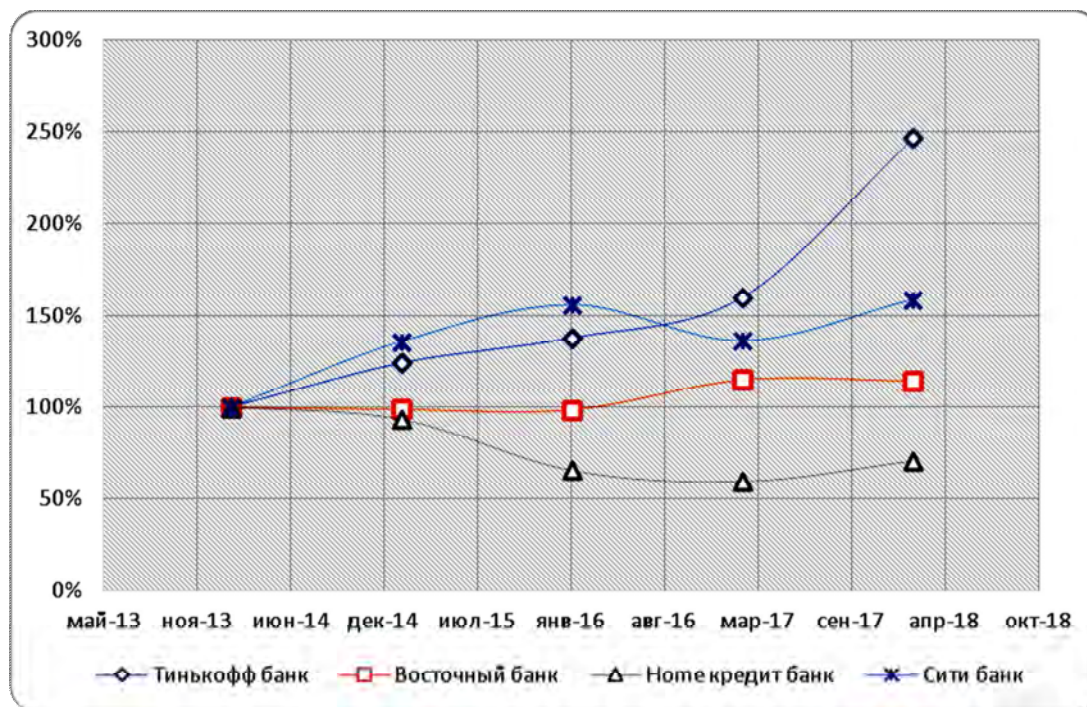

Рис. 3. Динамика темпов прироста активов коммерческих банков, %

Можно заметить, как «Тинькофф банк», наряду с другими крупными коммерческими банками, эффективно наращивает активы. Однако наиболее примечательным является тот факт, что указанная динамика устойчива (в отличие от других банков). При этом средние темпы роста активов заметно выше, чем у конкурентов.

В целом, в плане роста «Тинькофф банку» удалось достичь потрясающих результатов в наращивании активов банка за последние несколько лет. Так, если в январе 2010 г. «Тинькофф банк» был на 254 месте в российском банковском сообществе по размеру активов, то к январю 2018 г. банк уже оказался 31-м (рис. 4).

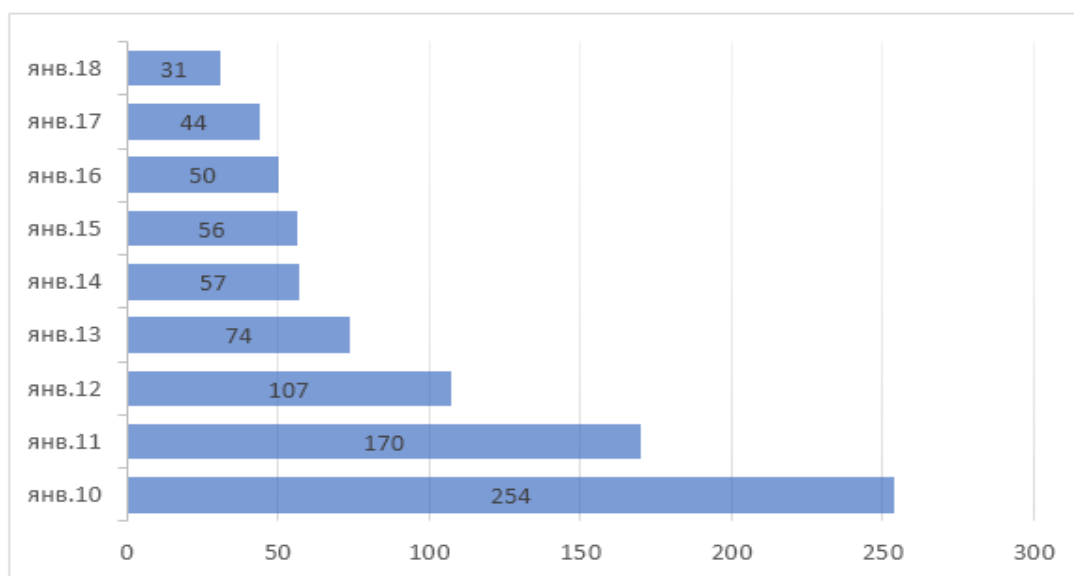

Рис. 4. Место в рейтинге по размеру активов [13]

По сути, речь идет о том, что банк превратился в одного из ведущих игроков всего банковского рынка. Очевидно, что позитивная динамика в динамике роста активов в значительной степени модели развития бизнеса. Однако может быть выбранная стратегия развития бизнеса дает эффект только в плане роста? И не обеспечивает высоких показателей доходности?

Однако и здесь для анализируемого банка все довольно радужно. Так, «Тинькофф банк» в последние пять лет уверенно обходит многие ведущие российские банки по рентабельности капитала. Рассмотрим в таблице 2 показатель рентабельности капитала крупнейших банков России в динамике за последние 5 лет [13].

Обратим внимание, что последние 5 лет были неоднозначными для многих

наших ведущих банков. И это несмотря на тот факт, что Сбербанк, ВТБ и «Почта банк» занимают лидирующие положения на российском рынке (имеют контрольную долю государственного участия), что позволяет извлекать выгоды из самого этого факта. Тем не менее нельзя не отметить, что «Тинькофф банк» – один из тех банков, который уверенно держится на достойном уровне по данному показателю и даже превосходит по итогам 2018 г. ведущие банки страны (данный показатель в 2,4 раза превышает итог по показателю Сбербанка и в 4,4 раза выше показателя рентабельности капитала ВТБ) [4, с. 39]. Тем самым можно с уверенностью полагать, что «Тинькофф банк» развивается опережающими темпами по сравнению с ведущими банками России, несмотря на их привилегированное положение (рис. 5).

Таблица 2

Показатель рентабельности капитала банков в 2014–2018 гг.

Период	Тинькофф банк	Сбербанк	ВТБ	Почта банк
фев.18	49,83	21,17	11,21	62,7
фев.17	74,13	21,95	7,54	23,54
фев.16	35,78	12,66	21,68	-18,15
фев.15	5,9	2,01	-13,96	88,77
фев.14	54,18	18,93	6,16	275,08

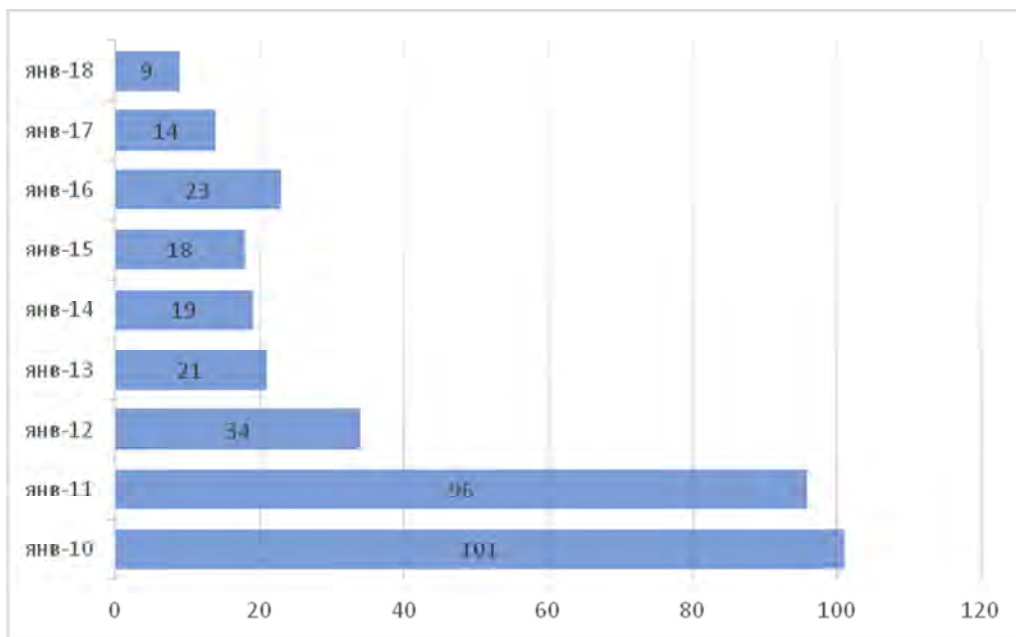

Рис. 5. Место в рейтинге по размеру прибыли [13]

Таким образом, концепция digital эффективна не только в плане обеспечения роста банка, но и его прибыльности. С появлением интернет-банков банковская система страны поднялась на новый уровень, позволив множеству клиентов совершать операции, не выходя из дома.

«Традиционные» коммерческие банки, подхватив тенденцию повышения интереса потребителей к цифровым технологиям, начали разрабатывать различные способы привлечения потенциальных клиентов [16]. Так, например, Президент Сбербанка Герман Греф заявил, что нефтяная эра осталась в прошлом, и крупнейший российский банк собирается увеличить инвестиции в ИТ. Ещё в 2014 г. расходы на ИТ-технологии в Сбербанке

составляли 65 млрд руб., а уже в 2015 г. увеличились на треть [1, с. 693]. К тому же Герман Греф отметил, что к 2025 г. планирует полностью автоматизировать простые банковские операции, а значит, произойдёт замена сотрудников колл-центра на искусственный интеллект.

Логичным является вывод, что Сбербанк не только пытается внедрить цифровые технологии, пытаясь частично адаптировать их в банковской деятельности, но и тем самым, возможно, отдать доминирующее положение операциям, проводимым в онлайн-режиме, повысив при этом рентабельность и эффективность работы банка, а значит, сократить количество функционирующих отделений Сбербанка и количество его сотрудников [17].

Примечательным является еще один тренд: многие цифровые банки входят в банковскую группу, основанную на «традиционном банкинге». По сути, такие digital-банки являются тестовой площадкой для экспериментов банковских холдингов по отработке цифровых технологий. К примеру, упоминаемый «Touch банк» входит в группу ОТП, «Точка банк» и «Рокетбанк» – в группу ФК «Открытие». Аналогично в 2017 г. «Альфа-банк» решил создать свой цифровой банк. Примечательно, что «Альфа-банк» не планирует делиться с новым банком своей клиентурой и рассматривает его как конкурента [18].

В завершение стоит сказать, перспективы цифрового банкинга не столь однозначны. В частности, в российской практике, к сожалению, направление «digital banking» только развивается, поэтому приоритетным становится решение различных нюансов и проблем работы цифровых банков в России. Одной из первоочередных задач, с которой придется справиться цифровым банкам на пути к успеху, является *преодоление недоверия к цифровым технологиям*, ведь большая часть населения России до сих пор настроена на традиционные методы получения банковских услуг [19, с. 48].

К тому же стоит обратить внимание на политику Центрального Банка РФ, а именно на ужесточившиеся требования к коммерческим банкам. За последние годы были лишены лицензий более 300 кредитных организаций [13], следовательно, цифровым банкам вдвойне тяжелее соответствовать всем необходимым требованиям для Банка России. И наконец, необходимо констатировать, что повсеместное внедрение интернет-банков в ближайшее время не предвидится. По мнению аналитиков, рынок российских цифровых банков уже сформирован и довольно ограничен [7].

В техническом плане наиболее насущными проблемами российских цифровых банков являются (рис. 6):

1) расширение функционала сервиса с внешними API [20, с. 167]. Использование программных посредников поможет банкам наладить работу банковских систем и мобильных приложений;

2) повышение уровня безопасности за счёт биометрических систем и внедрения новых средств аутентификации [21, с. 203] (зейнет) (использование отпечатка пальца; табличная аутентификация, при которой имеется набор ячеек, значения которых нужно указать клиенту; использование цифровых сертификатов с помощью смарт-карт и т. д.);

3) отсутствие абонентских плат и прочих платежей за подключение, что повысит интерес клиентов и уровень их доверия;

4) использование видеосвязи и видеочатов для коммуникаций с клиентами. Суть данного метода заключается в альтернативном общении менеджеров с клиентами путём использования модели видео-банкинга с помощью планшетов и мобильных. Данный метод уже давно практикуется за рубежом (Bank of America, UMB Bank), а также уже был успешно испробован в ПАО «Сбербанк».

Западный банковский сектор, безусловно, более искушен. Однако последние исследования известной компании RfI Group показали, что в 2017 г. «в Великобритании, где расцвели такие цифровые банки, как Monzo и Starling Bank, стремление стать клиентом только цифрового банка упало с 78 до 54%. В Канаде RfI обнаружил падение аналогичного показателя с 65 до 44%» [22]. Основной причиной падения доверия цифровым банкам, по оценкам RfI, является тот факт, что «традиционные кредитные организации более надежны в сфере безопасности персональных данных» [22]. При этом, как отмечает RfI, это новая тенденция.

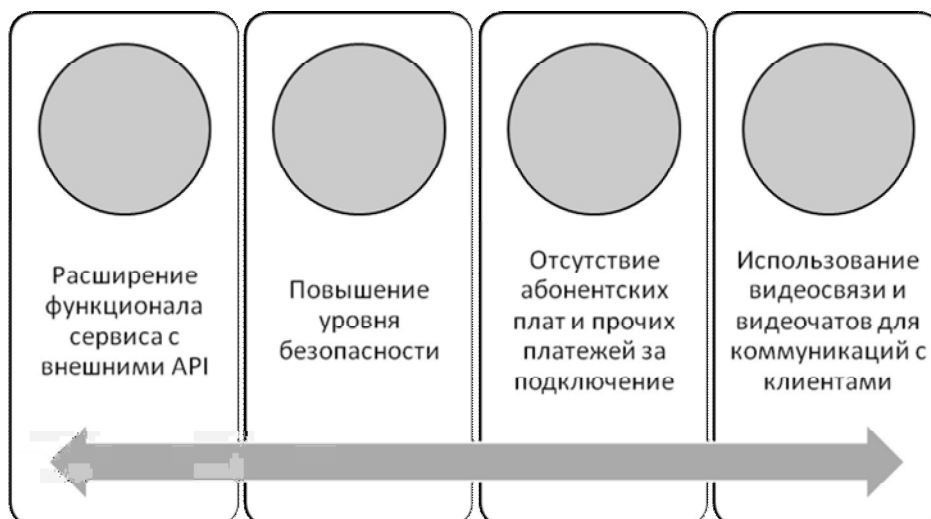

Рис. 6. Технические проблемы российских цифровых банков

Впрочем, вряд ли подобный тренд является долгосрочным. Однако как бы то ни было, он скорее всего говорит, что цифровые банки вряд ли займут полностью рынок, а займут лишь свою нишу. По сути, когда мы говорим о российских цифровых банках, мы говорим о формировании ниши на российском рынке.

В заключение еще раз обратим внимание на основные преимущества цифрового банкинга. Так, подобная организация бизнес-модели приводит к оптимизации затрат на ведение бизнеса, что подтверждается результатами анализа динамики активов и рентабельности собственного капитала банка на примере Тинькофф. Помимо прочего, мобильные и цифровые технологии помогают сократить время обслуживания клиента, что важно и для самого коммерческого банка, и для клиента. Кроме того, стоит отметить, что в условиях всемирной цифровизации использование цифровых технологий крайне важно, чтобы развивать не только бизнес, но и экономику страны.

Тем не менее по итогам проведенного анализа стоит обратить внимание на проблемы, стоящие перед развитием

цифрового банкинга, в частности, преодоление недоверия клиентов. На данном этапе развития повсеместное создание интернет-банков в нашей стране затруднено, т. к. банковский прогресс зависит от клиентов, которые являются конечными потребителями услуг. К сожалению, на данный момент потенциальные клиенты доверяют лишь некоторым цифровым банкам, таким как «Тинькофф Банк», тем самым в данном секторе обслуживания практически отсутствует конкуренция [23, с. 161].

Таким образом, можно сделать вывод, что цифровая трансформация затрагивает все сферы деятельности человечества, следовательно, российским банкам необходимо адаптироваться к изменяющимся условиям.

Список литературы

1. Любимова Ю. К. Digital Banking в России // Актуальные проблемы развития финансового сектора: материалы V Международ. науч.-практ. конф. Тамбов: Тамбов. гос. ун-т, 2017. С. 689–698.
2. Косиненко Н. С., Фризен И. Г. Информационные системы и технологии в экономике. М.: Дашков и К, 2015. 304 с.

3. Венделева М. А., Вертакова Ю. В. Информационные технологии в управлении. М.: Юрайт, 2017. 462 с.
4. Исаев Р. А. Банк 3.0: стратегии, бизнес-процессы, инновации: монография. М.: Инфра-М, 2018. 161 с.
5. Гонтарь А. А. Цифровой банкинг как одна из составляющих экономической безопасности кредитной организации // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. 2017. Т. 1, № 4. С. 90–96.
6. Гусева А. 10 признаков цифрового банка от Бретта Кинга [Электронный ресурс] // FutureBanking.ru. 2015. 19 июня. URL: <http://futurebanking.ru/post/2880> (дата обращения: 22.05.2018).
7. Алексеевских А. Банки уходят в digital [Электронный ресурс] // Известия. 2016. 26 февр. URL: <https://www.iz.ru/news/604958> (дата обращения: 22.05.2018).
8. Исаев Г. Н. Информационные технологии. М.: Омега-Л, 2012. 464 с.
9. Брагин Б. Н., Зейнетдинова Ю. И., Спекторская Л. С. DIGITAL-технологии эпоха банков нового поколения // Молодежный научный форум: Общественные и экономические науки: электр. сб. ст. по материалам XLV Междунар. студ. науч.-практ. конф. М., 2017. № 5(45). С. 69–71.
10. Цифровая трансформация российских банков [Электронный ресурс] // TADVIZER. 2017. 3 авг. URL: http://www.tadviser.ru/index.php/Статья%3А-Цифровая_трансформация_российских_банков (дата обращения: 22.05.2018).
11. ING Diba [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ingdiba.de/ueberuns/unternehmen/investor-relations-en/#navigation> (дата обращения: 22.05.2018).
12. Тинькофф банк [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tinkoff.ru/> (дата обращения: 22.05.2018).
13. Банки.ру [Электронный ресурс]. URL: http://www.banki.ru/banks/ratings/?BANK_ID=195706 (дата обращения: 22.05.2018).
14. Банки и цифровая экономика: кто кого [Электронный ресурс] // Против карт. 2017. URL: <http://protivkart.org/main/10798-banki-i-cifrovaya-ekonomika-kto-kogo.html> (дата обращения: 22.05.2018).
15. Ланге Е. Экспертиза BIAN и «Диасофт»: Digital banking как стратегическое направление развития современного банка // Банковское обозрение. 2015. Авг. С. 64–66.
16. Лукасевич И. Я. Информационные ресурсы и технологии в финансовом менеджменте / под ред. Г. А. Титоренко, И. Я. Лукасевич. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. 271 с.
17. ПАО «Сбербанк» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sberbank.ru/> (дата обращения: 22.05.2018).
18. Еремина А., Воронова Т., Терентьева А. «Альфа-групп» создает новый цифровой банк [Электронный ресурс] // Ведомости. 2017. 4 окт. URL: <https://www.vedomos-ti.ru/finance/articles/2017/10/04/736402-alfa-grupp-tsifrovoy-bank> (дата обращения: 22.05.2018).
19. Никитенков С. А. Digital Banking, «CORREQTS» и будущее дистанционного банковского обслуживания // Банковские технологии. 2014. № 12 (227). С. 48–50.
20. Вдовин В. М., Суркова Л. Е. Информационные технологии в финансово-банковской сфере. М.: Дашков и К, 2018. 304 с.
21. Скиннер К. Digital bank: как создать цифровой банк или статья им. М.: ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2015. 390 с.
22. Полностью цифровые банки теряют популярность [Электронный ресурс]: исследование // ПЛАС. 2018.

6 марта. URL: <https://www.plusworld.ru/daily/digital-banking/polnostyu-tsifrovyebanki-teryayut-populyarnost-issledovanie-2/> (дата обращения: 22.05.2018).

23. Голубенко Н. Б. Библиотека XXI века: Новая концепция. СПб.: Проспект Науки, 2013. 192 с.

Поступила в редакцию 26.06.18

UDC 336.71

V. Yu. Sutyagin, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Tambov State University named after G. R. Derzhavin (Tambov, Russia) (e-mail: vl.sutyagin@gmail.com)

Yu. K. Lyubimova, Student, Tambov State University named after G. R. Derzhavin (Tambov, Russia) (e-mail: yulya-lyubimova-1997@mail.ru)

NOTES ABOUT TENDENCIES IN THE RUSSIAN DIGITAL BANKING

One of the most relevant topics for modern Russia is the process of introducing and developing technologies and innovations in various economic spheres of life. In the conditions of developing digitalization, of course, the Russian banking system began to function in this direction. This article presents an analysis of the modern system of Russian digital banking, which explored the concept of digital banking in detail, examined the main criteria for classifying commercial banks as digital, described the current situation of Russia's largest digital bank Tinkoff Bank, outlined the main features and peculiarities of the business structure of the given Bank, as well as a comparative analysis of the activities of Tinkoff Bank in relation to other commercial banks operating in the Russian and zartachometric markets. It should be noted that in the framework of the comparative analysis for the evaluation of the activities of digital banks, such indicators as the size of the assets of credit institutions, the profitability of the banks' capital, and also the ratings of commercial banks on various economic indicators were taken into account. In the process of analysis, the main difficulties were identified, arising both in the work of digital banks themselves and in universal commercial banks introducing digital technologies into their activities. The main tasks facing commercial banks stem from the technological problems of virtual banks, and, as a rule, among them are the following: overcoming the level of mistrust on the part of the population, improving the technical security of digital banks, and improving the policy of the Central Bank on the activities of digital banks. Based on the results of the analysis, the main advantages and prospects for the development of digital banks in Russia are determined.

Key words: commercial bank, innovative technologies of the banking system, digital banking.

For citation: Sutyagin V. Yu., Lyubimova Yu. K. Notes about tendencies in the russian digital banking. Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management, 2018, vol. 8, no. 3 (28), pp. 133–144 (in Russ.).

References

1. Lyubimova Yu. K. Digital Banking v Rossii. Aktual'nye problemy razvitiya finansovogo sektora: materialy V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Tambov, Tambov. gos. un-t Publ., 2017, pp. 689–698.
2. Kosinenko N. S., Frizen I. G. Informativnyye sistemy i tekhnologii v ekonomike. Moscow, Dashkov i K Publ., 2015. 304 p.
3. Vendeleva M. A., Vertakova Yu. V. Informativnyye tekhnologii v upravlenii. Moscow, Yurajt Publ., 2017. 462 p.
4. Isaev P. A. Bank 3.0: strategii, biznes-processy, innovacii. Moscow, Infra-M Publ., 2018. 161 p.
5. Gontar' A. A. Cifrovoj banking kak odna iz sostavlyayushchih ehkonomicheskoy bezopasnosti kreditnoj organizacii. Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V. N. Tatishcheva, 2017, vol. 1, no. 4, pp. 90–96.

6. Guseva A. 10 priznakov cifrovogo banka ot Bretta Kinga. FutureBanking.ru, 2015, 19 June. URL: <http://futurebanking.ru/post/2880> (accessed 22.05.2018).
7. Alekseevskih A. Banki uhodyat v digital. Izvestiya, 2016, 26 Febr. URL: <https://www.iz.ru/news/604958> (accessed 22.05.2018).
8. Isaev G. N. Informacionnye tekhnologii. Moscow, Omega-L Publ., 2012. 464 p.
9. Bragin B. N., Zejnetdinova Yu. I., Spektorskaya L. S. DIGITAL-tekhnologii ehpoza bankov novogo pokoleniya. Molo-dezhnyj nauchnyj forum: Obshchestvennye i ehkonomicheskie nauki: ehlektr. sb. st. po materialam XLV Mezhdunar. stud. nauch.-prakt. konf. Moscow, 2017, no. 5(45), pp. 69–71.
10. Cifrovaya transformaciya rossijskih bankov. Tadvizer, 2017, 3 avg. URL: http://www.tadvizer.ru/index.php/Stat'ya%3A-Cifrovaya_transformaciya_rossijskih_bankov (accessed 22.05.2018).
11. ING Diba. URL: <https://www.ing-diba.de/ueberuns/un-ternehmen/investor-relations-en/#navigation> (accessed 22.05.2018).
12. Tin'koff bank. URL: <https://www.tinkoff.ru/> (accessed 22.05.2018).
13. Banki.ru. URL: http://www.banki.ru/banks/ratings/?BANK_ID=195706 (accessed 22.05.2018).
14. Banki i cifrovaya ehkonomika: kto kogo. Protiv kart. 2017. URL: <http://protiv-kart.org/main/10798-banki-i-cifrovaya-ekonomika-kto-kogo.html> (accessed 22.05.2018).
15. Lange E. Ehkspertiza BIAN i “Disofter”: Digital banking kak strategicheskoe napravlenie razvitiya sovremennogo banka. Bankovskoe obozrenie, 2015, pp. 64–66.
16. Lukasevich I. Ya. Informacionnye resursy i tekhnologii v finansovom menezhmente; ed. by G. A. Titorenko, I. Ya. Lukasevich. Moscow, YUNITI-DANA Publ., 2012. 271 p.
17. PAO “Sberbank”. URL: <http://www.sberbank.ru/> (accessed 22.05.2018).
18. Eremina A., Voronova T., Terent'eva A. “Al'fa-grupp” sozdaet novyj cifrovoy bank. Vedomosti, 2017, 4 okt. URL: <https://www.vedomos-ti.ru/finance/articles/2017/10/04/736402-alfa-grupp-tsifrovoy-bank> (accessed 22.05.2018).
19. Nikitenkov S. A. Digital Banking, “CORREQTS” i budushchee distancionnogo bankovskogo obsluzhivaniya. Bankovskie tekhnologii, 2014, no. 12 (227), pp. 48–50.
20. Vdovin V. M., Surkova L. E. Informacionnye tekhnologii v finansovobankovskoj sfere. Moscow, Dashkov i K Publ., 2018. 304 p.
21. Skinner K. Digital bank: kak sozdat' cifrovoy bank ili stat' im. Moscow, OOO “Mann, Ivanov i Ferber”, 2015. 390 p.
22. Polnost'yu cifrovye banki teryayut populyarnost': issledovanie. PLAS, 2018, 6 March. URL: <https://www.plusworld.ru/daily/digital-banking/polnostyu-tsifrovye-banki-teryayut-populyarnost-issledovanie-2/> (accessed 22.05.2018).
23. Golubenko N. B. Biblioteka XXI veka: Novaya koncepciya. St. Petersburg, Prospekt Nauki Publ., 2013. 192 p.

УДК 336.64

Д. В. Тихомиров, канд. экон. наук, доцент, Финуниверситет при Правительстве РФ (Москва, Россия) (e-mail: DTtikhomirov@bk.ru)

ФИНАНСОВЫЕ ИНСТИТУТЫ РАЗВИТИЯ И ПРОБЛЕМЫ ПРОЕКТНОГО ФИНАНСИРОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Применение механизмов проектного финансирования развивается в отечественной и международной практике реализации проектов. Активную роль в России и в мире играют институты развития, крупные холдинги, федеральные органы исполнительной власти и иные участники процесса, при этом количество сделок и их объемы в России остаются не столь значительными и формируются за счет отдельных мегапроектов.

Целью исследования является анализ проблем проектного финансирования в современной России, а также выявление роли финансовых институтов развития в их решении. Методы исследования: сравнительный, финансовый, экономико-правовой, институциональный и логический анализ.

В работе рассмотрены особенности и основные участники проектного финансирования, ряд основных проблемных зон: возможность регресса на инициатора, требования к финансовой модели проекта, необходимость повышения квалификации участников и пр.

Автор описал подходы к решению этих проблем, используемые в российской и мировой практике. Полученные результаты имеют практическое значение. Наиболее значимые проблемы и задачи развития проектного финансирования и участия банковских институтов развития в инвестиционных проектах были представлены в виде следующих блоков: определение, уточнение и регулярный мониторинг приоритетов инвестиционной политики в области проектного финансирования; развитие методологической базы анализа и оценки проектов, развитие нормативной базы, развитие и регулирование оценочной деятельности; повышение квалификации участников; развитие институтов проектного финансирования и определение источников фондирования.

Рекомендуется использование полученных результатов в практике разработки и реализации государственной экономической политики, направленной на стимулирование экономического роста. Также результаты могут быть использованы в системах менеджмента финансовых институтов развития Российской Федерации (например, Внешэкономбанка) для совершенствования процедур планирования, регулирования и контроля при реализации моделей проектного финансирования.

Ключевые слова: проектное финансирование, институты развития, банки развития, регресс, инвестиционный проект, инициатор проекта.

Ссылка для цитирования: Тихомиров Д. В. Финансовые институты развития и проблемы проектного финансирования в современной России // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2018. Т. 8, № 3 (28). С. 145–154.

Значительная изношенность мощностей и низкая конкурентоспособность продукции отечественных предприятий в ряде секторов экономики приводят к необходимости реализации инвестиционных проектов с применением различных форм финансирования [1; 2; 3; 4; 5]. Стимулирование инвестиционной деятельности, устранение ограничений роста, повышение конкурентоспособности и диверсификация экономики особенно актуальны в области инфраструктуры, промышленном секторе, энергетике, сельском хозяйстве, других отраслях и зачастую требуют участия нефинансовых и финансовых институтов развития [6].

Под инвестиционным проектом в соответствии с Федеральным законом «Об инвестиционной деятельности в Россий-

ской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» от 25.02.1999 г., понимается обоснование экономической целесообразности, объема, сроков осуществления капитальных вложений и описание практических действий по осуществлению инвестиций (бизнес-план). При этом термин «инвестиционный проект» может иметь два значения:

– деятельность по реализации комплекса мероприятий для достижения поставленной цели, получения желаемого результата – по существу, *инвестиционный процесс*;

– совокупность организационно-правовых и расчетно-финансовых документов, необходимых для осуществления каких-либо действий или представления этих действий, – *инвестиционный бизнес-план*.

Традиционно участниками, способствующими развитию инвестиционной деятельности на любом уровне, являются коммерческие банки, лизинговые компании, определенную роль играет государство путем установления налоговых режимов, прямых дотаций и субсидий. Специфическую роль в развитии инвестиционных проектов играют механизмы частно-государственного партнерства, а также институты развития [7; 8; 9; 10].

Финансовые, в частности банковские, институты развития участвуют в реализации инвестиционных проектов посредством механизма проектного финансирования путем финансирования крупных инфраструктурных или промышленных проектов, основанных на привлечении и обеспечении долга под будущие денежные потоки проекта, что должно помогать заемщикам управлять проектными рисками и ограничивать риск убыточности проекта; при этом права (требования) финансирующей стороны

(банка) распространяются лишь на денежные потоки и активы проектной компании. В любом случае финансирующая сторона оценивает прогнозируемые денежные потоки, риски строительства, эксплуатации, получения дохода, распределение рисков между инвесторами, кредиторами и другими заинтересованными сторонами; важным инструментом для оценки инвестиций инвестора и перспектив кредитора является финансовая модель, которая отражает структуру финансирования проекта.

Проектное финансирование – это специфическая форма организации (осуществления) финансирования проектов, при которой активы и обязательства проекта отделены, обособлены от компании – инициатора проекта, бенефициаров, спонсоров, а возврат инвестиций происходит за счет денежных потоков данного обособленного проекта.

Сравнительный анализ проектного и корпоративного финансирования представлен в таблице.

Проектное и корпоративное финансирование

Раздел	Проектное финансирование	Корпоративное финансирование
Финансирование	Кредиторы оценивают денежные потоки отдельного актива (проекта) на предмет возврата средств	Кредиторы оценивают финансовую устойчивость и прогнозы денежных потоков всей компании
Проектные риски	Разделены между инвесторами. Разграничены между рисками конкретного проекта и прочими рисками компании-спонсора (спонсоров)	Баланс компании-заемщика подвержен проектному риску. Если проект окажется неудачным, кредиторы смогут претендовать на все активы заемщика
Обеспечение	Отсутствие / ограничение на выдачу гарантий под долговое финансирование проекта. Контракты на подряд / поставки по проекту обычно являются главным обеспечением (гарантией) для кредиторов. Рыночная стоимость физических активов проектной компании может быть меньше величины долга. На практике требуются те или иные формы регресса на инициатора / спонсоров (гарантии, поручительства, залоги, опционы и пр.)	Все активы компании могут использоваться в качестве обеспечения. Имеется доступ ко всем денежным потокам бизнеса. В случае неудачи реализации проекта корпоративные кредиторы могут претендовать на возмещение от заемщика

Раздел	Проектное финансирование	Корпоративное финансирование
Длительность	Срок реализации проекта ограничен. Долг должен быть выплачен по окончании срока кредитования	Предполагается, что компания останется в бизнесе на неопределенный срок и убытки смогут быть покрыты до или после реализации проекта
Контроль	Кредиторы контролируют деятельность проектной компании путем участия в органах управления и с применением иных механизмов	Руководство компании управляет / осуществляет контроль над бизнесом

Примечание. Анализ КПМГ, анализ автора.

Следует отметить, что данные различия между проектным и корпоративным финансированием в основном вытекают из практической деятельности. В современных условиях огромные масштабы инвестиций в отечественной экономике происходят в условиях отсутствия утвержденных на уровне министерств методологических подходов: принимаются отдельные законы, регламентирующие процедуры частно-государственного партнерства, деятельность ГК «Внешэкономбанк», однако в большинстве случаев компании и банки используют внутренние положения, различающиеся в зависимости от банка-участника и проекта. Отдельно можно рассматривать механизмы синдицированного финансирования и Фабрики проектного финансирования, курируемые Минэкономразвития России, Внешэкономбанком с участием Минфина России в части предоставления государственных гарантий и иных организаций¹.

Общий объем сделок проектного финансирования в мире составляет порядка 200–250 млрд долл. США в год и зависит от периода закрытия сделки. По

данным за 2016–2017 гг. объем составлял порядка 230 млрд долл. США в год.

Проектное финансирование предполагает относительно высокие транзакционные издержки, поскольку необходимо проведение экспертизы и согласованности действий множества участников процесса: инициатора проекта/спонсоров проекта, консультантов по различным аспектам и рискам проекта, коммерческих/государственных банков, экспортных агентств, подрядчиков/генподрядчика и поставщиков оборудования, планируемых покупателей продукции и иных участников. Ключевые участники – стороны процесса проектного финансирования представлены на рисунке.

Также в процессе проектного финансирования могут принимать прямое или косвенное участие федеральные и региональные органы исполнительной власти (ФОИВ, РОИВ), экспортные страховые/кредитные агентства (ЭСА/ЭКА) и др.

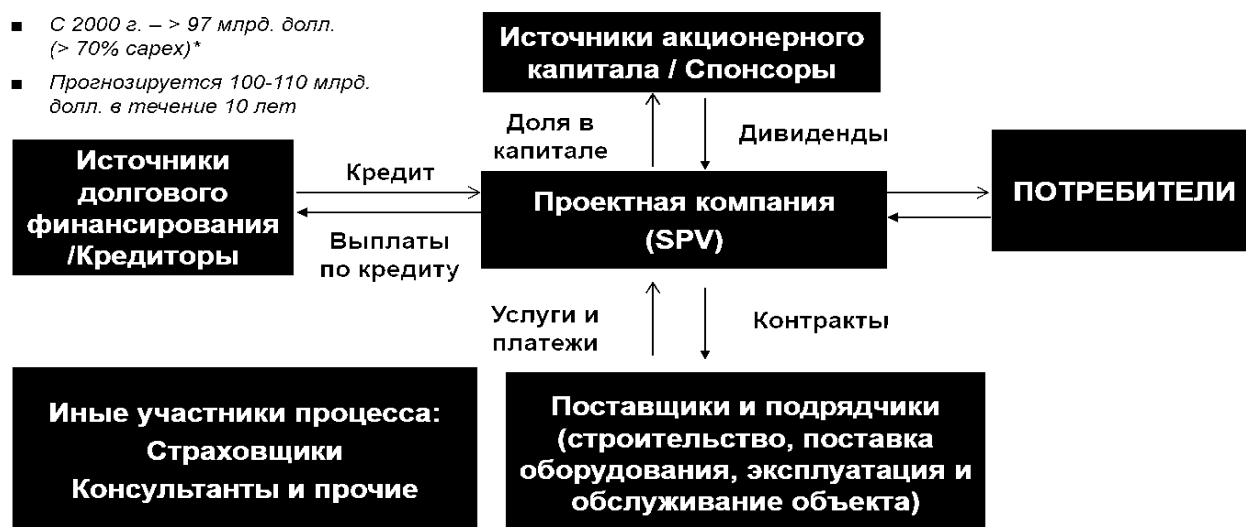
В традиционной модели организации проектного финансирования внешние инвесторы, предоставляющие заемное финансирование, и экспортные агентства вместе с инициатором проекта участвуют в анализе перспектив реализации и отдаче от проекта, проработке основных вопросов, реализации и финансировании проекта. При таком подходе инициатор, очевидно, ожидает снижения своих обязательств пе-

¹ Регламентируется Федеральным законом от 31 декабря 2017 г. № 486-ФЗ «О синдицированном кредите (займе)», постановлением Правительства от 15 февраля 2018 г. № 158 «О программе «Фабрика проектного финансирования» и др.

ред внешним инвестором (кредитором), в том числе отказ от или снижение требуемых гарантий, поручительств, залогов своих долей и др. В то же время на практике оказывается, что требуемый объем финан-

сирования проекта настолько значителен, что даже крупный спонсор/инициатор не может взять на себя (свой баланс) поручительства за успешную реализацию проекта и возврат заемных средств.

- С 2000 г. – > 97 млрд. долл. (> 70% сарех)*
- Прогнозируется 100-110 млрд. долл. в течение 10 лет

* Данные на примере проектов в сфере СПГ

1

Рис. Типовая схема организации проектного финансирования

Так, например, крупнейший нефтегазовый холдинг АО «НОВАТЭК» не в состоянии в полном объеме обеспечить выполнение финансовых обязательств по проекту добычи сжиженного газа «Ямал СПГ» на весь период реализации проекта. EBITDA АО «НОВАТЭК» за 2017 г., по данным финансовой отчетности, по МСФО достигает 4,5 млрд долл. США, в то время как общий объем понесенных и планируемых инвестиций в проект – более 20 млрд долл. США. При этом компании необходимо иметь ликвидность для других направлений деятельности, возможность привлекать иные кредиты или источники средств в будущем. ПАО «Газпром», вероятно, также имеет ограничения в части проекта «Сила Сибири» и пр. С другой стороны, требование гарантий банками и иными кредиторами в целях снижения своих рисков может быть оправдано, поскольку даже при привлечении независимых консультантов по различным технологическим, техническим, маркетинговым, экологическим,

налоговым, правовым и иным вопросам проекта финансируемая сторона не обладает достаточными компетенциями в данном бизнесе и уверенностью в успешности проекта. Снижение рисков может быть также выгодно инициатору/спонсорам проекта, т. к. может позволить снизить ставку заемного финансирования.

В связи с указанным фактором возникают специфические инструменты, как, например, гарантии по обслуживанию долга (Debt Service Undertaking). Гарантия DSU представляет собой обязательство спонсора (каждого из спонсоров) условного проекта по уплате основной суммы (тела) долга в соответствии с планом финансирования и кредитными соглашениями, а также процентов и прочих платежей по соглашениям перед кредиторами компании.

В целях управления риском увеличения стоимости проекта и снижения доли собственного участия возможно включение в обязательства спонсора или инициатора проекта гарантии завершения

строительства. Соглашение о гарантии завершения строительства – это предварительно согласованное с банком соглашение между заемщиком, банком и спонсором, по которому у спонсора возникают обязательства по предоставлению финансирования для покрытия дефицита средств в случае увеличения стоимости проекта. Соглашение о гарантии завершения строительства действует до даты, пока не будет выполнен ряд условий, в том числе: предоставлены свидетельства о вводе в эксплуатацию всех законченных строительством объектов (исчерпывающий список всех объектов должен быть приведен в соглашении о гарантии завершения строительства на основании бюджета), предоставлены выписки, подтверждающие право собственности заемщика на объекты, и пр. Платежные обязательства спонсора перед банком по соглашению о гарантии завершения строительства обеспечиваются безотзывной безусловной банковской гарантией, условия которой должны быть предварительно согласованы с банком.

Одной из ключевых сложностей в процессе экспертизы и дальнейшего финансирования инвестиционного проекта является доработка и согласование финансовой модели. Особенно это усложняется в случае организации синдиката, и тем более в случае несиндицированного множества участников сделки (инициатора, спонсоров, банков, ЭСА/ЭКА и пр.). Например, у участников могут быть существенные различия по следующим аспектам финансовой модели:

- несогласованные прогнозы макроэкономических, отраслевых и иных предпосылок проекта;

- требования по формату представления и технике финансовой модели (расчетные и итоговые листы, применение или запрет на применение макросов и имен блоков полей и пр.);

- подходы к расчету основных коэффициентов инвестиционной привлекательности и обслуживания долга, а также

требования к самим пороговым значениям этих коэффициентов; иные различия.

В настоящее время в мире насчитывается более 50 тыс. нефинансовых институтов развития, включая специальные экономические зоны, технополисы, технопарки, а также порядка 750 финансовых институтов, среди которых можно выделить банки развития, инвестиционные фонды, венчурные фонды, экспортно-импортные банки и экспортные страховые агентства.

Начиная с середины XX в. наблюдалась организация финансовых институтов развития в различных странах, первыми из которых были банки развития Китая, Германии, Бразилии, Японии, созданные в 1944–1954 гг. Помимо национальных, сегодня функционируют глобальные (Международная финансовая корпорация) и региональные финансовые институты развития (Межамериканский банк развития, Азиатский банк развития, Европейский инвестиционный банк, Новый банк развития (НБР) — международная финансовая организация, банк развития, созданный странами-членами БРИКС).

На территории России организованы наиболее крупные институты развития. Нефинансовые представлены группой «Роснано», Государственной корпорацией по содействию разработке, производству и экспорту высокотехнологичной промышленной продукции «Ростех», Фондом содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства, Государственной корпорацией по атомной энергии «Росатом», АО «ОСК», ПАО «ОАК», особыми экономическими зонами, технопарками, промышленными парками, бизнес-инкубаторами. Среди финансовых основное место занимает Государственная корпорация «Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)» (реализация крупных проектов, поддержка малого и среднего предпринимательства, регионов, моногородов, экспорта, а также выполнение роли агента Правительства РФ); также действуют: Государственная корпорация

«Агентство по страхованию вкладов», Инвестиционный фонд РФ, Акционерное общество «Российский Сельскохозяйственный банк», Акционерное общество «ДОМ.РФ» (ранее – ОАО «Агентство по ипотечному жилищному кредитованию»), АО «РВК» (ОАО «Российская венчурная компания – фонд венчурных фондов РФ»), АО «Росагролизинг», различные научные фонды.

В частности, Внешэкономбанк участвует в реализации проектов путем предоставления кредитов и гарантий, участия в уставных капиталах, организации лизинговых схем и страховании экспорта. По данным на середину 2018 г. ВЭБ профинансировал 201 инвестиционный проект общей стоимостью 5,1 трлн рублей, участие банка составило 2,3 трлн рублей. Несмотря на значительные проекты в области инфраструктуры, промышленности, сельского хозяйства, доля проектов Внешэкономбанка в общей сумме инвестиций в России составляет порядка 2%, таким образом, по значимости в экономике Внешэкономбанк уступает институтам развития других стран, где данное значение может превышать 5%.

В настоящее время представляется, что наиболее значимые проблемы и задачи развития проектного финансирования и участия банковских институтов развития в инвестиционных проектах можно представить в виде нескольких блоков.

1. *Определение, уточнение и регулярный мониторинг приоритетов инвестиционной политики в области проектного финансирования.*

В качестве примера можно рассмотреть основные отраслевые приоритеты инвестиционной деятельности Внешэкономбанка, закрепленные в приложении к Меморандуму о финансовой политике. На текущий момент перечень затрагивает большинство отраслей экономики. В течение 2013–2018 гг. руководство ВЭБа и страны неоднократно проводило попытки по пересмотру фокуса и приоритизации.

2. *Развитие методологической базы анализа и оценки проектов, развитие нормативной базы, развитие и регулирование оценочной деятельности* должно включать комплекс мер по:

– совершенствованию и внедрению методологии анализа и оценки проектов, формированию требований к доходности, срокам окупаемости проектов, разделению рыночных и высокорискованных проектов, определению источников макроэкономических предпосылок в целях унификации подходов к принятию решений по целесообразности инвестирования и др.;

– развитию законодательства о проектном финансировании и ЧГП;

– дальнейшему совершенствованию законодательства в области оценочной деятельности, федеральных стандартов оценки, стандартов саморегулируемых организаций с учетом требований банков, международных стандартов оценки, а также более четкому определению ответственности оценщика в отечественном законодательстве;

– формированию критериев отбора консультантов (консалтинг, инжиниринг, финансово-технический аудит и надзор и др.).

Очевидно, что требования к самому проекту и содержанию проектной документации могут различаться. Например, ВЭБ предполагает проведение экологической, технологической и других экспертиз в дополнение к бизнес-плану, в то время как практика ЕБРР подразумевает включение данных вопросов в периметр бизнес-плана.

Во многих коммерческих и государственных банках, компаниях и корпорациях отсутствуют четкие рекомендации к финансовым моделям инвестиционных проектов, а также шаблоны, форматы, примеры листов финансовых моделей. Такие подходы в настоящее время применяются в ГК Внешэкономбанк, а также отчасти в ПАО «Сбербанк России». Согласно подходу Внешэкономбанка, все вновь поступающие на рассмотрение или

актуализируемые финансовые модели должны содержать единый сводный лист результатов и наиболее важных показателей коэффициентов (Outputs), пример которого представлен на официальном сайте. При этом форматы детальных расчетных листов должны формироваться компанией-заемщиком или консультантом отдельно в зависимости от отрасли (автомобилестроение, микроэлектроника, агропромышленный комплекс, космические аппараты и пр.) и стадии проекта. Также банком представляются примеры отдельных расчетных листов для проведения анализа чувствительности, сценарного анализа.

Важным фактором успешной реализации проекта и ключевым вопросом мониторинга является согласование ковенант и расчета основных показателей. На практике встречаются различные подходы к определению и расчету показателя EBITDA, который используется для анализа рентабельности проекта/компании, проведения сравнительного анализа на основе данных по объектам-аналогам, расчета и мониторинга финансовых ковенант, оценки стоимости бизнеса и др.

Также необходимо различать обычный и дисконтированный сроки окупаемости: дисконтированный показатель учитывает также дисконтирование потоков с учетом рисков проекта, отдельно следует определять возможный срок погашения финансирования с учетом необходимости поддержания на определенном уровне требуемых банком коэффициентов, например коэффициента покрытия долговых выплат DSCR (Debt Service Coverage Ratio) и специфические показатели – PLCR (Project Loan Life Coverage Ratio) и LLCR (Loan Life Coverage Ratio). Следует обратить внимание, что отечественные банки, экспортные агентства, инвесторы, в целом, менее консервативны в требованиях к коэффициентам по сравнению с зарубежными институтами.

Данный блок вопросов может также включать не только общие требования и подходы, но и выработку конкретных ре-

комендаций. Например, одним из наиболее тонких моментов в оценке инвестиционных проектов является расчет ставки дисконтирования. Определение применяющейся в расчете структуры финансирования – одна из основных сложностей, поскольку разные виды финансирования должны входить в структуру по своей рыночной оценке, которая на практике не всегда известна, а также фактическая структура сильно колеблется в зависимости от графика поступления кредитных и собственных средств. Различные банки не только предоставляют финансирование по разным ставкам, но и применяют различные подходы к определению ставки дисконтирования по проекту. Зачастую даже внутри одного банка или подразделения ставки дисконтирования могут существенно различаться между схожими проектами (в зависимости от инициатора проекта, финансового консультанта, инвестиционного инспектора). Один из рекомендуемых подходов при определении структуры финансирования:

- на старте проекта используется структура, равная планируемому общему соотношению собственных и заемных средств (как правило, 30/70, для проектов, финансируемых ВЭБ, допустимо соотношение 15–20 / 85–80);

- после полного погашения долга доля собственных средств составляет 100%;

- до этого доля собственных средств растет пропорционально выплате долга (например, 20–60–100% при погашении долга двумя равными частями).

Наиболее целесообразным представляется следующий подход: для оценки рыночной стоимости бизнеса – применение целевой ставки (возможен плавный переход в течение обоснованного периода от фактической), для анализа в рамках проектного финансирования – использование плавающей ставки на основе меняющейся в прогнозе структуры капитала и иных параметров ставки.

Следует подчеркнуть, что важной является не столько унификация методо-

логии, сколько проверка непротиворечивости ставок, применяемых для различных проектов с учетом их специфики.

3. Развитие институтов проектного финансирования и определение источников фондирования, включая следующие вопросы:

– капитализации институтов развития;

– организации и функционирования фондов прямых инвестиций и экспортных страховых агентств;

– развития организаций малого и среднего бизнеса, а также институтов, способствующих развитию малого и среднего бизнеса;

– определения источников фондирования и стоимости финансирования, учета страновых и валютных рисков. Данные вопросы становятся особенно актуальными в условиях возможного обострения отношений с инвесторами Западной Европы и США. В ближайшие годы вероятно не только переориентация в вопросах фондирования и сбыта продукции в направлении Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), но также привлечение компаний АТР в качестве спонсоров проекта, как это наблюдается в одном из крупнейших в мире проектов в области СПГ – «Ямал СПГ»;

– с учетом роли, которую играют институты развития в реализации проектов, приоритетных с точки зрения развития экономики в целом, но недостаточно прибыльных с коммерческой точки зрения, необходимо совершенствование критериев отнесения проектов к категории проектов развития или специальных, а также формирование политик и процедур работы с такими проектами.

В настоящее время сдерживающим фактором может быть значительная стоимость привлечения средств самим финансирующим институтом – стоимость фондирования, которая зависит от рисков проектов, но может быть сокращена путем предоставления рассмотренных дополнительных гарантий, поручительств, рассмотрения альтернативных источни-

ков недорогого фондирования. В крупных международных сделках может потребоваться привлечение упомянутых экспертных кредитных агентств (пример – привлекаемые в проекте «Ямал СПГ» агентства Hermes (Германия), EKN (Швеция) и др.) для проведения анализа (экспертизы) и предоставления страхового покрытия. Традиционно при структурировании сделки проектного финансирования необходима организация структурного (иногда связанного) фондирования.

4. Повышение квалификации участников.

Данный блок вопросов касается всех потенциальных участников проектного финансирования: спонсоров – инициаторов проекта, банков, консультантов, государственных органов. Несмотря на активное развитие практики проектного финансирования и оценочной деятельности в России выпускники вузов, консультанты, государственные органы имеют достаточно низкую квалификацию в вопросах организации проектного финансирования, построения финансовых моделей, расчете ставки дисконтирования, основных финансовых показателей и коэффициентов. Необходим ряд мер по повышению квалификации участников и осведомленности в вопросах проектного финансирования, в частности: проведение обучающих семинаров в университетах и регионах, совместные семинары с иностранными институтами развития, создание учебных центров и базовых кафедр в университетах.

Очевидно, что данный перечень проблем и задач по укреплению и повышению эффективности институтов развития и совершенствованию практики проектного финансирования в текущих условиях не является исчерпывающим. Несмотря на внимание со стороны российского правительства и значительный прогресс в вопросах реализации ряда проектов, необходимы дальнейшие усилия как на государственном уровне в вопросах нормативно-правовой базы и определения приоритетов и направлений деятель-

ности, так и на уровне конкретных институтов развития в целях повышения их операционной эффективности, а также самого бизнеса, от которого ожидается инициация инвестиционных проектов высокого качества.

Список литературы

1. Тихомиров Д. В. Вопросы определения требуемой доходности участвующих активов в оценке нематериальных активов при приобретении бизнеса // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2014. № 2 (86). С. 22–30.

2. Бабиц Т. Н., Вертакова Ю. В. Обоснование методики согласования отраслевых и территориальных интересов при планировании регионального развития с целью реализации государственной экономической политики // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2017. № 2 (32). С. 5–11.

3. Полянин А. В. Концепция денежных потоков предприятия по инвестиционной деятельности // Экономические науки. 2008. № 46. С. 303–306.

4. Формы стратегического партнерства: модели взаимодействия в регионе / Ю. В. Вертакова, О. О. Ватутина, И. В. Андросова [и др.]; под ред. Ю. В. Вертаковой; Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2013. 298 с.

5. Пирогова О. Е., Плотников В. А. Прогнозирование развития предприятия

на основе динамической модели роста стоимости // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2017. № 2 (104). С. 101–107.

6. Андрианов В. Д., Никонова И. А. Стратегическое управление в зарубежных институтах развития. М.: Консалт-банкир, 2012. 272 с.

7. О банке развития [Электронный ресурс]: федер. закон от 17.05.2007 № 82-ФЗ : [ред. от 23.04.2018]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_68404/ (дата обращения: 28.05.2018).

8. Global project finance review. First Nine Months 2017 [Electronic resource]. URL: http://www.pfie.com/Journals/2017/10/12/s/k/w/3Q2017_Global_Project_Finance_Review.pdf (дата обращения: 28.05.2018).

9. Никонова И. А. Проектный анализ и проектное финансирование. М.: Альпина Паблишер, 2012. 154 с.

10. Меморандум о финансовой политике государственной корпорации «Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)» [Электронный ресурс]: [утв. распоряжением Правительства РФ от 23.07.2018 № 1510-р]. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71898394/> (дата обращения: 28.05.2018).

Поступила в редакцию 06.07.18

UDC 336.64

D. V. Tikhomirov, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Financial University under the Government of Russia (Moscow, Russia) (e-mail: DTikhomirov@bk.ru)

FINANCIAL INSTITUTIONS FOR DEVELOPMENT AND PROJECT FINANCE ISSUES IN RUSSIA

The project finance mechanisms are currently used in the Russian and international practice of investment project development. The development institutions, large holdings, federal executive bodies and other participants of the process play active role in Russia, however real volumes and number of cases are not so significant and are formed by limited amount of megaprojects.

The aim of the study is to analyze the problems of project financing in modern Russia, as well as to identify the role of financial development institutions in their solution. Research methods: comparative, financial, economic, legal, institutional and logical analysis.

The article considers the major features and the basic participants of the project finance process, a number of the problem areas: possibility of the recourse on the sponsor / initiator, requirements to financial model of the project, need for developing skills and participants' qualifications and other.

The author described the approaches to the solution of these problems used in the Russian and world practice. The received results have practical value. The most significant problems and tasks of development of project financing and participation of bank institutes of development in investment projects were presented in the form of the following blocks: determination, refining and regular monitoring of priorities of investment policy in the field of project financing; development of a methodological analysis base and project evaluation, development of the regulatory base, development and regulation of estimative activities; advanced training of participants; development of institutes of project financing and determination of sources of funding.

Use of the received results in practice of development and implementation of the state economic policy directed to stimulation of economic growth is recommended. Also results can be used in the systems of management of financial institutions of development of the Russian Federation (for example, Vnesheconombank) for enhancement of procedures of planning, regulation and control in case of implementation of models of project financing.

Key words: project finance, institutions for development, banks for development, recourse, investment project, project sponsor.

For citation: Tikhomirov D. V. Financial institutions for development and project finance issues in Russia. Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management, 2018, vol. 8, no. 3 (28), pp. 145–154 (in Russ.).

References

1. Tikhomirov D. V. Voprosy opredeleniya trebuemoj dohodnosti uchastvuyushchih aktivov v ocenke nematerial'nyh aktivov pri priobretenii biznesa. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ehkonomicheskogo universiteta*, 2014, no. 2 (86), pp. 22–30.
2. Babich T. N., Vertakova Yu. V. Obosnovanie metodiki soglasovaniya otraslevykh i territorial'nykh interesov pri planirovaniy regional'nogo razvitiya s cel'yu realizacii gosudarstvennoj ehkonomicheskoy politiki. *Teoriya i praktika servisa: ehkonomika, social'naya sfera, tekhnologii*, 2017, no. 2 (32), pp. 5–11.
3. Polyenin A. V. Konceptiya denezhnykh potokov predpriyatiya po investitsionnoj deyatel'nosti. *Ehkonomicheskie nauki*, 2008, no. 46, pp. 303–306.
4. Vertakova Yu. V., Vatutina O. O., Androsova I. V., eds. *Formy strategicheskogo partnerstva: modeli vzaimodejstviya v regione*; ed. by Yu. V. Vertakova. Kursk, Yugo-Zap. gos. un-t Publ., 2013. 298 p.
5. Pirogova O. E., Plotnikov V. A. Prognozirovanie razvitiya predpriyatiya na osnove dinamicheskoy modeli rosta stoimosti. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ehkonomicheskogo universiteta*, 2017, no. 2 (104), pp. 101–107.
6. Andrianov V. D., Nikonova I. A. *Strategicheskoe upravlenie v zarubezhnykh institutah razvitiya*. Moscow, Konsalt-bankir Publ., 2012. 272 p.
7. O banke razvitiya: feder. zakon ot 17.05.2007 No 82-FZ : [red. ot 23.04.2018]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_68404/ (accessed 28.05.2018).
8. Global project finance review. First Nine Months 2017. URL: http://www.pfie.com/Journals/2017/10/12/s/k/w/3Q2017_Global_Project_Finance_Review.pdf (accessed 28.05.2018).
9. Nikonova I. A. *Proektnyj analiz i proektnoe finansirovanie*. Moscow, Al'pina Pabliher, 2012. 154 p.
10. Memorandum o finansovoj politike gosudarstvennoj korporacii "Bank razvitiya i vneshneehkonomicheskoy deyatel'nosti (Vneshekonombank)": [utv. rasporyazheniem Pravitel'stva RF ot 23.07.2018 No 1510-r]. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71898394/> (accessed 28.05.2018).

УДК 658

С. П. Сазонов, д-р экон. наук, профессор, Волгоградский государственный технический университет (Волгоград, Россия) (e-mail: sazonovsp@mail.ru)

Е. В. Вобленко, аспирант, Волгоградский государственный технический университет (Волгоград, Россия) (e-mail: mev.clinacadem@mail.ru)

ПРОБЛЕМЫ БУХГАЛТЕРСКОГО И НАЛОГОВОГО УЧЕТА КРИПТОВАЛЮТЫ

В настоящее время все большее развитие получает цифровая экономика. В век повсеместного распространения информационных технологий востребованы цифровые платежные системы, которыми можно пользоваться в электронном пространстве без привязки к определенной стране или учреждению. Важным элементом цифровой экономики выступает криптовалюта – цифровой финансовый актив.

Проведенный анализ литературы и оценка международного опыта показали, что основные проблемы существования криптовалюты заключаются в установлении норм правового регулирования обращения цифровых финансовых активов и организации контроля за обращением криптовалюты. Указанные проблемы могут быть решены путем внедрения бухгалтерского учета в цифровую экономику и организации учета цифровых финансовых активов, установлении правил и норм налогового учета. Для этого необходимо решить вопрос, чем является криптовалюта в целях бухгалтерского и налогового учета.

Сделан вывод о том, что при определении правил бухгалтерского и налогового учета криптовалюты можно рассматривать не как деньги или товар, а как особый финансовый актив, требующий установления особых правил учета.

В статье рассмотрен опыт признания криптовалюты и установления правил государственного регулирования и налогообложения в экономике Японии, что позволило провести аналогию и обосновать возможности адаптации исследуемого опыта для России.

Установление правового статуса цифровым финансовым активам, признание криптовалюты государством, определение правил обращения криптовалюты откроет перед экономикой данного государства огромные перспективы и возможности, которые дает цифровая экономика, и позволит избежать ряд сложностей, связанных с денежным обращением, в том числе и на международном уровне.

Ключевые слова: криптовалюта, цифровая экономика, бухгалтерский учет, налоговый учет, правовое регулирование, контроль.

Ссылка для цитирования: Сазонов С. П., Вобленко Е. В. Проблемы бухгалтерского и налогового учета криптовалюты // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2018. Т. 8, № 3 (28). С. 155–160.

С внедрением в нашу жизнь компьютерных технологий экономика, выступающая как совокупность отношений, складывающихся в системе производства, распределения, обмена и потребления, начинает приобретать черты компьютерного пространства, в котором она функционирует и постепенно становится цифровой экономикой. Цифровая экономика воздействует на все сферы социальной и профессиональной жизни человека [1; 2]. Перемены она приносит и в бухгалтерский учет. В бухгалтерском учете по роду деятельности уже давно началось внедрение компьютерных технологий, это коснулось и средств работы, программных продуктов по ведению бухгалтер-

ского учета, и электронного документооборота при взаимодействии с различными органами, и электронный банкинг. Кроме того, главный предмет бухгалтерского учета – деньги также являются порождением виртуальности. С изобретением компьютера удалось «оцифровать» деньги, что, несомненно, упростило товарно-денежные отношения, привело к огромной экономии времени, денежных затрат, трудовых ресурсов и к повышению безопасности операций [3; 4; 5]. В связи с этим вопросы и задачи, которые возникают в ходе интеграции цифровой экономики в нашу жизнь, должны быть рассмотрены и через призму бухгалтерского учета.

Безусловно, важным элементом цифровой экономики выступает криптовалюта, т. к. в век повсеместного распространения информационных технологий чрезвычайно востребованными становятся универсальные платежные средства, которыми можно было бы рассчитываться в электронном пространстве без привязки к определенной стране или учреждению.

Известно, что условия, в которых происходит эмиссия, майнинг и обращение криптовалюты, имеют следующие специфические особенности:

1) отсутствие эмитента или иного органа, который осуществлял бы централизованный контроль над ее обращением;

2) отсутствие каких-либо договорных отношений с оператором (эмитентом) электронных денег по причине его отсутствия. Никто не может наложить арест, приостановить операции по счету, отменить платеж;

3) криптовалюта не привязана ни к одной из существующих государственных валют, однако ее можно обменять на какую-либо государственную валюту.

Данные особенности влекут за собой возникновение ряда взаимосвязанных проблем, прежде всего, известно, что в мировом цифровом сообществе криптовалюта де-факто уже существует, следовательно, необходимо установить правовые основы существования криптовалюты с целью обеспечения контроля за соблюдением интересов всех участников данных операций [6].

На международном рынке правовые взаимоотношения государств с криптовалютой складываются по-разному. Некоторые страны запретили обращение криптовалюты на территории своей страны, другие – приняли криптовалюту и создали правовую основу для регулирования связанных с ней транзакций. Первой страной,

признавшей криптовалюту, стала Япония. В мае 2016 г. японский парламент принял закон, в соответствии с которым операторы криптовалютных бирж подлежат регистрации в Агентстве финансовых услуг (Financial Services Agency), а сам регулятор наделен полномочиями по осуществлению проверок бирж и в случае необходимости может применять административные меры.

Таким образом, возможным решением проблемы установления контроля за обращением криптовалюты может стать обеспечение обязательной регистрации или лицензирования для компаний – криптовалютных бирж или компаний, предоставляющих криптовалютные кошельки.

На территории Японии криптовалюта стала легальной формой оплаты, и ею уже можно расплачиваться в некоторых учреждениях. Законы, регулирующие банковское дело Японии, пока не изменились, но рассматриваются поправки, которые могли бы поспособствовать вводу криптовалюты в обращение. В соответствии с опубликованным Либерально-демократической партией Японии заявлением, криптовалюта – это не валюта или облигация, и банки в Японии не могут открывать депозитные счета в криптовалюте и выступать посредниками при покупке или продаже криптовалюты или осуществлять ее обмен на фиатные деньги. В заявлении было обозначено, что налогообложение криптовалюты и операций с ней в Японии осуществляется по стандартным национальным правилам, закрепленным в налоговом законодательстве. Так, доход, полученный физическим лицом в качестве криптовалюты, подлежит обложению подоходным налогом, а прибыль юридического лица в цифровой валюте – налогом на прибыль. Более того, продажа криптовалюты не облагается

японским аналогом налога на добавленную стоимость.

Признание криптовалюты де-юре и установление налогового бремени на операции с криптовалютой вызывают проблему, связанную со спецификой криптовалюты. Так, фундаментальной проблемой налогообложения станет способ определения плательщиков – ведь данные о них анонимны [7]. Решением данной проблемы может выступать бухгалтерский учет. Основная функция, которую призван выполнять бухгалтерский учет, – это осуществление контроля за хозяйственными операциями, а основной метод бухгалтерского учета – двойная запись – позволит точно и полноценно отразить информацию о событиях, влияющих на экономику организации и происходящих в ее повседневной деятельности. Двойная запись даст возможность увидеть сразу пути поступления и оттока денежных средств. Данный методический прием придаст систематичность, последовательность и организованность выполняемым процедурам. Он предоставит подробные сведения об активах и пассивах компании, что позволит анализировать экономическое состояние предпринимаемых действий и контролировать их законность.

Двойная запись бухгалтерского учета также сделает операции с криптовалютой прозрачными, т. к. будет требовать при обращении криптовалюты зарегистрировать их и определить, с кем была произведена операция по купле-продаже криптовалюты.

Но бухгалтерский учет поставит перед бухгалтерами вопрос о том, чем является криптовалюта в целях бухгалтерского и налогового учета: деньгами, электронными деньгами, товаром, финансовыми активами или чем-то другим. От ответа будет зависеть, каким образом будет строиться учет, с помощью какого

счета, установленного планом счетов. Так, например, Япония в 2017 г. признала криптовалюту законным средством платежа. При этом криптовалюта в Японии рассматривается не как денежные средства, а как актив, который может быть использован в качестве средства платежа. В принятом в 2016 г. японским парламентом законе криптовалюта признается ценностью, подобной активам, при этом цифровая валюта не считается законным платежным средством, а рассматривается как средство обмена, с помощью которого можно приобрести товары, услуги или законные платежные средства.

Таким образом, при определении правил бухгалтерского и налогового учета криптовалюту можно рассматривать не как деньги или товар, а как особый финансовый актив, требующий установления особых правил учета.

Признание криптовалюты и установление правил государственного регулирования и налогообложения открыл колоссальные перспективы экономике Японии. Отдельные криптовалюты (Bitcoin и Etheruim) были признаны законным средством платежа в 2017 г. Этот шаг привел к росту спроса на криптовалюту со стороны инвесторов и началу использования биткоинов в качестве одного из способов оплаты в розничных магазинах. Также были законодательно оформлены процедуры противодействия отмыванию доходов и финансированию терроризма, применимые к организациям, осуществляющим операции с криптовалютой. Понятие криптовалюты разграничено с понятием электронных денег, криптовалюта признается не денежным средством, а оборотоспособной ценностью, которая может быть использована в качестве платежного средства, а также приобретает статус товара без применения местного аналога НДС. К 2020 году крупные бан-

ки Японии планируют создать национальную валюту J-coin, чтобы снизить зависимость страны от наличных средств, на которые сегодня приходится 70% от общего объема транзакций. J-coin будет использоваться для оплаты товаров и услуг по всей стране при помощи смартфонов (сканирование QR-кодов). Однако J-coin будет сильно отличаться от других криптовалют. Во-первых, у нее будет банк-эмитент (для управления ею была создана отдельная компания), во-вторых, стоимость новой валюты будет привязана к иене [8].

В России также становится возможным и перспективным создание криптовалютной биржи – основной валютой на ней будет крипторубль, который может быть обменен на обычные рубли. Подобные сделки, как и обмен криптовалюты и токенов на иностранную валюту, будут облагаться налогом, как и майнинг криптовалюты.

Впрочем, Банк России официально объявил, что по-прежнему не считает и не будет считать криптовалюту расчетным или платежным средством. Законопроект приравнивает криптовалюту к иному имуществу, которое относится к категории объектов гражданского права наравне с вещами, результатами интеллектуальной деятельности и бездокументарными ценными бумагами [9].

Таким образом, расплатиться криптовалютой в магазине в России пока будет нельзя, но ее можно будет обменять на другое имущество. Регуляторы России приравнивают добычу криптовалюты к предпринимательской деятельности, которая создает и валидирует криптовалюту с целью получения вознаграждения в виде ее самой [10]. Формат налогообложения майнеров в законопроекте не прописан, но предполагается, что он ничем не будет отличаться от обычного формата для индивидуальных

предпринимателей или юридических лиц. Законодателю будет необходимо внести изменения в Налоговый кодекс Российской Федерации, в котором потребуется определить, чем являются цифровые финансовые активы для целей налогового учета; установить правила конвертации криптовалюты в государственную валюту; порядок признания доходов и расходов для целей налогового учета от операций с цифровыми финансовыми активами; порядок налогообложения при майнинге криптовалюты, для собственных целей или для перепродажи или бизнеса; порядок налогообложения цифровых финансовых активов, в случае выплаты работодателем в качестве вознаграждения за услуги работника; и ряда других положений и норм.

При установлении порядка налогообложения операций с криптовалютой в России необходимо будет особо учесть ее высокую волатильность и тот факт, что криптовалюта не является государственным платежным средством ни одного государства.

Таким образом, в России налог на криптовалюту будет определен в новом законопроекте. Если правительство утвердит нормы регулирования цифровых активов, российские майнеры будут регистрироваться в качестве индивидуальных предпринимателей или юридических лиц. Данный факт позволит решить проблемы, связанные с анонимностью участников цифровых транзакций, определить налогоплательщиков и налогооблагаемую базу и установить правила налогового и бухгалтерского учета операций с криптовалютой.

Список литературы

1. Трансформация управленческих систем под воздействием цифровизации экономики / Ю. В. Вертакова, Т. О. Тол-

стных, Е. В. Шкарупета [и др.]; Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2017. 156 с.

2. Плотников В. А. Экономические механизмы информационного общества // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Экономика. Информатика. 2012. № 19 (138). С. 85–92.

3. Световцева Т. А., Мамий С. А., Бочкова Т. А. Роль криптовалюты в современной экономике // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2018. Т. 8, № 2 (27). С. 95–102.

4. Vertakova Yu., Plotnikov V. Innovative and industrial development: specifics of interrelation // Економічний часопис-XXI. 2016. № 1-2 (156). С. 37–40.

5. Плотников В. А., Жигунов В. П. Институты и их влияние на экономический рост // Известия Юго-Западного государственного университета. 2014. № 5 (56). С. 170–178.

6. Информационное сообщение «Об использовании криптовалют» [Электронный ресурс] // Росфинмониторинг. URL:

<http://www.fedsfm.ru/news/957> (дата обращения: 16.06.2018).

7. Вобленко Е. В. Правовой статус криптовалюты в России // Прогнозирование социального и экономического развития в новых геополитических условиях: сб. ст. по итогам Междунар. науч.-практ. конф. Стерлитамак: АМИ, 2018. С. 16–18.

8. Япония запустит национальную криптовалюту J-coin [Электронный ресурс]. URL: <https://cryptocurrency.tech/yaponiya-zapustit-natsionalnuyu-kriptovalyutu-j-coin/> (дата обращения: 16.06.2018).

9. Проект Федерального закона «О цифровых финансовых активах» [Электронный ресурс] // Минфин России. URL: https://www.minfin.ru/ru/document/?id_4=121810/ (дата обращения: 16.06.2018).

10. Красильникова Ю. Россиянам разрешат покупать токены на 50 тысяч рублей [Электронный ресурс]. URL: https://hightech.fm/2017/12/29/ico_russia (дата обращения: 16.06.2018).

Поступила в редакцию 16.08. 18

UDC 658

S. P. Sazonov, Doctor of Economic Sciences, Professor, Volgograd State Technical University (Volgograd, Russia) (e-mail: sazonovsp@mail.ru)

E. V. Voblenko, Post-Graduate Student, Volgograd State Technical University (Volgograd, Russia) (e-mail: mev.clinacadem@mail.ru)

PROBLEMS OF ACCOUNTING AND TAX ACCOUNTING OF CRYPTO-CURRENCIES

At present, the digital economy is gaining more and more development. In the century of ubiquitous dissemination of information technologies, digital payment systems are required, which can be used in electronic space without reference to a particular country or institution. An important element of the digital economy is cryptocurrency, a digital financial asset.

The analysis of the literature and the evaluation of international experience have shown that the main problems of the existence of the crypto currency are the establishment of rules for the legal regulation of circulation of digital financial assets, and the organization of control over the circulation of the cryptual currency. The specified problems can be solved by introduction of book keeping in the digital economy and the organization of the account of digital financial assets, an establishment of rules and norms of the tax accounting. To do this, it is necessary to decide the question, what is the crypto currency for the purposes of accounting and tax accounting.

Authors have drawn a conclusion on what when determining rules of accounting and tax accounting of cryptocurrency can be considered not as money or goods, and as the special financial asset demanding establishment of special accounting rules.

In article experience of recognition of cryptocurrency and establishment of rules of state regulation and the taxation in economy of Japan is considered that has allowed to draw an analogy and to prove possibilities of adaptation of the studied experience for Russia.

The establishment of a legal status for digital financial assets, the recognition of the state's crypto currency, the definition of rules for circulation of crypto currency will open up to the economy of this state the enormous prospects and opportunities that the digital economy gives and will avoid a number of difficulties related to monetary circulation, including at the international level.

Key words: *crypto-currency, digital economy, accounting, tax accounting, legal regulation, control.*

For citation: Sazonov S. P., Voblenko E. V. Problems of accounting and tax accounting of crypto-currencies. Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management, 2018, vol. 8, no. 3 (28), pp. 155–160 (in Russ.).

References

1. Vertakova Yu. V., Tolstyh T. O., Shkarupeta E. V., eds. Transformaciya upravlencheskih sistem pod vozdejstviem cifrovizacii ehkonomiki. Kursk, Yugo-Zap. gos. un-t Publ., 2017. 156 p.

2. Plotnikov V. A. Ehkonomicheskie mekhanizmy informacionnogo obshchestva. Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ehkonomika. Informatika, 2012, no. 19 (138), pp. 85–92.

3. Svetovceva T. A., Mamij S. A., Bochkova T. A. Rol' kriptovalyuty v sovremennoj ehkonome. Izvestija Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Jekonomika. Sociologija. Menedzhment, 2018, vol. 8, no. 2 (27), pp. 95–102.

4. Vertakova Yu., Plotnikov V. Innovative and industrial development: specifics of interrelation. Ekonomichnij chasopis-XXI, 2016, no. 1-2 (156), pp. 37–40.

5. Plotnikov V. A., Zhigunov V. P. Instituty i ih vliyanie na ehkonomicheskij rost.

Izvestija Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta, 2014, no. 5 (56), pp. 170–178.

6. Informacionnoe soobshchenie “Ob ispol'zovanii kriptovalyut”. Rosfinmonitoring. URL: <http://www.fedsfm.ru/news/957> (accessed 16.06.2018).

7. Voblenko E. V. Pravovoj status kriptovalyuty v Rossii. Prognozirovanie social'nogo i ehkonomicheskogo razvitiya v novyh geopoliticheskikh usloviyah: sb. st. po itogam Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Sterlitamak, AMI Publ., 2018, pp. 16–18.

8. Yaponiya zapustit nacional'nuyu kriptovalyutu J-coin. URL: <https://cryptocurrency.tech/ya-poniya-zapustit-natsional-nuyu-kriptovalyutu-j-coin/> (accessed 16.06.2018).

9. Proekt Federal'nogo zakona “O cifrovych finansovyh aktivah”. Minfin Rossii. URL: https://www.minfin.ru/ru/document/?id_4=121810/ (accessed 16.06.2018).

10. Krasil'nikova Yu. Rossiyanam razreshat pokupat' tokeny na 50 tysyach rublej. URL: https://hightech.fm/2017/12/29/ico_russia (accessed 16.06.2018).

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

УДК 338.242

А. А. Колесняк, д-р экон. наук, доцент, Красноярский государственный аграрный университет (Красноярск, Россия) (e-mail: kolesnyak.antonina@yandex.ru)

Н. М. Полянская, канд. экон. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет» (Улан-Удэ, Россия) (e-mail: natali_mz@mail.ru)

И. А. Колесняк, канд. экон. наук, доцент, Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова (Москва, Россия) (e-mail: igorkolesnyak@mail.ru)

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ: ПОНЯТИЕ И ОЦЕНКА

Продовольственное обеспечение, состояние которого предопределяет уровень продовольственной и, более того, национальной безопасности государства, вызывает необходимость придания продовольственным ресурсам статуса стратегически важных, в связи с чем продовольственный вопрос выдвигается на повестку дня как один из приоритетных. Продовольственное обеспечение, протекающее на практике как системно организованный процесс, выступает объектом управления и вызывает необходимость применения системы оценки своего состояния и развития. Государственным и муниципальным органам управления для эффективного планирования, учета, анализа и контроля необходимо оперировать комплексом определенных показателей, позволяющих проводить более полную и объективную оценку системы продовольственного обеспечения региона, своевременно обнаруживать причины недостаточности, выявлять возможные резервы преодоления дефицитов и оперативно адаптировать систему продовольственного обеспечения к условиям среды.

В данной статье рассмотрены понятия продовольственной безопасности и продовольственного обеспечения и сделана попытка систематизировать принципиальные методологические подходы к их оценке. Представлены следующие теоретические, методологические и прикладные положения: дано обоснование категории продовольственного обеспечения как системно организованного структурного образования; представлена и обоснована функциональная и институциональная структура системы продовольственного обеспечения населения; систематизирован комплекс оценочных показателей для измерения параметров состояния и развития системы продовольственного обеспечения населения российских регионов. В разрезе функциональных субсистем (звеньев) приведена группировка абсолютных и относительных показателей для взаимоувязанной оценки состояния и параметров развития системы продовольственного обеспечения населения регионов.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, государство, агропромышленный комплекс, продовольственное обеспечение населения, методы оценки, система.

Ссылка для цитирования: Колесняк А. А., Полянская Н. М., Колесняк И. А. Продовольственная безопасность и продовольственное обеспечение: понятие и оценка // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2018. Т. 8, № 3 (28). С. 161–170.

В последние несколько лет заметно обострились глобальный политический и экономический кризисы, интенсифицировалась конкурентная борьба между континентами и странами за ограниченные ресурсы, поэтому одним из существенных конкурентных преимуществ любого современного государства становится устойчивая национальная хозяйственная система, имеющая высокий уровень продовольственной безопасности, способная противостоять различным угрозам.

Нельзя не согласиться с утверждением академика А. Г. Аганбегяна [1, с. 66] относительно того, что главная цель любого государства состоит в том, чтобы обеспечить достойную жизнь населению, в том числе обеспечение людей качественными, доступными продуктами питания. Это пока мы считаем, что проблемы продовольствия нас не должны и не могут «задеть», а вместе с тем происходящие в мире процессы свидетельствуют о существовании определенных трудностей в данной сфере.

Основанный на «пирамиде потребностей» человечества факт приоритетности продовольственного обеспечения предопределяет необходимость формирования предпосылок продовольственной безопасности государства, которая складывается из определенного уровня продовольственного обеспечения отдельных его административно-территориальных единиц. В этой связи усиливается роль оценки продовольственного обеспечения регионов РФ. «Сильные регионы = сильная страна» – данное тождество должно стать девизом дня.

Прежде чем исследовать вопросы оценки, целесообразно рассмотреть сущность и признаки категорий «продовольственная безопасность» и «продовольственное обеспечение» и четко определить, в каком контексте следует употреблять эти понятия, поскольку часто в научных публикациях дефиниции этих явлений отождествляются. Вместе с тем между ними есть, на наш взгляд, принципиальные отличия. Полагаем, что обозначать продовольственную безопасность в качестве функции регионов нецелесообразно, поскольку это вступает в разногласие со статусом и ролью регионов как участников единого экономического пространства страны, противоречит дифференциации регионов по природно-климатическим и экономическим условиям, а также может привести к экономической самоизоляции, ослаблению конкурентной среды и снижению эффективности производства.

Согласно международным декларационным [2] и национальным нормативным документам РФ [3], продовольственная безопасность выступает как элемент национальной безопасности государства, в то время как продовольственное обеспечение – это системно организуемый процесс, способствующий удовлетворению населения в продовольствии.

В 2010 г. Указом Президента РФ была утверждена Доктрина продовольственной безопасности Российской Феде-

рации [3], призванная, главным образом, способствовать реализации национальной политики в сфере обеспечения продовольственной безопасности России. В Доктрине определено, что продовольственная безопасность выступает как ключевое направление обеспечения национальной безопасности Российского государства в среднесрочной перспективе, является важной движущей силой сохранения государственности и суверенитета России, главнейшей компонентой демографической политики страны, а также важнейшим фактором роста уровня жизни населения России посредством предоставления высоких стандартов жизнеобеспечения. Поэтому полагаем, что понятие «продовольственная безопасность» целесообразно использовать в контексте исследования продовольственных проблем на уровне национальной экономики, а понятие «продовольственное обеспечение» – на всех уровнях хозяйствования.

Следовательно, продовольственную безопасность можно толковать как состояние национальной экономики, при котором каждый гражданин в любой момент времени имеет физический и экономический доступ к физиологически необходимому и безопасному по качеству объему продуктов питания. Любая страна непрерывно нацелена на достижение продовольственной безопасности как качественного состояния национальной экономики, диагностируемого на определенный момент времени посредством ряда количественных параметров. Продовольственная безопасность – это одна из основных целей экономической политики государства, в частности агропродовольственной политики.

Что же представляет собой продовольственное обеспечение? В специальных публикациях это явление рассматривается в качестве предмета исследования в контексте обеспечения как населения территории в целом, так и в отношении определенных социальных сообществ (вооруженных сил, образовательных

учреждений и др.). В настоящей работе речь идет о продовольственном обеспечении населения территории.

Полагаем, что продовольственное обеспечение населения можно определить как с институциональной, так и с функциональной точек зрения. В первом случае это основанная на экономических

отношениях и нормативно-правовой ответственности перед населением, взаимосвязанная совокупность государственных, муниципальных и частных институтов, организующих снабжение жителей подведомственной территории продуктами питания в необходимом количестве и должного качества (рис. 1).

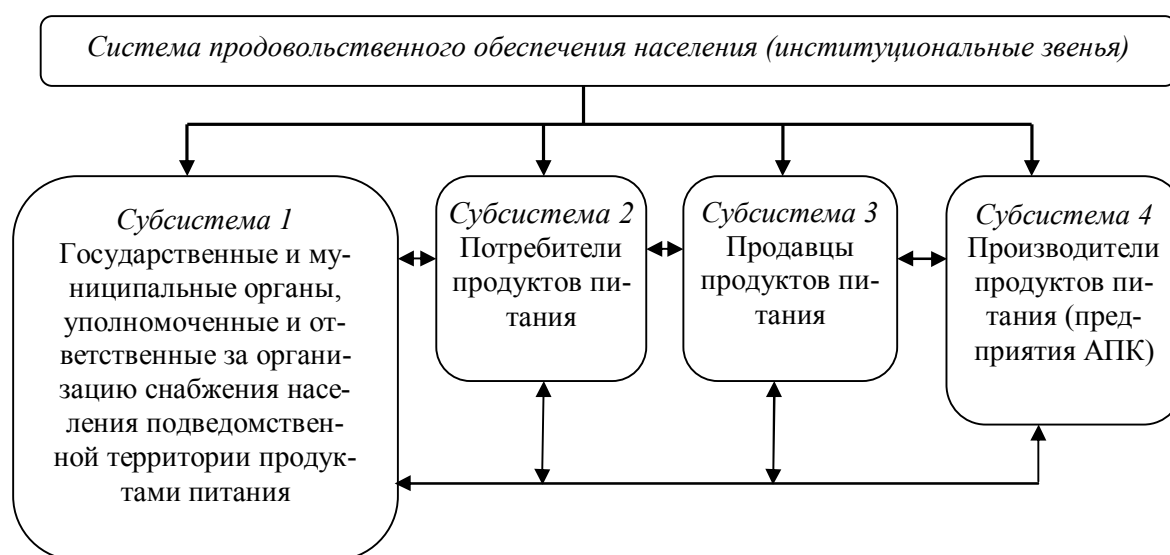

Рис. 1. Институциональная структура системы продовольственного обеспечения населения территории

Институциональная структура системы продовольственного обеспечения предполагает организацию управленческой деятельности определенных институтов на всех уровнях этого процесса – от потребителя и производителя до государства и муниципалитетов. При этом на всех уровнях управления преследуется единая цель – здоровье граждан, определяющее их способность к полноценной, активной трудовой и творческой деятельности. Эффективность функционирования системы обеспечивается уровнем координации и взаимодействия всех ее элементов.

Во втором случае, т. е. с функциональной точки зрения, продовольственное обеспечение населения – специализированная система, являющаяся структурной частью общей системы воспроизводственных отношений и содержащая следующие взаимозависимые, взаимосвязанные динамичные элементы: формирование и распределение ресурсов продо-

вольствия; потребление продовольствия и питание населения; производство продовольствия; управление продовольственным обеспечением. Отсюда диалектически следует вывод, что продовольственное обеспечение можно рассматривать не только как систему, но также и как динамично развивающийся процесс, т. е. комплекс взаимосвязанных функциональных видов деятельности, сопровождающий выполнение функций участников воспроизводственного цикла. В ходе этого процесса постоянно взаимодействуют производители, посредники (продавцы), потребители продовольствия, а также органы государственной и местной власти, обеспечивающие доступность населению качественных продуктов питания по научно обоснованным нормам. Функциональная структура системы продовольственного обеспечения населения (по принципиальной схеме А. А. Колесняк) [2] отображена на рисунке 2.

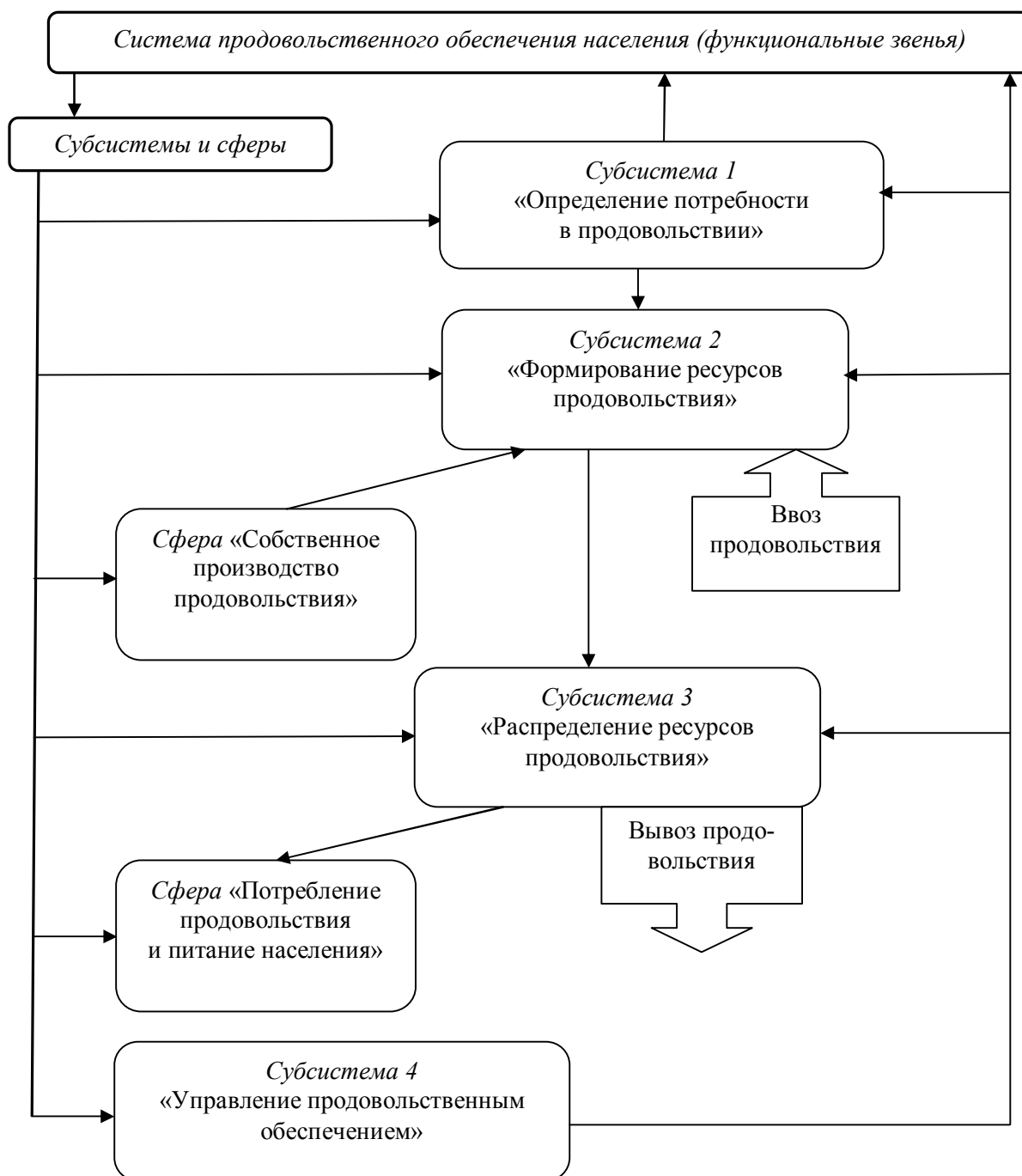

Рис. 2. Функциональная структура системы продовольственного обеспечения населения территории

Предпосылками количественных параметров всей системы, наряду с прочими движущими силами, являются главные факторы: параметры спроса на продовольствие и установленные медицинские нормы потребления продуктов в границах данной территории (с учетом заданных условий жизнедеятельности).

В научном сообществе продовольственное обеспечение населения рассмат-

ривается в основном через призму связанных с ним проблем: либо как функция в составе проблемы развития АПК [4; 5; 6], либо как проблема организации и функционирования рынка продовольствия и снабжения населения продуктами [7; 8; 9; 10], либо как фактор продовольственной безопасности государства [11; 12; 13; 14; 15].

Безусловно, вопросы методологии качественной и количественной оценки

категорий «продовольственная безопасность» и «продовольственное обеспечение» имеют стратегическое значение для системы государственного и муниципального управления. Данные вопросы довольно широко рассмотрены в работах многих исследователей [4; 7; 16; 17; 18; 19].

Обзор научных публикаций по данной проблеме позволил заключить, что главным критерием качественной и количественной оценки уровня продовольственной безопасности страны выступает стабильность обеспечения граждан доступным продовольствием в достаточном объеме. Это предполагает соответствующий уровень доходов граждан и уровень цен на продукты питания, гарантирующих людям как физическую, так и экономическую доступность продовольствия.

Анализ специальных публикаций свидетельствует о наличии в научном сообществе различных методов оценки состояния системы продовольственного обеспечения. Общим является лишь вы-

вод относительно исчисления исходных, базовых индикаторов: уровня потребления населением продовольствия, уровня продовольственного обеспечения и уровня продовольственного самообеспечения. При этом методы расчета данных показателей исследователи определяют по-разному.

Поскольку систему продовольственного обеспечения мы представляем в виде ряда функциональных блоков-субсистем (см. рис. 2), то показатели должны, во-первых, характеризовать каждую отдельную субсистему, во-вторых, давать оценку состояния всей системы в целом. Исходя из этого, для количественной оценки состояния системы продовольственного обеспечения целесообразно использовать абсолютные и относительные индикаторы, которые составляют целостную систему оценочных показателей и характеризуют задачи продовольственного обеспечения и его функциональные звенья [4] (табл.).

Показатели, предлагаемые для оценки состояния системы продовольственного обеспечения российских регионов в разрезе отдельных субсистем (отчетный период оценивания – год)

Субсистемы	Абсолютные показатели (А)	Относительные показатели (О),
1. Определение потребности в продовольствии	А 1.1. Объем располагаемых ресурсов домашних хозяйств региона по группам населения, тыс. руб.	О 1.1. Фактический объем располагаемых ресурсов домашних хозяйств региона по группам населения к среднероссийскому уровню, %
	А 1.2. Объем потребления продовольствия в расчете на 1 жителя региона, тыс. руб.; кг	О 1.2. Фактический объем потребления продовольствия в расчете на 1 жителя региона к рациональной норме душевого потребления, %
	А 1.3. Среднесуточная калорийность рациона питания человека, ккал	О 1.3. Фактическая среднесуточная калорийность рациона питания человека к нормативной калорийности, %
	А 1.4. Количество белков, жиров, углеводов, витаминов, макро- и микроэлементов, потребляемых жителем региона в среднем в сутки, мг	О 1.4. Фактическое количество белков, жиров, углеводов, витаминов, макро- и микроэлементов, потребляемых жителем региона в среднем в сутки, к рациональной норме, %
	А 1.5. Индекс потребительских цен на продукты питания в регионе, %	О 1.5. Индекс потребительских цен на продукты питания в регионе к среднероссийскому, %

Продолжение табл.

Субсистемы	Абсолютные показатели (А)	Относительные показатели (О),
2. Формирование ресурсов продовольствия	А 2.1. Объем запасов продовольствия в регионе на начало года (по видам продуктов), тыс. тонн (яйцо – млн штук)	О 2.1. Фактический объем запасов продовольствия в регионе на начало года (по видам продуктов) к нормативному объему запасов, %
	А 2.2. Объем производства сельскохозяйственной и рыбной продукции, сырья и продовольствия в регионе, тыс. тонн (яйцо – млн штук)	О 2.2. Обеспеченность продовольствием по калорийности за счет местного производства, %
	А 2.3. Объем ввоза сельскохозяйственной и рыбной продукции, сырья и продовольствия в регион, тыс. тонн (яйцо – млн штук)	О 2.3. Объем ввоза сельскохозяйственной и рыбной продукции, сырья и продовольствия в регион к общим ресурсам продовольствия в регионе, %
3. Распределение ресурсов продовольствия	А 3.1. Объем производственного потребления, тыс. тонн	О 3.1. Объем производственного потребления к общим ресурсам продовольствия, %
	А 3.2. Объем потерь, тыс. тонн	О 3.2. Объем потерь к общим ресурсам продовольствия, %
	А 3.3. Объем вывоза сельскохозяйственной и рыбной продукции, сырья и продовольствия из региона, тыс. тонн (яйцо – млн штук)	О 3.3. Объем вывоза сельскохозяйственной и рыбной продукции, сырья и продовольствия из региона к общим ресурсам продовольствия, %
	А 3.4. Объем личного потребления, тыс. тонн	О 3.4. Объем личного потребления к общим ресурсам продовольствия, %
	А 3.5. Объем и ассортимент продовольствия, реализуемого в секторах розничного и общественного потребления, тыс. тонн	О 3.5. Объем реализованного продовольствия и его ассортимент к объему потребности населения, %
	А 3.6. Объем и структура приобретения продовольствия разными категориями населения, тыс. тонн	О 3.6.1. Объем приобретенного продовольствия и его структура к нормативным, %
		О 3.6.2. Средний душевой доход, расходуемый на питание, к стоимости минимальной продовольственной корзины по минимальным нормам в регионе, %
О 3.6.3. Стоимость фактического рациона к стоимости нормативного рациона, %		
А 3.7. Объем запасов продовольствия в регионе на конец года (по видам продуктов), тыс. тонн (яйцо – млн штук)	О 3.7. Фактический объем запасов продовольствия в регионе на конец года (по видам продуктов) к нормативному объему запасов, %	

Окончание табл.

Субсистемы	Абсолютные показатели (А)	Относительные показатели (О),
4. Управление продовольственным обеспечением	А 4.1. Объем запасов продовольствия в регионе в рамках государственного материального резерва, тыс. тонн (яйцо – млн штук)	О 4.1. Фактический объем запасов продовольствия в регионе в рамках государственного материального резерва к нормативному объему запасов, %
	А 4.2. Объем финансовой поддержки (из средств регионального бюджета) производителей сельскохозяйственной и рыбной продукции, сырья и продовольствия в расчете на рубль реализованной продукции, тыс. руб.	О 4.2. Объем финансовой поддержки (из средств регионального бюджета) производителей сельскохозяйственной и рыбной продукции, сырья и продовольствия в расчете на рубль реализованной продукции к объему ВРП, %

Использование представленных показателей позволит уполномоченным государственным и муниципальным органам проводить более полную и объективную оценку системы продовольственного обеспечения региона, своевременно обнаруживать причины недостаточности, выявлять возможные резервы преодоления дефицитов и оперативно адаптировать систему продовольственного обеспечения к условиям среды. Также необходимо формировать и накапливать базу информации, чтобы иметь возможность выполнять оценку и анализ динамики всех показателей.

Необходимо еще раз подчеркнуть, что рассматривать продовольственную безопасность в качестве функции отдельного региона нецелесообразно, поскольку это противоречит статусу региона как субъекта единого экономического пространства страны, не «вписывается» в режим разделения регионов по природным и экономическим условиям, а также не способствует созданию условий для роста уровня эффективности и конкурентоспособности российского агропромышленного производства.

Итак, продовольственная безопасность и продовольственное обеспечение –

системные, динамичные явления. Продовольственная безопасность относится к категориям общегосударственного, национального уровня, в то время как продовольственное обеспечение – к любому уровню хозяйствования и управления. Процесс продовольственного обеспечения непрерывен, перманентен, постоянно уточняется, корректируется; система продовольственного обеспечения открыта, нестабильна, подвержена влиянию волатильности окружающей среды, периодически претерпевает структурные изменения. В то же время продовольственное обеспечение отдельных регионов выступает как фактор достижения продовольственной безопасности всей страны, и для более высокой эффективности управления этими процессами уполномоченным структурам необходимо «вооружение» действенными методами и инструментами управления, в том числе научно обоснованными методами качественной и количественной оценки параметров продовольственного обеспечения и продовольственной безопасности. В целом, важно, чтобы на всех уровнях хозяйствования в полной мере воплощались все функции управления – от организации, учета, планиро-

вания и прогнозирования до контроля и анализа.

Список литературы

1. Аганбегян А. Г. Нужна ли России смена парадигмы социально-экономического развития? // Экономическая политика. 2012. № 6. С. 54–66.

2. Rome Declaration on World Food Security [Electronic resource]: [13–17 november 1996, Rome, Italy]. URL: <http://www.fao.org/docrep/003/W3613E/W3613E00.HTM> (дата обращения: 01.07.2018).

3. Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]: указ Президента РФ от 30.01.2010 № 120. URL: <http://base.garant.ru/12172719/> (дата обращения: 01.07.2018)

4. Колесняк А. А. Продовольственное обеспечение: региональный аспект. М.: ООО «НИПКЦ Восход-А», 2007. 219 с.

5. Милосердов В. В., Беспяхотный Г. В. Региональное планирование развития сельского хозяйства. М.: Экономика, 1982. 215 с.

6. Федотова Г. В., Сибагатулина Л. М. Зависимость агропромышленного комплекса от экономического развития страны // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2015. № 4 (17). С. 50–54.

7. Чупрякова А. Г., Косинский П. Д. Продовольственное обеспечение населения промышленного региона: проблемы и перспективы // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 12, ч. 1. С. 109–113.

8. Федотова Г. В., Сибагатулина Л. М. Совершенствование инструментария государственной аграрной политики // Известия Юго-Западного государ-

ственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2017. Т. 7, № 2(23). С. 35–42.

9. Бондарева Г. С. Продовольственное обеспечение населения: понятие, сущность и структура // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 3(55), ч. 1. С. 235–238.

10. Колесняк И. А., Колесняк А. А. Система продовольственного обеспечения региона: проблемы и перспективы её развития: монография. Красноярск: Изд-во КрасГАУ, 2014. 234 с.

11. Алтухов А. И. Регион в системе обеспечения продовольственной безопасности страны: методологический аспект // Агропродовольственная политика России. 2016. № 2(50). С. 2–7.

12. Гумеров Р. Р. Продовольственная безопасность России: проблемы и угрозы // ЭКО. 2016. № 5(503). С. 71–88.

13. Кучумов А. В., Воробьева Е. С. Продовольственное обеспечение регионов как основа продовольственной безопасности России. М.: Инфра-М, 2018. 160 с.

14. Милосердов В. В. Продовольственная безопасность: причины и задачи по ее обеспечению // Агропродовольственная политика России. 2014. № 8(32). С. 2–9.

15. Продовольственная независимость России: монография: в 2-х т. Т. 1 / А. И. Алтухов, В. А. Афанасьев, А. К. Батулин [и др.]. М.: ООО «Технология ЦД», 2016. 560 с.

16. Громов И. А. Экспертная оценка угроз экономической безопасности региона (на примере Санкт-Петербурга) // Вестник НГИЭИ. 2016. № 11 (66). С. 49–58.

17. Балдов Д. В. Продовольственная безопасность России и других стран по оценке Economist Intelligence Unit // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2017. Т. 6, № 2(19). С. 30–34.

18. Гумеров Р. Р. Как обеспечить продовольственную безопасность страны // Российский экономический журнал. 1997. №9. С. 57–69.

19. Модебадзе Н. П. Оценка продовольственной безопасности // АПК: экономика, управление. 1997. № 12. С. 3–7.

Поступила в редакцию 28.07.18

UDC 338.242

A. A. Kolesnyak, Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Krasnoyarsk State Agrarian University (Krasnoyarsk, Russia) (e-mail: kolesnyak.antonina@yandex.ru)

N. M. Polyanskaya, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Buryat State University (Ulan-Ude, Russia) (e-mail: natali_mz@mail.ru)

I. A. Kolesnyak, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Russian Economic University named after G.V. Plekhanov (Moscow, Russia) (e-mail: igorkolesnyak@mail.ru)

FOOD SECURITY AND FOOD PROVISION: CONCEPT AND EVALUATION

The quality of food provision affects the level of food and national security of the state. Therefore, food resources are strategically important. In this regard, the food issue is considered as one of the priority. Food provision, as a systematically organized process, is an object of management and needs an assessment of the state and development. State and municipal authorities need to use certain indicators to manage effectively. These indicators allow for a more complete and objective assessment of the region's food provision system, timely identify the causes of deficiency, identify possible reserves to overcome deficits and quickly adapt the food provision system to changing conditions.

In this article, the concepts of food security and food provision are examined and an attempt is made to systematize the principal methodological approaches to their assessment. The main theoretical, methodological and applied positions are presented: the substantiation of a category of food maintenance as systematically organized structural education is given, is shown the functional and institutional structure of the food supply system for the population, the complex of estimated indicators for measuring the parameters of the state and development of the food supply system for the population of the Russian regions is systematized.

In the context of functional links is shown grouping of absolute and relative indicators for the interrelated assessment of the state and development parameters of the food provision system for the population of the regions.

Key words: food security, state, agro-industrial complex, food provision of the population, methods of assessment, system.

For citation: Kolesnyak A. A., Polyanskaya N. M., Kolesnyak I. A. Food security and food provision: concept and evaluation. Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management, 2018, vol. 8, no. 3 (28), pp. 161–170 (in Russ.).

References

1. Aganbegyan A. G. Nuzhna li Rossii smena paradigmy social'no-ehkonomicheskogo razvitiya? Ehkonomicheskaya politika, 2012, no. 6, pp. 54–66.

2. Rome Declaration on World Food Security: [13–17 november 1996, Rome, Italy]. URL: <http://www.fao.org/docrep/003/W3613E/W3613E00.HTM> (accessed 01.07.2018).

3. Ob utverzhdenii Doktriny prodovol'stvennoj bezopasnosti Rossijskoj Federacii: ukaz Prezidenta RF ot 30.01.2010 No 120. URL: <http://base.garant.ru/12172719/> (accessed 01.07.2018).

4. Kolesnyak A. A. Prodovol'stvennoe obespechenie: regional'nyj aspekt. Moscow, OOO "NIPKC Voskhod-A", 2007. 219 p.

5. Miloserdov V. V., Beshpatnyj G. V. Regional'noe planirovanie razvitiya

sel'skogo hozyajstva. Moscow, Ehkonomika Publ., 1982. 215 p.

6. Fedotova G. V., Sibagatulina L. M. Zavisimost' agropromyshlennogo kompleksa ot ehkonomicheskogo razvitiya strany. Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Jekonomika. Sociologija. Me-nedzhment, 2015, no. 4 (17), pp. 50–54.

7. Chupryakova A. G., Kosinskij P. D. Prodovol'stvennoe obespechenie naseleniya promyshlennogo regiona: problemy i perspektivy. Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnyh i fundamental'nyh issledovanij, 2016, no. 12, pt. 1, pp. 109–113.

8. Fedotova G. V., Sibagatulina L. M. Sovershenstvovanie instrumentariya gosudarstvennoj agrarnoj politiki. Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Jekonomika. Sociologija. Me-nedzhment, 2017, vol. 7, no. 2(23), pp. 35–42.

9. Bondareva G. S. Prodovol'stvennoe obespechenie naseleniya: ponyatie, sushchnost' i struktura. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta, 2013, no. 3(55), pt. 1, pp. 235–238.

10. Kolesnyak I. A., Kolesnyak A. A. Sistema prodovol'stvennogo obespecheniya regiona: problemy i perspektivy eyo razvitiya. Krasnoyarsk, KrasGAU Publ., 2014. 234 p.

11. Altuhov A. I. Region v sisteme obespecheniya prodovol'stvennoj bezopasnosti strany: metodologicheskij aspekt. Ag-

roprodovol'stvennaya politika Rossii, 2016, no. 2(50), pp. 2–7.

12. Gumerov R. R. Prodovol'stvennaya bezopasnost' Rossii: problemy i ugrozy. EHKO, 2016, no. 5(503), pp. 71–88.

13. Kuchumov A. V., Vorob'eva E. S. Prodovol'stvennoe obespechenie regionov kak osnova prodovol'stvennoj bezopasnosti Rossii. Moscow, Infra-M Publ., 2018. 160 p.

14. Miloserdov V. V. Prodovol'stvennaya bezopasnost': prichiny i zadachi po ee obespecheniyu. Agroprodovol'stvennaya politika Rossii, 2014, no. 8(32), pp. 2–9.

15. Altuhov A. I., Afanas'ev V. A., Baturin A. K., eds. Prodovol'stvennaya nezavisimost' Rossii. Vol. 1. Moscow, OOO "Tekhnologiya CD", 2016. 560 p.

16. Gromov I. A. Ehkspertnaya ocenka ugroz ehkonomicheskoy bezopasnosti regiona (na primere Sankt-Peterburga). Vestnik NGIEHI, 2016, no. 11 (66), pp. 49–58.

17. Baldov D. V. Prodovol'stvennaya bezopasnost' Rossii i drugih stran po ocenke Economist Intelligence Unit. Azimut nauchnyh issledovanij: ehkonomika i upravlenie, 2017, vol. 6, no. 2(19), pp. 30–34.

18. Gumerov R. R. Kak obespechit' prodovol'stvennuyu bezopasnost' strany. Rossijskij ehkonomicheskij zhurnal, 1997, no. 9, pp. 57–69.

19. Modebadze N. P. Ocenka prodovol'stvennoj bezopasnosti. APK: ehkonomika, upravlenie, 1997, no. 12, pp. 3–7.

УДК 316.65

А. П. Абрамов, д-р социол. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: abramov_ap@inbox.ru)

Л. Цзе, аспирант, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: liuzeaimama@126.com)

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ КИТАЙСКОЙ СЕМЕЙНОЙ ТРАДИЦИИ

В статье раскрываются особенности социокультурной трансформации китайской семейной традиции. Приводятся данные официальной статистики и результаты социологических исследований последних десятилетий XX века по проблемам семьи и брака, традиционным и новым культурным практикам социального взаимодействия различных поколений. Отмечается, что благодаря открытости современного Китая к реформам и преобразованиям в экономике и социальной сфере происходят изменения в социальной структуре общества и, прежде всего, в институте семьи. В результате неизбежно возникает идеологический и культурный плюрализм по вопросам ценностей брака. Сама семья наполняется в отношениях между супругами новым содержанием. Увеличение разрыва в доходах между супругами приводит к нарастанию экономических и культурных противоречий в семье, а также создает предпосылки для расторжения брака. Общая тенденция изменений в концепции брака и семьи представлена в четырех характеристиках супружеских отношений. Они стали более разнообразными, терпимыми, практичными, равными. Сложившаяся традиционная модель супружеских отношений в современном Китае все чаще стала оспариваться открытыми и свободными выборами современной молодежи. Альтернативные выборы молодежи конструируются исходя из следующих теоретических концептов: «аналогичная теория совпадений» (теория гомогенного сопоставления); «теория обмена ресурсами»; «теория градиента супруга». В результате проведенных аналитических процедур авторы приходят к выводу, что в традиционном контексте факторами, которые поддерживают брак, являются в основном экономические зависимости, семейная этика и моральные ограничения. Эти факторы способствуют поддержанию более стабильных отношений между мужем и женой. В китайской традиции настоящая любовь – это не только сочетание страсти, но и моральная ответственность людей.

Ключевые слова: Китай, семья, браки, разводы, внебрачные отношения, традиции,

Ссылка для цитирования: Абрамов А. П., Цзе Л. Социокультурная трансформация китайской семейной традиции // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2018. Т. 8, № 3 (28). С. 171–180.

Социальный институт семьи с конца XX века, по мнению многих исследователей со всего мира, подвергся существенной культурной трансформации [1], а социокультурный подход к его изучению стал исходной базовой концепцией для его научного изучения [2].

Во все времена семья являлась ячейкой общества, а семейные отношения, образованные браком, становились основой социальных взаимодействий между мужчинами и женщинами. В древнем Китае большая часть браков требовала обязательного участия в семейной жизни старших и использования родительского опыта. В результате многие красивые любовные романы между молодыми людьми быстро заканчивались, и супру-

жеские пары распались, поскольку они оказывались беспомощны перед возникающими трудностями и не могли разрешить ни одну важную семейную проблему самостоятельно. Молодые пары подавляют свои эмоции и чувства друг к другу в интересах старших поколений – своих отцов и матерей. Родители, в свою очередь, ратуют за то, чтобы женщины находились во власти своих мужей и отцов.

Благодаря открытости современного Китая к реформам и преобразованиям в экономике и социальной сфере происходит изменение культурных практик семейной жизни. В результате неизбежно возникает идеологический и культурный плюрализм по вопросам ценностей брака.

Сама семья наполняется в отношениях между супругами новым содержанием. Согласно последним данным Китай находится в четвертом сингловом буме с большими гендерными дисбалансами по всей стране, когда почти 200 млн человек выбирают одинокую жизнь. Так, только количество активных одиноких женщин составляет более 58 млн человек.

По официальным данным, в 2016 г. в г. Сучжоу (провинция Цзянсу) было зарегистрировано в общей сложности 8097 браков и 18004 разводов. По сравнению с 2015 г. количество зарегистрированных браков сократилось на 7876, а регистрация разводов увеличилась на 1120, т. е. на 37,4% больше. В первой половине 2017 г. в стране насчитывалось 5,38 млн молодых семей, в то же время количество разведенных пар составило 1,85 млн семей [3].

В 2007 г. в Китае был зафиксирован пик браков после 80-х годов XX века. Однако в основном это были семьи с одним ребенком. По итогам 2014 г. обозначилась отрицательная динамика за последние 90 лет по количеству зарегистрированных браков.

Единственный ребенок в семье, забирая на себя всю любовь обоих родителей, не знал, как нужно самому любить других. Многие молодые люди с единственным ребенком ошибочно полагают, что страсть – это любовь, а чувство – это эмоция. Когда страсть и эмоции исчезают, брак, как правило, распадается. Соотношение числа браков и разводов в Китае за десятилетие до 2016 г. представлено на рисунке 1.

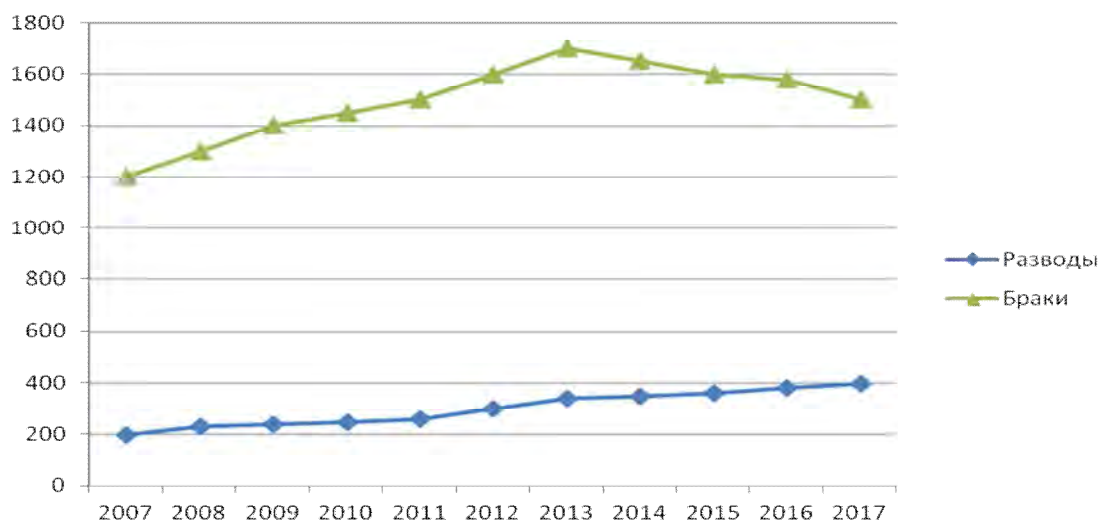

Рис. 1. Соотношение числа браков и разводов в Китае за 2007–2016 гг.

Социологи изучили тенденции современных браков в Китае и получили соответствующие результаты. Сюй Шенгнан представила отношение современной молодежи к любви и браку от аспектов, касающихся отбора будущих матерей молодыми людьми до степени готовности вступить в сексуальные отношения. Исследователь пришла к выводу,

что отношение современных молодых людей к браку в Китае сильно изменилось: стандарт отбора матерей имеет тенденцию быть прагматичным; в способе выбора матерей проявляется все большая автономия; степень сексуальной открытости перемещается с поверхности на более глубокие слои, а добрачные половые отношения показывают тенденцию к ро-

сту. Специализированные сайты онлайн-знакомств в социальных сетях фиксируют требования современной молодежи к качеству и стабильности брака. Отношение к внебрачным связям показывает нарастающую динамику толерантности [4].

Другой китайский социолог Сунь Цюян полагает, что трансформационные процессы в социально-экономической системе оказывают существенное влияние на современную китайскую семью, в первую очередь отражаясь в экономической и профессиональной дифференциации ее членов семей.

Увеличение разрыва в доходах между супругами приводит к нарастанию экономических и культурных противоречий в семье, а также создает предпосылки для расторжения брака [5].

В ходе конфликта между китайской и западной культурой, старыми и новыми идеологиями изменились и взгляды на традиционные ценности китайской семьи. Равенство между супругами, конкурентоспособность, субъективная осведомленность стали признаваться беспрецедентно. Ценности общества потребления проникли в семейные отношения, а реализация своих личных потребностей стала доминировать и в семье. Концепция «семейных интересов в первую очередь» стала идеологической основой современного брака. Такая фундаментальная трансформации в концепции брака привела к изменениям в отношениях детей и родителей, к вопросам рождаемости, материнства, сексуальности, к разводам и неоднозначных оценочных суждений разных поколений о семье и браке.

Общая тенденция изменений в концепции брака и семьи может быть выражена в четырех характеристиках супружеских отношений. Они стали более разнообразными, терпимыми, практичными, равными.

Конкретное воспроизводство таких взаимодействий стало выражаться в сле-

дующих четырех аспектах: во-первых, люди стали стремиться не только к романтической любви, но и качеству брака, эмоций и импровизаций стало меньше; во-вторых, положение женщин улучшилось в браке (поднялся их социальный статус); в-третьих, утилитаризм начал проникать в семейные отношения, что отрицательно сказалось на браке; в-четвертых, семейная жизнь после урбанизации в сельских районах стала такой же, как и в городских поселениях [6, с. 5].

К чему привели такие изменения?

Согласно «Статистическому коммюнике о развитии социальных услуг», опубликованному министерством гражданских дел, с 2013 по 2016 г. число браков в Китае сокращалось из года в год: с 9,92% в 2013 г. до 8,3% в 2016 г. В 2014 г. число зарегистрированных браков в Китае составляло всего 11,428 млн, что на 3% меньше, чем в предыдущем году.

В дополнение к снижению общего количества браков в Китае изменился и возраст вступления в брак. За одиннадцать лет, с 2005 по 2015 г., доля лиц, вступивших в брак в возрасте 20–24 лет, снизилась с 47% до 26,3%, а доля лиц в возрасте 40 лет и старше выросла с 3,9% до 16,2%. Среди них число граждан, которые регистрировали браки в возрасте от 20 до 24 лет в 2007 г., составляло наибольшую долю от общего числа семейных пар, на которые приходилось 39,2%, в возрасте 25–29 лет – 34,8% и в возрасте 30–34 лет – 10,8%. В 2012 г. число граждан, зарегистрировавших брак в возрасте от 20 до 24 лет, составляло самую весомую долю от всех супружеских пар – 35,5%.

Вместе с тем из года в год стала наблюдаться тенденция к увеличению количества регистрируемых браков гражданами в возрасте 25–29 лет [7]. В 2015 г. число таких браков составляло более 39%. Возрастное распределение зарегистрированных браков в 2015 г. представлено на рисунке 2.

В 2016 г. зарегистрировано 11,38 млн браков, что на 6,7% меньше, чем в предыдущем году. По-прежнему большинство браков регистрировалось в возрасте 25–29 лет и составляло наибольшую долю от общего числа семейных пар, составив 38,2%. Кроме того, средний возраст людей, впервые вступающих в брак, в большинстве провинций и городов Китая достиг 30 лет и более. Например, в провинции Цзянсу в 2017 г. средний возраст первого брака составлял 34,2 года, в том числе 34,3 года для женщин и 34,1 года для мужчин, в то время как в

2012 г. средний возраст первого брака в этой провинции составлял 29,6 года, а в 2015 г. – и 32,4 года.

В 2017 г. в провинции Шэньси было зарегистрировано 303 557 браков, при этом средний возраст брачующихся мужчин составлял 30,6 года, женщин – 28,8 лет. Согласно официальной статистике, возраст вступающих в первый брак, кроме провинций Цзянсу и Шэньси, также увеличился в Гуандуне, Шанхае и других местах [3]. Статистика разводов в крупных городах Китая в 2017 г. представлена на рисунке 3.

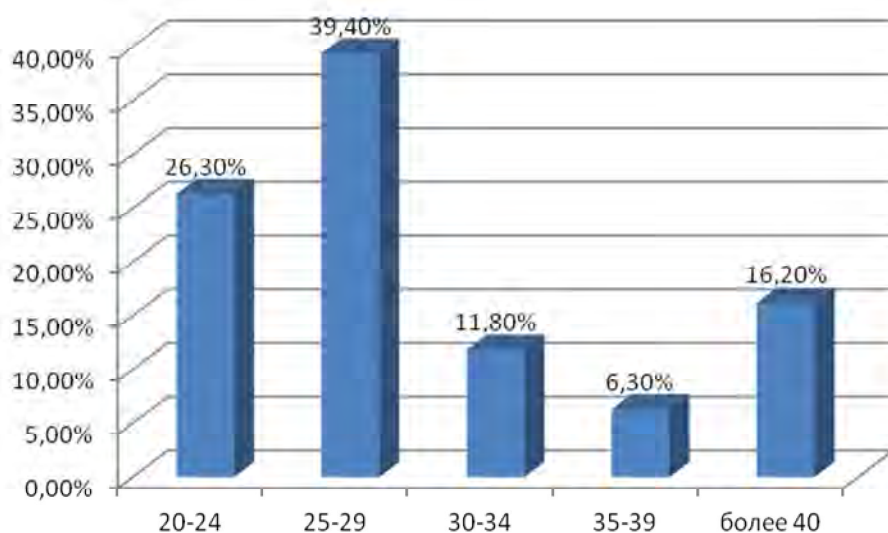

Рис. 2. Возрастное распределение зарегистрированных браков в 2015 г.

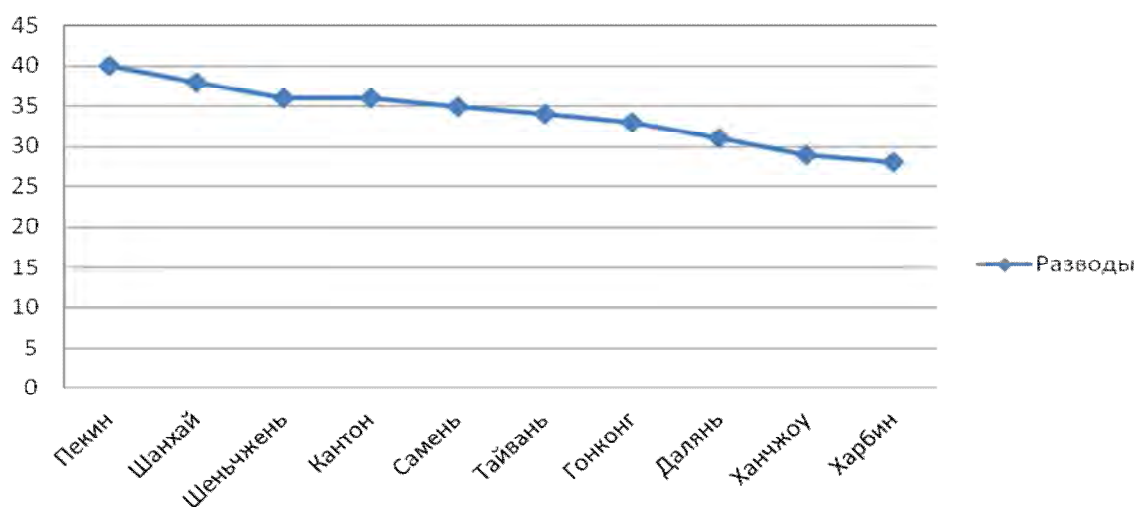

Рис. 3. Статистика разводов в крупных городах Китая в 2017 г. (на 100 супружеских пар) [3]

За десять лет (с 2007 по 2016 г.) число разводов среди супружеских пар в Китае составило 30,628 млн, совокупный темп роста составил 98,1%. Так, в 2015 г. было зарегистрировано 3,85 млн разводов, что на 5,6% больше, чем в предыдущем году. Подавляющее большинство расторгнутых браков (3,15 млн) зарегистрировано в отделе по гражданским делам и 700 тыс. пар развелись в суде.

В качестве основных причин нарастающей динамики распада семей и количества разводов сказались последствия реформ 1980-х гг.

В 2016 г. было зарегистрировано еще большее количество разводов – 4,188 млн. В глазах молодых людей стабильность в браке не стала главной целью супружеских отношений. Брак и счастье – это не всегда то, что преследуют молодые люди, создавая семью. Из числа детей, родившихся после 1980 г., 37,82% развод воспринимают как вполне нормальное явление. Когда чувства обоих супругов пропали, брак стал существовать только формально, при этом 35,75% семей считали развод не самым мудрым выбором. 22,80% супружеских пар никогда не откажутся от брака, если в семье есть дети.

Вместе с тем после 80-х годов прошлого века семьи с единственным ребенком попали в группу риска в отношении перспектив развода.

Согласно статистическим данным, в 2006 г. в Пекине было обследовано 24952 разведенных пар, из которых каждая пятая была в браке менее трех лет, 970 разведенных пар – менее одного года брака и 52 пары были женаты менее одного месяца. Эту огромную группу разведенных семей (более 90%) составили люди, родившиеся в 80-е годы прошлого века [8].

Родители традиционно пытаются вмешиваться в жизнь своих детей и привычно используют свой собственный опыт построения семейных отношений. В китайских семьях по-прежнему наблюдается снижение роли матери, когда прину-

дительный брак также принимается, особенно при рождении детей.

Общая тенденция, связанная с увеличением после распада семей числа одиноких мужчин и женщин в городских и сельских районах, а также появление значительного количества никогда не состоящих в браке одиноких людей, все более тревожит будущих мужей относительно выбора будущих жен и матерей. Место и роль супругов в будущей семейной жизни отличаются определенной степенью восприятия разными китайскими поколениями, различными, иногда противоречивыми, суждениями по поводу семейных ценностей. Стандарты отбора супругов варьируются от поколения к поколению, и ориентация людей на ценности брака того или иного поколения также меняется.

По достижении брачного возраста будущий муж начинает задумываться о семье, о браке, о рождении детей. Молодежь более эгоцентрична, не задумывается о сроках брачного возраста и больше внимания уделяет пусть и небольшому, но своему личному опыту построения отношений в рамках своей субкультуры. При этом исполняемые ими социальные роли весьма подвижны.

В современных социально-экономических условиях мужчины в качестве преимуществ определяют свой профессиональный статус и уровень доходов, в то время как женщины используют свои физические характеристики, доброту и красоту.

Основной спектр противоречий между поколениями в нынешней китайской социальной семье в основном проявляется в браке. С другой стороны, у разных поколений есть разные отправные точки при выборе супруга. Сложившаяся традиционная модель супружеских отношений в современном Китае все чаще стала оспариваться открытыми и свободными выборами современной молодежи. Альтернативные выборы молодежи кон-

струируются исходя из следующих теоретических концептов:

- «аналогичная теория совпадений» (теория гомогенного сопоставления);
- «теория обмена ресурсами»;
- «теория градиента супруга».

Теория гомогенного сопоставления была впервые предложена американским социологом Уильямом Дж. Гудом. Он считает, что на ранних этапах добрачных отношений оба будущих супруга обязательно будут учитывать свои сходные социальные позиции (сходный или похожий социальный статус). Чем больше совпадений, тем надежнее и стабильнее будущий брак, тем он более защищен. Такая парадигма гомогенного сопоставления очень похожа на концепцию традиционного китайского общества «от двери до двери», где оба будущих супруга учитывают свои стратификационные позиции при заключении брака. Подобная теория более применима к периоду, когда социальные изменения незначительны, мобильность и стратификационные различия минимизированы.

Традиционное китайское общество рассматривает патриархальную систему ценностей как основу супружеских отношений, мужскую силу как культурное ядро семьи, понятие сыновнего благочестия между поколениями является определяющим, а старшинство в семье четко обозначено. В такой модели отпрыск зависит от отца.

После реформ 80-х годов прошлого века более 40% детей достигли более высокого социального статуса по сравнению со своими родителями. Размылись границы между основными социальными группами в социальной структуре общества. Изменения в экономической системе, культурная трансформация общественных отношений оказали глубокое влияние на социальную структуру и механизм функционирования семьи.

В современном высокоразвитом городском обществе Китая социальное раз-

витие диверсифицировано, и все аспекты внутренней адаптации социальной структуры подверглись огромным испытаниям экономического роста. Сторонники рыночных преобразований полагают, что рынок нарушил старый иерархический порядок и предоставил честные конкурентные возможности для всех членов общества, в том числе и в выборе супругов [9].

У молодого поколения появилось более свободное и романтическое видение брака, чем копирование модели семьи своих родителей. Некоторые исследователи использовали данные переписи 2000 г., чтобы доказать, что после 1980-х гг. образовательный паритет между мужчинами и женщинами в браке показал тенденцию к быстрому росту [10].

Люди в своих суждениях отмечали свою «однородность» при заключении браков, когда социальные и экономические атрибуты постепенно заменили «иерархию» как основной решающий фактор при заключении браков [11].

Другая концепция – «теория обмена ресурсами» – утверждает, что у привлекаемой к браку стороне не хватает определенных ресурсов, в то время как другая сторона может предоставить еще один вид ресурсов в качестве компенсации. Этическая культура родителей играет важную роль в семейной жизни детей, где семья представляет собой атмосферу взаимного комфорта между супругами и при взаимодействии с другими людьми. При этом эмоциональные факторы играют существенную роль и имеют положительную корреляцию со стабильностью брака [12].

Младшее поколение дает более широкую интерпретацию теории обмена ресурсами и диверсификации основных семейных ценностей. Благодаря обогащению духовной жизни новыми культурными практиками и изобилию предлагаемых материальных благ у людей появ-

ляются свои преимущества и недостатки при заключении браков.

Теория обмена предлагает определенную рациональность в балансе интересов будущих супругов [13]. С развитием информационных технологий и распространением социальной информации меняются формы взаимодействия людей с внешним миром. Люди все менее привязываются к своему региону со своей спецификой материальной и духовной культуры. Пожелания людей распространяются относительно ценностей плюрализма и утилитаризма. Для некоторых брак становится лифтом для завоевания славы и достижения удачи. Некоторая часть молодежи, родившаяся после 80-х годов XX века, более склонна рассматривать брак как способ изменить свой статус-кво и создать лучшую жизнь.

П. Цзянь полагает, что существует разрыв между ожиданием и конкретным выбором брака. Неточность самопозиционирования в браке приводит к трудностям выбора будущих супругов [13].

Другая концепция «Mate Gradient» означает, что женщины при выборе спутника жизни склонны выбирать одинаковый уровень образования, зарплаты и социального статуса, чем их собственный, а мужчины будут выбирать женщин, чьи личные условия ниже их достижений [14].

Брак, соответствующий модели «мужчина главнее женщины» [15], фактически означает доминирование мужчины как хозяина дома и разделение семейных обязанностей, где женщине отводится второстепенная подчиненная роль. Как только гендерная социальная идентичность нарушается, стандартный выбор супругов обречен на изменение.

Тенденция к восходящей социальной мобильности по отношению к своим родителям заставляет людей более тщательно относиться к выбору супругов. С ростом урбанизации все большее количество людей стало избавляться от своих земельных наделов и полагаться на свои

собственные навыки, чтобы зарабатывать себе на жизнь, работая вне семейных домашних хозяйств. Мужчины обычно выбирают в качестве потенциальных супругов женщин, имеющих более низкий, чем у них самих, социальный статус. С другой стороны, выходя замуж, женщины склонны выбирать мужчин с более высоким социальным статусом, чем они сами.

Чен Фанг считает, что большинство женщин, родившихся в 80-е годы и получивших высшее образование, стремятся построить свою собственную карьеру и не желают заниматься утомительными домашними делами. Результатом изменения положения женщин и изменения их профессиональных ролей после 80-х годов XX века стали новые социальные роли: «женщины пожилого возраста» и «сильные женщины» [16].

Когда мужчины и женщины стали одинаково представлены во всех профессиях и оказались на одном рабочем месте, разница в социальном статусе стала минимальна. У молодежи не стало мужского гендерного доминирования в выборе супругов, и отличия стали обозначаться лишь в экономическом плане.

Существенные изменения произошли и в межпоколенческой семейной этике. Диверсификация и вседозволенность по отношению к семье и браку отражены в концепции добрачного секса, оценке супружеского поведения и причинах развода [17].

Распространение добрачного секса после 1980-х гг. привело к ослаблению ответственности и ограничению только единственным ребенком в семье. Подобная современная тенденция делает брак все более отдаленным от счастья и не приводит к семейной гармонии, создавая условия к увеличению доли внебрачных отношений. Вместе с тем до 1977 г. только 2% респондентов, находящихся в супружеских отношениях, признались, что занимались сексом до брака [18].

В последние годы, несмотря на то, что социальная мораль до сих пор не поддерживает добрачный секс, он стал более распространенным. Так, например, данные опроса 2010 г. показали, что среди китайских супружеских пар после 80-х годов XX века доля сожителства до брака достигла 30% [7]. Возрастает толерантность молодежи к добрачному сексу и гражданскому браку [8]. Результаты всеобъемлющего социального обследования в Китае в 2013 г. зафиксировали, что лишь менее 20% добрачного сексуального поведения не были признаны [19].

В недалеком прошлом люди имели ограниченный круг общения и меньшее количество социальных контактов. Социальная мобильность привнесла новое социальное пространство и новые межличностные отношения с людьми.

По отношению к внебрачным отношениям единственные дети в семьях, родившиеся после 1980-х гг., более терпимы к внебрачным отношениям и супружеским изменам и готовы терпеть моральную критику и осуждение со стороны третьих лиц. Как показывают исследования китайских ученых, 50,16% разводов связаны с супружескими изменами. Из них 23,32% респондентов полагают, что могут терпеть измену; 36,79% отметили, что они никогда не предадут своих супругов; 24,35% допускают по различным соображениям неверность кого-либо из супругов; 9,33% опрошенных высказали суждение, что брак – это всего лишь форма и не может быть единых стандартов в оценке внебрачных отношений; 6,22% затруднились с ответом. Распределение 67% женщин, допустивших супружескую измену, по профессиональному признаку представлено следующим образом: учителя – 13,8%; врачи – 8,6%; секретари – 7,2%; дизайнеры – 6,1%. Самый высокий уровень измен характерен для китайских мужчин, занятых в области информационных технологий – 10,6%, в сфере финансовых услуг – 8,2%,

в образовании – 6,5%, в медицине – 4,6% и в юриспруденции – 3,8% [3].

В традиционном контексте факторами, которые поддерживают брак, являются в основном экономические зависимости, семейная этика и моральные ограничения. Эти факторы способствуют поддержанию более стабильных отношений между мужем и женой. В китайской традиции настоящая любовь – это не только сочетание страсти, но и моральная ответственность людей.

Список литературы

1. Абрамов А. П., Сапронов А. В. Российская семья: вчера и сегодня // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2015. № 1 (14). С. 88–95.
2. Абрамов А. П., Осадчая Г. И. Социокультурный подход к проблеме модернизации среднего специализированного военного образования: диалектика традиционного и современного // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2016. № 2 (16). С. 184–190.
3. Статистика разводов в Китае [Электронный ресурс]. URL: <http://chinapn.ru/statistika-razvodov-v-kitae/> (дата обращения: 02.04.2018).
4. 徐胜男.当代青年婚恋状况探析[J].中国青少年研究网. 2006. P. 25–27.
5. 孙秀艳.解读市场经济与当代妇女家庭地位.中共福建省委党校学报. 2004. No. 2. P. 38–42.
6. 徐安琪.中国婚姻质量研究.北京:中国社会科学出版社, 1999. P. 145–159.
7. 潘绥铭.中国情境中«性教育»理念的建构及其意义.中国人民大学性社会学研究所, 2011. P. 6–14.
8. 黄盈盈、潘绥铭.中国男人的多伴侣与性交易之间马太效应的实证研究.中国性科学. 2011. No. 05. P. 46–51.

9. Nee V. The Emergence of a Market Society: Changing Mechanisms of Stratification in China // American Journal of Sociology. 1996. No. 4. P. 908–949.

10. 李煜. 择偶中的教育匹配:50 年来的变迁. 中国人口科学. 2008. No. 03. P. 73–75.

11. 丁仁船. 我国城镇独生子女婚姻匹配状况研究[J]. 人口与发展. 2011. No. 01. P. 74–80.

12. 李文豪. 婚姻观的影响因素 - 以婚姻法司法解释 (三) 出台为契机. 中南大学, 2012. 55 p.

13. 杨兴亮. 社会转型期门当户对择偶观的选择偏好 社会交换理论视角下«剩女»现象浅析[J]. 社会工作(学术版). 2011. Vol. 04. P. 90–93.

14. 宋健. 婚配期望与选择中的独生子女属性[J]. 青年研究. 2015. No. 01. P. 11–19.

15. 徐安琪. 择偶标准: 五十年变迁及其原因分析[J]. 社会学研究. 2000. No. 06. P. 18–30.

16. 陈方. 中国 80 后婚恋价值观研究 [D]. 西南交通大学, 2009. 13 p.

17. 徐贵权. 道德理性、道德敏感与道德宽容. 探索与争鸣. 2006. No. 12. P. 55–57.

18. 本刊编辑部. 80 后的婚姻观: 离和不离与面子无关[J]. 人生与伴侣. 2009. No. 11. P. 17–23.

19. 杨善华、沈崇麟. 城乡家庭 市场经济与非农化背景下的变迁. 浙江人民出版社, 2000. P. 101–108.

Поступила в редакцию 18.07.18

UDC 316.65

A. P. Abramov, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: abramov_ap@inbox.ru)

L. Ze, Post-Graduate Student, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: liuzeaimama@126.com)

SOCIO-CULTURAL TRANSFORMATION OF THE CHINESE FAMILY TRADITION

The article reveals the peculiarities of the socio-cultural transformation of the Chinese family tradition. The data of official statistics and the results of sociological studies of the last decades of the twentieth century on the problems of family and marriage, traditional and new cultural practices of social interaction of different generations are given. It is noted that due to the openness of modern China to reforms and transformations in the economy and social sphere, there are changes in the social structure of society and, first of all, in the institution of the family. As a result, ideological and cultural pluralism inevitably arises on the value of marriage. The family itself is filled with new content in the relations between the spouses. The widening gap in incomes between spouses leads to an increase in economic and cultural contradictions in the family, and also creates prerequisites for divorce. The general trend of changes in the concept of marriage and family is presented in four characteristics of marital relations. They have become more diverse, tolerant, practical, equal. The existing traditional model of marital relations in modern China has increasingly been challenged by open and free elections of modern youth. Alternative youth elections are constructed on the basis of the following theoretical concepts: "analogous theory of coincidences" (homogeneous comparison theory); "the theory of the exchange of resources"; "the theory of the gradient of the spouse". As a result of the conducted analytical procedures, the authors come to the conclusion that in the traditional context, the factors that support marriage are mainly economic dependencies, family ethics and moral constraints. These factors contribute to maintaining a more stable relationship between husband and wife. In the Chinese tradition, true love is not only a combination of passion, but also the moral responsibility of people.

Key words: China, family, marriages, divorces, extramarital relations, traditions.

For citation: Abramov A. P., Ze L. Socio-cultural transformation of the chinese family tradition. Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management, 2018, vol. 8, no. 3 (28), pp. 171–180 (in Russ.).

References

1. Abramov A. P., Sapronov A. V. The Russian family: yesterday and today. Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management, 2015, no. 1 (14), pp. 88–95.

2. Abramov A. P., Osadchaya G. I. Sociocultural approach to the problem of modernization of secondary specialized military education: the dialectic of the traditional and modern. Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management, 2016, no. 2 (16), pp. 184–190.

3. Statistics of divorces in China. URL: <http://chinapk.ru/statistika-razvodov-v-kitae/> (accessed 02.04.2018).

4. Xu Shengnan. Analysis of contemporary youth marriage and marriage status. China Youth Research Network, 2006, pp. 25–27.

5. Sun Xiuyan. Interpretation of market economy and contemporary women's family status. Journal of the Fujian Provincial Party School of the Communist Party of China, 2004, no. 2, pp. 38–42.

6. Xu Anqi. Research on Chinese Marriage Quality. Beijing, China Social Sciences Press, 1999, pp. 145–159.

7. Pan Yuming. The construction and significance of the concept of “sex education” in Chinese context. Institute of Sexual Sociology, Renmin University of China, 2011, pp. 6–14.

8. Huang Yingying, Pan Yiming. Empirical Study on the Matthew Effect between Chinese Multi-partners and Sexual Trade. Chinese Journal of Sexual Sciences, 2011, no. 5, pp. 46–51.

9. Nee V. The Emergence of a Market Society: Changing Mechanisms of Stratification in China. American Journal of Sociology, 1996, no. 101, pp. 908–949.

10. Li Miao. Education Match in Spouse Selection: Changes in 50 Years. Chinese Population Science, 2008, no. 3, pp. 73–79.

11. Ding Renchuan. A Study on the Marriage Match of the Only Child in Urban China. Population & Development, 2011, no. 1, pp. 74–80.

12. Wenhao Li. Research on the Influencing Factors of the Marital Concept-With the Judicial Interpretation of the Marriage Law (III) as a turning point. Central South University, 2012. 55 p.

13. Yang Xingliang. Dang Danghu's preference for choice of spouse during the social transition period Analysis of the phenomenon of “leftover woman” from the perspective of social exchange theory. Social Work, 2011, no. 4, pp. 90–93.

14. Song Jian. On one-child attributes in marriage expectation and selection. Youth Studies, 2015, no. 1, pp. 11–19.

15. Xu Anqi. The Standard of Spouse Selection: An Analysis of the Changes in Fifty Years and Its Causes. Studies in Sociology, 2000, no. 6, pp. 18–30.

16. Chen Fang. China 80 Post-Marital Love Value Study. Southwest Jiaotong University, 2009. 13 p.

17. Xu Guiquan. Moral Reason, Moral Sensibility, and Moral Tolerance. Exploration and Contention, 2006, no. 12, pp. 55–57.

18. The Post-80 Marriage Viewpoint of the Publications Department: Being aloof and inseparable has nothing to do with face. Life and Companion, 2009, no. 11, pp. 17–23.

19. Yang Shanhua, Shen Chonglin. Changes in the urban and rural family market economy and non-agriculturalization. Zhejiang People's Publishing House, 2000, pp. 101–108.

УДК 316.443

Л. В. Килимова, канд. социол. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: lyuda-klv@yandex.ru)

СУЩНОСТЬ И ФОРМЫ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ ЛИЧНОСТИ

Статья посвящена анализу понятия социальной активности. Данный термин ученые ввели для изучения активности индивида в рамках деятельностного и личностного подходов. Для понимания того, что такое социальная активность личности, приводится анализ категории «активность» в общем смысле и ее форм. Разнообразие этих форм приводит к проявлению субъектности личности в процессе ее жизнедеятельности. Процесс формирования субъектности личности строится на развитии личностных структур и свойств, внутренних характеристик. Социальная активность присуща только социально обусловленной личности с набором индивидуальных характеристик, таких как наличие собственных установок, целей, ценностей, идеалов, представлений о мире и т. д.

Выделяется несколько степеней проявления социальной активности с учетом его субъективности. Различают низкий, средний, высокий и очень высокий уровни, каждый из которых характеризуется рядом особенностей.

Социальная активность сопоставима с системным и преобразовательным уровнями развития субъектности личности. В процессе исследования становится явной взаимообусловленность субъектности личности и социальной активности. Кроме того, субъектность личности определяет направление социальной активности. В связи с этим приводится перечень основных форм социальной активности на основе мотивационной структуры личности, осуществляющей жизнедеятельность в гражданском обществе, и классификация форм социальной активности.

Помимо личностных характеристик социальную активность обуславливает динамика современного общества в различных проявлениях, а движущими факторами могут выступать неудовлетворенные потребности.

В статье приведена уровневая структура социальной активности, построенная на интенсивности ее проявления. Приводятся основные функционально обособленные виды деятельности. Основными сущностными характеристиками являются самодвижение и социальное взаимодействие.

В ходе теоретико-методологического анализа категории «социальная активность» можно представить ее как интегративное качество индивида, детерминированное социальными потребностями, знанием, опытом, системой ценностей и установок, индивидуальными особенностями и направленное на преобразование окружающей социальной действительности и собственной личности.

Ключевые слова: гражданское общество, социальная активность личности, формы социальной активности, самореализация личности, субъектность личности, личность.

Ссылка для цитирования: Килимова Л. В. Сущность и формы социальной активности личности // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2018. Т. 8, № 3 (28). С. 181–190.

Проблематика социальной активности личности активно поднимается не только в дискурсе государственных органов и различных научных сообществах, она активно подвергается социологическому исследованию. Данная тематика стала популярной в социологическом аспекте в 1960-х гг. В этот период отечественные социологи уделяли внимание проблемам жизнедеятельности индивидов, формированию их интересов и ценностей, проблемам социализации личности, ее предпочтений, однако именно социальная активность личности редко находила исследовательский интерес. В 1990-е гг., характеризующиеся существенной трансформацией российского

общества, ученых интересовали проблемы, связанные с социальной адаптацией, социальным самочувствием личности, особенностями ее положения на рынке труда, социальной и правовой защищенностью. Проблема определения социальной активности личности связана с ее неоднозначностью и существованием множества подходов к трактовке данной категории.

В социологии категория «социальная активность личности» введена в научный оборот учеными для анализа активности индивида в рамках деятельностного и личностного подходов. Ряд представителей деятельностного подхода, а именно Е. М. Бабосов, Г. Е. Зборовский, Е. М. То-

карева, С. С. Фролов и др., предлагают под социальной активностью понимать меру (степень), характеристику целенаправленной деятельности человека, направленную на преобразование общественной среды и формирование социальных качеств личности. Социологи Е. А. Якуба и А. А. Кратко, являясь сторонниками личностного подхода, утверждают: «Социальная активность – это системное социальное качество личности, в котором выражается и реализуется уровень ее социальности, то есть глубина и полнота связей с социумом, уровень преобразования личности в субъект общественных отношений» [1].

Данные подходы, не противореча, способны дополнять друг друга, акцентируя внимание на существующих в социологии представлениях о социализации личности в процессе ее социальной активности (А. И. Кравченко, И. С. Кон, А. А. Леонтьев, А. В. Петровский, С. Л. Рубинштейн, Д. И. Фельдштейн, В. А. Ядов и др.).

По мнению Б. Г. Ананьева, личность в ходе жизнедеятельности в обществе осуществляет свою деятельность в системе социальных связей и отношений, которые тем самым воспроизводят ее в качестве субъекта и объекта исторического процесса. Субъектно-объектные свойства личности в социальной реальности переплетаются. Один и тот же актер в зависимости от обстоятельств и форм отношений способен быть и субъектом, и объектом, проявляя в процессе собственной жизнедеятельности как активность, выступая самостоятельным субъектом, так и пассивность, превращаясь в объект, подвергающийся различным воздействиям и влияниям [2]. Осуществление деятельности, направленной на преобразование социальной реальности, возможно только благодаря активности личности, основанной на ее различных интересах, ценностях и потребностях.

Субъект способен определять степень интенсивности взаимодействия с окружающей средой и уровень активно-

сти, направленной на освоение и преобразование социальной реальности. Активность – это «всеобщая характеристика живых существ, их собственная динамика как источник преобразования или поддержания ими жизненно значимых связей с окружающим миром, присущая живому существу способность к самостоятельной силе реагирования» [3, с. 16].

Категория «активность» способна предстать в качестве универсального понятия, отражающего специфику взаимодействия личности с окружающим миром. Активность индивида, социализированного в социуме, выражается, во-первых, в способности к становлению, саморазвитию и совершенствованию; во-вторых, в возможности трансформировать другие объекты; в-третьих, в готовности вырабатывать определенные внутренние потенции, актуализирующие сущность субъекта.

С одной стороны, любая активность представляет собой составляющую процесса взаимодействия, с другой – является самим процессом, специфика которого определена внутренней детерминацией и сущностью явления. В этом случае активность может быть раскрыта как универсальный способ, форма природно-социальных взаимодействий, направленных на развитие личности как субъекта общественного воспроизводства.

Следовательно, активность представляет собой особое состояние, выступает в качестве относительно устойчивого свойства личности, предрасположенности к взаимодействию, проявляющейся в степени интенсивности осуществления поведения, реализации деятельности и достижения ее результата, постоянства и объема взаимодействий, обусловленных внутренними неудовлетворенными потребностями. Направленность активности индивида может быть не только внешней, устремленной на преобразование внешних объектов, установлению и поддержанию социального взаимодействия с внешними социальными системами, но и внутренней. В этом случае следует отмечать наличие

установок и проявление деятельности, обусловленной саморазвитием. Внутренняя активность личности способна проявляться в осуществлении интеллектуальной деятельности, основанной на эмоциональном состоянии, ценностно-нормативной системе для поиска действий в реализации принятия решений.

По мнению А. Н. Леонтьева, активность может быть представлена в виде динамической связи субъекта с объектами внешнего мира, являющейся необходимым и достаточным условием реализации жизненных отношений. При этом активность представляет собой системное свойство субъекта, способного обеспечивать его пространственно-временную динамику и воспроизводство. Она призвана образовывать прогрессивное развитие деятельности, ее трансформацию. Активность, проявляющаяся в виде процесса становления деятельности индивида, связана с опредмечиванием его потребностей, возникновением психического образа, построением образа целеобразования и целедостижения. Тем самым в процессе реализации деятельности осуществляется обогащение социально заданных мотивов субъекта [4].

Присущая субъекту самостоятельная форма движения, совокупность обусловленных индивидом моментов движения деятельности, воспроизводящая и расширяющая его способность к деятельности в предметной среде – все это представляет активность. Н. С. Лейтес отмечал: «Активность субъекта деятельности выступает в самом создании предвосхищающих результат “моделей”, “образов”, “планов” (зависящих от потребностей, мотивации) и в динамике целенаправленных действий при их реализации» [5, с. 36].

Разнообразные формы активности, содержащие разные виды деятельности, межличностное взаимодействие и общение, процесс познания окружающего мира, совокупность отношений к себе и другим, объединенные совокупностью гносеологических, врожденных и социальных характеристик индивида, опреде-

ляют способы бытия и проявления субъектности личности в процессе его жизнедеятельности.

Становление и развитие субъектности личности взаимообусловлено условиями и особенностями социальной среды, социальным взаимодействием с другими акторами. Индивидуальность личности, проявляющаяся в ее физиологической активности на уровне организма, содержит динамику биохимических и психофизиологических процессов и состояний, уровень биоэлектрической активности мозга, безусловные рефлексы и условно-рефлекторные реакции организма. Физиологическая активность включает активность в виде различных внутренних процессов, направленных на поддержание оптимального функционирования организма. Именно физиологическая активность и различные психофизиологические процессы находятся в основе взаимодействия актора со средой, а также функционирования психических процессов.

Процесс взаимодействия личности с социокультурной средой формирует ее субъектность, что выражается во встречной активности на действие стимулов окружающей среды, предметов и объектов окружающего мира. Субъектность представляет собой свойство, формирующееся и развивающееся по мере развития и совершенствования личности, ее функциональных и структурных компонентов, социокультурных характеристик, психологической зрелости и целостности «Я», признания индивидуальности другого, самоидентификации и самоопределения [6].

В процессе формирования индивидуальности личности ее активность проявляется в формировании индивидуальных социально-психологических установок, смыслов, целей, представлений о мире и жизни, идеалов, ценностей, экзистенциально-смыслового самоопределения.

Социальная активность присуща социально обусловленной личности. Она

может проявляться в сфере межсубъектного, межличностного социального взаимодействия. Данный вид активности проявляется через деятельность индивида, направленную как на преобразование объективных социальных условий, окружающей действительности, так и на формирование индивидуальной неповторимости личности. В ходе проявления социальной активности личности осуществляется становление и развитие собственных личностно-субъектных свойств и качеств.

Социальная активность субъекта выражается в целенаправленной последовательности поступков, образующих его поведение. Она принимает участие в постановке целей и задач, направленных на реализацию и достижение целей деятельности, на реализацию системы целей и мотивов, способных определить специфику поведенческой активности и ее содержательно-смысловые аспекты.

Индивидуальность человека проявляется через активность и ее характер в структуре личности. Активность субъекта связана с целевой детерминацией, с направленностью на будущие результаты, с планированием определенных действий и прогнозированием их результатов. Она также связана с существованием множества вариантов решения жизненной проблемы, способов реализации замысла, достижения цели. Активность призвана проявляться в способности моделировать себя и свои отношения с другими людьми [7].

Личность в процессе своей жизнедеятельности способна проявлять различную степень своей активности, которая напрямую зависит от уровня развития субъектных параметров личности.

К. А. Абульханова предложила учитывать в проявлении активности индивида уровень его субъективности [8]. Исследователь отмечает возможность формирования низкого уровня развития субъектности личности, т. е. формально функционального уровня. Данный уровень характеризуется:

– направленностью в построении отношений в большей степени на себя, т. е. проявлением эгоцентризма, высокой степенью импульсивности в поведении, неспособностью сконцентрировать волю для достижения поставленной цели, преодоления препятствий;

– неспособностью к выстраиванию временной перспективы, к самоопределению.

Средний уровень развития субъектности, т. е. функционально преобразовательный уровень, характеризуется:

– недостаточной автономией собственного «Я», отсутствием самодостаточности, преобладанием ответных реакций на стимулы внешней среды;

– недостаточным уровнем способности к самоопределению, к проектированию собственного «Я»;

– способностью к фрагментарному осмыслению и координированию психического и предметно-практического, частичное раскрытие личностно субъектного потенциала.

Высокий и очень высокий уровни развития субъектности, т. е. творческий или преобразовательный уровень развития, характеризуется:

– высокой степенью активности в построении взаимоотношений с окружающим миром, наличием активной жизненной позиции, проявляющейся в целеустремленности, инициативности, самостоятельности, экзистенциальном самоопределении, высокой степени автономии «Я», осознании своего «Я», способности к преобразованию бытия;

– способностью самостоятельного построения собственного жизненного пути, его структурированию, построению временной перспективы;

– способностью субъекта к самопреобразованию, выражающейся в изменении психических процессов, установочно-целевой и мотивационно-потребностной сферы, развитии экзистенциально-смысловой деятельности, в изменении личностно субъектной и ценностно-смысловой позиции;

– осмысленностью жизненной позиции, высоким уровнем способности действовать, основываясь на свои убеждения и взгляды, самопроектированием, эффективностью самореализации;

– высоким уровнем способности самостоятельного выбора, самоопределения и самореализации, преодоления препятствий, достижения целей, переустройства жизни, выход на уровень самоосуществления, интеграции и целостности «Я».

Социальную активность можно сопоставить с системным и преобразовательным уровнями развития субъектности личности. Индивид, вступая в отношения с социальным окружением, проявляет себя в роли субъекта социальной активности межличностных отношений, общения, разнообразной деятельности. В процессе формирования личности и индивидуальности благодаря социальной активности достигается уровень высшей системной целостности, т. е. вырабатывается и развивается субъектность личности. Генезис формирования и развития субъектности личности предложил А. В. Брушлинский.

Процесс формирования субъектности личности требует развития ее личностных структур и свойств, внутренних характеристик, проявляющихся как в действиях приспособительного, адаптивного характера, так и в проявлении активности, направленной на реализацию внутреннего личностно-субъектного потенциала.

Следовательно, проявление субъектности личности и ее социальная активность взаимообусловлены и порождают различные формы деятельности в социальном пространстве, направленные на преодоление и решение разнообразных личностных и общественно значимых проблем.

Социальная среда обуславливает формирование и развитие субъектностных свойств личности и выступает в качестве пространства реализации разносторонних интересов и потребностей индивидов и социальных общностей.

Субъектность личности определяет тенденции эффективного освоения среды, проявления самовыражения и самореализации и, как следствие, проявления социальной активности личности. Уровень и направление социальной активности определяет качество развития субъектности личности, способствует достижению развитости структурно-функциональных характеристик личности.

Под социальной активностью в научных кругах прошлого столетия понимали «объективно детерминированное субъективное отношение и социально-психологическую готовность личности к деятельности, которая проявляется в соответствующих актах поведения и представляет собой целенаправленную творческую деятельность, преобразующую объективную действительность и саму личность» [9, с. 124].

Исследуя проблему активности личности, В. З. Коган отмечал, что социальная активность может быть определена в качестве «сознательной и целенаправленной деятельности личности и ее целостно-социально-психологического качества, которые, будучи диалектически взаимообусловлены, определяют и характеризуют степень или меру персонального воздействия субъекта на предмет, процессы и явления окружающей действительности» [10, с. 131]. В современном аспекте данная трактовка исследуемой категории может выступать как «социально-психологическая, ценностная, профессиональная установка субъекта, реализуемая в его деятельности» [11, с. 48].

В зависимости от критерия мотивационной структуры личности в контексте практик гражданского общества принято выделять основные формы социальной активности [12]:

1) участие в жизни общества непосредственно в демонстрациях, митингах, акциях и т. д., благодаря чему индивид выражает свое отношение к конкретным политическим и социальным явлениям, не проявляя активную борьбу за соответствующие идеи и принципы;

2) участие в политических партиях, объединениях, организациях и общественных движениях, сохраняя или изменяя социальные отношения.

В зависимости от предмета деятельности личности выделяют политическую, гражданско-патриотическую, благотворительную, экологическую, культурно-просветительскую, трудовую, семейно-бытовую, досуговую социальную активность.

Представляет интерес классификация форм, а точнее уровней и сфер социальной активности, предложенная С. В. Тетерским [13]. Он выделяет следующие уровни:

а) человек – человек (благотворительный уровень);

б) человек – производство (социально-экономический уровень);

в) человек – природа (экологический);

г) человек – государство (социально-политический);

д) человек – общество (культурный и информационный уровень).

В современном обществе, характеризующемся повышением значимости человеческого фактора, актуально выделение таких форм проявления социальной активности, как адаптивная и творческая [14]. Первая форма социальной активности характеризуется приспособлением индивидов к условиям окружающей среды. При этом формами адаптивной активности могут выступать, например, рекреационная, потребительская и др. В свою очередь, социальное творчество, т. е. творческая социальная активность, рассматривается как высшая форма социальной активности личности, способная изменить фундаментальные закономерности развития общества.

Социальная активность выражает субъектность индивида и является основополагающей составляющей социального поведения личности и социальных групп. Однако в силу различных объективных и субъективных факторов личности становится невозможно проявить ее

как в разнообразии видов, так и в интенсивности. Социальную активность личности характеризуют такие параметры, как смена детерминант и их соотношение, изменчивость, всевозможные риски.

Проявление социальной активности субъекта обусловлено объективной динамикой современного общества, выражающейся в расширении информационного поля мобильности, появляющихся возможностей и перспектив развития активности. Личность, проявляя социальную активность, должна быть способна осуществлять самоконтроль ее уровней интенсивности и направленности, осуществляя, тем самым, регуляцию собственного поведения, посредством соотнесения с нормативно-ценностной системой, нормами морали, установками, определяющих субъективное отношение личности к миру и самому себе.

Движущими факторами проявления социальной активности являются неудовлетворенные потребности личности, имеющие социальное значение, направляющие ее на решение собственных и общественно значимых проблем [15]. Они реализуются в форме социально-полезной деятельности, субъектами которой являются носители социальной активности в системе общественных отношений. Основой проявления социальной активности выступает начальный интерес и противоречие между потребностями личности и ее условиями жизнедеятельности, направленной на устранение несоответствия.

Как отмечают И. В. Троцук и К. Г. Сохадзе [16], по мнению В. Н. Константинова, структура социальной активности включает следующие уровни:

– высокий уровень активности, предполагающий социальную инициативу и творческую деятельность;

– средний уровень активности, отличающийся ответственностью, сочетающийся со значительной частью репродуктивной деятельности;

– пассивность, характеризующаяся низким уровнем активности, конформиз-

мом, позитивными намерениями, не подкрепленными личностными навыками и умениями;

– пассивность с потенциально-негативной направленностью, основанной на скептицизме и конформизме, основанном на социальных разочарованиях.

Целями социальной активности могут выступать сама деятельность и общение, их результат, выступающий средством достижения социально значимых или узколичностных целей. Формами социальной активности могут быть личностная, групповая/коллективная, реализующая возможности и интересы различных социальных общностей, личностно-институциональная, осуществляемая в рамках формальных объединений. Содержание и направленность социальной активности личности определяет степень соответствия объективным интересам и потребностям социума.

В контексте гражданского общества значимыми проявлениями социальной активности личности выступают функционально обособленные виды деятельности [17]:

– деятельность, направленная на самосохранение общества, организующая производство, распределение и потребление продуктов труда;

– деятельность, направленная на распределение производственных благ, интегрирующая обособленные части социума на основе разделения труда;

– деятельность, направленная на поддержание, защиту социальных и политических отношений, призванная объединять общество благодаря участию государства;

– деятельность, направленная на обучение и воспитание подрастающего поколения, осуществляющая его социализацию;

– деятельность, направленная на организацию досуга.

Социальная активность личности взаимосвязана с формированием действенных институтов взаимодействия государства и социума [18]. Благодаря

функциональному анализу становится возможным выявление причин и факторов гармонизации отношений между разрозненными составляющими гражданского общества, направленных на совместную социальную активность личностей.

С одной стороны, становление гражданского общества объективно требует проявления социальной активности личности, направленной на решение общественно-политических вопросов, с другой – требуется государственное политическое воздействие на личность как потенциальный ресурс власти [19]. Демократизация и укрепление государственности – противоречивые процессы, вызывающие определенные сложности в повышении степени социальной активности личности.

Обобщая взгляды исследователей данной проблемы, социальную активность личности можно представить в виде актуальной социальной потребности, выступающей как преобразующее свойство и интегративное качество личности. Определенная система целевых установок, мотивов и интересов, направленная на удовлетворение потребностей, реализует актуальную потребность социальной активности. Социальные знания, умения и навыки, применяемые в процессе саморазвития и развития внешней среды, в соответствии с личностными и общественными интересами осуществляют преобразующую способность социальной активности. Инициативность, социальная ответственность, исполнительность реализуют интегративное качество социальной активности [20].

Следовательно, среди сущностных характеристик социальной активности можно отметить:

– самодвижение (источник активности личности, ее неудовлетворенные потребности, готовность к деятельности);

– социальное взаимодействие (отношения личности с обществом, проявляющиеся в общественно значимой продуктивной деятельности, итогом которой

является личностное развитие и, как следствие, развитие социальной среды).

В контексте данного исследования социальная активность личности представляет собой интегративное качество индивида, обусловленное социальными потребностями достижения общественно значимых целей, знаниями и опытом, индивидуальными особенностями, направленное на реализацию разносторонней социально полезной деятельности.

Таким образом, социальная активность личности предстает как высшая форма активности индивидуума, проявляющаяся в виде особого качества, способности сознательно действовать, не только приспосабливаться к внешней среде, но и преобразовывать ее, подчиняя последнюю своим интересам, преобразуя тем самым и саму себя. На социальную активность личности и ее динамику оказывают влияние как внешние, так и внутренние факторы. К внешним факторам относят особенности окружающей среды, в том числе социальной, в рамках которой осуществляется жизнедеятельность личности. Внутренние факторы составляют биологические особенности личности, степень ее социализированности, уровень культуры, ее сознание, интересы, потребности и т. д. Внешние и внутренние факторы интегрированы между собой. Социальная активность личности проявляется в разнообразных формах: индивидуальной, групповой, коллективной, организованной, преследующей реализацию разносторонних интересов определенных социальных общностей. Общественная значимость социальной активности проявляется в ее содержании и направленности, степени соответствия в стратегической перспективе объективным интересам и потребностям социума. Социальная активность может проявляться в следующих основных сферах: учебно-профессиональной, общественно-политической, трудовой, досуговой, культурно-идеологической. Она представляет возможности проявления инициативы и творческого подхода в дости-

жении социально значимых целей, управленческой деятельности, в формировании новых ценностно-нормативных систем, необходимых в развитии личности и общества в целом.

Список литературы

1. Мальковская Т. Н. Социальная активность старшеклассников. М.: Педагогика, 1988. 144 с.
2. Ананьев Б. Г. О человеке как объекте и субъекте воспитания: Избранные психологические труды: в 2 т. Т. 2 / под ред. А. А. Бодалева, Б. Ф. Ломова. М.: Педагогика, 2015. 288 с.
3. Психология: словарь / под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. М.: Политиздат, 2009. 431 с.
4. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл, 2015. 352 с.
5. Лейтес Н. С. Возрастная одаренность и индивидуальные различия. М.: Институт практической психологии, 2011. 488 с.
6. Федунина Н. Ю. Проблема личности в трудах Пьера Жана // Вопросы психологии. 2003. № 1. С. 116–128.
7. Корнилова Т. В. Психология выбора как мыслительное и личностное опосредствование преодоления неопределенности // Психологический журнал. 2016. № 1. С. 113–124.
8. Абульханова К. А. Психология и сознание личности. М.: Московский психолого-социальный институт, 2014. 224 с.
9. Христова И. Ч., Комаров Е. Г., Ищенко Т. В. Пути формирования социальной активности личности при социализме. М.: Мысль, 1972. 141 с.
10. Коган В. З. Понятие «активность личности» как категория социальной психологии. М.: Мысль, 1971. 237 с.
11. Потапова С. А. Социальная активность студенческой молодежи современного молодого города (на материалах Нижнекамска). СПб.: Инфо-да, 2005. 142 с.
12. Николаева А. А. Социальная активность как фактор формирования гражданской идентичности современной российской студенческой молодежи:

дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04. Тула, 2010. 224 с.

13. Каргаполова Ю. В. Теоретический анализ основных подходов к определению понятия «социальная активность» // Молодой ученый. 2014. № 21. С. 575–577.

14. Сапронов А. В., Крицкая О. А. Особенности политической активности российской молодежи // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2014. № 3. С. 117–123.

15. Серёгин А. Н. Социальная эффективность управления формированием социальной активности студенческой молодежи вузов России // Этносоциум и межнациональная культура. 2009. № 4 (20). С. 62–67.

16. Троцук И. В., Сохадзе К. Г. Социальная активность молодежи: подходы к оценке форм, мотивов и факторов проявления в современном российском обществе // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2014. № 4. С. 58–72.

17. Слесарева Г. Ф. Гражданское общество в истории политической мысли Европы (от античности до первой трети XIX века) [Электронное издание] // Библиотека Якова Кротова. 1997. URL: <http://krotov.info/history/17/3/sles1999.html> (дата обращения: 15.05.2018).

18. Килимова Л. В. Практики гражданского общества через призму социальной активности личности // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2017. Т. 7, № 4 (25). С. 245–254.

19. Коряковцева О. А., Климов О. А. Государственная молодежная политика в современной России: развитие гражданской активности молодежи // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2013. № 2. С. 170–173.

20. Третьяков Н. Ф. Социальная активность личности. М.: Педагогика, 2001. 230 с.

Поступила в редакцию 18.08.18

UDC 316.443

L. V. Kilimova, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: lyuda-klv@yandex.ru)

ESSENCE AND FORMS OF SOCIAL ACTIVITY OF THE PERSON

The article is devoted to the analysis of the concept of social activity. This term scientists introduced to study the activity of the individual in the framework of activity and personal approaches. To understand what social activity of a person is, analysis of the category "activity" in the general sense and its forms is given. The variety of these forms leads to the manifestation of the subjectivity of the personality in the process of its vital activity. The process of formation of the subjectivity of personality is based on the development of personal structures and properties, internal characteristics. In addition, social activity is inherent only in a socially conditioned person with a set of individual characteristics such as the presence of one's own attitudes, goals, values, ideals, ideas about the world, and so on.

There are several degrees of social activity, taking into account its subjectivity. So distinguish between low, medium, high and very high levels, each of which is characterized by a number of features.

Social activity is comparable with the systemic and transformational levels of development of subjectivity of the individual. In the process of research, the interdependence of personal subjectivity and social activity becomes obvious. In addition, the subjectivity of the individual determines the direction of social activity. In this regard, the list of the main forms of social activity, which are based on the motivational structure of the individual, carrying out life activity in civil society and the classification of the forms of social activity.

In addition to personal characteristics, social activity is determined by the dynamics of modern society in various manifestations, and unmet needs can act as driving factors.

The article presents a level structure of social activity, built on the intensity of its manifestation. The main functionally isolated types of activity are given. The main essential characteristics are self-movement and social interaction.

In the course of the theoretical and methodological analysis of the category of "social activity" it is possible to imagine his as an integrative quality of the individual determined by social needs, knowledge, experience, a system of values and attitudes, individual characteristics, and aimed at transforming the surrounding social reality and self.

Key words: *civil society, social activity of the personality, forms of social activity, self-realization of personality, subjectivity of personality, personality.*

For citation: Kilimova L. V. Essence and forms of social activity of the person. Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management, 2018, vol. 8, no. 3 (28), pp. 181–190 (in Russ.).

References

1. Mal'kovskaya T. N. Social'naya aktivnost' starsheklassnikov. Moscow, Pedagogika Publ., 1988. 144 p.
2. Anan'ev B. G. O cheloveke kak ob'ekte i sub'ekte vospitaniya: Izbrannye psichologicheskie trudy; ed. by A. A. Bodalev, B. F. Lomov. Moscow, Pedagogika Publ., 2015. Vol. 2. 288 p.
3. Psichologiya: slovar'; ed. by A. V. Petrovskij, M. G. Yaroshevskij. Moscow, Politizdat Publ., 2009. 431 p.
4. Leont'ev A. N. Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'. Moscow, Smysl Publ., 2015. 352 p.
5. Lejtes N. S. Vozrastnaya odarenost' i individual'nye razlichiya. Moscow, Institut prakticheskoy psichologii Publ., 2011. 488 p.
6. Fedunina N. Yu. Problema lichnosti v trudah P'era Zhane. Voprosy psichologii, 2003, no. 1, pp. 116–128.
7. Kornilova T. V. Psichologiya vybora kak myslitel'noe i lichnostnoe oposredstvovanie preodoleniya neopredelennosti. Psichologicheskij zhurnal, 2016, no. 1, pp. 113–124.
8. Abul'hanova K. A. Psichologiya i soznanie lichnosti. Moscow, Moskovskij psichologo-social'nyj institute Publ., 2014. 224 p.
9. Hristova I. Ch., Komarov E. G., Ishchenko T. V. Puti formirovaniya social'noj aktivnosti lichnosti pri socializme. Moscow, Mysl' Publ., 1972. 141 p.
10. Kogan V. Z. Ponyatie "aktivnost' lichnosti" kak kategoriya social'noj psichologii. Moscow, Mysl' Publ., 1971. 237 p.
11. Potapova S. A. Social'naya aktivnost' studencheskoj molodezhi sovremenno go molodogo goroda (na materialah Nizhnekamska). St. Petersburg, Info-da Publ., 2005. 142 p.
12. Nikolaeva A. A. Social'naya aktivnost' kak faktor formirovaniya grazhdanskoj identichnosti sovremennoj rossijskoj studencheskoj molodezhi. Diss. kand. soc. nauk. Tula, 2010. 224 p.
13. Kargapolova Yu. V. Teoreticheskij analiz osnovnyh podhodov k opredeleniyu ponyatiya "social'naya aktivnost'". Molodoj uchenyj, 2014, no. 21, pp. 575–577.
14. Saprnov A. V., Krickaya O. A. Osobennosti politicheskoy aktivnosti rossijskoj molodezhi. Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Jekonomika. Sociologija. Menedzhment, 2014, no. 3, pp. 117–123.
15. Seryogin A. N. Social'naya ehfektivnost' upravleniya formirovaniem social'noj aktivnosti studencheskoj molodyozhi vuzov Rossii. Ehtnosocium i mezhnacional'naya kul'tura, 2009, no. 4 (20), pp. 62–67.
16. Trocuk I. V., Sohadze K. G. Social'naya aktivnost' molodezhi: podhody k ocenke form, motivov i faktorov proyavleniya v sovremennom rossijskom obshchestve. Vestnik RUDN. Serija: Sociologiya, 2014, no. 4, pp. 58–72.
17. Slesareva G. F. Grazhdanskoe obshchestvo v istorii politicheskoy mysli Evropy (ot antichnosti do pervoj treti XIX veka). Biblioteka Yakova Krotova. 1997. URL: <http://krotov.info/history/17/3/sles1999.html> (accessed 15.05.2018).
18. Kilimova L. V. Praktiki grazhdanskogo obshchestva cherez prizmu social'noj aktivnosti lichnosti. Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Jekonomika. Sociologija. Menedzhment, 2017, vol. 7, no. 4 (25), pp. 245–254.
19. Koryakovceva O. A., Klimov O. A. Gosudarstvennaya molodezhnaya politika v sovremennoj Rossii: razvitie grazhdanskoj aktivnosti molodezhi. Vestnik KGU im. N. A. Nekrasova, 2013, no. 2, pp. 170–173.
20. Tret'yakov N. F. Social'naya aktivnost' lichnosti. Moscow, Pedagogika Publ., 2001. 230 p.

УДК 371.3

Е. С. Симоненко, канд. экон. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: simonenkol@mail.ru)

МЕТОД ПРОЕКТОВ В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО В ВУЗАХ КИТАЯ ДЛЯ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

В статье рассматриваются возможности использования метода проектов как формы самостоятельной работы студентов в практике преподавания русского языка как иностранного в неязыковых вузах. Изучены и обобщены различные подходы к типологизации проектов. Рассмотрены основные этапы проектной деятельности, предложено распределение ролей преподавателя и обучающихся на каждом этапе выполнения проекта (изучение проблемы, решение проблемы, оценка деятельности, защита проекта), а также продолжительность проекта в зависимости от вида занятий. Автор отмечает, что на занятиях по русскому языку как иностранному в ходе реализации проектов обучающиеся сами выбирают интересующие их темы, что способствует эффективному запоминанию лексики в рамках проекта, таким образом, язык используется в ситуациях, наиболее приближенных к реальным. Дана авторская трактовка понятия «учебный проект». В статье отмечается, что тема и содержание проекта должны отражать не только специфику профессиональной сферы обучающихся, но и уровень владения русским языком как средством профессионального общения. Автором предлагается учебный проект для направления подготовки «Транспорт» профиль «Организация перевозок и управление на транспорте» на тему «Типы предприятий, их структура, особенности и принцип работы». Рассматриваются этапы проведения проекта, цель и практические задачи, решаемые в ходе проекта, указываются источники получения информации, формы презентации полученных результатов. Работая над учебным проектом, студенты выполняют следующие практические задания: сбор общей информации о предприятии, описание структуры предприятия, определение основных должностных обязанностей сотрудников предприятия, сравнительный анализ деятельности схожих по производственной специализации предприятий России и Китая. Выполнение подобных проектов помогает студентам не только повторить ранее изученную лексику или выучить новую, но и познакомиться с работой предприятий отрасли.

Ключевые слова: метод проектов, учебный проект, русский язык как иностранный, язык специальности.

Ссылка для цитирования: Симоненко Е. С. Метод проектов в практике преподавания русского языка как иностранного в вузах Китая для студентов технических специальностей // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2018. Т. 8, № 3 (28). С. 191–197.

С развитием всесторонних стратегических партнерских отношений между КНР и Россией, на фоне создания «Один пояс, один путь», «Сотрудничество между странами БРИКС», важность взаимоотношений КНР и РФ в сфере образования приобретает всё большую значимость. Повышается активность взаимодействия между вузами, организовано несколько ассоциаций вузов. Обеспечение и постоянное повышение качества образования и обучения в вузах обеих стран является важной предпосылкой и основной гарантией дальнейшего развития и получения реальных результатов сотрудничества между государствами. На сегодняшний день одним из важных шагов в сфере высшего образования, на фоне динамично развивающихся партнерских отношений между странами, является развитие и повышение качества

обучения русскому языку как иностранному в высших учебных заведениях Китая.

В современных условиях неотъемлемой частью образовательного процесса является развитие у обучающихся умений самостоятельно обобщать, анализировать информацию, планировать свою учебную деятельность, работать в команде [1; 2; 3].

Метод проектов способствует развитию необходимых умений через выполнение определенных задач практического характера в процессе самостоятельной работы [3; 4; 5].

Метод проектов возник в 20-х годах XX века. Основателем метода является американский психолог и педагог Джон Дьюи. Дж. Дьюи и его последователь У. Х. Килпатрик полагали, что обучение должно строиться через целесообразную деятельность, на активной основе

и личной заинтересованности ученика, в приобретении знаний, которые могут быть использованы на практике [4; 6; 7].

Существуют различные подходы к типологизации проектов. Обобщим некоторые из них в таблице 1 [8].

Таблица 1

Типология проектов

Типологический признак	Тип проекта
По характеру доминирующей деятельности	Исследовательский проект; поисковый проект; творческий проект; игровой проект; практико-ориентированный проект; информационный проект; конструкторский проект
По предметно-содержательной отрасли	Предметные (монопроект); межпредметные; сверхпредметные
По характеру координации проекта	Непосредственный (жесткий, гибкий); скрытый (имитирующий участника проекта)
По характеру контактов	Класс (группа); школа (вуз); город; регион; страна; международный
По количеству участников проекта	Индивидуальный; парный; групповой; коллективный; массовый
По продолжительности проведения проекта	Эпизодический (мини-проект); краткосрочный (проект для одного урока); средней продолжительности (тематический проект); длительный (семестровый проект)
По содержанию	Литературно-творческие; лингвистические; культурологические; географические; математические; исторические; спортивные; музыкальные; социальные; технические; экономические
По результатам	Доклад; сборник; каталог; макет; видеофильм; выставка; статья; буклет и др.
По способам сбора и источникам информации	Исследовательский (работа с библиотечными ресурсами); текстовый (работа с источниками информации, но не с людьми); корреспондентский (сбор информации при помощи писем, факсов, телефонных звонков); обзорный (сбор и обработка данных от других лиц посредством разработанного инструментария); личный (контакты с людьми)
По характеру решаемой проблемы	Реальный; моделирующий реальные условия, проблемы; основанный на интересах учащихся, независимо от реальной значимости

В ходе применения метода проектов на занятиях по русскому языку как иностранному важную роль играет не только определение типологии проектных заданий, но и этапы проектной деятельности, т. к. от типа проекта зависит его структура. Различные авторы по-разному классифицируют этапы работы над учебным проектом [8; 9].

По нашему мнению, можно выделить следующие основные этапы проектной деятельности:

1) изучение проблемы (теоретический этап) предполагает подготовку, вы-

бор темы, формулировку проблемы, выбор методов, определение участников проекта и распределение обязанностей, сбор информации;

2) решение проблемы (практический этап) предполагает анализ, обработку и оценку информации, формулировку выводов;

3) оценка деятельности предполагает корректировку, формирование заключительных выводов, определение формы реализации и защиты проекта;

4) защита проекта предполагает представление готового проекта, его за-

шиту, оценку качества и результатов выполненной работы, анализ успехов и неудач.

На каждом этапе проектной деятельности преподаватель и обучающиеся выполняют определенные роли (табл. 2).

Таблица 2

Роли преподавателя и обучающихся на каждом этапе выполнения проекта

Этап проектной работы	Роль преподавателя по отношению к обучающимся	Роль обучающихся
1. Изучение проблемы (теоретический этап)	Мотивация обучающихся, поддержка и направление их в сторону достижения цели, консультация, обсуждение целей и методов их достижения, наблюдение	Выбор и уточнение темы, выбор методов реализации проекта, определение участников проекта и распределение обязанностей внутри группы, сбор информации
2. Решение проблемы (практический этап)	Организация и координация деятельности обучающихся, помощь в анализе и оценке информации, наблюдение	Анализ и творческая переработка информации, обсуждение принимаемых решений и промежуточных результатов внутри группы и с преподавателем, генерация дополнительных идей и проведение исследований
3. Оценка деятельности	Экспертирует результаты выполненного проекта, корректировка работы обучающихся	Подготовка полученных результатов исследования для защиты и презентации, выбор окончательной формы представления результатов проекта
4. Защита проекта	Наблюдение, дает оценку и рекомендации	Представление готового проекта, его защита, обсуждение и самооценка результатов выполненной работы, анализ успехов и ошибок

Необходимо отметить, что на занятиях по русскому языку как иностранному в ходе реализации проектов обучающиеся сами выбирают интересующие их темы, что способствует эффективному запоминанию лексики в рамках проекта, таким образом, язык используется в ситуациях, наиболее приближенных к реальным.

Проектная деятельность может быть организована в рамках аудиторных занятий, внеаудиторных мероприятий, а также как аудиторная и внеаудиторная самостоятельная работа. Продолжительность проекта зависит от вида занятий (табл. 3).

Выбор того или иного вида проекта зависит от уровня владения языком, от форм и направлений подготовки обучающихся, а также от целей, на достижение которых направлен проект.

Наиболее эффективной можно считать групповую работу над проектом, т. к. в процессе совместной работы обучающиеся на русском языке проводят сбор, анализ, оценку информации, обмениваются идеями, готовят презентацию. В ходе защиты проекта между обучающимися из различных групп также происходит дискуссия на русском языке.

Мини-проекты индивидуального характера эффективны при подготовке анкет (опросных листов), которые составляются на русском языке, затем результаты обобщаются и оформляются в виде презентации различных точек зрения. Такие проекты просты для исполнения, могут быть задействованы один-два исполнителя, но при этом позволяют привлечь к участию большое количество обучающихся, которые выступают в качестве респондентов.

Таблица 3

Продолжительность проекта в зависимости от вида занятий

Этап проекта	Аудиторные занятия	Внеаудиторные мероприятия		Аудиторная и внеаудиторная самостоятельная работа	
	Продолжительность проекта				
	мини-проекты	среднесрочные проекты		долгосрочные проекты	
	занятие 1 час 30 мин	неделя	месяц	учебный семестр	учебный год
1. Изучение проблемы (теоретический этап)	10 мин	Понедельник	5–7 дней	Сентябрь	Сентябрь–ноябрь
2. Решение проблемы (практический этап)	20 мин	Вторник	6–8 дней	Октябрь	Декабрь–февраль
3. Оценка деятельности	45 мин	Среда, четверг	4–6 дней	Ноябрь	Март–апрель
4. Защита проекта	15 мин	Пятница	1–3 дня	Декабрь	Май

Для улучшения навыка говорения в рамках специальных дисциплин по направлению подготовки наиболее эффективным можно считать исследовательский проект. При подготовке проектов исследовательского типа обучающиеся работают с литературой на русском языке в рамках направления подготовки. Результатом такого проекта может быть статья, доклад, участие в конференции.

По нашему мнению, учебный проект, реализуемый в вузе, – это технология обучения, в рамках которой решение конкретной профессионально значимой проблемы практического характера достигается в процессе совместной деятельности обучающихся и на основе их личных интересов.

Применительно к техническим специальностям тема и содержание проекта должны отражать не только специфику профессиональной сферы обучающихся, но и уровень владения русским языком как средством профессионального общения. Таким образом, выполняемые обучающимися проекты должны опираться на межпредметные связи и быть направ-

лены на сбор информации в рамках направления подготовки.

Тема учебного проекта зависит от направления подготовки и профиля обучения. В качестве примера рассмотрим учебный проект для направления подготовки «Транспорт» профиль «Организация перевозок и управление на транспорте». Тема проекта на русском языке должна учитывать межпредметные связи и охватывать блоки дисциплин по специальности, предусмотренных учебным планом.

Мы предлагаем следующую тему учебного проекта для студентов технических специальностей, изучающих русский язык как иностранный: «Типы предприятий, их структура, особенности и принцип работы».

Цель проекта – сбор информации о деятельности предприятий отрасли. Цель направлена на формирование коммуникативной компетенции в профессиональной сфере.

Зачаи проекта являются: овладение знаниями профессиональной лексики; отработка навыков говорения, перевода, понимания устной информации; об-

работка и запись информации, полученной из письменных и устных источников.

Участники проекта: студенты третьего курса технических специальностей. В соответствии с учебным планом именно в этот период студенты начинают изучать русский язык по специальности, а также в рамках договоров о сотрудничестве между вузами Китая и России часть дисциплин по профилю подготовки читается преподавателями из российских вузов на русском языке.

Форма проведения проекта. Студентов целесообразно разбивать на группы по 4-5 человек для повышения эффективности работы над проектом. Каждая группа исследует отдельное предприятие отрасли, собирая информацию об основной деятельности предприятия, его структуре, персонале, особенностях функционирования и т. п. Для получения необходимой информации студенты могут воспользоваться официальным сайтом предприятия. Преподаватель должен подобрать предприятия, различающиеся по основной деятельности и структуре.

В ходе работы над проектом решаются следующие практические задачи:

1. Сбор общей информации о предприятии. Студентам необходимо собрать общие сведения о предприятии, о его производственной деятельности, какие услуги или продукцию производит предприятие, какие для этого необходимы производственные ресурсы, технология производства. Дать характеристику отрасли, в рамках которой функционирует предприятие. Необходимо охарактеризовать положение предприятия на рынке, его основных конкурентов. Проанализировать внешнюю и внутреннюю среду предприятия.

2. Описание структуры предприятия. В ходе решения этой задачи необходимо проанализировать и описать организационную структуру исследуемого предприятия, его производственные, производ-

ственные и управленческие подразделения. Охарактеризовать место и роль подразделений в организационной структуре, распределение обязанностей по отделам.

3. Определение основных должностных обязанностей сотрудников предприятия. Студенты должны выяснить, какие должности существуют внутри предприятия и что входит в обязанности каждого из сотрудников.

На заключительном этапе студентам необходимо провести сравнительный анализ деятельности схожих по производственной специализации предприятий России и Китая.

Представление результатов проекта: результаты проекта оформляются в виде презентации Power Point. Результаты проекта могут быть переработаны в методические рекомендации по отдельным специальным дисциплинам, преподаваемым на русском языке, в терминологические словари в рамках определенной отрасли и специальности, информационные стенды и другие учебно-методические материалы, используемые в учебном процессе.

Подобный учебный проект способствует не только развитию коммуникативной компетенции и более глубокому усвоению ранее изученной и новой профессиональной лексики, но и получению практических представлений о работе и структуре предприятий определенной отрасли.

Таким образом, выполнение учебных проектов способствует решению следующих важных задач:

– приобретение знаний, умений и навыков, связанных с практической деятельностью;

– развитие коммуникативной компетенции в процессе творческой работы, непосредственно связанной с профессиональной сферой, осуществляя сбор, анализ и обработку информации на иностранном языке;

– выполнение групповых проектов способствует развитию умений проводить самооценку, самокоррекцию, умение оценивать последствия принимаемых решений, умения работать в команде, нести ответственность за совместную работу, а также умения представлять результаты своей работы и оценивать деятельность других участников.

Список литературы

1. Управление компетенциями: структура, институты, механизмы / О. А. Вдовина, Ю. В. Вертакова, И. В. Гонтарева [и др.]; под общ. ред. Р. М. Нижегородцева и С. Д. Резника. М.: Инфра-М, 2016. 209 с.

2. Ершова И. Г., Вертакова Ю. В. Выбор приоритетов эффективного управления интеллектуальными ресурсами в экономике знаний // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2012. № 2. С. 260–270.

3. Согачева О. В., Вертакова Ю. В. Стратегия формирования позитивного имиджа регионального вуза // Известия Юго-Западного государственного университета. 2013. № 2 (47). С. 42–49.

4. Андросова И. В. Практическое применение интерактивных форм обучения в образовательном процессе // В мире

научных открытий. 2013. № 7 (43). С. 168–186.

5. Крыжановская О. А., Соколова Ю. И. Формирование, управление и развитие ключевых компетенций в проектно-менеджменте организации // Известия Юго-Западного государственного университета. 2017. № 3 (72). С. 84–92.

6. Дьюи Дж. Демократия и образование. М.: Педагогика-пресс, 2000. 384 с.

7. Килпатрик В. Х. Метод проектов. Применение целевой установки в педагогическом процессе. Л.: Брокгауз-Ефрон, 1925. 43 с.

8. Пелагейченко Н. Л. Метод проектов. Классификация и структура школьных проектов // Технология, все для учителя. 2013. № 4. С. 2–8.

9. Тюрина Е. А. Применение проектной технологии в курсе русского языка как иностранного на подготовительном отделении российского вуза: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02. М., 2012. 23 с.

10. Мирошник Л. В. Метод проектов в практике преподавания русского языка как иностранного для студентов медицинских вузов // Русская филология. Вестник Харьковского национального педагогического университета имени Г. С. Сковороды. 2015. № 2 (55). С. 62–66.

Поступила в редакцию 10.08.18

UDC 371.3

E. S. Simonenko, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: simonenkol@mail.ru)

PROJECT METHOD IN TEACHING RUSSIAN AS FOREIGN LANGUAGE IN CHINESE UNIVERSITIES FOR STUDENTS OF TECHNICAL SPECIALTIES

The paper explores the opportunities that the project method provides for Russian as Foreign Language teaching in traditional educational environment. The author analyzed and generalized to various approaches of the projects typology. The main stages of project activities are considered, the distribution of teachers' and students' roles at each stage of the project (the research of the problem, solution of the problem, evaluation activities, project presentation), and the duration of the project, depending on the type of lessons. The author noted that at the lessons

of Russian as a foreign language, during the projects implementation, students choose topics which they prefer, to the effective memorization of vocabulary within the project, by this means, the language is used in situations most close to real. The author offered the definition of "educational project". At the article noted that the theme and content of the project should reflect not only the specifics of the professional sphere of students, but also the level of knowledge of the Russian language as a means of professional communication. The author offered educational project «Types of enterprises, their structure, features and principle of operation» for the direction of preparation «Transport» profile «Organization of transportation and transport management». The stages of the project, the purpose and practical tasks to be solved in the course of the project, the sources of information, the forms of presentation of the results. Working on the educational project, students perform the following practical tasks: to collect general information about the company, to describe the structure of the company, to study the main job responsibilities of employees, to compare the activities of similar industrial specialization Russian and Chinese enterprises. It helps students to repeat the previously studied vocabulary or learn a new one, and also to become familiar with the work of branch enterprise.

Key words: project method, educational project, Russian as foreign language, language of the specialty.

For citation: Simonenko E. S. Project method in teaching russian as foreign language in Chinese universities for students of technical specialties. Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management, 2018, vol. 8, no. 3 (28), pp. 191–197 (in Russ.).

References

1. Vdovina O. A., Vertakova Yu. V., Gontareva I. V., eds. Upravlenie kompetencyami: struktura, instituty, mekhanizmy / ed. by R. M. Nizhegorodcev, S. D. Reznik. Moscow, Infra-M Publ., 2016. 209 p.

2. Ershova I. G., Vertakova Yu. V. Vybory prioritetoV ehffektivnogo upravleniya intellektual'nymi resursami v ehkonomike znaniy. Izvestiya Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Jekonomika. Sociologiya. Menedzhment, 2012, no. 2, pp. 260–270.

3. Sogacheva O. V., Vertakova Yu. V. Strategiya formirovaniya pozitivnogo imidzha regional'nogo vuza. Izvestiya Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta, 2013, no. 2 (47), pp. 42–49.

4. Androsova I. V. Prakticheskoe primeneniye interaktivnykh form obucheniya v obrazovatel'nom processe. V mire nauchnykh otkrytij, 2013, no. 7 (43), pp. 168–186.

5. Kryzhanovskaya O. A., Sokolova Yu. I. Formirovaniye, upravleniye i razvitiye klyuchevykh kompetency v proektnom menedzhmente organizacii. Izvestiya Jugo-

Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta, 2017, no. 3 (72), pp. 84–92.

6. D'yui Dzh. Demokratiya i obrazovaniye. Moscow, Pedagogika-press Publ., 2000. 384 p.

7. Kilpatrik V. H. Metod proektov. Primeneniye celevoj ustanovki v pedagogicheskom processe. Leningrad, Brokgauz-Efron Publ., 1925. 43 p.

8. Pelagejchenko N. L. Metod proektov. Klassifikaciya i struktura shkol'nykh proektov. Tekhnologiya, vse dlya uchitelya, 2013, no. 4, pp. 2–8.

9. Tyurina E. A. Primeneniye proektnoj tekhnologii v kurse russkogo yazyka kak inostrannogo na podgotovitel'nom otdelenii rossijskogo vuza. Avtoref. diss. kand. ped. nauk. Moscow, 2012. 23 p.

10. Miroshnik L. V. Metod proektov v praktike prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo dlya studentov medicinskih vuzov. Russkaya filologiya. Vestnik Har'kovskogo nacional'nogo pedagogicheskogo universiteta imeni G. S. Skovorody, 2015, no. 2 (55), pp. 62–66.

УДК 32

О. Е. Чуйков, канд. социол. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Курский государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: chuikov-ru@mail.ru)

ЛИДЕРСТВО В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

В данной статье предпринята попытка определения роли лидерских качеств руководителя в государственном и муниципальном управлении. Рассмотрены такие аспекты, как идентификация и определение целей, средств и методов, с помощью которых лидерам удается заручиться поддержкой аппарата управления и населения. В статье выявлены подходы к определению понятия «лидерство», которые имеют место как в зарубежной политической науке, так и в российской. Представлено несколько типологий лидерства, сформулированных отечественными исследователями. Рассмотрен политический феномен лидерства, процесс его развития в системе государственного и муниципального управления. Выявлены психологические, социальные, политические составляющие элементы лидерства, основные модели лидерства. На основании результатов социологических исследований выявлены основные лидерские качества, без которых невозможно представить себе современного управленца. Определены проблемы лидерства и реализации лидерских качеств в современном Российском государстве и предложены пути их решения. В статье также сформулированы задачи и рассмотрены перспективы модернизации модели политического лидерства в России. В XXI веке государственное управление претерпит кризис лидерства. Требуется новая модель лидерства, основанная на принципе командной деятельности. Происходит отказ от авторитарной модели, на место которой встанет солидёрство. Управляющим придётся принять сознательный шаг к отказу от части своих полномочий, а организации, в целом, переживут структурные перестройки. В этой связи исследование новых форм лидерства становится актуальным и востребованным как в сфере государственного управления, так и на муниципальном уровне.

Ключевые слова: лидерство, модели лидерства, руководитель, государственное и муниципальное управление, харизма, солидёрство.

Ссылка для цитирования: Чуйков О. Е. Лидерство в системе государственного и муниципального управления // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2018. Т. 8, № 3 (28). С. 198–203.

Проблема формирования и развития лидерства была и остается актуальной как для зарубежной, так и для отечественной науки. Лидерство в контексте государственного управления рассматривалась В. Парето, Г. Лассуэлла; причины формирования лидерских качеств исследовал Р. Каттел. Рассматривая теорию лидерства, нельзя не отметить большой вклад в неё таких исследователей, как Курт Левин, который сформулировал методы управления и стили лидерства, рассматривал проблему разрешения конфликтов [1].

Политическое лидерство и проблемы харизматического лидерства рассматривались в работах К. Фридриха, И. Итвела [2].

Классическая и современная наука о лидерстве рассматривает эффективность и способность политических акторов использовать себя в политических целях. В современной западной политике наблю-

дается качественный сдвиг в политическом руководстве с середины 1990-х гг., проявляющийся в акцентировании внимания на имидже, стиле, известности в деятельности политических лидеров [3].

Руководитель полагается на должностную основу власти, в то время как лидер больше внимания уделяет социальному взаимодействию в организации. Лидер влияет, используя неформальные рычаги власти: своей харизмой, волей, степенью увлечённости. Тот же руководитель в государственной сфере – это должностное лицо, исполняющее полномочия индивида [4, с. 144].

Лидерство, как отметил Р. Л. Кричевский, – психологический феномен, порождённый системой неформальных отношений [5, с. 56]. Упорядочение отдельных элементов такой системы достигается через вертикальное управление-подчинение и горизонтальные связи распределения полномочий. Связь выстраи-

вается в управленческую пирамиду, вершиной которой и является лидер, при этом лидер признаётся составной частью группы только после того, как докажет свою компетентность и надёжность.

Ещё одно отличие организаций, имеющих лидера – наличие последователей, а не подчинённых. Лидер, в свою очередь, обязан быть коммуникабельным, проявлять внимательность и отчасти распределять свою власть между последователями [6, с. 64].

Лидер обладает способностью влиять на людей, что позволяет ему оперировать властью и авторитетом своих последователей. Проявляется закон синергии. Как отмечают исследователи, именно власть связей приобретает одно из главенствующих значений любой эффективной системы. Для организации, работающей на основе эффективного лидерства, это означает большой потенциал к быстрому достижению целей. Главное в такой системе обеспечить инновационное направление сотрудников и воспроизводство лидеров на всех «этажах». Необходимость данных условий в современных системах управления описана кратко, но ёмкой фразой в научной работе С. В. Васильева, А. И. Жуковского и К. Цуркера: «Лидерство в каждом, приводящее к лидерству организации» [7]. Также они отметили, что возникшая модель лидерского управления способна обеспечить организации гибкость и устойчивость в условиях риска и изменений.

Рассматривая типологию лидерства, следует отметить классификацию профессора Б. Д. Парыгина, в основе которой лежат три критерия: содержание, стиль и характер деятельности. Данная типология была разработана на основе понимания того, что каждый лидер имеет свой стиль управления и принятия решений. По содержательному критерию существуют лидеры-вдохновители, лидеры-исполнители и лидеры-организаторы. По стилю: авторитарные лидеры, демократические и пассивные, а по характеру деятельности – универсальный тип лидера, постоянно

проявляющий лидерские качества, и ситуативный. Смысл определений понятен из названий и вполне себя оправдывает [8].

Эффективное лидерство в какой-либо сфере деятельности возможно при условии, что лидер не только будет соответствовать вышеназванным требованиям, но и придерживаться основных принципов лидерства: доверие, постановка разумных задач и рациональное использование сотрудников и ресурсов, создание мотивации и подача правильного примера ведения дел.

В системе государственного управления существуют определённые условия, определяющие возможность развития лидерства: во-первых, это ситуация, для решения которой необходим прорыв вперёд; во-вторых, это личность, имеющая потенциал стать во главе и взять на себя всю ответственность. Третьим – обязательным фактором является группа последователей с налаженной прямой и обратной связью [9, с. 19].

В государственном и муниципальном управлении лидерство является особо важным фактором, поскольку без первых лиц невозможны серьёзные преобразования в каком-либо вопросе. При этом лидерская группа государственных управленцев самая малочисленная, что делает её ещё более значимой, а требования к лидерам данной категории – более высокими.

Главные из таких требований, по результатам опросов ВЦИОМ, носят моральный характер: это честность, доброта к людям и некоррупционность, при этом действия в строгом соответствии с законом высокой ценностью не обладают. Основными качествами политического лидера, по мнению участников опроса ВЦИОМ, являются:

- опыт политической и хозяйственной деятельности;
- волевые качества, профессионализм;
- государственный подход к решению проблем;

- способность следовать четкой последовательной политической линии;
- активность;
- энергичность;
- стремление к порядку;
- культура;
- образованность;
- умение связано излагать свои мысли;
- независимость;
- готовность защищать интересы простых людей;
- личное обаяние;
- честность, порядочность;
- бескорыстность;
- гибкость [10].

Другими словами, государственный служащий, по мнению граждан России, должен в первую очередь учитывать человеческий фактор и совершать гуманные поступки.

Проблему лидерства в государственном и муниципальном управлении изучали И. П. Волков, Ю. Н. Емельянов, Р. Л. Кричевский, Е. С. Кузьмин и др. Со стороны профессиональной деятельности лидерские качества государственного и муниципального управляющего имеют более постоянный характер по сравнению с иными сферами деятельности. Так, по мнению исследователей М. Белбина, Е. С. Жарикова и др., эффективность работы управленца обусловлена его решительностью и устойчивостью, уважением к подчинённым, умением вести за собой людей, не применяя прямых команд [11, с. 11].

Лидер также обязан быть стратегом. Требования к лидеру в системе государственного и муниципального управления много и исполнить их достаточно сложно. Неудивительно, что есть случаи нарушения и несоответствия ожиданиям от управленцев. Тогда возникает вопрос: «А нужны ли вообще настоящие лидеры в государственном управлении или нужны только посредственности и исполнители?» Ведь так тяжело добиться сочетания в одном человеке всех необходимых качеств, опыта и знаний... Как известно,

не имея чёткого и контролируемого направления, невозможно прийти к чему-то стоящему. Посредственный исполнитель не сможет задать точный курс, правильно распределить ресурсы и полномочия, осуществить контроль и нести персональную ответственность [12, с. 643].

В авторитарной модели нет чёткой взаимосвязи и достаточного понимания между элементами системы управления; возможна деполитизация населения. С позиции самого лидера, руководитель сам решает проблемы и принимает решения, используя либо самостоятельно накопленную информацию, либо информацию, предоставленную подчинёнными. При этом подчинённые не участвуют в процессе анализа и принятия решения. Практически субъективное управление малоэффективно и увеличивает шансы на ошибку [13]. Формируется харизматическое правосознание, закон может быть противоположен справедливости [14, с. 102].

Солидерство же, наоборот, основано на распределении обязанностей и власти по принятию решений. Положительных аспектов несколько: во-первых, снижается риск, ситуация рассматривается с разных сторон и разнопрофильными специалистами, увеличивается скорость и точность исполнения: во-вторых, подчинённые чувствуют себя не просто «поисковиками» информации, ни за что практически не отвечающими, а непосредственно принимают участие, наделены долей власти и несут ответственность, что является хорошим стимулом к эффективной профессиональной деятельности.

Следует предположить появление в системе государственного управления России смешанной модели, сочетающей авторитарные и демократические основы, в том числе и солидерство. Лидер, как и в авторитарной модели, будет высокоответственным, рассудительным и надёжным управленцем. При этом вместо централизации власти в такой модели произойдёт распределение полномочий, как в демократической, но с некими поправками

ми: для большей эффективности на каждом уровне управления появится также свой лидер [7]. Такая модель в государственном и муниципальном управлении может по праву считаться результатом сложения опыта ни одного поколения лидеров, отображением исторических традиций и являться, возможно, наиболее эффективной в будущем.

В государственном и муниципальном управлении на протяжении долгого времени сформировался ряд проблем, которые, очевидно, не дают возможности появлению в политической системе новых эффективных лидеров, а если и дается такая возможность, то она обуславливается больше популистскими целями, нежели стремлением повышения качества управления страной. Сложившаяся политическая система унаследовала « пороки » советской управленческой модели, а именно старение кадров высших эшелонов власти. Лидеры парламентских партий, главы ведомств, Центризбирком, в общем «политбюро РФ» на 75% состоят из лиц старше 60 лет. В Совете Федерации из 170 депутатов 76 – пенсионеры [15]. У руководства высшими государственными органами в России стоят преимущественно пенсионеры. Конечно, в политике главное не возраст, а опыт и умение работать на благо своей страны. Сразу возникают вопросы: а способны ли все «чиновники-пенсионеры» продуктивно работать и где набирать опыт молодым управленцам, если большинство социальных лифтов не работает? Такая же ситуация происходит и на муниципальном уровне управления. Сложилась уже «новая» традиция «завещания» своих постов и должностей родственникам и друзьям. Какими хотят видеть лидеров наши граждане, давно уже понятно. Проведено множество исследований и социологических опросов. А вот каким образом эти чаяния будут воплощать представители власти? И будут ли воплощать вообще? Данные вопросы остаются открытыми.

Лидерство в государственном и муниципальном управлении – это гибкий инструмент эффективной организации управленческого процесса. Лидер должен действовать в зависимости от ситуации, применяя смешанный подход к решению, находить выход в ситуациях неопределённости или повышенного риска. Наибольшего результата, чаще всего, получается добиться харизматичному лидеру, за которым идут последователи, а он, в свою очередь, действует в зависимости от ситуации, применяя смешанный подход к решению политических задач. В ситуациях неопределённости или повышенного риска такой лидер, наиболее вероятно, найдёт решение. Большую роль для повышения эффективности играет и делегирование полномочий, наличие лидеров на каждом «этаже» систем управления. Решение проблем управления на государственном и муниципальном уровнях имеет большую ценность. Назрела необходимость как дальнейшего развития системы ротации кадров в сфере государственного и муниципального управления, так и увеличения количества профессиональных, компетентных лидеров в системе государственного и муниципального управления.

Список литературы

1. Lewin K. Field Theory and Experiment in Social Psychology: Concepts and Methods // American Journal of Social Psychology. 1939. No. 44. Pp. 873–884.
2. Friedrich Carl. J., Brzezinski Zb. Totalitarian dictatorship and autocracy. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1965. 438 p.
3. Hennessy P. Rulers and Servants of the State: The Blair Style of Government 1997–2004 // Parliamentary Affairs. 2005. Vol. 58, No. 1. P. 6–16.
4. Громова О. Н., Мишин В. М., Сви-стунов В. М. Организация управленческого труда. М.: ГАУ, 1993. 76 с.
5. Кричевский Р. Л. Если вы руководитель: элементы психологии менедж-

мента в повседневной работе. М.: Дело, 1998. 398 с.

6. Чуйков О. Е. Политология / Филиал Акад. права и управления (институт) Курск, 2010. 456 с.

7. Васильев С. В., Жуковский А. И., Цуркер К. Эффективность работы организаций государственного и муниципального управления и их служащих. Великий Новгород: Знание, 2002. С. 25–29.

8. Парыгин П. Д. Руководство и лидерство // Руководство и лидерство: сб. / Ленингр. гос. пед. ин-т. Л., 1973. С. 41.

9. Еропкин А., Сидорова Н. Имидж руководителя. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1993. 62 с.

10. Россияне – о профессии государственного служащего. Всероссийские опросы ВЦИОМ 2016–2017 гг. [Электронный ресурс]. URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences (дата обращения: 22.06.2018)

11. Соколова Е. А. Лидерские качества в профессиональной деятельности менеджера государственного и муниципального управления // Сибирский педа-

гогический журнал. 2011. № 8. С. 243–248.

12. Государственное управление: основы теории и организации / под ред. В. А. Козбаненко. М.: Статут, 2002. Т. 1. 366 с.

13. Альбеков К. А. Политическое лидерство в контексте повышения эффективности государственной власти // Современная политология: проблемы, поиски, решения. Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2010. С. 23–28.

14. Чуйков О. Е. Традиции российской государственности и их влияние на современное государственное управление // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2017. Т. 7, № 2 (23). С. 101–105.

15. Цепляев В. Кто правит Россией? Средний возраст чиновников и депутатов [Электронный ресурс] // Аргументы и Факты. 2017. № 18. URL: www.aif.ru/politics/russia/kto_pravit_rossiey_aif_uznal_sre_dniy_vozrast_chinovnikov_i_deputatov (дата обращения: 16.05.2018).

Поступила в редакцию 17.07.18

UDC 32

O. Chuikov, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Kursk State University (Kursk, Russia) (e-mail: chuikov-ru@mail.ru)

LEADERSHIP IN THE SYSTEM OF STATE AND MUNICIPAL MANAGEMENT

In this article, an attempt is made to determine the role of leader leadership in state and municipal government. Considered are such aspects as identification and definition of goals, means and methods by which leaders manage to secure the support of the management apparatus and the population. The article reveals the approaches to the definition of the concept of "leadership", which take place both in foreign political science and in Russia. Several typologies of leadership, formulated by domestic researchers, are presented. The political phenomenon of leadership, the process of its development in the system of state and municipal management is considered. Psychological, social, political components of leadership, basic models of leadership are revealed. Based on the results of sociological research, the main leadership qualities are revealed, without which it is impossible to imagine a modern manager. The problems of leadership and realization of leadership qualities in the modern Russian state are determined and ways of their solution are offered. The article also formulated the tasks and considered the prospects for modernizing the model of political leadership in Russia. In the 21st century, public administration will undergo a leadership crisis. A new leadership model is required, based on the principle of teamwork. There is a rejection of an authoritarian model, in place of which there will be solidarity. The manager will have to take a conscious step towards abandoning some of his powers, and organizations as a whole will survive structural adjustment. In this regard, the study of new forms of leadership becomes relevant and in demand both in the sphere of public administration and at the municipal level.

Key words: leadership, leadership model, leader, state and municipal management, charisma, solidarite.

For citation: Chuikov O. Leadership in the system of state and municipal management. Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management, 2018, vol. 8, no. 3 (28), pp. 198–203 (in Russ.).

References

1. Lewin K. Field Theory and Experiment in Social Psychology: Concepts and Methods. *American Journal of Social Psychology*, 1939, no. 44, pp. 873–884.
2. Friedrich Carl J., Brzezinski Zb. Totalitarian dictatorship and autocracy. Cambridge, Mass., Harvard University Press, 1965. 438 p.
3. Hennessy P. Rulers and Servants of the State: The Blair Style of Government 1997–2004. *Parliamentary Affairs*, 2005, vol. 58, no. 1, pp. 6–16.
4. Gromova O. N., Mishin V. M., Svistunov V. M. *Organizaciya upravlencheskogo truda*. Moscow, GAU Publ., 1993. 76 p.
5. Krichevskij R. L. *Esli vy rukovoditel': ehlementy psihologii menedzhmenta v povsednevnoj rabote*. Moscow, Delo, 1998. 398 p.
6. Chujkov O. E. *Politologiya. Kursk, Filial Akad. prava i upravleniya (institut) Publ.*, 2010. 456 p.
7. Vasil'ev S. V., Zhukovskij A. I., Curker K. *Ehffektivnost' raboty organizacij gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya i ih sluzhashchih*. Velikij Novgorod, Znanie Publ., 2002, pp. 25–29.
8. Parygin P. D. *Rukovodstvo i liderstvo*. Rukovodstvo i liderstvo: sb. Leningrad, Leningr. gos. ped. in-t Publ., 1973, p. 41.
9. Eropkin A., Sidorova N. *Imidzh rukovoditelya*. Moscow, OLMA-PRESS Publ., 2017. 62 p.
10. *Rossiyanе – o professii gosudarstvennogo sluzhashchego*. Vserossijskie oprosy VCIOM 2016–2017 gg. URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences (accessed 22.06.2018).
11. Sokolova E. A. *Liderskie kachestva v professional'noj deyatel'nosti menedzhera gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya*. *Sibirskij pedagogicheskij zhurnal*, 2011, no. 8, pp. 243–248.
12. *Gosudarstvennoe upravlenie: osnovy teorii i organizacii*; ed. by V. A. Kozbanenko. Moscow, Statut Publ., 2002. Vol. 1. 366 p.
13. Al'bekov K. A. *Politicheskoe liderstvo v kontekste povysheniya ehffektivnosti gosudarstvennoj vlasti*. *Sovremennaya politologiya: problemy, poiski, resheniya*. Rostov on Don, SKAGS Publ., 2010, pp. 23–28.
14. Chujkov O. E. *Tradicii rossijskoj gosudarstvennosti i ih vliyanie na sovremennoe gosudarstvennoe upravlenie*. *Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya: Istorija i pravo, 2017, vol. 7, no. 2 (23), pp. 101–105.
15. Ceplyaev V. *Kto pravit Rossiej? Srednij vozrast chinovnikov i deputatov*. *Argumenty i Fakty*, 2017, No 18. URL: www.aif.ru/poli-tics/russia/kto_pravit_rossiej_aif_uznal_srednij_vozrast_chinovnikov_v_i_deputatov (accessed 16.05.2018).

УДК 327

В. М. Кузьмина, канд. ист. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: kuzmina-violetta@yandex.ru)

СЕПАРАТИЗМ ИЛИ ДВИЖЕНИЕ ЗА НАЦИОНАЛЬНУЮ НЕЗАВИСИМОСТЬ: ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ КАТАЛОНЦЕВ В 2014–2017 ГОДАХ

На сегодняшний день проблема сепаратизма, регионализма продолжает будоражить научную и политическую общественность как в теоретическом, так и в практическом плане. Все дело в расширении масштабов данного явления, которое может проявиться в любом государстве, поэтому сегодня так важно знать не только корни данного явления, но и процесс протекания и последствия. Как свидетельствует опыт стран СНГ после распада СССР, стран Восточной Европы после распада социалистической системы и Организации Варшавского Договора, может меняться не только социально-экономическая ситуация развития региона, страны, но и появляется политическая нестабильность, осложненная экстремизмом.

Что касается Европы, то Каталония, Страна Басков и Галисия – это не единственные регионы, желающие добиться независимости. Некоторые регионы борются не за полную независимость, а за большую автономию, другие, как Шотландия или Каталония, хотят стать независимыми государствами. В случае углубления противоречий между ними и правительством Испании существует высокая вероятность подъема националистических движений в других регионах.

В теоретическом плане данная проблематика не получила достаточно глубокого рассмотрения, в силу чего отсутствуют четкие проработанные механизмы преодоления сепаратизма в рамках отдельных регионов и стран. Вопрос обострился из-за активной позиции политических сил Каталонии по данному вопросу. Каталонские события в случае отделения региона станут прецедентом не только для стран Европейского Союза, но и для всего мира. На настоящий момент насчитывается более 60 националистически настроенных регионов.

В статье рассмотрены результаты социологических опросов, которые проводил Центр по исследованию общественного мнения, начиная с 2011 по 2017 гг. На повестке дня стоял вопрос о выходе из состава Испании, был также проведен опрос о статусе Каталонии.

Ключевые слова: социологический опрос, ивент-анализ, сепаратизм, Каталония, Испания.

Ссылка для цитирования: Кузьмина В. М. Сепаратизм или движение за национальную независимость: общественное мнение каталонцев в 2014–2017 годах // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2018. Т. 8, № 3 (28). С. 204–213.

Сепаратизм – это современная тенденция в ряде территорий Европы, в том числе Испании, которая характеризует собой стремления политических, общественных кругов к образованию независимых государств. Сепаратизм активно «процветает» в Стране Басков, в Каталонии и Галисии [1].

Европейский сепаратизм обладает своей спецификой и связан с интеграционным процессом в Европейском Союзе. В XXI в. ситуация в мире кардинально изменилась. Несмотря на то, что в Испании действуют многочисленные общественные организации, цель которых – единая Испания, тем не менее существует также значимое количество общественных объединений, выступающих за автономию или независимость отдельных территорий. Для объективного восприятия проблематики испанского региона-

лизма важно учитывать параллельность и связь двух разных исторически сложившихся тенденций в государственном и национально-территориальном развитии Испании. Можно выделить как унитаристскую или централизующую тенденцию, связанную с существованием Испании как единого государства, так и децентралистскую (автономистскую) тенденцию, для которой характерна борьба за регионализацию или автономизацию.

Сегодня в Каталонии, как нигде, стоит остро движение за национальную независимость, которая сочетается с движением за политическую независимость, поэтому разгорающийся конфликт носит этнополитический характер. Среди жителей Каталонии данное стремление проявляется в виде развешивания национальных флагов на балконах домов, на каталонский язык переведены названия

магазинов, потребительские товары и много другое [2]. Все эти проявления национализма некоторые исследователи связывают исключительно с любовью народа к своему языку и культуре.

Но это не значит, что каталонцы решили обособиться и начать жить в своем обособленном самостоятельном государстве. Жители Каталонии отнюдь не демонстрируют агрессивность и нетерпимость, они продолжают оставаться открытыми и толерантными. Проявления их сепаратизма направлено в первую очередь на изменение политической и экономической ситуации, именно в этих областях каталонцы добиваются независимости [3]. В первую очередь, местное правительство – Женералитет Каталонии ведет на дипломатическом уровне интенсивные переговоры с центральным правительством Испании. На начальном этапе каталонцы хотят больше полномочий для местного правительства, а это возможно лишь после внесения изменений в Устав региона.

Для того чтобы подкрепить свои позиции относительно борьбы за независимость, Женералитет и общественные организации инициируют опросы среди населения.

Вообще, применение социологических опросов – явление достаточно популярное, как среди представителей оппозиции, так и правительства [4], но сегодня в условиях большой мобильности населения значимость приобретают онлайн-опросы. Как отмечает в своем исследовании О. В. Беляева: «Интернет помогает ускорить сбор первичной информации и сэкономить ресурсы, а обмен информацией между людьми в виртуальной среде позволяет качественно изменить коммуникативную ситуацию и уменьшить влияние исследователя на респондента» [5]. Но это влечет за собой низкий уровень доверия к полученной информации, о чем сообщает в своих работах Г. А. Есенкова [6].

Таблица 1
Результаты социологического опроса на тему независимости Каталонии от Испании

Дата (Fecha)	За независимость (Sí a la independència), %	Против (No a la independència), %	Воздержались (Se abstendria), %	Другой ответ (Otra respuesta), %	Не знают (No lo sabe), %	Не отвечали (No contesta), %
2011	42,9	28,2	23,3	0,5	4,4	0,8
2012	51,1	21,1	21,1	1,0	4,7	1,1
2013	57,0	20,5	14,3	0,6	6,2	1,5
2014	54,7	20,7	17,0	1,1	5,4	1,0
2015	55,6	23,4	15,3	0,6	3,8	1,3
2016	54,7	22,1	15,7	1,3	4,9	1,4
2017	58,9	18,1	18,0	4,5	1,5	2,0

Согласно таблице 1, Центр по исследованию общественного мнения (СЕО) проводил опросы жителей по вопросу независимости Каталонии [7]. Опрос проводился с 10 по 30 января каждый год с 2011 по 2017 г. В среднем в течение опросного периода специалисты старались опросить около 1200 человек. Из таблицы 1 видно, как менялось мнение граждан по этой проблеме. Однозначен вывод относительно роста количества

жителей, выступающих за независимость Каталонии от 42,9% в 2011 г. до 58,9% в 2017 г. Количество сомневающихся в принципе снизилось с 23,3% в 2011 г. до 18,0% в 2017 г. Среди жителей появилось определенное количество людей, предлагающий иной путь развития Каталонии: с 0,5% в 2011 г. до 4,5% в 2017 г.

Кроме того, институт ДУМ по заказу интернет-газеты El Confidencial организовывал несколько лет подряд опросы по

поводу независимости Каталонии посредством телефонов. В опросе, который проводился с 22 по 28 июня 2017 г., участвовал 531 человек в возрасте от 18

до 75 лет. Аналогичное количество человек принимало участие в предыдущих опросах, организованных по заказу интернет-газеты El Confidencial (табл. 2) [8].

Таблица 2

Результаты телефонных опросов, проведенных институтом DYM по заказу интернет-газеты El Confidencial

Дата (Fecha)	Согласны (De acuerdo), %	Не согласны (En desacuerdo), %	Воздержались (Abstención), %	Не решили (Indecisos), %
2014	36,5	22,1	27,1	11,7
2015	50,3	17,8	24,6	1,4
2016	56,5	20,1	19,1	4,3
2017	60,1	21,3	15,6	7,0

Данные результаты опроса показали, что к 2017 г. сохраняется относительная поляризация взглядов населения относительно необходимости независимости Каталонии. Наблюдается значительный рост тех, кто согласен с необходимостью введения независимого статуса Каталонии от Испании с 36,5% в 2014 г. до 60,1% в 2017 г. Количество воздержавшихся уменьшилось примерно на 12% по сравнению с 2014 г.

Кроме того, Центр по исследованию общественного мнения также проводит три раза в год изучение мнения о политике граждан. Результаты относительно независимости Каталонии представлены в таблице 3 [9].

На основании полученных результатов опроса был составлен график, отражающий динамику общественного мнения граждан Каталонии (рис. 1).

Таблица 3

Результаты социологического опроса Центра по исследованию общественного мнения каталонцев

Дата Fecha	Независимое государство (Estado independiente), %	Федеральное государство (Estado federal), %	Автономное сообщество (Comunidad autónoma), %	Район (Región), %	Не знает (No lo sabe), %	Не отвечал (No contesta), %
Начало 2011 г.	24,5	31,9	33,2	5,6	3,5	1,3
Середина 2011 г.	25,5	33,0	31,8	5,6	3,4	0,7
Конец 2011 г.	28,2	30,3	30,4	5,7	3,9	1,5
Начало 2012 г.	29,0	30,8	27,8	5,2	5,4	1,8
Середина 2012 г.	34,0	28,7	25,4	5,7	5,0	1,3
Конец 2012 г.	44,3	25,5	19,1	4,0	4,9	2,2
Начало 2013 г.	46,4	22,4	20,7	4,4	4,9	1,2
Середина 2013 г.	47,0	21,2	22,8	4,6	3,5	0,9

Окончание табл. 3

Дата Fecha	Независимое государство (Estado independiente), %	Федеральное государство (Estado federal), %	Автономное сообщество (Comunidad autónoma), %	Район (Región), %	Не знает (No lo sabe), %	Не отвечал (No contesta), %
Конец 2013 г.	48,5	21,3	18,6	5,4	4,9	1,3
Начало 2014 г.	45,2	20,0	23,3	2,6	6,9	2,0
Середина 2014 г.	45,3	22,2	23,4	1,8	6,5	0,9
Конец 2014 г.	36,2	28,9	21,8	5,4		
Начало 2015 г.	39,1	26,1	24	3,4	5,3	2,0
Середина 2015 г.	37,6	24,0	29,3	4,0	3,9	1,1
Конец 2015 г.	41,1	22,2	27,4	3,7	4,2	
Начало 2016 г.	38,5	26,3	25,1	4,5	4,5	
Середина 2016 г.	41,6	20,9	26,5	4,0	5,6	

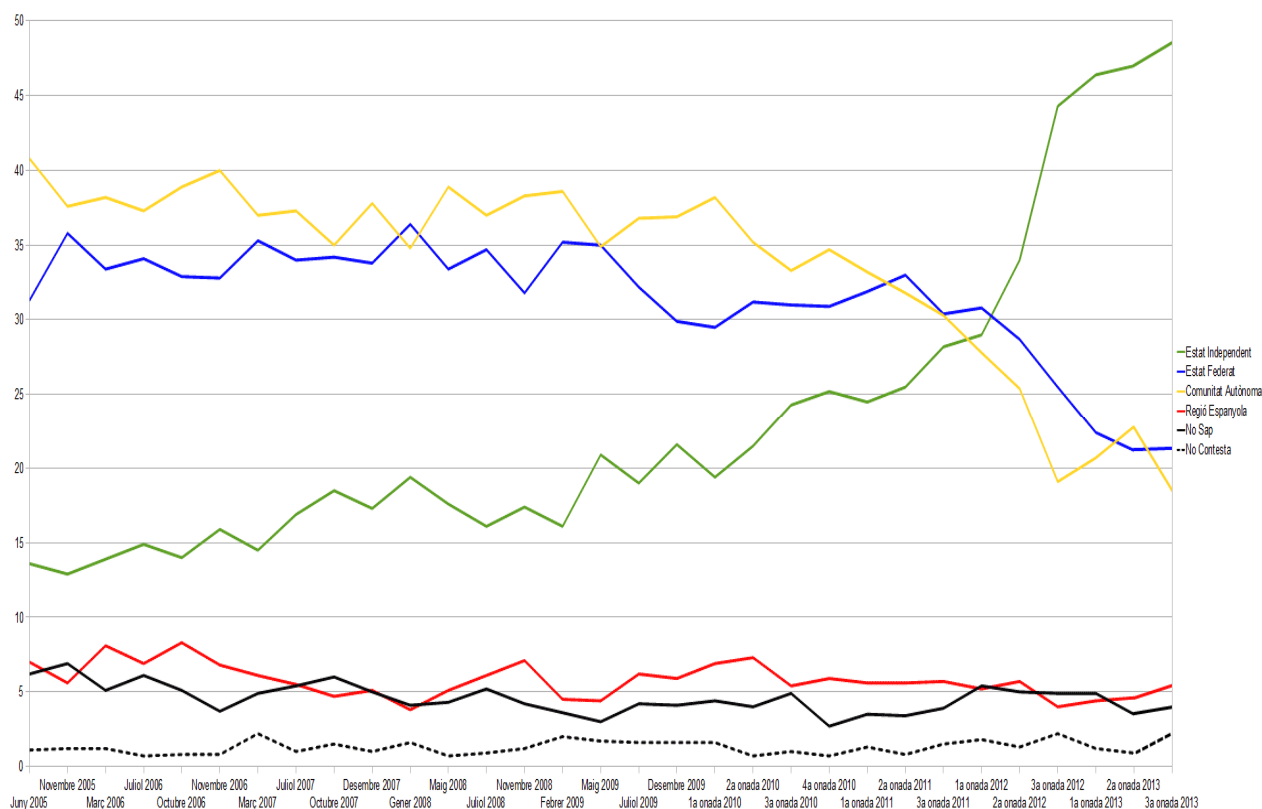

Рис. 1. Результаты социологического опроса Центра по исследованию общественного мнения каталонцев относительно независимости Каталонии

2014 год был знаковым для Испании в контексте изучения общественного мнения о статусе Каталонии. Так был проведен опрос, который фактически стал альтернативой референдуму. Из 947 глав районов (муниципалитетов) Каталонии 97% (920) выразили поддержку референдуму. Около 800 глав поехали на встречу с главой Жералитета Каталонии Артуром Маасом.

Как подсчитали социологи, в голосовании было задействовано около

92,2% Каталонии. А что же с оставшимися 8% территории? Именно на этой оставшейся части в руководстве находились представители промадридской Народной партии, отстаивающие идеи унитаризма, считающие референдум фарсом. Но результаты опроса следующие: около 2,25 млн человек в возрасте от 16 лет (примерно 42% населения) приняли активное участие в данном событии [9].

Таблица 4

Результаты опроса о статусе Каталонии, ставшему альтернативной Референдуму

Ответы	Показатель
За полную независимость Каталонии	80,76 %
За расширение прав в составе Испании	10,07 %
За сохранение статуса-кво	4,54 %

Напомним, что проведение референдума было намечено на 9 ноября 2014 г., но он был заморожен 27 сентября 2014 г. Конституционным судом Испании по причине несоответствия референдума Конституции Испании. Впрочем, в октябре 2014 г. власти Испании объявили, что и сам опрос является незаконным.

Для того чтобы иметь представление о политических процессах, происходящих в Каталонии, также со стороны органов власти необходимо применить ивент-анализ.

Ивент-анализ необходим в тех исследованиях, где надо провести изучение различных военных конфликтов, форм проявлений политического насилия, различных массовых выступлений или отследить динамику переговорного процесса. Данный метод исследования все больше получает популярность, поскольку наряду с качественным анализом дает количественную информацию, которую необходимо иллюстрировать, что повышает уровень восприятия материала исследования. На основании проведенного анализа возможно выстраивание даль-

нейшей стратегии поведения со стороны участников ивент-анализа [10].

Был проведен ивент-анализ проявлений сепаратизма в Испании. Активно участвуют как правительство Каталонии, так и правительство Испании, на протяжении многих лет пытаясь прийти к соглашению и решить этот важный вопрос о независимости Каталонии. Главными событиями 2015 г. стали выборы в парламент Каталонии, последующая победа сепаратистской партии и подпись резолюции о независимости Каталонии, чью легитимность не признало правительство Испании и конституционный суд. Все события проходили в течение 2015 г., однако наибольшая интенсивность наблюдалась осенью 2015 г. Это связано с выборами в парламент Каталонии (рис. 2, 3).

Для того чтобы соотнести между собой вербальные и невербальные акты выступлений сепаратистов в Испании, необходимо использовать способ наложения графиков друг на друга. В итоге мы получили следующую картину (рис. 4).

Рис. 2. Интенсивность сепаратистских выступлений (вербальных актов) относительно независимости Каталонии за 2015 г.

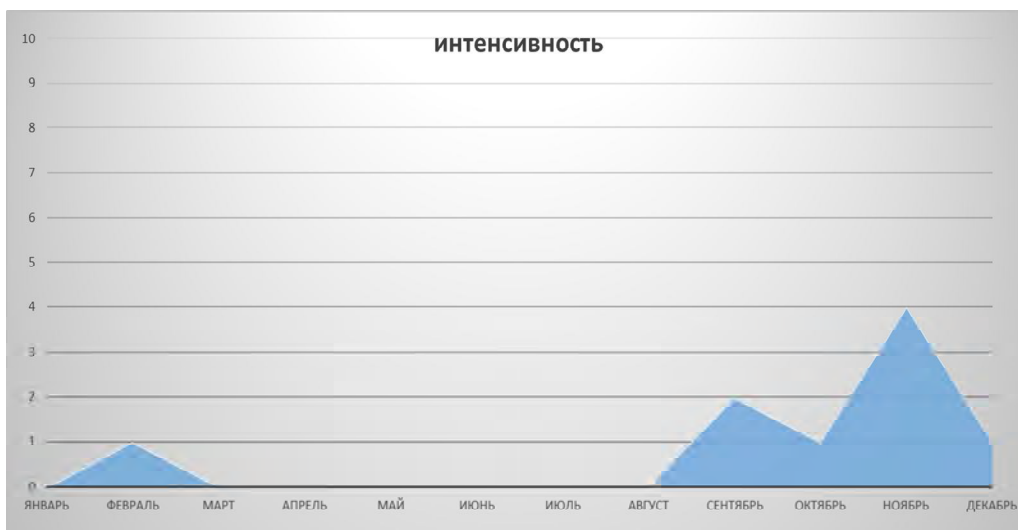

Рис. 3. Интенсивность сепаратистских выступлений (невербальных актов) относительно независимости Каталонии за 2015 г.

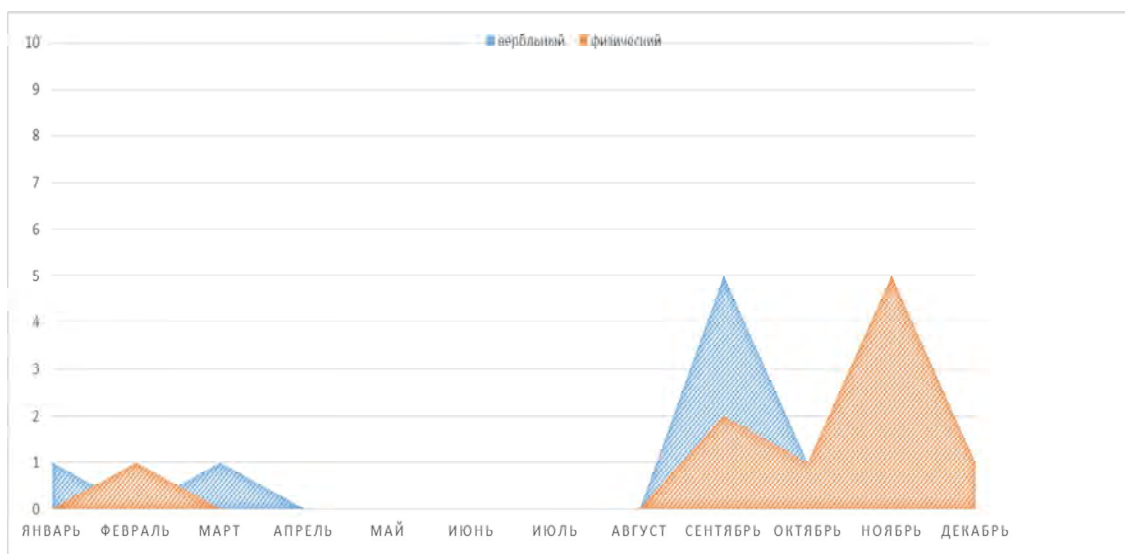

Рис. 4. Соотношение вербальных и невербальных актов проявлений сепаратизма в Испании в 2015 г.

Благодаря данному рисунку наглядно видно несовпадение вербальных актов выступлений сепаратистов и невербальных актов, но при этом сохраняется логика в их движении: после очередных призывов сепаратистов к действиям наступает период конкретных действий сторонников независимости Каталонии.

1 октября 2017 г. прошло голосование, посвященное выходу Каталонии из состава Испании. Из 5,31 млн имеющих право голоса каталонцев в нем приняли участие 2,28 млн человек, из которых 90,18% ясно высказали свою точку зрения относительно независимости Каталонии от Испании. Понятно, что правительство Испании объявило референдум нелегитимным и не сочло нужным признать его результаты [11].

Центр социологических исследований Испании провел 23–27 ноября опрос, в результате которого был составлен портрет каталонского общества, пережившего референдум о независимости 1 октября 2017 г., а также ставшего свидетелем побега экс-президента Женера-литета Карлеса Пучдемона в Бельгию и заключения под стражу бывших членов правительства региона. Согласно CIS, 43,8% опрошенных считают себя как испанцами, так и каталонцами, 22,7% относят себя исключительно к каталонской нации, а 3,1% – только к испанской [12].

Парламент Каталонии утвердил резолюцию о провозглашении независимой республики и начале «учредительного процесса», который должен заложить основы нового суверенного государства. Для того чтобы противостоять сепаратизму на законодательно-правовой основе, Верхняя палата парламента Испании (Сенат) запустил в ход 155-ю статью конституции, которая ранее никогда не применялась, именно данная статья ре-

ально ограничивает самоуправление Каталонии через обязательство провести новые региональные выборы в течение шести месяцев, чтобы восстановить соблюдение законности в регионе.

В целом, можно констатировать, что развертывание сепаратистских движений в некоторых странах-членах Европейского союза, что может привести к появлению новых государств на европейском континенте, стало одной из важнейших проблем для Объединенной Европы. Так, сепаратистские настроения в Испании, которая, как и Россия, является многонациональным государством, состоящая из территориально-административных единиц, таких как 17 автономных областей и 2 автономных города, которые объединяют 50 провинций, распространяются в Каталонии, Стране Басков, Галисии, поэтому исследование сепаратистского движения в Каталонии и Стране Басков и анализ его влияния на экономические и политические аспекты регионов является актуальным и общественно значимым. Все возрастающая тенденция каталонского сепаратизма становится угрозой для национальных интересов Испании. Проблема Каталонского сепаратизма многогранна: она затрагивает и вопрос идентичности, и вопрос разделения власти между государством и правительством Каталонии, вопрос языка и финансирования. Разделяя особую историю, простирающуюся в раннее Средневековье, многие каталонцы считают себя независимой от остальной части Испании нацией. Также главным внутренним социальным вызовом современной испанской демократии является баскский терроризм. Несмотря на постоянные попытки и стремление испанского правительства мирно урегулировать вопрос, решение этих конфликтов все еще до конца не завершено.

Проведенное исследование показало, что проблема сепаратизма актуальна для Испании. Спрогнозировать дальнейшую эволюцию политико-территориального устройства Испании трудно. Основная причина неустойчивости конституционной модели заключается в наличии самобытных национальных сообществ, претендующих на самоопределение за рамками, предусмотренными Конституцией. Её открытость и гибкость доктрины во многом способствовали разрешению возникающих противоречий, постепенно передавая полномочия из центра в регионы. Возможно в будущем, в результате изменения баланса компетенции, появится необходимость процесса федерализации страны с четко сформулированными границами статуса субъектов федерации, т. е. велика вероятность изменения Конституции 1978 г.

В силу либеральной конституции, допускающей передачу полномочий от центра регионам, в стране очень сильны проявления регионализма. Некоторые полагают, что страна находится на переходном этапе от централизма к федеративному устройству. Но даже в случае перехода Испании к федеративному государственному устройству на первом этапе будут наблюдаться элементы асимметрии (политической, социально-экономической, культурной и этнолингвистической). Тем не менее официально Испания считается унитарным децентрализованным государством.

Таким образом, на сегодняшний день Испания становится самым ярким примером асимметричной децентрализации в рамках одного государства в Европе. Анализ результатов социологических опросов на протяжении 2014–2017 гг. показал, что проблема сепаратизма носит и этнический, и политический, и экономический характер.

Список литературы

1. Каталония по дороге в новое будущее [Электронный ресурс]. URL: <http://www.collectiuemma.cat/article/1552/> (дата обращения: 11.05.2018).

2. Каталонский сепаратизм и страхи о балканизации Испании [Электронный ресурс]. URL: <https://www.svoboda.org/a/2094856.html> (дата обращения: 11.05.2018).

3. Сепаратизм в Европе: каталонцы не хотят быть испанцами [Электронный ресурс]. URL: http://n-erope.eu/article/2012/10/29/separatizm_v_evrope_katalontsy_ne_khotyat_byt_ispantsami (дата обращения: 11.05.2018).

4. Хорошильцев А. И. Виды непосредственной власти народа и его государственная власть // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2012. № 1, ч. 1. С. 101–105.

5. Беляева О. В. Использование онлайн-опросов в социологических исследованиях профессиональной молодежи // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2013. № 4. С. 176–179.

6. Есенкова Г. А., Евченко А. В. Социальная специфика социологической диагностики // Известия Курского государственного технического университета. 2002. № 1 (8). С. 234–240.

7. CEO: против получения независимости высказались более половины каталонцев [Электронный ресурс]. URL: <https://mresearcher.com/2018/02/ceo-protiv-polucheniya-nezavisimosti-vyskazalis-bolee-poloviny-katalontsev.html> (дата обращения: 11.05.2018).

8. Опрос: большинство избирателей готовы поддержать независимость Каталонии [Электронный ресурс]. URL: https://forbes.kz/news/2017/07/03/newsid_149253 (дата обращения: 11.05.2018).

9. Опрос в Каталонии и москвовата [Электронный ресурс]. URL: <https://don-katalan.livejournal.com/1057522.html> (дата обращения: 11.05.2018).

10. Каталония провозгласила себя суверенным субъектом [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rbc.ru/politics/24/01/2013/5704028d9a7947fcbd444e59> (дата обращения: 11.05.2018).

11. Каталония объявила независимость [Электронный ресурс]. URL: <http://>

ifvremya.ru/kataloniya-obyavila-nezavisimost-video/ (дата обращения: 11.05.2018).

12. По данным социологического опроса, 43,8% жителей Каталонии считают себя в равной степени испанцами и каталонцами [Электронный ресурс] // Испания по-русски. URL: <https://espanarusa.com/ru/news/article/624485> (дата обращения: 11.05.2018).

Поступила в редакцию 23.06.18

UDC 327

V. M. Kuzmina, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: kuzmina-violetta@yandex.ru)

SEPARATISM OR THE MOVEMENT FOR NATIONAL INDEPENDENCE: PUBLIC OPINION OF CATALANS IN 2014–2017

Today, the problem of separatism and regionalism continues to excite the scientific and political community both in theoretical and practical terms. It's all about expanding the scale of this phenomenon, which can manifest itself in any state, so today it is so important to know not only the roots of this phenomenon, but also the process of occurrence and consequences. As the experience of the CIS countries after the collapse of the USSR, Eastern Europe after the collapse of the Socialist system and the Warsaw Pact, can change not only the socio-economic situation of the region, the country, but also there is political instability, complicated by extremism.

As for Europe, Catalonia, the Basque Country and Galicia are not the only regions wishing to achieve independence. Some regions are not fighting for full independence, but for greater autonomy, others, like Scotland or Catalonia, want to become independent States. In the case of deepening contradictions between them and the Spanish government, there is a high probability of the rise of nationalist movements in other regions.

In theoretical terms, this issue has not received enough in-depth consideration, which is why there are no clear-cut mechanisms to overcome separatism within certain regions and countries. This problem is quite acute for the States, in particular for Spain, which is the focal state for this study. The issue has worsened due to the active position of the political forces of Catalonia on this issue. Catalan events in the case of separation of the region will become a precedent not only for the European Union, but also for the whole world. At the moment, there are more than 60 nationalist-minded regions.

In the article the results of sociological surveys conducted by the centre for the Study of Public opinion, ranging from 2011 to 2017. On the agenda was the question of secession from Spain, was also held on the status of Catalonia.

Key words: sociological survey, event analysis, separatism, Catalonia, Spain.

For citation: Kuzmina V. M. Separatism or the movement for national independence: public opinion of Catalans in 2014–2017. Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management, 2018, vol. 8, no. 3 (28), pp. 204–213 (in Russ.).

References

1. Kataloniya po doroge v novoe budushchee. URL: <http://www.collectiuemma.cat/article/1552/> (accessed 11.05.2018).

2. Katalonskij separatizm i strahi o balkanizacii Ispanii. URL: <https://www.svo-boda.org/a/2094856.html> (accessed 11.05.2018).

3. Separatizm v Evrope: kataloncy ne hotyat byt' ispancami. URL: http://n-erope.eu/article/2012/10/29/separatizm_v_evrope_katalontsy_ne_khotyat_byt_ishpantami (accessed 11.05.2018).

4. Horoshil'cev A. I. Vidy neposredstvennoj vlasti naroda i ego gosudarstvennaya vlast'. *Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta*. Serija: Istorija i parvo, 2012, no. 1, pt. 1, pp. 101–105.

5. Belyaeva O. V. Ispol'zovanie onlajn-oprosov v sociologicheskikh issledovaniyah professional'noj molodezhi. *Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta*. Serija: Jekonomika. Sociologija. Me-nedzhment, 2013, no. 4, pp. 176–179.

6. Esenkova G. A., Evchenko A. V. Social'naya specifika sociologicheskoy diagnostiki. *Izvestiya Kurskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, 2002, no. 1 (8), pp. 234–240.

7. CEO: protiv polucheniya nezavisimosti vyskazalis' bolee poloviny kataloncev. URL: [https://mresearcher.com/2018/02/ceo-protiv-polucheniya-nezavisimosti-vyska-](https://mresearcher.com/2018/02/ceo-protiv-polucheniya-nezavisimosti-vyskazalis-bolee-poloviny-kataloncev)

zalis-bolee-po-loviny-katalontsev.html (accessed 11.05.2018).

8. Opros: bol'shinstvo izbiratelej gotovy podderzhat' nezavisimost' Katalonii. URL: https://forbes.kz/news/2017/07/03/newsid_149253 (accessed 11.05.2018).

9. Opros v Katalonii i moskvovata. URL: <https://don-katalan.livejournal.com/1057522.html> (accessed 11.05.2018).

10. Kataloniya provozglasila sebya suverennym sub"ektom. URL: <http://www.rbc.ru/politics/24/01/2013/5704028d9a7947fcbd444e59> (accessed 11.05.2018).

11. Kataloniya ob"yavila nezavisimost'. URL: <http://ifvremya.ru/kataloniya-ob-yavila-nezavisimost-video/> (accessed 11.05.2018).

12. Po dannym sociologicheskogo oprosa, 43,8% zhitelej Katalonii schitayut sebya v ravnoj stepeni ispancami i kataloncami. *Ispaniya porusski*. URL: <https://espana-rusa.com/ru/news/article/624485> (accessed 11.05.2018).

ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИРОДЫ, ОБЩЕСТВА, ЧЕЛОВЕКА

УДК 168

Е. Г. Гребенщикова, д-р филос. наук, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (Москва, Россия) (e-mail: aika45@ yandex.ru)

СОЦИАЛЬНАЯ ОЦЕНКА ТЕХНИКИ: ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ЭКСПЕРТИЗЫ

Исходным пунктом теоретического анализа статьи выступают два примера, демонстрирующие эволюцию вовлечения общественности в обсуждение и решение проблем научно-технического развития. Основное внимание уделено специфике таких партиципативных форм производства знания, как консенсусные конференции, сценарные семинары и жюри граждан, разработанных в социальной оценке техники. Становление совещательных механизмов и процедур в технотехнике раскрыто во взаимосвязи с факторами, обусловившими формирование социальной оценки техники: необходимость ликвидации дефицита легитимности государственных структур при принятии решений и повышения эффективности государственной политики в научно-технической сфере.

Показано, что интеграция междисциплинарного научного знания и локального знания заинтересованных социальных акторов является не только предпосылкой эффективного решения возникающих задач, но и способом совместного планирования будущего, учитывающего разные интересы и представления о желаемых и нежелательных сценариях научно-технологического и социального развития. Процессы совместного производства знаний отличаются от режимов «нормальной» науки и могут быть теоретически концептуализированы в рамках подхода «постнормальной науки», который акцентирует внимание на специфике «постнормальных» проблем, требующих комплексных форм оценки и решения, с учетом многообразных факторов не только научного характера. Признание экспертной позиции неспециалистов связано с комплексным характером проблем, процедурами, обеспечивающими коммуникацию при их обсуждении и решении, рекурсивным обменом знаниями, а также процессами взаимного обучения вовлеченных сторон. Переосмысление экспертизы не означает отрицание экспертной роли ученых, а только дополнение её опытным знанием неспециалистов.

Ключевые слова: социальная оценка техники, экспертиза, партиципативные формы производства знания, совещательные процедуры.

Ссылка для цитирования: Гребенщикова Е. Г. Социальная оценка техники: переосмысление экспертизы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2018. Т. 8, № 3 (28). С. 214–220.

Введение

В 1976 г. администрация университета Гарварда (Кембридж, штат Массачусетс, США) обратилась к администрации города за разрешением построить лабораторию для исследований рекомбинантной ДНК (rDNA). Это обращение стало толчком для почти беспрецедентной ситуации совместного обсуждения жителями города, учеными и представителями различных организаций новых возможностей биотехнологии и связанных с ними рисков. Созданный по инициативе мэра Наблюдательный совет города провел большую работу по организации множества консультаций, посетив лаборатории биологии в Массачусетском технологическом институте и Гарварде, приняв участие в Кембриджском форуме по ре-

комбинантной ДНК, и предложил способ решения проблемы ad hoc. В результате было принято постановление, регламентирующее проведение исследований, и создан Комитет биорисков Кембриджа (СВС) по оценке всех предполагаемых в данной сфере исследований на территории Кембриджа [1].

В 2010–2011 гг. трансдисциплинарный центр устойчивого городского развития в Гётеборге (Швеция) "Mistra Urban Futures" реализовал пять проектов по пяти тематическим областям, которые позволили выявить конкретные местные проблемы и определить наиболее эффективные формы обращения с различными подходами к устойчивому развитию, предлагаемыми городскими учреждениями, а также обобщить разнообразные

знания и ноу-хау, построить платформы для обсуждения актуальных вопросов. В основе теоретической рамки проектов был положен опыт партиципативных (англ. participation — участие) и интерактивных способов производства знаний, предполагающих активное вовлечение социальных акторов в решение городских проблем, учет их опыта, знаний и интересов при принятии решений.

Два описанных случая разделяет период, в течение которого были теоретически концептуализированы и практически реализованы разные формы вовлечения общественности и, в частности, стейкхолдеров в решение сложных социально значимых проблем. Другими словами, были поставлены два вопроса: как и зачем вовлекать неспециалистов в решение проблем, традиционно относящихся к компетенции ученых и представителей государственных структур, которые опираются на мнение академических экспертов. Ответы были сформулированы в трансдисциплинарных проектах, в инициативах по «общественному пониманию науки» и «общественному вовлечению в науку», в социальной оценке техники и других подходах. Последняя внесла значительный вклад в ответ на второй вопрос, а именно в развитие партиципативных форм производства знаний, формирование механизмов и моделей диалога, а также переосмысление экспертизы.

Социальная оценка техники

Социальная оценка техники сформировалась в 1960-е годы в Северной Америке в ходе парламентских консультаций по поводу развития техники. Однако наибольшее развитие она получила в Европе. В социологической литературе причины её становления нередко раскрываются во взаимосвязи с двумя кризисами: «кризисом управления» и «кризисом легитимности» [2]. В первом случае речь идет о требованиях к государственным учреждениям со стороны разных стейкхолдеров (научного сообщества, экологов и т. п.) проводить более эффективную

политику, которая касается развития науки и технологий. Во втором – о дефиците легитимности государственных структур в принятии решений по вопросам технонаучного развития в связи со слабым доверием со стороны общества и трудностями достижения согласия по сложным вопросам в плюралистическом обществе. С точки зрения теоретико-методологических оснований социальная оценка техники может быть представлена техническим анализом, экономической оценкой, научными исследованиями в области прогнозирования, оценкой воздействия технонауки на окружающую среду и пр., но с другой стороны, она выступает в качестве инструмента обсуждения и согласования мнений социальных акторов в разных формах общественного участия (круглые столы, консенсус-конференции и др.). В институциональном плане она может быть реализована академической организацией, государственным органом или независимой структурой [3, p. 11].

В европейских странах, где социальная оценка техники получила более широкое распространение, чем в США, такие методы, как консенсусные конференции, сценарные семинары и жюри граждан, оказались наиболее разработанными [4, p. 23].

Цель консенсусной конференции – рассмотреть спорный научный или технический вопрос с учетом разных точек зрения граждан, чтобы выяснить, насколько новое исследование или технология будут противоречить или соответствовать ценностям, отношениям и потребностям общества. Консенсусная конференция проводится в течение трех или четырех дней в интерактивном режиме и предполагает участие трех сторон: группы граждан, группы экспертов и аудитории. Ведущую роль в мероприятии играет первая группа, на которую возложены следующие обязанности: обсуждение рассматриваемого вопроса на двух предварительных встречах; подготовка вопросов для последующего обсуждения

на конференции; выбор и приглашение экспертов для ответов на них; и, наконец, написание отчета. Отчет группы впоследствии представляется широкой общественности и направляется всем членам парламента. Результат конференции должен иметь целеполагающий характер, т. е. ориентироваться на будущее развитие рассматриваемого вопроса, стимулируя его дальнейшее обсуждение лицами, принимающими решения и заинтересованными социальными акторами.

Сценарный семинар – это двухдневное закрытое мероприятие, которое предполагает сотрудничество различных общественных групп в обсуждении и оценке проблем на локальном уровне [5]. В отличие от консенсусной конференции, где рассматривается конкретная технология или её применение, в центре внимания семинара – социальная проблема, например, устойчивое развитие города, решение которой предполагает привлечение многообразных технических ресурсов. В течение первого дня актуальный вопрос рассматривается «ролевыми группами», объединяющими, например, государственных служащих, местных жителей, представителей бизнеса. В основе дискуссии несколько различных сценариев развития ситуации в зависимости от степени технологических вмешательств. «Ролевые группы» формулируют критические замечания относительно состояния проблемы и на основе собственного опыта прогнозируют её перспективы.

Если в первый день участникам предлагается сформулировать свои взгляды и видения в группе людей, имеющих одинаковый опыт, то во второй день они должны получить представление о перспективах других участников и совместно планировать будущее. Соответственно, во второй день участники делятся на смешанные группы («тематические группы»), каждая из которых рассматривает более подробно один аспект проблемы. Результатом сценарного семинара является совместный план действий, который передается местным властям.

Цель семинара заключается в том, чтобы развивать сотрудничество между различными группами местных стейкхолдеров и государственными органами не только в рамках, но и за пределами семинара.

Жюри граждан похожи на консенсусные конференции. В них принимают участие 12–25 наиболее заинтересованных человек, которые оценивают плюсы и минусы новых технологических программ [6]. Их цель – дополнить экспертную оценку более широкой социальной оценкой и внести вклад в установление диалога между гражданами, экспертами и, в некоторых случаях, политиками. В отличие от консенсусных конференций повестка жюри граждан определяется организаторами, которые формулируют вопросы, выбирают экспертов, готовят окончательную отчетность. Кроме того, жюри граждан не проводятся публично. В основном они используются для вопросов, связанных с локальным планированием (например, развитие центра города) и реализацией местной политики (например, программы профилактики наркомании).

Все три формы влияния публики на решение социально значимых проблем и формирование научно-технической политики основаны на признании существенной роли общества в тех вопросах, которые традиционно оставались в компетенции ученых.

Переоценка роли неэкспертов в экспертизе традиционно связывается с Б. Уинном, который на примере фермеров Камберленда (Великобритания) показал ограниченность позиции правительственных структур в оценке последствий влияния радиоактивных осадков после чернойбыльской аварии на практику ведения сельского хозяйства [7]. Как утверждал Б. Уинн, сами фермеры знали о своих стадах и о требованиях к животноводству гораздо больше, чем те, кто выступал в роли экспертов, принимая важные решения. Но дело заключалось не только в знаниях, основанных на многолетнем

опыте, но и в необходимости соотнести радиационные и финансовые риски фермеров, что без мнения последних сделать затруднительно. Атрибутируя животноводам экспертную позицию, основанную на их локальном знании и опыте, исследователь противопоставил интересы фермеров абстрактным моделям правительственных экспертов, подорвав их монопольный статус как обладателей сертифицированных, надежных знаний.

В близкой теоретической перспективе французский исследователь науки и технологий М. Каллон рассматривал социальных акторов как носителей экспертного знания, которое не противопоставит подходам ученых, а дополняет их [8]. По его мнению, разные формы экспертизы могут конкурировать в том, чтобы наиболее адекватно выразить локальный опыт. При этом «традиционные» эксперты и эксперты «миряне» стремятся укрепить свое влияние, но их возможности в этом существенно различаются не в пользу последних. Принципиальную роль играет не характер знания – научное, локальное, практическое, неявное (по М. Полани), а преимущество в притязании на значимость. Подход М. Каллона соответствует концепции реляционной экспертизы в понимании роли экспертов как посредников между разными типами и контекстами знаний [9]. В рассматриваемом ракурсе, безусловно, возникает вопрос о достаточных основаниях и необходимых условиях признания экспертной позиции неспециалистов.

Ответ на него отсылает к двум ключевым факторам формирования социальной оценки техники, концептуализированным в литературе: во-первых, государственные учреждения, принимающие решения, сталкиваются с требованиями быть более эффективными в управлении научно-техническим развитием. В частности, научное сообщество может быть обеспокоено недостаточной поддержкой, препятствующей международной конкурентоспособности наци-

ональной науки и техники. Напротив, группы экологов и широкая общественность могут выражать беспокойство по поводу негативного влияния технологий на окружающую среду. Таким образом, одна из задач оценки технологий заключается в том, чтобы помочь государственным органам реагировать на возникающие требования для более эффективного и компетентного управления. При этом государственные учреждения могут сталкиваться с противоречиями между разными группами интересов: представители власти и бизнеса не всегда заинтересованы в широкой дискуссии, в то время как средства массовой информации и представители общественности, которые имеют особую заинтересованность, будут стремиться к открытости и расширению влияния на результат.

Во-вторых, государственные учреждения сталкиваются с относительным отсутствием легитимности при принятии решений в области науки и техники. Отсутствие легитимности имеет два источника: 1) общественность не всегда доверяет государственным органам в вопросах соблюдения их интересов при поддержке исследований; 2) широкое распространение плюрализма в современных обществах влияет на процессы принятия решений и в определенном смысле их затрудняет [10]. Соответственно, вторая задача привлечения социальных акторов и наделения их экспертными полномочиями связана с обеспечением легитимности и поддержкой авторитета государственных учреждений, принимающих решения в сфере науки и технологий.

Формирующиеся контексты совместного производства знания можно вслед за британским философом Дж. Раветцем связать с новым типом науки – постнормальной наукой. Одну из основных проблем исследователь видит в том, что большинство ведущих ученых, получив образование в мире «нормальной науки», не в полной мере осознают изменения, которые произошли в ней за по-

следние несколько десятилетий. «Принятие "постнормального" характера проблем, убежден Дж. Раветц, позволит не интерпретировать признание экспертной позиции граждан как нападение на аккредитованных экспертов, а увидеть в ней помощь в решении возникающих вопросов» [11, р. 653]. Прежде всего, принять во внимание ряд факторов – социальных, экологических, экономических и др. Задачи «проблемно ориентированного исследования формулируются не как строго научные по их изначальной сути, а как связанные с ожиданиями в обществе – будь то конкретно сформулированные задачи, требующие обсуждения в подразделениях министерства или общие ориентации, – отмечает один из ведущих теоретиков социальной оценки техники А. Грунвальд. – При этом важно подчеркнуть, что интеграция знаний из различных научных сфер – не самоцель, интеграция знаний должна показать путь нахождения когерентных стратегий в решении конкретных проблем научно-технического и социального развития» [12, с. 47]. Социальная оценка техники, привлекая междисциплинарные научные ресурсы и локальное знание стейкхолдеров, вносит вклад в развитие каналов коммуникации между наукой и обществом и процессы формирования мнений.

С точки зрения социальных измерений оценки техники важно также акцентировать внимание на двух аспектах: социальное обучение и совместное планирование будущего. Социальное обучение нередко рассматривается в рамках трансдисциплинарного подхода, который фокусируется не на процессах передачи знаний, а на взаимном обучении вовлеченных сторон, в данном случае науки и общества. По сути, оно представляет собой процесс интеграции различных когнитивных моделей, направленных на совместное определение, представление и разрешение проблемы с учетом возможностей её социальной акцептации. Проектная рамка подобных инициатив, не

только по оценке техники, предполагает переоценку доминирующего дискурса и выявление приоритетных задач, которые могут быть экологическими, социальными, экономическими и т. п.

Попытка заглянуть за горизонт настоящего в совместном поиске наиболее приемлемых сценариев развития может быть рассмотрена в рамках концепции технонаучных мнимостей – воображаемых конструкций, фиксирующих образы желаемого и нежелательного будущего. С точки зрения этого подхода становится понятно, какие инновации и в какой степени отвечают запросам общества, и соответственно, они будут поддержаны, а также существуют ли какие-то альтернативы. Вместе с тем очевидными становятся варианты, которые в ином случае могли бы остаться незамеченными. С другой стороны, социальные ожидания могут стать триггером переоценки научно-технической политики или способом предупреждения финансовых издержек, обусловленных разочарованием публики.

Заключение

Обращаясь к двум примерам, приведенным в начале статьи, можно заключить, что формирование во второй половине прошлого века новых подходов к решению сложных социально значимых проблем инновационного развития технонауки во многом связано с переоценкой экспертизы и признанием экспертного статуса стейкхолдеров. Интеграция научного и локального знания в партиципативных исследованиях позволила разработать механизмы и процедуры согласования разных интересов и позиций, эффективно использовать когнитивный потенциал всех сторон.

Работа выполнена в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Научные основы развития российского научно-инновационного комплекса в контексте глобальных трансформаций».

Список литературы

1. Feldman M., Lowe N. Consensus from controversy: Cambridge's biosafety ordinance and the anchoring of the biotech industry // *European Planning Studies*. 2008. Vol. 16, No. 3. P. 395–410.
2. Hennen L. Discourses on technology: public debates on technology and technology assessment as symptoms of reflexive modernisation // *Contested Technology; Ethics, Risk and Public Debate*. 1995. P. 91–117.
3. Joss S. A. The role of participation in institutionalised technology assessment. Doctoral diss. Imperial College, 1999.
4. Joss S. A. The role of participation in institutionalised technology assessment. Doctoral diss., Imperial College, 1999.
5. Bilderbeek R., Andersen I. Involving citizens in sustainable development; experiences from European scenario-workshops in urban ecology. Copenhagen: Danish Board of Technology, 1994.
6. Crosby N. Citizens juries: One solution for difficult environmental questions // *Fairness and competence in citizen participation*. Dordrecht: Springer, 1995. P. 157–174.
7. Wynne B. Sheepfarming after Chernobyl: A case study in communicating scientific information // *Environment: Science and Policy for Sustainable Development*. 1989. Vol. 31, No. 2. P. 10–39.
8. Callon M. The role of lay people in the production and dissemination of scientific knowledge // *Science, Technology and Society*. 1999. Vol. 4, No. 1. P. 81–94.
9. Grundmann R. The problem of expertise in knowledge societies // *Minerva*. 2017. Vol. 55, No. 1. P. 26–27.
10. Tyler T. R. Legitimising unpopular public policies: does procedure matter? // *Zeitschrift für Rechts-Soziologie*, 1993. Vol. 14, No. 1. P. 47–54.
11. Ravetz I. R. What is post-normal science // *Futures*. 1999. Vol. 31, No. 7. P. 647–653.
12. Грунвальд А. Техника и общество: западноевропейский опыт исследования социальных последствий научно-технического развития. М.: Логос, 2011. 160 с.

Поступила в редакцию 20.06.18

UDC 168

E. G. Grebenshchikova, Doctor of Philosophical Sciences, Institute for Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Science (Moscow, Russia)
(e-mail: aika45@yandex.ru)

TECHNOLOGY ASSESSMENT: RETHINKING EXPERTISE

The starting point of the theoretical analysis of the article is two examples demonstrating the evolution of public involvement in solving problems of scientific and technological development. The main attention is paid to the specifics of such participatory forms of knowledge production as consensus conferences, scenario seminars, and juries of citizens, developed in technology assessment. The formation of consultative mechanisms and procedures of technoscience is revealed in connection with the factors that led to the formation of technology assessment: the need to increase the effectiveness of policy in the scientific and technical sphere and the need to eliminate the deficit of legitimacy in decision-making.

It is shown that the integration of interdisciplinary scientific knowledge and local knowledge of interested social actors is not only a prerequisite for the effective solution of emerging problems but also a way for joint planning of the future, taking into account different interests and perceptions of desired and undesirable scenarios of scientific, technological and social development. The processes of knowledge co-production differ from the regimes of "normal" science and can be theoretically conceptualized within the framework of the "postnormal science" approach, which focuses on the specifics of "postnormal" problems requiring complex forms of assessment and solution, taking into account the diverse factors not only of a scientific nature. Recognition of the expert position of non-specialists is associated with the complex nature of problems, procedures ensuring communication in their discussion and decision, recursive knowledge exchange, and mutual learning processes of the parties involved. Rethinking the

expertise does not mean denying the expert role of scientists, but only supplementing it with non-specialist knowledge.

Key words: *technology assessment, expertise, participatory forms of knowledge production, deliberative procedures.*

For citation: Grebenshchikova E. G. Technology assessment: rethinking expertise. Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management, 2018, vol. 8, no. 3 (28), pp. 214–220 (in Russ.).

References

1. Feldman M., Lowe N. Consensus from controversy: Cambridge's biosafety ordinance and the anchoring of the biotech industry. *European Planning Studies*. 2008, vol. 16, no. 3, pp. 395–410.

2. Hennen L. Discourses on technology: public debates on technology and technology assessment as symptoms of reflexive modernization. *Contested Technology; Ethics, Risk and Public Debate*, 1995, pp. 91–117.

3. Joss S. A. The role of participation in institutionalised technology assessment. Doctoral diss. Imperial College Publ., 1999, pp. 11.

4. Joss S. A. The role of participation in institutionalised technology assessment. Doctoral diss. Imperial College Publ., 1999, pp. 23.

5. Bilderbeek R., Andersen I. Involving citizens in sustainable development; experiences from European scenario-workshops in urban ecology. Copenhagen, Danish Board of Technology Publ., 1994.

6. Crosby N. Citizens juries: One solution for difficult environmental questions.

Fairness and competence in citizen participation. Dordrecht, Springer Publ., 1995, pp. 157–174.

7. Wynne B. Sheepfarming after Chernobyl: A case study in communicating scientific information. *Environment: Science and Policy for Sustainable Development*, 1989, vol. 31, no. 2, pp. 10–39.

8. Callon M. The role of lay people in the production and dissemination of scientific knowledge. *Science, Technology and Society*, 1999, vol. 4, no. 1, pp. 81–94.

9. Grundmann R. The problem of expertise in knowledge societies. *Minerva*, 2017, vol. 55, no. 1, pp. 26–27.

10. Tyler T. R. Legitimising unpopular public policies: does procedure matter? *Zeitschnft für Rechts-Soziologie*, 1993, vol. 14, no. 1, pp. 47–54.

11. Ravetz I. R. What is post-normal science. *Futures*, 1999, vol. 31, no. 7, pp. 647–653.

12. Grunval'd A. Tekhnika i obshchestvo: zapadnoevropejskij opyt issledovaniya social'nyh posledstvij nauchno-tekhnicheskogo razvitiya. Moscow, Logos Publ., 2011. 160 p.

УДК 1(=130.2) (0.91)

Н. В. Волохова, канд. филос. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: volna-sha@rambler.ru)

СИНТЕЗ РАЗУМА И ВЕРЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФСКО-РЕЛИГИОЗНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Автор статьи сосредоточивается на изучении русской антропологической мысли, выявлении таких категорий, как разум и вера. Мы попытались показать, что особое отношение и понимание проблем рациональности и разума часто объединяло совершенно различных русских мыслителей. Так, если у В. Соловьева разум лишь «форма истины», но не сама истина, то у Т. Юркевича это «свет озаряющий» то, что недоступно одной только вере, а для И. Киреевского только в своем особом «высшем понимании» разум помогает соединить все потенции человека. Культура должна быть ориентирована не только на материальное благосостояние, основой которого является рациональное познание, не только на законы этики, радующие за справедливое общественное устройство, лежащую в основе развития и совершенствования, охватывающее и рациональное, и нравственное.

В русской философии тема человека тесно завязана на теме божественного и обоснованном богоискательстве, что точно подмечает Н. Бердяев, в связи с чем один из антропологических подходов в русской философии приводит к рассмотрению человека в его двойном триединстве, как «тело, душа, дух» и как «индивид, индивидуальность, личность». Точность и глубина формулировок и мыслей русских философов заставляет совершенно иначе оценивать привычные понятия, такие как вера и разум. Стремление к синтезу этих категорий во взглядах ряда отечественных мыслителей XIX–XX веков позволяет нам говорить о том, что человек в представлении отечественной философской антропологии видится целостным в совокупности своих умственных сил.

Ключевые слова: разум, вера, антропология, религия, рационализм, Бог.

Ссылка для цитирования: Волохова Н. В. Синтез разума и веры в отечественной философско-религиозной антропологии // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2018. Т. 8, № 3 (28). С. 221–226.

Русская философия всегда отличалась своим интересом к фигуре человека. Свойственный ей антропоцентризм просматривается еще в «Молитве» Иллариона, где подчеркивается нестойкость человеческой природы, его очевидная склонность к греховности, и в качестве ориентира ему дана идея Бога как воплощения благого и совершенного. И уже Кирилл Туровский стремится обосновать земной смысл нравственности, позволяющий человеку проживать свой век «достойно». Другими словами, мы можем говорить о том, что на заре XII века в русской философии уже был предложен принцип естественного происхождения разума, его логического обоснования. «Он <Туровский> считал, что если тело первично по отношению к душе, то, значит, в таком порядке они и сотворены. Вслед за порядком творения должно идти и позна-

ние: сначала познание природы, а затем познание бога. Человек имеет собственный разум, который в состоянии постичь и «стройный разум» – целостное знание о мире и Боге» [1, с. 76].

Все чаще в трудах мыслителей стало выдвигаться требование включения разума в структуру религиозного сознания в целях создания отвечающих духу времени философских интерпретаций религиозных идей. И рассуждения подобного толка сводились к постановке вопроса о «разумной вере», «рассуждающей вере», «ученой» или «умной вере». При этом предполагалось, что Бог воспринимается интуитивно или, так скажем, мистически, а рациональное обязано обосновать это знание.

Философия современников Льва Толстого также склонна проецировать свое внимание на человеке, но исследования о

природе разумного представлены весьма скудно. Этому, в принципе, есть оправдание, т. к. русская философия никогда не страдала односторонним рационализмом, поэтому и соответствующая проблематика не была актуальна. Русские мыслители зачастую были прекрасными знатоками и переводчиками западной философии, при этом прекрасно видели ее недостатки, перегибы и несовершенства. Надо сказать, что их аналитические и прогностические взгляды по сей день не потеряли своей актуальности. Чаще всего в анализе западной рациональной культуры отечественные мыслители приходят к одинаковому выводу о «расколе» человека цивилизации, живущего, казалось бы, в более благоприятных внешне условиях, чем люди традиционного общества. «Человек, находящийся в состоянии внутреннего раскола, есть несчастный человек. Исполнение его желаний тоже не дает ему радости, потому что он и в самом желании своем остается расколотым и неспособным к цельной радости. Никакой жизненный успех не дарует ему ни наслаждения, ни успокоения» [2, с. 119]. Этот внутренний раскол есть выражение состояния души человека, его душевной расщепленности, отсутствие у него цельности. «Начиная с Аристотеля мы уже можем говорить об отвлеченном сознании рассуждающего разума» [3, с. 229], что отразится в рамках русской философии в отождествлении рационализма и рассудочного познания. Например, еще Ю. Ф. Самарин пишет: «...рационализм есть логическое знание, отделенное от нравственного начала» [4, с. 441–442]. Подобный подход, отвлеченный от нравственного и заикленный на чисто логических построениях и объяснениях явлений, будет сохраняться на протяжении ряда лет.

Но далеко не всегда и все возможно объяснить лишь доводами формальной

логики. Любое познание, как правило, антиномично. Антиномический дискурс сопровождает всякое отвлеченное мышление, раздробляя единое на сумму отдельных элементов. И в этом антиномическом познании человек обращается к непостижимому и трансцендентному, к тому, что во многом определяется посредством веры. Богочеловеческая природа человека является именно признаком человечности. Глубоко чувствующий русскую душу и известный философ С. Л. Франк, считавший, что наша обычная жизнь протекает в мире «прозаическом, рассудочном, обмирщенном» и соответствует она «трезвой, рассудочной установке мира». Однако иногда «мы имеем опыт и совсем иного рода... Мы смутно чувствуем, что подлинное существо нашей души есть что-то совсем иное... И дело тут совсем не в том, что то, что мы скрываем, в чем боимся сознаться, есть нечто морально дурное. Цензура разумного, будничного сознания стремится также вытеснить и чувства, которые мы испытываем как священные, возвышенные... поскольку именно они не укладываются в рамки общепризнанного, рационально выразимого морального сознания» [5, с. 190].

Имеет место быть распространенная точка зрения, согласно которой «саморефлексия», завязанная на антиномичности, присущая русскому сознанию, не способствует обретению целостности. Но мы здесь хотим вспомнить слова Е. Н. Трубецкого, который пишет в своем труде «Смысл жизни»: «Вся жизнь охвачена этим противоречием, которое лежит в основе всех бесконечных страданий и неудач, ибо вся жизнь есть стремление к всеединству, то есть в одно и то же время и утверждение всеединства, и совершенно реальное, мучительное ощущение его отсутствия» [6, с. 36].

Этот самый пресловутый вопрос целостности красной нитью проходит через

творчество очень многих философов России. А на каком фундаменте должна базироваться эта целостность? Как соотносится позиции веры и разума, чтобы они не вели к расколу, а вели к объединению? Возможен ли вообще подобный опыт? А. С. Хомяков считал необходимым живое, естественное слияние познающего человека с познаваемым, чтобы все разнообразие мира было воспринимаемо, понимаемо «всеми живыми нравственными силами духа человека», связанного «общением любви с духом других людей и Святым Духом» [4, с. 442]. Человек должен стремиться к всецелой совокупности высших умственных сил, которые в обыкновенном положении находятся в состоянии разрозненности и противоречия. Более того, он не должен следовать зову одной из этих сил и не почитать ее «безошибочным указателем правды». Он должен «постоянно искать в глубине души того внутреннего корня разумения, где отдельные силы сливаются в одно живое зрение ума» [7].

«Разумение России» как раз состоит в том, что она смогла избежать внутреннего разрушения, т. к. всегда была пронизана христианством. Тот религиозный дух, которым было пропитано сознание и мышление русских ученых, будь то теологи или естественники, позволил им сохранить целостность в восприятии мира, которая отсутствовала в учениях Запада.

Именно подобного рода замечания по поводу современности подтолкнул представителей русской философии стыка веков по-другому оценить возможности человеческого разума, обратить внимание на другие аспекты разумного. «Западная же образованность, – пишет Н. О. Лосский, – построена на принципах рационализма и дуализма» [7], в то время как «основные черты русской образованности – цельность и разумность».

Киреевский считает, что, объединяя в одно гармоничное целое все духовные устремления (разум, чувство, любовь, эстетический смысл, нравственное начало, совесть, бескорыстное стремление к истине и т. д.), человек приобретает способность к мистической интуиции и созерцанию, которые только и позволяют понять сверхрациональную истину о боге и его отношении к миру. Вера такого человека является не верой во внешний авторитет, в букву написанного откровения, а верой в живое цельное зрение ума. Тем «средоточением умственных сил», где разрозненная деятельность духа «сливается в одно живое высшее единство», Киреевский видит внутреннюю «цельность разума» [4, с. 441].

В заданном контексте мы, конечно же, обязаны вспомнить еще одного русского религиозного философа – Владимира Соловьева и разобраться в его анализе веры и разума. Он считает, что религия должна опираться на рациональное начало человеческого сознания, но и разум для Соловьева – это лишь форма истины, но еще не сама истина. Полное определение истины, по мнению Соловьева, выражается в трех предикатах: «сущее, единое, все» – это «всеединое сущее». Именно поэтому отвлеченный рационализм бессилён познать истину, равно как и эмпиризм, поскольку человек не может преодолеть своего субъективного отношения к объекту ни в опыте, ни в мышлении. Знания, полученные при помощи эмпирических чувств, «подлежат и обману чувств, могут быть иллюзией» [8, с. 149]. Когда же мы с необходимостью прибегаем к помощи разума и его суждений, то и здесь мы получаем «знание только формальное, потому что разум в своих всеобщих и необходимых истинах... указывает только необходимые условия истинного познания, но не дает его содержания; к тому же как наш разум

он может иметь только субъективное значение для нас, как мыслящих» [8, с. 150]. В. С. Соловьев стоит на позициях интеллектуализма в русской религиозной философии.

С. Франк приходит к выводу, что основанием для любого разумного довода, действия или поступка, как ни парадоксально, является вера в то, что именно такой довод наиболее правилен и дает истинное знание. «Абсолютное верховенство логического, рассудочного объяснения не может быть логически же доказано, ибо всякое доказательство опирается само на веру в абсолютную, окончательную компетенцию чисто рациональной мысли» [5, с. 197]. Другими словами, основанием всякого рационального, разумного довода является нечто иррациональное, в данном случае вера, то, что, как правило, лежит за пределами разума. И уже одно это должно, по мнению Франка, заставить нас весьма осторожно относиться к чистой рациональности вообще.

Веру не стоит противопоставлять разуму. Можно говорить о том, что это две способности, данные человеку. Противоречия и склонность к противопоставлению возникают только тогда, когда смешивают веру и свободную волю. Проявлением свободной воли может быть мое желание или нежелание соглашаться с какими-нибудь аргументами и доводами. Но разум дает возможность объяснять, убеждать, соглашаться или отрицать, ища новые доводы истинности. Вера способна объединить волю и разум, становясь фундаментом для их существования.

В мировоззренческой позиции Л. Шестова по вопросу разумного ведущую роль играют вера, озарение и экзистенциальные переживания. Шестов не приемлет классический идеал разума и вводит в собственную концепцию позна-

ния «категорию веры», «что обусловлено его стремлением решить чрезвычайно важную для самого мыслителя проблему ценностного выбора» [9, с. 12]. Можно говорить о том, что идея веры у философа выступает в качестве «третьего измерения мышления» и напрямую связана с проблемой разума. Думающий человек почувствовал, что устои и законы могут быть раздроблены и уничтожены логически, но ему остается вера, как светоч разума.

Подобные векторы устремляют внимание к внутреннему бытию человека, его духовности. «Человек – микрокосм есть столь же многосложное и многосоставное бытие, как и макрокосм, в нем есть все – от камня до Божества» [10, с. 95] – одно из высказываний Н. Бердяева, которое позволяет говорить о том, что многие русские философы пытаются осмыслить единство разума, воли и веры в человеке, обращаясь к его этической, ценностной составляющей.

Как отечественные философы конца XIX – начала XX в. пытались разрешить эту проблему? Особенно в соотношении веры и разума. Что для них выступало главенствующим, или все же они тяготеют к целостности в осмыслении духовных сил человека? Как ими вообще понимается «разум»? как отождествление с рационализмом, чаще всего западноевропейского образца, отдаленного от нравственного начала? Или же они впадают в другую крайность, рассматривая сознание прежде всего как «божий дар» и тогда пропадает сама задача проблематизации?

Под розановским лозунгом «религиозный человек выше мудрого» сформировывается особое отношение к феномену разума, характерное для большинства русских религиозных философов стыка веков. В. В. Розанов называет рационализм по-русски просто – кабак, указы-

вая, что «вся цивилизация XIX века есть медленное, неодолимое, и, наконец, восторжествовавшее просачивание всюду кабака». «Кабак» философ видит и в политике, и в книгопечатании, и в «милом угодьи», и в труде. Кабак – это то место, где, по Розанову, нет Бога и «сущность XIX века заключается в оставлении Богом человека». А может ли Россия жить без Бога, если «в конце всех вещей Бог. Он все. Корень всего» [11, с. 430–431].

Подводя черту под нашим исследованием столь непростого вопроса о соотношении веры и разума в мировоззрении ряда отечественных философов, нам хотелось бы обратиться к словам могучего представителя России – Л. Н. Толстого: «Дух жизни, проявляющийся в человеке через разумное стремление к Богу, есть то непрекращающееся движение, которое освобождает его из границ животности и направляет через страдания к слиянию с вечностью – Вселенной» ...и человек воспринимается им неизменно как «текущее вещество» [12, т. 53, с. 185]. Значимое начало всей философской системы Л. Н. Толстого – это целостное, эмоционально окрашенное отношение к человеку и его бытию. Антропология мыслителя заключается прежде всего в том, что главным объектом его размышлений всегда является человек во всех своих духовных и материальных проявлениях. Более подробное исследование именно философско-религиозных взглядов Л. Н. Толстого представлено в материалах автора [13], а основным критерием выступает нравственная аксиоматичность, диктуемая посредством того, что «говорит каждому человеку его разум и совесть» [12, т. 45, с. 13].

Список литературы

1. Галактионов А. А., Никандров П. Ф. Русская философия XI–XVI вв. 2-е изд., испр. и доп. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. 744 с.
2. Ильин И. А. О новом человеке // Слово. 1990. № 6-7. С. 112–128.
3. Киреевский И. В. Полное собрание сочинений: в 2 т. М.: Путь, 1911. Т. 1. 289 с.
4. Русская философия: энциклопедия / под общ. ред. М. А. Маслина; сост. П. П. Апрышко, А. П. Поляков. Изд. 2-е, дораб. и доп. М.: Терра, 2014. 831 с.
5. Франк С. Л. Сочинения. М.: Правда, 1990. 608 с.
6. Трубецкой Е. Н. Смысл жизни. М.: Республика, 1994. 432 с.
7. Леонтьева Е. Ю. Рациональность и разум в русской философии [Электронный ресурс]. URL: [http:// libmonster.ru/m/articles/view/](http://libmonster.ru/m/articles/view/) (дата обращения: 17.05.2018).
8. Соловьев В. С. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1988. Т. 2. 822 с.
9. Мизякина С. Н. Проблема разума в философии Льва Шестова: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.03. Минск, 1996. 22 с.
10. Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989. 608 с.
11. Розанов В. В. Сочинения: в 2 т. М.: Правда, 1990. Т. 2. 720 с.
12. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Юбил. изд. М.: Худож. лит., 1928-1958.
13. Волохова Н. В. Антропологические, этические и эстетические концепты в социально-философском наследии Л. Н. Толстого: монография. Курск: Деловая полиграфия, 2011. 162 с.

Поступила в редакцию 09.08.18

UDC 1(=130.2) (0.91)

N. V. Volokhova, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: volna-sha@rambler.ru)

THE SYNTHESIS OF REASON AND FAITH IN THE DOMESTIC PHILOSOPHICAL AND RELIGIOUS ANTHROPOLOGY

The author focuses on the study of Russian anthropological thought, identifying such categories as mind and faith. We tried to show that a special attitude and understanding of the problems of rationality and reason often united completely different Russian thinkers. So, if V. Solovyov's mind is only a "form of truth", but not the truth itself, then T. Yurkevich's "light illuminating" that is not available to faith alone, and for I. Kireevsky only in his special "higher understanding" the mind helps to connect all the potencies of man. Culture should be focused not only on material well-being, the basis of which is rational knowledge, not only on the laws of ethics, advocating for a fair social structure, which underlies the development and improvement, covering both rational and moral.

In Russian philosophy, the theme of man is closely tied to the theme of the divine. N. Berdyaev subtly characterizes this state: "Great longing, relentless search for God is laid in the Russian soul...", and man in Russian philosophy is viewed in his double Trinity, as "body, soul, spirit" and as "individual, individuality, personality" [1]. The accuracy and depth of the formulations and thoughts of Russian philosophers makes a completely different assessment of the usual concepts, such as faith and reason. The desire to synthesize these categories in the views of a number of Russian thinkers of the XIX - XX centuries allows us to say that a person, in the view of the domestic philosophical anthropology is seen as integral in the totality of his mental forces.

Key words: mind, faith, anthropology, religion, rationalism, God.

For citation: Volokhova N. V. The synthesis of reason and faith in the domestic philosophical and religious anthropology. Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management, 2018, vol. 8, no. 3 (28), pp. 221–226 (in Russ.).

References

- Galaktionov A. A., Nikandrov P. F. *Russkaya filosofiya XI–XVI vv.* 2th ed. Leningrad, Leningr. un-t Publ., 1989. 744 p.
- Il'in I. A. *O novom cheloveke.* Slovo, 1990, no. 6-7, pp. 112–128.
- Kireevskij I. V. *Polnoe sobranie sochinenij.* Moscow, Put' Publ., 1911, vol. 1, 289 p.
- Russkaya filosofiya: ehnciklopediya;* ed. by M. A. Maslin; sost. P. P. Apryshko, A. P. Polyakov. 2th ed. Moscow, Terra Publ., 2014. 831 p.
- Frank S. L. *Sochineniya.* Moscow, Pravda Publ., 1990. 608 p.
- Trubeckoj E. N. *Smysl zhizni.* Moscow, Respublika Publ., 1994. 432 p.
- Leont'eva E. Yu. *Racional'nost' i razum v russkoj filosofii.* URL: <http://libmonster.ru/m/articles/view/> (accessed 17.05.2018).
- Solov'ev B. C. *Sochineniya.* Moscow, Mysl' Publ., 1988, vol. 2. 822 p.
- Mizyakina S. N. *Prolema razuma v filosofii L'va Shestova.* Avtoref. diss. kand. filos. nauk. Minsk, 1996. 22 p.
- Berdyaev N. A. *Filosofiya svobody. Smysl tvorchestva.* Moscow, Pravda Publ., 1989. 608 p.
- Rozanov V. V. *Sochineniya.* Moscow, Pravda Publ., 1990. Vol. 2. 720 p.
- Tolstoj L. N. *Polnoe sobranie sochinenij.* Yubil. izd. Moscow, Hudoj. lit. Publ., 1928–1958.
- Volokhova N. V. *Antropologicheskie, ehicheskie i ehsteticheskie koncepty v social'no-filosofskom nasledii L. N. Tolstogo.* Kursk, Delovaya poligrafija Publ., 2011. 162 p.

УДК 330.101.52

С. В. Кравцевич, канд. экон. наук, доцент, Читинский институт Байкальского государственного университета (Чита, Россия) (e-mail: kravcevs@front.ru)

СИСТЕМНЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ НА КОНКУРЕНЦИЮ М. ПОРТЕРА

Рассматривается системный подход М. Портера к анализу конкуренции, суть которого состоит в изучении понятий «конкурентное преимущество» и «конкурентоспособность» в их диалектической взаимосвязи, и как образующих понятий категорию «конкуренции». Рассматриваются уровни анализа конкуренции, которые также образуют систему конкуренции, представимую на локальном и глобальном уровнях анализа своими видовыми разновидностями. Рассматриваются достаточные условия конкурентных систем, которыми являются реалистичность форм проявления конкуренции, наличие сложных социально-экономических и общественно-политических явлений и процессов, наличие развитых рыночных структур. Рассматривается роль понятий «конкурентное преимущество» и «конкурентоспособность» в системных представлениях конкуренции, которая состоит в том, что понятия раскрывают причинно-следственные связи конкурентных процессов и конкурентной среды. Системный подход к анализу обмена методологически раскрывает суть диалектической связи понятий конкуренции и рынка. Суть связи состоит в том, что под конкуренцией, с одной стороны, понимается процесс образования конкурентных преимуществ или вероятностные причинно-следственные отношения «цепочки ценностей» (процесс приобретения и утраты ценностей субъектом хозяйствования), а с другой стороны, средство достижения свойства конкурентоспособности объектов хозяйствования на рынке. Теоретически диалектический переход используется в методологии исследования причин лидерства хозяйствующих субъектов, то есть исследования их внутренней природы и изучения свойств объектов хозяйствования в меновом пространстве и во внешнем взаимодействии. Предлагаемые западной и отечественной школой представления о диалектическом соотношении понятий «конкурентное преимущество» и «конкурентоспособность» в анализе «конкуренции», а также системные представления о конкуренции определяют теоретические предпосылки к рассмотрению систем развития (менеджмента и управления) конкуренции.

Ключевые слова: система конкуренции, конкурентные системы, система обмена.

Ссылка для цитирования: Кравцевич С. В. Системные воззрения на конкуренцию М. Портера // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2018. Т. 8, № 3 (28). С. 227–232.

Понятие «система» представляет собой сложное структурированное понятие. В целом, под системой понимается целостная совокупность взаимосвязанных элементов, или объект произвольной природы, обладающий выраженным системным свойством [1, с. 33–37], которым не обладает ни одна из частей системы при любом способе ее членения, не выводимом из свойств частей [1, с. 25–26].

Системность в рассмотрении конкуренции заключается в том, что последняя рассматривается на различных уровнях анализа. Так, при рассмотрении конкурентной среды рассматривается внешняя и внутренняя конкуренция, а при рассмотрении конкурентных процессов рассматривается конкуренция на локальном и глобальном уровне. Теоретическими предпосылками для рассмот-

рения уровней анализа конкуренции являются диалектические переходы понятий «конкурентное преимущество» в «конкурентоспособность» и обратно [2, с. 204]. Диалектический переход рассматриваемых понятий имеет прикладное назначение в исследовании конкуренции. Так, исследование конкуренции на локальных уровнях анализа предполагает анализ моделей конкурентного поведения субъектов хозяйствования и установления свойств конкурентоспособности конкурентной среды на внешнем уровне анализа конкуренции. В свою очередь, исследование конкуренции на внутреннем уровне анализа предполагает исследование комплекса характеристик объектов менового пространства и установление признаков конкурентных преимуществ для субъектов хозяйствования (рис. 1).

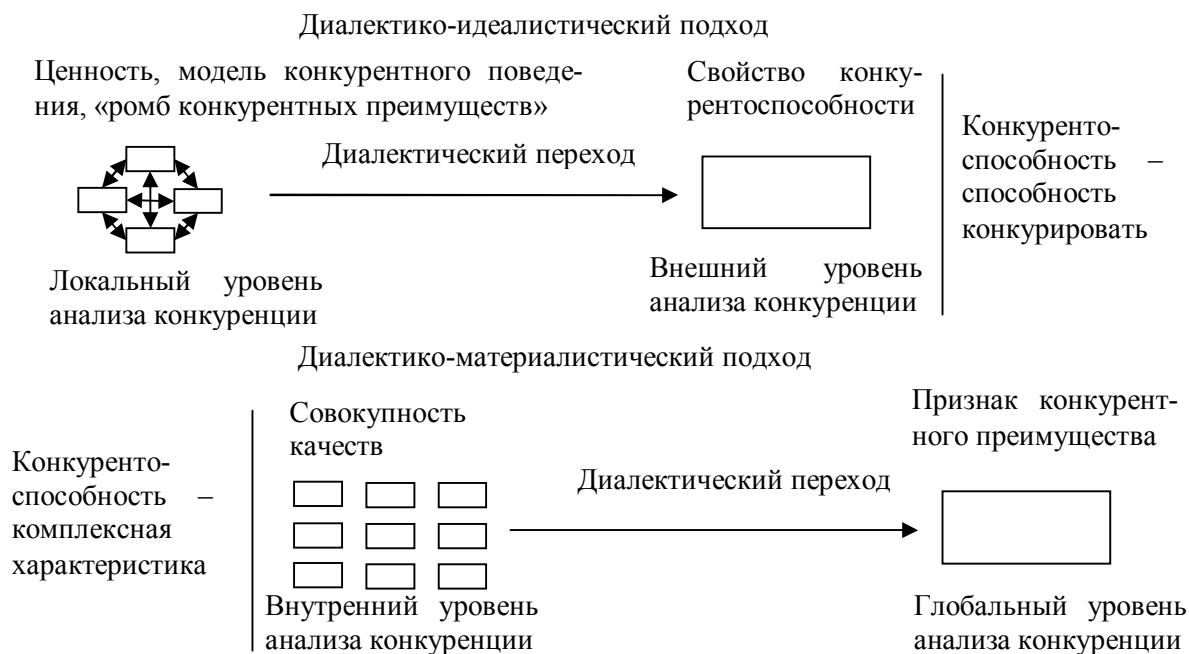

Рис. 1. Схема диалектических переходов понятий «конкурентное преимущество» и «конкурентоспособность»

Исходя из диалектико-идеалистического подхода М. Портера к анализу конкуренции, под последней понимается, с одной стороны, процесс образования конкурентных преимуществ субъектов хозяйствования или вероятностные причинно-следственные отношения «цепочки ценностей» (процесс приобретения и утраты ценностей субъектом хозяйствования), а с другой стороны, средство достижения свойства конкурентоспособности объектов хозяйствования на рынке [3; 4; 5].

Отметим, что диалектический переход или причинно-следственная связь конкурентного преимущества и конкурентоспособности широко используются исследователями как факторная схема анализа конкурентоспособности объектов хозяйствования (организаций, товаров и т. п.) [6; 7; 8].

Условием конкурентной системы выступает присутствие локальной конкуренции. С позиций современника такой конкуренцией выступают модели конкурентного поведения субъектов хозяйствования.

Системность конкуренции в теоретических воззрениях М. Портера просле-

живается в развитии субъективных сторон хозяйствующих субъектов, как индивидуальных стратегий конкурентных преимуществ, формирующих в конкурентном пространстве свойство конкурентоспособности объектов хозяйствования. «Конкурентные преимущества сосредоточены в критической массе узкоспециализированных и взаимосвязанных профессий, прикладных технологий, фирм, поставщиков и учреждений в конкретных местах» [6]. При рассмотрении конкурентных преимуществ (ценностей) в глобальной конкуренции последние становятся объективными сторонами – конкурентоспособностями. «В то время как преимущества местоположения с точки зрения стоимости факторных издержек могут быть легко реализованы с помощью глобальных сетей» [3].

Таким образом, системность конкуренции по М. Портеру состоит в том, что на разных уровнях анализа конкуренции (локальном или глобальном) выделяются разновидности конкуренции, одновременно рассматриваемые в одном и том же меновом пространстве (экономической системе или рыночном механиз-

ме). Например, (локальная) активная конкуренция и (глобальная) несовершенная конкуренция. Здесь конкурентная система представима проявлениями активной и несовершенной конкуренций [9].

Для построения конкурентных систем требуется выполнение достаточных условий: во-первых, проявление конкуренции должно иметь реалистичную форму (несовершенная, регулируемая, цивилизованная конкуренция); во-вторых, наличие в экономике сложных социально-экономических и общественно-политических явлений и систем (государственные закупки, монополии, законодательные институты и т. д.); в-третьих, наличие развитых рыночных структур и отношений.

По М. Портеру, конкурентная система представляет собой сочетание типовых разновидностей конкуренций в зависимости от уровня анализа экономических систем. Выделяют конкурентные системы несовершенной и активной конкуренции и регулируемой и пассивной

конкуренции. Элементами данных систем выступают разновидности конкуренций рассматриваемого экономического пространства (рыночный механизм) на локальном и глобальном уровнях анализа. Рассматриваемые конкурентные системы функционируют в системе одного рынка (рыночного механизма), т. е. с одним и тем же «спросом», «предложением» и «ценой» по отношению к одному и тому же товару на локальном и глобальном уровнях анализа. При этом в рассматриваемом рыночном механизме конкурентных систем может быть более одной (система конкурентных систем). Например, рассмотрение конкурентных систем мировой и национальной экономики или национальной и субъектной экономики на каком-либо рынке. По М. Портеру, развитие конкурентных систем предполагается в рамках менеджмента, подразумевающего создание условий конкурентного поведения хозяйствующих субъектов на локальном уровне анализа и протекания конкурентных процессов на глобальном уровне анализа (рис. 2).

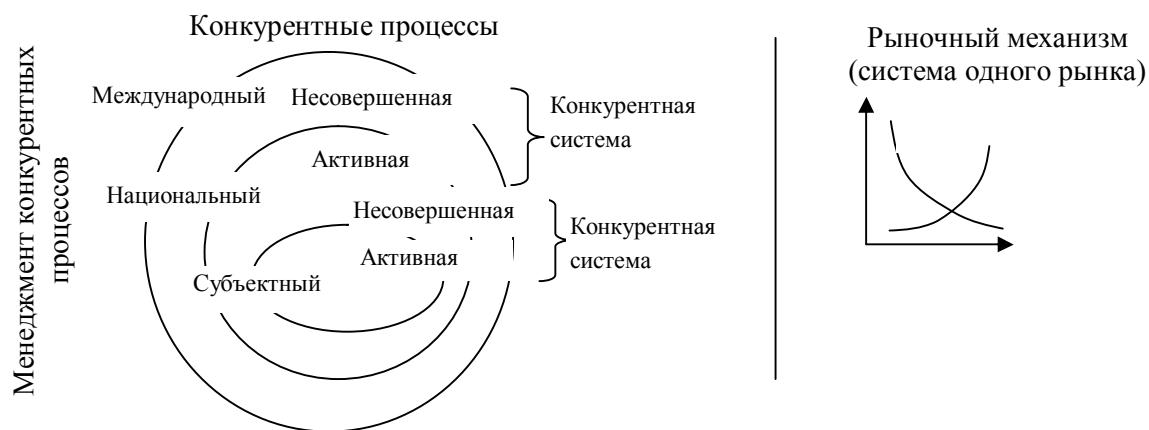

Рис. 2. Схема конкурентных систем в неоклассических экономических учениях (западная школа теории конкуренции)

Отечественная школа теории конкуренции (рис. 3) придерживается диалектико-материалистического воззрения на развитие конкуренции, что предполагает реализацию кибернетического подхода к развитию конкуренции. Отечественная школа рассматривает систему конкуренции (т. е. условия протекания рыночных

процессов) в системе множества рынков, а сама конкуренция описывается комплексными характеристиками объектов хозяйствования, т. е. их свойством конкурентоспособности. Таким образом, развитие системы конкуренции происходит через реализацию функций управления рыночными процессами [10].

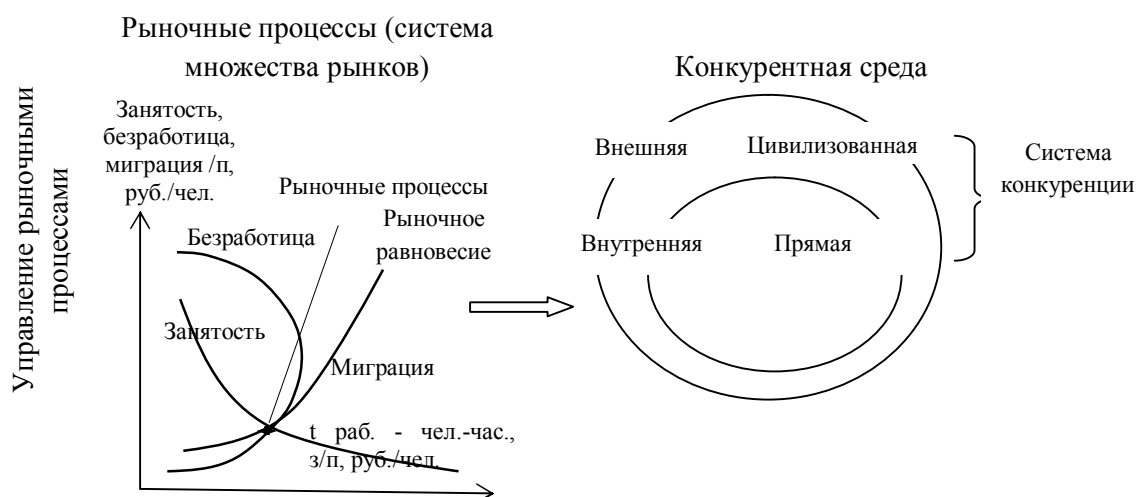

Рис. 3. Схема конкурентных систем в неоинституциональных экономических учениях (отечественная школа теории конкуренции)

Теоретико-методологические основы теории конкуренции по М. Портеру и особенности построения конкурентных

систем и системы конкуренции представлены в сравнительно сопоставительном анализе (табл.).

Сравнительно сопоставительный анализ конкурентных систем и системы конкуренции

Параметры систем	Теория конкуренции М. Портера	Теория конкуренции отечественной школы
Рыночные принципы построения системы	Система одного рынка (рыночный механизм)	Система множества рынков (сегментация) (рыночные процессы)
Конкурентные принципы построения системы	Конкурентные системы (совокупность множества конкурентных процессов)	Система конкуренции (конкурентный процесс)
Уровень анализа системы	Локальный (КП) и глобальный (КСП)	Внешний (КСП) и внутренний (КП)
Элементы систем	Активная (КП) и несовершенная (КСП) конкуренция. Пассивная (КП) и регулируемая (КСП) конкуренция	Цивилизованная (КСП) и прямая (КП) конкуренция. Цивилизованная (КСП) и косвенная (КП) конкуренция
Философский подход к анализу системы	Диалектико-идеалистический подход к развитию (КП→КСП)	Диалектико-материалистический подход к развитию (КСП→КП)
Предметная основа системы	Модели конкурентного поведения	Конкурентная среда
Содержание системы	«Цепочка ценностей» хозяйствующих субъектов — модель конкурентного поведения	Компоненты конкурентной среды
Методологическая основа	Причинно-следственные отношения	Причинно-следственные связи

Окончание табл.

Параметры систем	Теория конкуренции М. Портера	Теория конкуренции отечественной школы
Решаемые задачи	Задачи описания конкурентных поведений в экономическом пространстве (рыночном механизме)	Задачи оценки конкурентной среды протекания рыночных процессов
Организационная концепция развития системы	Синергетическая	Кибернетическая
Тип воздействия на систему	Менеджмент	Управление

Под конкурентными системами следует понимать конкурентное пространство одного рынка, элементами которого являются типовые и видовые конкуренции (конкурентные процессы), выражающиеся в моделях конкурентного поведения или «цепочки ценностей» и характеризующих функционирование рыночного механизма на различных уровнях анализа (глобальном и локальном). Под системой конкуренции понимают конкурентные группы объектов хозяйствования (товаров, фирм и т. д.) множества рынков, представляющих типовую и видовую конкуренцию (конкурентная среда), выражающуюся в компонентах условий хозяйствования и описывающуюся достаточными и необходимыми условиями рыночных отношений на различных уровнях анализа (внешнем или внутреннем).

Предлагаемые западной и отечественной школой представления о диалектическом соотношении понятий «конкурентного преимущества» и «конкурентоспособности» в анализе «конкуренции», а также системные представления о конкуренции предопределяют предпосылки к теоретическому рассмотрению систем развития (менеджмента и управления) конкуренции.

Список литературы

1. Автономова В. История экономических учений / под ред. В. Автомонова, О. Ананьина, Н. Макашевой. М.: ИНФРА-М, 2001. 784 с.
2. Кравцевич С. В. Развитие теоретико-методологических подходов к исследованию конкуренции. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2014. 258 с.
3. Портер М. Конкуренция: пер. с англ. М.: Вильямс, 2005. 608 с.
4. Портер М. Конкурентная стратегия: методика анализа отраслей и конкурентов: пер. с англ. 2-е изд. М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. 454 с.
5. Портер М. Международная конкуренция / пер. с англ. под ред. и с предисловием В. Д. Щетинина. М.: Междунар. отношения, 1993. 896 с.
6. Butler E. Hayek. His contribution to the political and economic thought of our time. New York: Universe Books, 1985. 168 p.
7. Ядгаров Я. С. История экономических учений. 3-е изд. М.: ИНФРА-М, 1999. 320 с.
8. Шуплецов А. В., Харитонов П. В. Формирование и развитие организационной культуры как фактора, определяющего конкурентоспособность предпринимательской деятельности организации [Электронный ресурс] // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). 2012. № 1. URL: <http://www.eizvestia.isea.ru/reader/article.aspx?id=14243> (дата обращения: 24.04.2018).
9. Хикс Дж. Р. Реабилитация потребительского излишка // Вехи экономической мысли. Теория потребительского поведения и спроса / под ред.

В. М. Гальперина. СПб.: Экономическая школа, 1993. С. 176–189.

гл. ред. В.Н. Черковец [и др.]. М.: Мысль, 1987. 606 с.

10. Черковец В. Н. Всемирная история экономической мысли: в 6 т. Т. 1 /

Поступила в редакцию 20.06.18

UDC 330.101.52

S. V. Kravtsevich, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Chita Institute of the Baikal State University (Chita, Russia) (e-mail: kravcevs@front.ru)

SYSTEMIC VIEWS ON COMPETITION M. PORTER

Discusses how a systematic approach to the analysis of Porter m. competition, the essence of which is to consider the terms "competitive advantage" and "competitiveness" in their dialectical relationship and as forming concepts category "competition". Examines levels of competition analysis, which also form a system of competition, predstavimuju on the local and global levels analysis of their generic versions. Sufficient conditions are considered competitive systems that are realistic forms of competition, the complex socio-economic and socio-political phenomena and processes, developed market structures. Examines the role of the concepts of "competitive advantage" and "competitiveness" in the system views of competition, which is that the notion of cause-effect relationships open competitive processes and competition Wednesday. A systematic approach to the analysis of exchange of methodologically reveals the essence of dialectical connection. The gist is that competition on the one hand, it is understood the process of formation of competitive advantage or probabilistic causal relationship "chain of values" (the process of acquisition and loss of values of the entity housekeeping), and on the other hand, a means of achieving competitiveness management object properties on the market. In theory, dialectical transition is used in research methodology reasons leadership entities, i.e. studies their inner nature and explore the properties of objects in menovom space and external collaboration. The proposed Western and patriotic school notions about the dialectic ratio between the concepts of "competitive advantage" and "competitiveness" in the analysis of "competition", as well as of competition dictate system views theoretical prerequisites to consider systems development (management and Administration) competition.

Key words: competition, competitive system, system of Exchange.

For citation: Kravtsevich S. V. Systemic views on competition M. Porter. Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Managment, 2018, vol. 8, no. 3 (28), pp. 227–232 (in Russ.).

References

1. Avtonomova V. Istoriya ehkonomicheskikh uchenij; ed. by V. Avtonomov, O. Anan'in, N. Makasheva. Moscow, INFRA-M Publ., 2001. 784 p.

2. Kravtsevich S. V. Razvitie teoretiko-metodologicheskikh podhodov k isledovaniyu konkurencii. Irkutsk, BGUEHP Publ., 2014. 258 p.

3. Porter M. Konkurenciya. Moscow, Vil'yams Publ., 2005. 608 p.

4. Porter M. Konkurentnaya strategiya: metodika analiza otraslej i konkurentov. 2th ed. Moscow, Al'pina Biznes Buks, 2006. 454 p.

5. Porter M. Mezhdunarodnaya konkurenciya; ed. by V. D. Shchetinin. Moscow, Mezhdunar. otnosheniya Publ., 1993. 896 p.

6. Butler E. Hayek. His sontribution to the political and economic thought of our time. New York, Universe Books, 1985. 168 p.

7. Yadgarov Ya. S. Istoriya ehkonomicheskikh uchenij. 3th ed. Moscow, INFRA-M Publ., 1999. 320 p.

8. Shuplecov A. V., Haritonova P. V. Formirovanie i razvitie organizacionnoj kul'tury kak faktora, opredelyayushchego konkurentosposobnost' predprinimatel'skoj deyatel'nosti organizacii. Izvestiya Irkutskoj gosudarstvennoj ehkonomicheskoy akademii (Bajkal'skij gosudarstvennyj universitet ehkonomiki i prava), 2012, no. 1. URL: <http://www.eizvestia.isea.ru/reader/article.aspx?id=14243> (accessed 24.04.2018).

9. Hiks Dzh. R. Reabilitaciya potrebitel'skogo izlishka. Vekhi ehkonomicheskoy mysli. Teoriya potrebitel'skogo povedeniya i sprosa; ed. by V. M. Gal'perina. St. Petersburg, Ehkonomicheskaya shkola Publ., 1993, pp. 176–189.

10. Cherkovec V. N. Vsemirnaya istoriya ehkonomicheskoy mysli; ed. by V. N. Cherkovec, eds. Moscow, Mysl' Publ., 1987. Vol. 1. 606 p.

УДК 168.53

А. В. Маякова, канд. филос. наук, научный сотрудник, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: BerryAnnett@yandex.ru)

СЛОЖНОСТНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КАЧЕСТВА В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЗАКАЗА РОССИИ

Одной из фундаментальных философских категорий, имеющих обоснованную интерпретацию в рамках теории сложности, является качество, вернее сложностное качество. Сложностное качество представляет собой, с одной стороны, нелинейную, изменяющуюся вероятностным образом по множеству различных параметров категорию постнеклассической философии и науки, как в условиях количественных изменений, так и вариативности внутренней системы на базе дифференцированности и накапливаемости; с другой – системную иерархичную категорию, в состав которой входят множество сложных свойств и монокачеств и которая обладает такими специфическими особенностями, как контекстуальность, оцениваемость, многозначность и идентифицированность. Такое развернутое определение сложностного качества дает возможность говорить о множественном преломлении данной категории через призму технаук и различных научных практик, что еще раз подтверждает утверждение о применении данной категории в трансдисциплинарных исследованиях. В рамках данной научной работы совершается попытка рассмотрения постнеклассического понимания качества как категории теории сложности – сложностное качество – в аспекте современных научных практик. Начало XXI века в российской экономике ознаменовано стремительным развитием системы государственного заказа. Так, формирование новой государственной контрактной системы на основании Федерального закона № 44-ФЗ, урегулирование отношений «заказчик – поставщик» при закупке товаров, работ, услуг на договорной основе в рамках Федерального закона № 223-ФЗ предоставило широкое поле для научно-практических дискуссий. В связи с этим целесообразно транспонировать значение сложностного качества именно в систему государственных закупок.

Ключевые слова: качество, сложностное качество, теория сложности, система государственных закупок, государственный заказ, сложностный подход.

Ссылка для цитирования: Маякова А. В. Сложностная интерпретация качества в системе государственного заказа России // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2018. Т. 8, № 3 (28). С. 233–240.

Постнеклассическая наука определяет систему государственных закупок как комплекс мероприятий, цель которых – максимально выгодное для заказчика приобретение за счет бюджетных средств товаров и услуг, необходимых для удовлетворения государственных и муниципальных нужд. Однако система государственных закупок представляет собой не только совокупность действий в сфере государственного заказа, но и включает в качестве своих элементов участвующих в закупке лиц: заказчиков; поставщиков; участников торгов/конкурсов и иных форм проведения госзакупок; уполномоченные и контрольные органы; федеральные органы исполнительной власти различных уровней по регулированию контрактной системы в рассматриваемой сфере; специализированные организации; экспертов / экспертные организации [1].

Такой взгляд на систему государственных закупок определяют юридические и экономические науки. При этом до сих пор данная сфера не ассимилирована современной философией. Однако многие категории, используемые в системе государственных закупок, взяты именно из философии: качество, количество, система, государство и др. Таким образом, качество является одной из тех категорий, которые успешно применяются в данной системе. Однако качество не совсем однозначно «вписалось» в общую картину государственного заказа. Однако на первом этапе исследования постнеклассического понимания качества как категории теории сложности в системе государственных закупок остановимся более подробно на теории сложности или сложностном подходе.

В контексте данного исследования наиболее целесообразным является рас-

смотрение не столько всех постулатов теории сложности, сколько конкретных характеристик «сложного мира» [2, с. 71], определенных В. Аршиновым.

Во-первых, сложностный мир существенно нелинеен и конституируется множеством взаимосвязанных, открытых, далеких от равновесия, самоорганизующихся и эволюционирующих систем. Это сетевой мир дивергентно-конвергентных эволюционных процессов, мир качественных трансформаций, мир переплетенных между собой обратных связей, как положительных (самоусиливающихся), так и отрицательных (самостабилизирующихся) [3, с. 79].

Во-вторых, познание реальностей сложностного мира изначально ориентировано на принципиальное ограничение редукционистского подхода, берущего за основу эпистемологическую перспективу какой-либо одной научной дисциплины или модели. Сложностная реальность предполагает множественность несводимых друг к другу языков ее описания, множественность перспектив ее рассмотрения, а потому и принципиально междисциплинарный и трансдисциплинарный характер постижения ее качественного разнообразия [3, с. 84].

В-третьих, контекст понимания сложности не редуцируется ни к субъектному, ни к объектному его рассмотрению. Он ориентирован на ее понимание как рекурсивного процесса, осуществляющегося между частями и их целостностями, в конечном счете как взаимодействия между субъектом и объектом, рассматриваемом в темпоральном контексте их взаимного становления (коэволюции) [2, с. 75].

В-четвертых, погружение субъекта и объекта в мир сложности означает отсутствие единственного привилегированного (внешнего), отделенного от сложностного мира субъекта, что, в свою очередь, порождает проблему выбора (конструирования) рефлексивных позиций субъектов-наблюдателей сложности как наблюдателей-участников,

проблему идентификации их «слепых пятен» в наблюдении; проблему идентификации когнитивного перехода от одной позиции наблюдения к другой, проблему поиска их связанности, сопряженности контекстов, их инвариантов [4, с. 89].

Таким образом, сложностность и сложностный подход – это мир становления новых качеств (эмерджентов), мир автопоэтической, квантовоподобной сопряженности множества нелинейных, открытых, далеких от равновесия, самоорганизующихся и саморазвивающихся систем. Это мир их (само) различий в эволюционирующем множестве становящихся новых качеств, распознавание и интерактивное конструирование которых, помимо наблюдателя-участника, предполагает конструктивное (рефлексивное) введение «наблюдателя эволюции второго порядка», наблюдающего (распознающего) первого и одновременно находящегося с ним в рекурсивно-коммуникативной коммуникации [4, с. 91].

Как видно из характеристик сложностного подхода, одной из категорий, присущих сложности, является категория «качество». В сложностном переосмотре – сложностное качество. Сложностное качество представляет собой, с одной стороны, нелинейную, изменяющуюся вероятностным образом по множеству различных параметров категорию постнеклассической философии и науки, как в условиях количественных изменений, так и вариативности внутренней системы на базе дифференцированности и накапливаемости; с другой – системную иерархичную категорию, в состав которой входит множество сложных свойств и монокачеств и которая обладает такими специфическими особенностями, как контекстуальность, оцениваемость, многозначность и идентифицированность [5, с. 605]. Такое развернутое определение сложностного качества дает возможность говорить о множественном преломлении данной категории через призму технауки и различных научных практик, что еще раз подтверждает утверждение о

применении данной категории в трансдисциплинарных исследованиях.

Так, качество в рамках системы государственных закупок представляет собой сложную категорию. При этом современная экономика, юриспруденция, теория общего менеджмента не имеют в своем категориальном арсенале универсального определения качества, соответственно, его сущностное содержание объективно не сформировано. Практически качество оценивается исходя из достигнутых результатов деятельности. В этой связи качество идентифицируется как эффективность и результативность процесса и менеджмента в целом. Однако данные понятия взаимосвязаны, но не тождественны. В рамках философско-гуманитарного трансдисциплинарного исследования экономика, юриспруденция, теория общего менеджмента не совсем логично вписываются в общую картину, однако это только поверхностное суждение. Во-первых, качество и сложностное качество являются категориями междисциплинарными, соответственно, их применение в различных науках, в том числе и прикладных, представляется апробированным. Во-вторых, система государственных закупок на данный момент ассимилирована в основном этими тремя научными областями. В-третьих, качество в системе государственных закупок представляется в различных понятиях и процессах: качество управления, управление качеством, результат, критерий и др. Остановимся более подробно на каждом аспекте.

В рамках системы государственных закупок сложностное качество выступает в том числе в виде категории управления. Сложностное качество отражает управленческий аспект категории «качество» и расставляет необходимые акценты для проведения исследования. Достижение надлежащего сложностного качества невозможно без учета сфер ключевой компетентности [6], т. е. сфер деятельности, в рамках которых организация конкурентоспособна, и способности оперативного

достижения результата в виде объема продаж, прибыли, рентабельности. Сложностное качество в контексте управления представляет собой концепцию сложностной категории и отражает сильную сторону организации и тем самым генерирует ведущие факторы успеха [7]. Нереализованная конкурентоспособность организации является неинформативной и неактуальной. Более того, данный факт говорит о ненадлежащем качестве, т. к. основным требованием общего менеджмента является режим стабильной и эффективной жизнедеятельности организации, достижение текущего или перспективного соответствия меры и архитектоники элементов потенциала организации мере и архитектонике потенциала рынка в условиях конкурентных преимуществ и противодействий. Достижение успеха организацией в процессе государственного заказа на основе конкурентных преимуществ не только основная мотивация для каждой организации в рамках системы государственных закупок, но и значимый результат в улучшении бизнеса в рамках экономики в целом.

Надлежащее качество не только сложная системная категория, но и сложная системная проблема не только в рамках государственного заказа, т. к. предполагает реализацию множества точечных и стратегических целей, смежных с решением рыночных задач, утверждением количества и состава материальных и нематериальных ресурсов, необходимых для реализации этих целей. Система государственных закупок представляет широкое поле для деятельности организаций в ракурсе стратегического планирования в целях обеспечения надлежащего качества. С помощью определенных идей, установок, ценовой политики на определенные товары, работы или услуги, нормативно-правовых актов государство осуществляет контроль, управление и поддержку деятельности в сфере государственных закупок. Государство, являясь крупнейшим заказчиком, начиная от пищевой и заканчивая продукцией воен-

ного назначения, способно генерировать потребность на определенную группу товаров, работ, услуг, поддерживая таким образом производственную активность национального предпринимательства, которые в системе закупок выступают как потенциальные поставщики, исполнители, подрядчики. Государственная поддержка заказчиков выражается в увеличении объема бюджетного финансирования на реализацию государственных закупок.

На законодательном уровне можно проследить государственные инструменты поддержки заказчиков и поставщиков, которые выражаются во взаимных штрафах и пених за некачественное и несвоевременное исполнение обязательств, предусмотренных заключенным контрактом, в том числе и финансовых с каждой из сторон. Также в отдельных предусмотренных законодательством случаях поставщики обязаны предоставлять заказчикам финансовое обеспечение исполнения контракта, т. е. поставщики перечисляют заказчику во временное распоряжение некую сумму денег, являющуюся залогом и гарантом качественного и своевременного исполнения условий контракта.

Другая особенность сложностного качества в контексте системы государственных закупок – измеримость и оцениваемость [8, с. 58–60]. Необходимость оценивания качества является первостепенным условием анализа текущего уровня и перспектив развития организации (и поставщика, и заказчика). При проведении подобного анализа деятельности организации необходима специализированная методика его проведения, т. к. сложностное качество не во всех случаях оценивается в стоимостном эквиваленте. Речь идет об интегральном методе, в основе которого лежит методика распознавания образов [9, с. 54–71]. Распознавание образов представляет собой систему сопоставления оцениваемой совокупной структуры показателей (на определенном этапе либо за определенный период вре-

мени) с вариантом возможной совокупной структуры, которая выступает эталоном, нормативом. В рамках системы государственных закупок в России применяются следующие методы отбора поставщиков на основе критерия «качество», предусмотренных общей методикой распознавания образов: метод сопоставимых рыночных цен (анализа рынка); нормативный метод; тарифный метод; проектно-сметный метод; затратный метод.

Метод сопоставимых рыночных цен (анализа рынка) заключается в определении цены наиболее качественного товара, работы или услуги с минимальными финансовыми затратами на основании информации о рыночных ценах на идентичные либо однородные товары, работы, услуги. Идентичные товары, работы, услуги, согласно Методическим рекомендациям по применению методов определения начальной (максимальной) цены контракта, цены контракта, заключаемого с единственным поставщиком (подрядчиком, исполнителем) – «товары, работы, услуги, имеющие одинаковые характерные для них основные признаки» [10]. Однородные товары – «товары, имеющие одинаковые характерные для них основные признаки (функциональные, технические, качественные, а также эксплуатационные характеристики)». Однородные услуги, работы – «работы, услуги, обладающие одинаковыми характерными для них основными признаками (качественными характеристиками), в том числе реализуемые с использованием одинаковых методик, технологий, подходов, выполняемые (оказываемые) подрядчиками, исполнителями с сопоставимой квалификацией» [10].

Нормативный метод применяется при заключении контрактов, имеющих требования, установленные законодательством в сфере закупок и в случае, если такие требования предусматривают установление предельных цен товаров, работ, услуг.

Тарифный метод применяется в случаях заключения контрактов с поставщи-

ками, исполнителями, подрядчиками, производящими товар, оказывающими услуги или выполняющими работы, цены и тарифы на которые установлены и регулируются государством.

Проектно-сметный метод заключается в расчете цен контрактов, предполагающих выполнение строительных, реконструкционных или ремонтных работ.

Затратный метод определения цены контракта применяется в случае невозможности использования вышеперечисленных методов и заключается в определении суммарных показателей произведенных затрат (затраты на производство и приобретение товаров, затраты на хранение, транспортировку грузов и т. д.).

Таким образом, постнеклассическое понимание категории «качество» как категории управления в системе государственных закупок раскрывается в различных ипостасях: качество управления, критерий отбора товаров, работ, услуг заказчиком, результат отбора товаров, работ, услуг заказчиком. Данное умозаключение обобщенно аргументируется тем, что надлежащее качество проведения закупки заказчиком и ее исполнения поставщиком является единственным полноценным требованием и результатом в системе государственных закупок.

Второе глобальное значение качества в системе государственных закупок предполагает процессный подход, точнее олицетворяет процесс, особый вид деятельности – менеджмент качества. Менеджмент качества – с одной стороны, это скоординированная и взаимосвязанная деятельность по управлению, выстроенная таким образом, чтобы обеспечить надежную и бесперебойную работу организации [11]; с другой – актуальный научный подход, изучающий координацию и взаимосвязи качества и выступающий гарантом высокоэффективного функционирования процессов организации [5, с. 607]. На данный момент менеджмент качества имеет широкую теоретическую базу, в рамках которой интегрированы компоненты различных науч-

ных направлений. Наряду с этим менеджмент качества остается в первую очередь научно-прикладной областью. Однако если изначально менеджмент качества был «наукой будущего», то сейчас можно объективно говорить о том, что менеджмент качества – «наука сегодняшнего дня». Приоритетная задача этой деятельности – планирование, создание, генерирование и обеспечение качественного результата как материального, так и нематериального объекта (продукции, системы управления, процесса, инфраструктуры, среды обитания и пр.). Решение приоритетной задачи обеспечивается за счет создания прикладных систем-модулей, которые внедряются и применяются в организациях различной направленности (ISO 9000, TQM, 6 сигма, система Lean), что формирует благоприятную основу для укрепления и развития новой формы организации производства – постфордизма. В связи с этим можно констатировать тот факт, что качество является одной из ключевых категорий постфордизма, а значит, и одной из основных категорий постнеклассической философии и науки в целом.

Менеджмент качества в контексте системы государственных закупок представляет категорию «качество» синонимичной с категориями «функциональное соответствие», «надежность», «долговечность» и пр. Однако для выражения абсолюта, совершенства в компаративном и квантитативном смысле категория качества применяется с прилагательным: относительное качество, уровень качества, мера качества [12]. Российская Академия проблем качества трактует сущность качества как функциональную категорию менеджмента, определяющую стиль жизни, социальный и экономический базис эффективного развития человека и общества. Данная трактовка глобально отражает сущность качества в системе государственных закупок, поскольку охватывает все уровни системы и все сферы жизнедеятельности человека и общества.

Международная организация по стандартизации характеризует категорию «качество» как сбалансированный комплекс свойств и характеристик объекта, посредством которых данный объект способен удовлетворять обусловленные или предполагаемые потребности потребителей [13]. Преломление качества через призму системы государственных закупок раскрывает данную категорию в интегральном, трансдисциплинарном аспекте, в рамках которого качество отражает эффективность и результативность государственного заказа в России.

Менеджмент качества в рамках системы государственного заказа вновь обращается к качеству как категории управления. Особый интерес вызывает качество управления как степень соответствия рыночных возможностей целевой функции, а именно удовлетворенности потребителя. В этой связи категория «качество управления» взаимосвязана, а в некоторых случаях и синонимична категориям «брендинг», «ключевая компетентность», «рыночный результат», «управленческий потенциал» [14, с. 70]. Качество управления отражается не только в вербальных понятиях, но и в численном виде: мера использования потенциала управления, выраженная в результатах деятельности организации [14, с. 70]. Таким образом, категория «качество управления» определяется как способность и возможность менеджмента достигать конкурентное превосходство. Данные особенности категории дают возможность ее более широкого применения, в том числе в сфере государственного заказа, поскольку именно в данной сфере ориентация на потребителя (заказчика) и умение достигать конкурентного превосходства являются ключевыми факторами результативного и эффективного исполнения закупки поставщиком.

Таким образом, постнеклассическое понимание качества и возможностей его применения в современных научных практиках, в частности в системе государственных закупок в России, определя-

ется как динамическая, абсолютно-относительная, оцениваемая категория, выступающая одновременно в виде различных понятий и процессов: качество управления, управление качеством, результат, критерий и др. Этим объясняется «неоднозначность» качества в системе государственных закупок. Сама система априори является трансдисциплинарным полем для практической деятельности и научных диспутов, поэтому общеполитические категории, применяемые в ее словаре, претерпевают существенные изменения, касаемые не только сущностных характеристик. Наблюдается формирование новой терминологии на основании общенаучных категорий и понятий, методологии на базе известных научно-практических методов и подходов. Очевидным является тот факт, что система государственных закупок в России будет претерпевать еще много изменений и влиять тем самым не только на экономику, юриспруденцию, менеджмент, но и постнеклассическую науку и современные научные практики в России.

Список литературы

1. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд [Электронный ресурс]: федер. закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ: [ред. от 03.08.2018]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/ (дата обращения: 07.08.2018).
2. Аршинов В. И., Свирский Я. И. Сложностный мир и его наблюдатель. Часть первая // Философия науки и техники. 2015. Т. 20, № 2. С. 70–84.
3. Аршинов В. И., Свирский Я. И. Сложностный мир и его наблюдатель. Часть вторая // Философия науки и техники. 2016. Т. 21, № 1. С. 78–91.
4. Аршинов В. И. Сложностный мир и его наблюдатель // Философия, методология и история науки. 2015. Т. 1, №1. С. 86–99.
5. Mayakova A. V., Semenikhina E. B. The application of the category “quality

complexity”: interdisciplinary aspect // 4th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences & Arts SGEN 2017. Albena Co., Bulgaria, 2017. Vol. II. P. 603–609.

6. Клейнер Г. Микроэкономические факторы и ограничения экономического роста // Проблемы теории и практики управления. 2004. № 6. С. 28–33.

7. Винокуров В., Винокуров А. Качество управления как фактор укрепления рыночных позиций предприятия // Стандарты и качество. 2005. № 12. С. 58–62.

8. Leshchuk V., Polinkevych O., Ishchuk L. Strategy of engineering enterprises’ business process management in reengineering and redesign // The Economic Annals-XXI Journal. 2015. № 1-2(1). P. 57–61.

9. Баженов Р. И. Интеллектуальные информационные технологии. Биробиджан: ПГУ им. Шолом-Алейхема, 2011. 176 с.

10. Об утверждении методических рекомендаций по применению методов

определения начальной (максимальной) цены контракта, цены контракта, заключаемого с единственным поставщиком (подрядчиком, исполнителем) [Электронный ресурс]: приказ от 02.10.2013 № 567. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_153376/ (дата обращения: 07.08.2018).

11. ISO 9000-2011. Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь. Введ. 2015-11-01. М.: Стандартиформ, 2015. 35 с.

12. Дункан Дж. У. Основополагающие идеи в менеджменте. М.: Дело, 1996. 272 с.

13. ГОСТ Р ИСО 8420-2013. Животные и растительные жиры и масла. Определение содержания полярных соединений. Введ. 2015-01-01. М.: Стандартиформ, 2014. 9 с.

14. Шмаров А., Полуни Ю. Русский стиль менеджмента // Эксперт. 2001. № 36. С. 69–72.

Поступила в редакцию 14.08.18

UDC 168.53

A. V. Mayakova, Candidate of Philosophical Sciences, Research Fellow, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: BerryAnnett@yandex.ru)

COMPLEXITY INTERPRETATION OF QUALITY IN THE SYSTEM PUBLIC PROCUREMENT OF RUSSIA

One of the fundamental philosophical categories, which have a reasonable interpretation in the framework of the theory of complexity, is the quality, rather complex quality. Complexity quality is, on the one hand, non-linear, evolving probabilistic way by a variety of different parameters category of postnonclassical philosophy and science, both in terms of quantitative changes, and internal variability of the system on the basis of differentiation and nakaplivaetsya; on the other hierarchical category system, which is composed of many complex properties and moneychest and which possesses such specific characteristics as contextuality, testability, ambiguity and identifirovany. Such a detailed definition of complex quality makes it possible to talk about the multiple refraction of this category through the prism of technoscience and various scientific practices, which once again confirms the statement about the use of this category in TRANS-disciplinary studies. Within the framework of this scientific work, an attempt is made to consider the post – non – classical understanding of quality as a category of complexity theory-complex quality-in terms of modern scientific practices. The beginning of the XXI century in the Russian economy is marked by rapid development of the state order system. Thus, the formation of a new state contract system on the basis of Federal law 44-FZ, the regulation of relations "customer – supplier" in the purchase of goods, works, services on a contractual basis under Federal law 223-FZ provided a wide field for scientific and practical discussions. In this regard, it is advisable to transpose the value of complexity quality into the system of public procurement.

Key words: quality, complexity quality, complexity theory, public procurement system, public procurement, complex approach.

For citation: Mayakova A. V. Complexity interpretation of quality in the system public procurement of Russia. Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management, 2018, vol. 8, no. 3 (28), pp. 233–240 (in Russ.).

References

1. O kontraktnoj sisteme v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug dlya obespecheniya gosudarstvennyh i municipal'nyh nuzhd: feder. zakon ot 05.04.2013 No 44-FZ: [red. ot 03.08.2018]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/ (accessed 17.06.2018).

2. Arshinov V. I., Svirskij Ya. I. Slozhnostnyj mir i ego nablyudatel'. Chast' pervaya. *Filosofiya nauki i tekhniki*, 2015, vol. 20, no. 2, pp. 70–84.

3. Arshinov V. I., Svirskij Ya. I. Slozhnostnyj mir i ego nablyudatel'. Chast' vtoraya. *Filosofiya nauki i tekhniki*, 2016, vol. 21, no. 1, pp. 78–91.

4. Arshinov V. I. Slozhnostnyj mir i ego nablyudatel'. *Filosofiya, metodologiya i istoriya nauki*, 2015, vol. 1, no. 1, pp. 86–99.

5. Mayakova A. V., Semenikhina E. B. The application of the category “quality complexity”: interdisciplinary aspect. 4th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences & Arts SGEM 2017. Albena Co., Bulgaria, 2017. Vol. II, pp. 603–609.

6. Klejner G. Mikroehkonomicheskie faktory i ogranicheniya ehkonomicheskogo rosta. *Problemy teorii i praktiki upravleniya*, 2004, no. 6, pp. 28–33.

7. Vinokurov V., Vinokurov A. Kachestvo upravleniya kak faktor ukrepleniya rynochnyh pozicij predpriyatiya. *Standarty i kachestvo*, 2005, no. 12, pp. 58–62.

8. Leshchuk V., Polinkevych O., Ishchuk L. Strategy of engineering enterprises' business process management in reengineering and redesign. *The Economic Annals-XXI Journal*, 2015, no. 1-2(1), pp. 57–61.

9. Bazhenov R. I. *Intellektual'nye informacionnye tekhnologii*. Birobidzhan, PGU im. SHolom-Alejhem Publ., 2011. 176 p.

10. Ob utverzhdenii metodicheskikh rekomendacij po primeneniyu metodov opredeleniya nachal'noj (maksimal'noj) ceny kontrakta, ceny kontrakta, zaklyuchaemogo s edinstvennym postavshchikom (podryadchikom, ispolnitelem): prikaz ot 02.10.2013 No 567. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_153376/ (accessed 07.08.2018).

11. ISO 9000-2011. *Sistemy menedzhmenta kachestva. Osnovnye polozheniya i slovar'*. Vved. 2015-11-01. Moscow, Standartinform Publ., 2015. 35 p.

12. Dulkan Dzh. U. *Osnovopolagayushchie idei v menedzhmente*. Moscow, Delo Publ., 1996. 272 p.

13. GOST R ISO 8420-2013. *Zhivotnye i rastitel'nye zhiry i masla. Opreделение soderzhaniya polyarnyh soedinenij*. Vved. 2015-01-01. Moscow, Standartinform Publ., 2014. 9 p.

14. Shmarov A., Polunin Yu. *Russkij stil' menedzhmenta. Ehkspert*, 2001, no. 36, p. 69–72.

УДК 17.331.108.6. 347.56.614.25

И. В. Костерина, канд. пед. наук, доцент, Курский институт кооперации (филиал) Белгородского университета кооперации, экономики и права (Курск, Россия) (e-mail: kosterinaiv@mail.ru)

А. Л. Панищев, канд. филос. наук, доцент, Курский институт кооперации (филиал) Белгородского университета кооперации, экономики и права (Курск, Россия) (e-mail: alexeip1980@mail.ru)

ФЕНОМЕН СКЕПТИЦИЗМА В КЛИНИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ ВРАЧА

Данная статья посвящена теме научного скептицизма в клинической практике врача. В работе отмечается то, что врач для наиболее разумной организации своей работы обращается к принципу сомнения и скептицизму.

Скептицизм в разумных пределах соответствует принципу коллегиальности, поскольку врач, сомневающийся в правильности того или иного решения, сверяет его с мнением своих коллег и проверяет по специализированной литературе. Скептицизм в медицине подчёркивает нравственную ответственность врачей и научные основы, на которых развиваются сами науки медицинского профиля.

Само понятие скептицизма употреблялось ещё в античном мире, однако словосочетание «научный скептицизм» впервые было использовано в 1985 году в работах американского учёного Карла Эдварда Сагана. Несмотря на то, что он был астрономом, понятие научного скептицизма распространилось и на другие науки, в том числе медицинские. Это обстоятельство представляется не только профессионально, но и этически обоснованным, поскольку работа медика связана высшими нравственными ценностями общества.

Также научный скептицизм объективно необходим при решении ряда биомедицинских вопросов, связанных, например, с эвтаназией, трансплантологией, клиническими экспериментами, клонированием. Эти спорные вопросы могут взвешенно решаться только при обращении к научному скептицизму. В рамках скептицизма учитываются не только медицинские стороны, но также нормы этики и законы материального права. Между тем комплекс достижений и возможностей современной науки обладает настолько большим потенциалом, что без здравого скептицизма может не только не принести пользы, но и навредить.

Обращение к научному скептицизму позволяет медикам выстраивать свою работу в русле научного подхода, сводя к минимуму вероятность совершения ошибок.

Ключевые слова: врач, наука, скептицизм, сомнение, клиническая практика.

Ссылка для цитирования: Костерина И. В., Панищев А. Л. Феномен скептицизма в клинической практике врача // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2018. Т. 8, № 3 (28). С. 241–252.

Процесс становления и развития науки является сложным феноменом, сыгравшим существенную роль в бытии человека и общества. Беря во внимание проникновение результатов научного познания в повседневную жизнь людей, уместно сказать, что, по сути, наука стала своеобразной формой социального бытия. Следует подчеркнуть, что одной из задач наук нередко называют открытие истины. Однако, думается, что провозглашение такой задачи является настолько громким и пафосным явлением, что в данном случае закономерно скептическое замечание: а возможно ли вообще в процессе научного познания понять истину. «Откуда известно, что истина всегда может быть доказана, а ложь всегда может

быть опровергнута? Возможно, что ложь гораздо доказательней истины. Доказательность есть один из соблазнов, которым мы ограждены от истины», – вопрошает Н. А. Бердяев [1, с. 97].

И действительно, даже объективное знание не всегда оказывалось достоверным. В древнем мире, не только отдельно взятые люди, но всё общество полагало, что Солнце крутится вокруг Земли, тем более они объективно видели, что Солнце заходит с одной стороны Земли, а восходит с другой стороны. Это знание можно было считать объективным, тем более оно признавалось всеми или почти всеми в определённых общностях. Однако по мере исторического развития геоцентризм был опровергнут: вначале в III в.

Аристархом Самосским, а позже – рядом учёных в эпоху Средних веков и Ренессанса. Так, в XIV в. философ Альберт Саксонский схоластически обосновывал гелиоцентризм. По мере развития науки в её лоне стали вызревать такие знания, результатами которых стало не только открытие естественных законов, но и разработка новых технологий, способных спровоцировать ряд социальных проблем и даже природных катаклизмов. Одной из наук, где ошибки могут стать особенно трагичными, является медицина. К ней мы и обратимся в представленной работе.

Известный исследователь в области биомедицинской этики И. В. Силуянова отмечает, что близкое к *medicine* латинское слово *medicare* имеет два значения – *лечить* и *отравлять*, а *medicamen* – *медикамент* и *яд* [2]. Эта семантическая двойственность слов как бы подчеркивает то, что врач может лекарственные препараты и свои знания употребить как во благо, так и во зло. В современном мире, в условиях интенсивного развития фармакологии, фармацевтики, путей медикаментозного влияния на здоровье человека, проблема использования лекарственных препаратов весьма сложна и требует анализа не только в медицинском, но и в нравственно-правовом контексте. Обстоятельство заставляет нас обратиться к такому явлению, как научный скептицизм. Эту категорию мы исследуем в контексте клинической практики врача.

Понятие *скептицизма* восходит ещё к античной философии. В эпоху Эллинизма скептицизм сформировался в качестве самостоятельного философского учения. Термин «*скептицизм*» происходит от древнегреческого слова *σκεπτικός* – «*рассматривающий*», «*исследующий*». В этом философском учении ставился вопрос о том, что всякое знание, не связанное с констатацией фактов, сомнительно. Основателем скептицизма как философского течения считается Пиррон (360–270 гг. н.э.). В эпоху Нового времени ряд принципов скептицизма был озвучен некоторыми мыслителями, например,

французским философом Рене Декартом в труде «Рассуждения о методе».

По мере развития науки скептицизм вышел из области философии и распространился на науку вообще. Таким образом, сложился научный скептицизм. Скептицизм свойственен науке по самой её природе. Если мы попытаемся дать определение науки, то уместно предложить такую её дефиницию: *наука* – это сфера познавательной деятельности, которая базируется на допущении существования определённой действительности, не зависящей от субъекта познания мира, все процессы и явления которого подчинены закономерностям и познаются с помощью чувств и мышления. В данном определении важно слово *допущение*, поскольку наука в ряде случаев для эффективного исследования допускает наличие той реальности, на основе которой можно развить ту теорию, которая может оказаться верной, хотя может быть и ошибочной. Так, В. Сегет пишет, что в истории познания необходимо оперирование не только понятиями, истинность которых уже доказана, но и теми правилами и положениями, которые носят гипотетический характер [3, с. 15]. Тем самым мы допускаем гипотезу в качестве формы научного знания, содержание которой ещё не доказано, но сохраняется возможность к такому доказательству. В принципе скептики скажут, что пока достоверность знания не доказана, оно не может считаться научным.

Термин «научный скептицизм» был использован сравнительно недавно – в 1985 году в работах американского астронома Карла Эдварда Сагана. Отметим, что и американский мыслитель Пол Курц (1925–1912 гг.) употребил понятие «новый скептицизм». Согласно контексту и смыслу использования этого словосочетания, можно полагать то, что оно равнозначно понятию *научного скептицизма*. В целом, скептики утверждают, что любая информация не может считаться достоверной, если не подтверждена эмпирическим путём. Также для науки важна не

только констатация факта, но и объяснение его. Если наблюдаемый феномен учёные не могут объяснить в границах существующей парадигмы, то на данном этапе развития науки знание этого феномена не может считаться научным. Ввиду этого многие представители научного скептицизма значительную часть своих работ посвящают попытке научно объяснить какие-либо паранормальные явления (например, американский писатель, математик Гарднер Мартин). К слову сказать, телевизионную передачу «Разрушители легенд» некоторые исследователи считают результатом развития научного скептицизма.

Тема скептицизма звучит и в работах американского учёного Роберта Мертона. Он пишет об *организационном скептицизме*, суть которого состоит в стремлении подвергнуть всякое знание сомнению. Р. Мертон считает, что учёный должен критически подходить к работе своей и других учёных. «Организованный скептицизм Р. Мертона, в частности, предполагает, что ученые следуют нормам этоса, так как верят в существование истины, какой бы смысл ни вкладывался в этот термин» [4, с. 8]. Роберт Мертон подчёркивает то, что скептицизм должен быть основан исключительно на научных основах, никаких идиологов в науке быть не должно, сомнение необходимо в границах научной целесообразности. «Организованный скептицизм – это одновременно и методологическое, и институциональное требование» [4, с. 9]. Данные обстоятельства в контексте исследования научного скептицизма в клинической практике врача обращают нас к биомедицинской этике.

В области медицины научный скептицизм становится также важной составляющей врачебной практики. «Сегодня в мире происходит процесс перехода от медицины “импрессионистской”, основанной на мнении и впечатлении, к медицине, основанной на доказательствах – “доказательной медицине”. И в этом процессе Россия пока находится на не передовых позициях» [5, с. 42].

Тема доказательств обычно поднимается в правоохранительной сфере, особенно в тех случаях, когда речь идёт о судебных заседаниях. Однако не менее важны доказательства в медицине, когда от правильности выбора методов и средств лечения больного человека зависит, будет ли он жить или скончается. Врачу необходимо обосновать свои решения, подвергнуть их сомнению, проверить их правильность как на основе собственного опыта, так и на основе опыта своих коллег. Для этого медик может обратиться к специальной литературе, к историям болезней других пациентов (если такое ознакомление не нарушит принцип конфиденциальности), к описаниям уже прошедших клинических экспериментов, связанных с его лечебным делом. Весь комплекс этих мер позволит врачу снизить риск ошибочного решения и максимально повысить вероятность полезности своего вмешательства в жизнь больного человека. Доказательная медицина является важным условием для развития медицины в целом, для интеграции передового теоретического научного знания с врачебной практикой. В условиях расширенного объёма научной информации и больших возможностей к её приобретению выбор достоверной информации возможен только при наличии хорошей доказательной базы.

Сомнение есть естественная часть мышления человека, осознающего высокую степень ответственности за принимаемое решение. Для врача сомнение также является частью медицинской практики и клинического мышления. «Клиническое мышление – это содержательно специфицированный процесс диалектического мышления, придающий целостность и законченность медицинскому знанию» [6, с. 37]. Есть и другое определение клинического мышления: «Клиническое (врачебное) мышление – специфическая умственная деятельность практического врача, направленная на наиболее эффективное использование теоретических научных знаний, практических

навыков и личного опыта при решении профессиональных (диагностических, лечебных, прогностических и профилактических) задач для сохранения здоровья конкретного пациента» [7]. Стиль клинического мышления вырабатывается таким образом, чтобы он был своеобразной «защитой врача от диагностической ошибки, избыточного обследования и избыточной терапии» [8, с. 58]. Именно научный скептицизм является частью клинического мышления и основой для продуктивного сомнения в клинической практике врача. Доктор В. И. Петров отмечает: «Грамотный клиницист – это врач, имеющий хорошую базу знаний и способный клинически мыслить. Особенность нашей профессии заключается в том, что без этой способности даже знание многих фактов, имеющих отношение к больному, может оказаться недостаточным для успешного распознавания болезни и эффективного её лечения» [7].

Категория клинической практики имеет вполне конкретное понимание, которое наделено не только медицинским, но также этическим и правовым смыслом. Считается, что клиническая практика «представляет собой международный этический и научный стандарт планирования и проведения исследований с участием человека в качестве субъекта, а также документального оформления и представления результатов таких исследований» [9]. Целью клинической практики врача является излечение человека от болезни.

Существует ряд принципов клинической практики врача, изложенных в Правилах надлежащей клинической практики Евразийского экономического союза [9]. Соблюдение данных принципов обязательно не только с точки зрения юридического права, но и с позиции этики врача. В этих правилах отражены основные принципы биомедицинской этики, нарушение которых имеет правовые последствия. Следование данным принципам позволяет врачу снизить градус научного скептицизма, поскольку в соблюдении

этих принципов выражается врачебное доверие медика к международному врачебному сообществу. Следует подчеркнуть то, что сформированы эти принципы на основе многовековой врачебной практики. Одной из сторон данных принципов является прозрачность действий медицинских работников, возможность проверить и исследовать эти действия в случае необходимости.

Причины для таких проверок могут быть связаны как с действиями правоохранительных органов, так и с самой врачебной практикой, опыт которой должен быть изучен и востребован. Нередко исследовать действия врача берётся экспертный совет организации или независимый этический комитет. Целью данного совета (или комитета) является защита права, безопасности и благополучия всех субъектов медицинского исследования. При этом он требует на рассмотрение ряд документов, связанных с обследованием и лечением пациента [9].

Данные документы оформляются с обязательным соблюдением ряда требований, которые призваны не допустить двусмысленности или размытости выводов, явить объективную информацию по тому или иному делу. Правильное оформление документации имеет важные последствия и для текущей работы. Не случайно в учебном пособии по качественной клинической практике написано: «Крайне важно, чтобы исследование было выполнено по заранее утвержденному протоколу. Протокол исследования – это документ, в котором отражены цели и задачи исследования, а также вопросы организации, методологии и условия, при которых данное испытание будет выполнено» [5, с. 18]. Вместе с тем протокол должен быть детально продуман и должен учитывать ранее полученные данные по конкретному пациенту.

Одной из причин для развития научного скептицизма во второй половине XX в. стало не только развитие самой науки, но и обогащение её направлений как в количественном, так и в качествен-

ном смысле. На основе синтеза различных наук формируются междисциплинарные науки, среди которых назовём биохимию, биоэтику. Кроме того, нельзя забывать и о том, что в XX в. во многих странах правительства добились того, что большинство населения стали грамотными людьми. Однако именно данное обстоятельство породило у многих людей иллюзию самостоятельности в поиске истины. Интернет предоставил населению большие информационные возможности, которые могут таить в себе и угрозы. В итоге в мире стали процветать различные шарлатаны, которые, спекулируя какими-либо знаниями, дали импульс к распространению псевдонаук, паранаук, квазинаук, лженаук. Примечательно, что такие сомнительные явления стали частью повседневной жизни многих людей. Чтобы это понять в должной мере, достаточно вспомнить, сколько раз в день в СМИ (в маршрутном автобусе, по радио, в Интернете) вы слышите или читаете астрологические прогнозы, где изо дня в день гражданам излагаются похожие мысли, причём такие, которые можно выразить любому человеку во всякий день. Такие антинаучные тенденции стали составляющей мышления некоторых людей. Причины таких тревожных явлений различны и требуют отдельного исследования. Так, Р. М. Рупова замечает: «Разрыв с христианской традицией, падение авторитета науки, – приводит к соблазну оккультизма» [10, с. 3]. Отметим, что в христианстве оккультизм очень жёстко осуждается и считается тяжёлым грехом. Авторитет же науки зиждется не только на успехах учёного сообщества, но и на среднем уровне интеллектуального развития нации, в случае кризиса которого авторитет науки заметно снижается. Вызывает недоумение то, что в России суды «рассматривают иски по поводу ненадёжного качества оказания оккультных услуг» [11; 12]. Надо заметить, подобное положение дел выглядит довольно-таки нелепым в светском государстве.

Одной из областей жизни общества, где широкое распространение получили псевдонауки, стала медицина. В данном контексте речь идёт не о медицине как науке, а о медицине как области развития общества. Поскольку абсолютное большинство людей относится к вопросу, касающемуся смерти, болезненно, то такая вполне объяснимая реакция способствует тому, что в социуме находятся «суперделовые» аморальные граждане, не усматривающие ничего предосудительного в спекулировании на этом страхе. Ни для кого не секрет, что любой человек смертен, однако многие люди, борясь за продолжение жизни, обращаются к мошенникам, обещающим им выздоровление, как правило, за большие деньги. Одна из задач научного скептицизма как раз состоит в противостоянии таким неприглядным и опасным явлениям в жизни социума.

Врач является человеком, который регулярно общается с людьми, и, хотя в современной российской действительности из врачей отдельные чиновники нередко пытаются сделать неких бумажных клерков, всё же живое общение с пациентами представляется обязательной частью врачебной практики. Врачу подчас приходится обращаться к научному скептицизму, дабы предохранить недостаточно осведомлённого пациента от обращения к мошенникам или псевдоучёным. Здесь нужно учесть то, что человек, обращающийся ко всякого рода экстрасенсам, магам-целителям, рискует потерять не только свои деньги, но также своё психическое и физическое здоровье. Для того чтобы такое предотвратить, необходимо и полезно обращаться к научному скептицизму.

Таким образом, мы осветили одну из сторон востребованности научного скептицизма во врачебной практике. Здесь речь идёт о противостоянии псевдонаучной деятельности лиц, незаконно претендующей на медицинское вмешательство в жизнь и здоровье человека.

Вместе с тем в медицине время от времени появляются настолько смелые,

так называемые «продвинутые» идеи, что их могут воспринимать как фантастические и даже псевдонаучные. Например, идея пересадки головы длительное время ассоциировалась разве что с фантастическим романом Александра Беляева «Голова профессора Доуэля». С 1920-х гг., когда в свет вышел этот роман, прошло менее столетия, однако уже успешные опыты по пересадке головы стали реальностью. Так, в ноябре 2017 г. в Китае на мёртвом человеческом теле была проведена операция по пересадке головы человека. Предварительно такие операции проводились на лабораторных животных. Сейчас же в ходе 18-часовой операции хирургам удалось успешно соединить позвоночник, нервы и кровеносные сосуды человеческого тела. Разумеется, такого рода экспериментальные операции с участием людей очень неоднозначны. Даже гипотетическая успешность этой операции и соблюдение формальных этических норм не означает того, что мы должны безоговорочно согласиться с её общей полезностью. Почему? Во-первых, мы не знаем о долгосрочных последствиях такого рода операций, а во-вторых, подобные технологии открывают дорогу к порождению различных химер, что потенциально способно обрушить основные этические нормы и лишить людей права считаться человеческим обществом. Поэтому даже в таких условиях необходим научный скептицизм, ибо сомнение, основанное на профессиональных знаниях, на ответственном отношении к людям и своему делу, заставляет нас быть более осмотрительными в таких сложных и важных вопросах. На пресс-конференции, посвящённой данной операции по пересадке головы, профессор Серджио Канаверо сказал: «Слишком долго природа диктовала нам свои правила. Мы рождались, мы росли, мы старели, и мы умирали. В течение миллионов лет люди эволюционировали, и в этом процессе погибло 110 миллиардов человек. Это геноцид невероятного масштаба! Теперь всё изменилось. Мы вступаем в эпоху, когда

сможем взять судьбу в свои руки» [17]. По сути, в этих словах заметна претензия на достижение бессмертия людей, причём такая речь звучит не в религиозном контексте, а в научном, в котором постановка цели обычно соответствует объективным возможностям.

Отметим, что в русской философии идея бессмертия присутствует, но, подчеркнём – в религиозном смысле. Так, в учении В. С. Соловьёва бессмертие является атрибутом богочеловечества, становление которого составляет смысл общечеловеческого развития. «Желание бессмертия и желание правды, или нравственного совершенства. Одно без другого не имеет смысла. Бессмертная жизнь, отделённая от нравственного совершенства, не есть благо: мало быть бессмертным – должно ещё заслужить бессмертия через исполнение всякой правды; но также и совершенство, подверженное гибели и уничтожению, не есть истинное благо. Бессмертное существование вне правды и совершенства будет вечным мытарством, праведность, лишённая бессмертия, будет вопиющей неправдой, безмерной обидой» [14, с. 127].

Однако далеко не все русские философы верили в такую возможность. Так, И. А. Ильин считал идею установления Царства Божьего на земле этически несовершенной и нереальной. Идея богочеловека порождает соблазн, который «состоит в сведении Предмета со всем его неизречённым богатством и совершенством к содержанию слишком человеческого опыта...» [15, с. 495]. Более того, мыслитель о самой идее бессмертия пишет как о феномене бездуховности, поскольку в данном случае существует риск получить вечную ущербную жизнь. Человек в этой земной жизни смертен и он должен быть таковым, как бы трагично это не звучало. «Смысл этой трагедии открывается только тому, кто способен созерцать свою земную личность и жизнь, как не завершающуюся на земле» [15, с. 566]. Поэтому такого плана эксперименты вызывают неоднозначные оценки, заставляющие

нас с сомнением относиться к ряду феноменов научного прогресса в медицине не с позиций их реальности или нереальности, а с позиций их целесообразности и этической обоснованности.

Тем не менее тематика, связанная с революционными медицинскими новшествами, довольно редко всплывает в практике медицинского работника. Гораздо чаще врачу приходится сомневаться в повседневной практике, в процессе лечения больного. Одним из первых этапов в лечении пациента является определение его заболевания – постановка диагноза. Уже на этом этапе врач обращается к научному скептицизму. Диагностирование – весьма сложное дело и во многих случаях вызывает у врача чувство сомнения в правильности своего решения. Действительно, многие отмечаемые симптомы свойственны не одному, а целому ряду заболеваний, каждое из которых имеет свои особенности и требует отдельных методов лечения. В связи с этим при диагностировании может легко ошибиться даже опытный врач. В этом случае на помощь лечащему врачу приходит такая черта науки, как интерсубъективность. Суть её состоит в том, что в спорной, неоднозначной ситуации врач может обратиться к своим коллегам, которые коллективно изучат данный вопрос, и каждый самостоятельно сделает вывод о состоянии здоровья пациента. Примечательно, если выводы, каждый из которых выкристаллизуется в субъективном опыте врача, будут схожими, то это означает то, что коллектив врачей принял, скорее всего, правильное решение, ориентируясь не на мнение большинства или авторитетного лица, а на собственные знания и опыт. Таким образом реализуется принцип коллегиальности.

Похожее положение дел имеет место и на последующих этапах лечения пациента, когда врач ставит под сомнение обоснованность выбранных им методов и средств лечения больного человека. В этом сомнении проходит выкристаллизация основных позиций в лечении челове-

ка, многоуровневость проверки правильности выбранных средств лечения.

Научный скептицизм заставляет врача не просто сомневаться в правильности своих решений, но и проверять их посредством чтения специальной литературы, консультаций со своими коллегами. Свои действия врач сверяет с мнением других врачей (тем более, что нередко случается так, что в лечении пациента принимают участие несколько врачей). К примеру, причиной сбоев в работе сердца может быть воспаление миндалин. При заболевании миндалин они прекращают вырабатывать интерферон, играющий важную роль в иммунитете человека. При отсутствии необходимого лечения они становятся источником инфекции, которая вместе с кровью распространяется по всему организму, попадая и в сердце. Таким образом, кардиологу, чтобы понять причины заболеваний сердца, нередко надо обращаться к отоларингологу, т. е. к специалисту, занимающемуся патологиями уха, горла, носа. Это только один пример из множества, подчёркивающих взаимосвязь всех человеческих органов. Исходя из этого, можно сделать соответствующий вывод: коллегиальность и интерсубъективность являются важной частью научного скептицизма.

Подчас научный скептицизм затрагивает не только медицинские, но и мировоззренческие стороны врачебной деятельности. Так, среди потенциальных проблем российского врачебного сообщества стоит тема эвтаназии. В России эвтаназия запрещена.

Большинство врачей не поддерживают идею легализации эвтаназии, причём при определении той или иной позиции врача следует обратить внимание на мнение общества как среды потенциальных пациентов. Разумный скептицизм допустим и у пациента, когда он соглашается или не соглашается с лечащим доктором. Беря во внимание то, что пациент и врач принимают решения на основе информированного согласия пациента и уважения его автономии, пациент сам

должен критически осмысливать некоторые вещи, которые ему предлагаются врачом. Исходя из скептицизма, пациент может обсудить врачебное решение с другим специалистом-врачом, поинтересоваться определённым вопросом в специальной литературе или в Интернете.

Разумеется, там, где эвтаназия узаконена, существуют правила её проведения. Обозначим их:

1) сознательная, настойчивая просьба больного;

2) отсутствие психических заболеваний пациента, его дееспособность (дееспособность человека устанавливается только в суде);

3) невозможность облегчить страдания;

4) невозможность спасения жизни больного;

5) решение консилиума врачей при обязательном единогласии;

6) при предварительном уведомлении органов прокуратуры.

Однако даже формальное выполнение этих правил не снимает темы научного скептицизма. Эмпирические наблюдения указывают на то, что те голландские врачи, которые стали осуществлять эвтаназию, теряют навыки врачевания, а эвтаназия оказалась удобной ширмой для сокрытия своей некомпетентности, неспособности или нежелания вылечить того пациента, которого спас бы другой врач. Так или иначе, но научный скептицизм может стать основой для недопущения ошибок при решении столь сложных вопросов, которые сопряжены с темой эвтаназии.

Научный скептицизм заставляет нас критически отнестись к допустимости эвтаназии. Ряд исследователей выступают против эвтаназии, предлагая аргументы, не всегда лежащие исключительно в поле медицинской науки [16; 17; 18; 19]. «Правомерно поставить вопрос: а кто из медицинских работников будет убивать, кто согласится выполнять “чёрную” работу? Если мы узаконим эвтаназию, то значит ли это то, что наше общество бу-

дет строить своё спокойное будущее на основе духовного разложения врачей, на основе того, что врачебная деятельность превратится в нейтрально техническое выполнение каких-либо действий, в рамках которых сохранение нравственного образа врача будет совсем необязательным?» [19, с. 18]. Следовательно, научный скептицизм в клинической практике врача должен выходить за пределы исключительно медицинского поля, охватывая философскую антропологию, культурологию, этику и ряд других научных дисциплин.

Другой темой, в которой может быть востребован научный скептицизм, является клонирование. В общем виде клонирование определяется как точное воспроизводство какого-либо живого объекта. Тема клонирования очень сложна и неоднозначна, даже слово «клонирование» само по себе не обо всём говорит, т. к. клонировать возможно отдельно взятый орган, а также целостный организм и животного, и человека. В данном случае мы поставим вопрос о скептическом анализе темы клонирования человека. На данный момент клонирование человека запрещено законодательно, согласно не только законам в национальных государствах, но и международному праву.

Скептическое отношение к клонированию обусловлено многими факторами, среди которых мы выделим некоторые из них:

1. Последствия клонирования могут оказаться непредсказуемыми, особенно в долгосрочной перспективе. Непредсказуемость клонирования охватывает не только саму жизнь отдельно взятого организма, но также его репродуктивные функции и жизнь его потомков, если таковые будут.

2. Безопасность жизни клонированных организмов не доказана. Никакой эмпирической базы по этому поводу не существует и не может существовать по объективным временным причинам.

3. Социальные последствия клонирования могут принять настолько боль-

шие масштабы, что общество потеряет свою антропологическую составляющую.

Пожалуй, самая большая проблема доказательства недопустимости или допустимости клонирования состоит в отсутствии эмпирического опыта, который в научном скептицизме является принципиально важным. Чтобы понять последствия клонирования, необходимо наблюдать не только за жизнью клонированного объекта, но также и за жизнью его потомства, причём речь идёт о всестороннем наблюдении, включая не только биологическое развитие, но и процесс социализации, социальной мимикрии, интеллектуальной жизни исследуемого объекта. Беря во внимание то, что технологии клонирования стали развиваться лишь с 1990-х гг. (первое млекопитающее теплокровное животное было клонировано в 1996 г. – овечка Долли), у научного сообщества объективно нет времени для целостного наблюдения за жизнью клонов. К слову, жизнь клонированных объектов оказалась короткой. Некоторые учёные объясняют это сокращённым количеством теломеров в организме клона, но другие исследователи таковой связи не видят, полагая, что Долли болела всеми заболеваниями, которые переносят и другие овцы. По крайней мере, нет прямых доказательств связи между сокращённым количеством теломеров и короткой продолжительностью жизни Долли. Кстати, с тех пор создавались другие клоны овец и других животных, продолжительность жизни которых была обычной для их вида.

Тем не менее ряд теоретических рассуждений заставляет осторожно относиться к возможности клонировать человека. Фактически, клонирование – это путь в неизвестность не только биологического, но и социального пространства человека. Реальной длительной клинической практики врача в отношении клонированного человека ещё не существует. Пока нет доказательств безопасности клонирования человека, следовательно,

нельзя проводить опыты по клонированию человека.

Не менее важной и актуальной медицинской темой является вакцинация. Данная тема в клинической практике врача является злободневной с начала самой истории вакцинации с XVIII в. На тот момент времени, когда, например, от оспы умирали многие дети, вакцинация считалась реально действенным средством для решения этой проблемы. Однако со временем, по мере накопившегося эмпирического опыта вакцинации людей, были подняты вопросы о неоднозначности пользы от прививок (вакцинации). Бесспорно, существуют вакцины от заболеваний, распространённых в определённом регионе, при посещении которого человек с большой долей вероятности может заболеть, поэтому прививка обоснована. Так, когда Красная армия в августе 1945 г. освобождала от японских оккупантов Маньчжурию, то советские бойцы прошли вакцинацию от заболеваний, распространённых в данном регионе. Похожие мероприятия были проведены и в отношении лошадей, находившихся в действующих дивизиях [20, с. 58–61]. Однако вопрос об оправданности массового применения вакцин, о системной увязке этого вопроса с трудоустройством человека вызывает массу споров.

По мере накопления эмпирического опыта в клинической практике врача выявились и побочные стороны вакцинации, тем более при её массовом применении. Появилось даже социально-медицинское движение – антивакцинаторство, представители которого настаивают на том, что вакцины не являются безопасными и чаще всего приносят больше вреда, чем пользы. Тем не менее научно обоснованных аргументов антивакцинаторы далеко не всегда предъявляют. Всё же признаем, что бывает очень сложно научно обосновать связь между конкретными явлениями. Вакцина может сама по себе быть безвредной, но при определённых обстоятельствах спровоцировать ряд осложне-

ний, однако доказать связь между ними и применением вакцины окажется непросто задачей.

Несмотря на чётко обозначенные тенденции в развитии вакцин, тема научного скептицизма в данном вопросе сохраняет актуальность. Связано это не только с самой идеей прививок населения от заболеваний, но также и с частными случаями при вакцинации. Если речь идёт об общем осмыслении данной медицинской процедуры, то надо понять: полезна ли она сама по себе или не полезна, не вредит ли она иммунитету человека? Могут ли использовать вакцинацию для проведения преступных опытов над людьми в тех странах, где нет должной технической и правовой базы, чтобы проверить вакцины и средства их применения? Так, в странах Африки даже в XXI в. были социальные волнения, когда европейские медики начинали прививать местное население. Практика показывает, что после таких прививок нередко вспыхивают новые заболевания, ранее неизвестные людям. Кстати, СПИД возник в Центральной Африке после одной из вакцинаций. Об этом писалось в 1972 г. в газете «Лондон Таймс», но позже данные сведения «утонули» в массе иной информации по теме природы этого опасного заболевания.

Когда мы говорим о частных случаях применения вакцин, то речь идёт о конкретных препаратах, которые способны причинить вред здоровью человека. Например, в России с 2009 г. активно продвигается на рынке медицинских препаратов вакцина «Гардасил» американского производства против вируса папилломы человека. Однако однозначных доказательств полезности этой вакцины не обнаружено, зато есть серьёзные подозрения, что это средство приводит к женскому бесплодию или провоцирует его. Кроме того, зафиксированы десятки случаев летального исхода после ввода вакцины «Гардасил».

Итак, мы видим, что научный скептицизм очень важен при решении вопро-

са о применении процедуры вакцинации той или иной части населения, о самих вакцинах на предмет их полезности и безопасности для здоровья человека.

Подводя итог в данной статье, нужно подчеркнуть то, что научный скептицизм важен и полезен для медицины и клинической практики врача. Благодаря тому, что врач или медицинское сообщество в целом принимает те или иные средства и методы лечения больных людей только после их критического анализа, вероятность ятрогенных заболеваний значительно снижается. Ответственность, которую несёт медицинский работник, обязывает его с разумным профессиональным сомнением относиться ко многим нововведениям в деле врачевания. Признание научного скептицизма необходимой составляющей клинической практики врача подчёркивает высокую ответственность медицинских работников и их достойный моральный облик в целом.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. *Философия свободы*. М.: АСТ, 2002. 736 с.
2. Силуянова И. В. *Биоэтика в России: ценности и законы*. М.: Грантъ, 1997. 192 с.
3. Segeth W. *Materialische Dialektik als Methode*. Berlin: Akademie-Verlag, 1977.
4. Омельченко Н. В., Пашарина Е. С. Принцип сомнения в этосе науки Роберта Мертона // *Вестник Волгоградского государственного университета*. Серия 7. 2013. № 2. С. 7–14.
5. *Качественная клиническая практика с основами доказательной медицины / под общ. ред. академика РАМН, профессора Р. Г. Оганова*. М.: Силиция-Полиграф, 2011. 136 с.
6. Царегородцев Г. И., Ерохин В. Г. *Диалектический материализм и теоретические основы медицины*. М.: Медицина, 1986. 288 с.
7. *Клиническая фармакология и фармакотерапия в реальной врачебной практике*. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2011. 880 с.

8. Тетенев Ф. Ф., Бодрова Т. Н., Калинина О. В. Формирование и развитие клинического мышления – важнейшая задача медицинского образования // Успехи современного естествознания. 2008. № 4. С. 65.
9. Правила надлежащей клинической практики Евразийского экономического союза [Электронный ресурс]: [утв. решением Совета Евразийской экономической комиссии от 03.11.2016 №79]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207651/ (дата обращения: 20.06.2018).
10. Рупова Р. М. Антропологические модели в социальной философии XX – начала XXI века: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М.: РГСУ, 2008. 26 с.
11. Сгречча Э., Тамбоне В. Биоэтика. М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2002. 434 с.
12. Шупер В. А. Россия в глобализованном мире: альтернативы развития // Вопросы философии. 2008. № 12. С. 14.
13. В Китае проведена первая в истории успешная пересадка человеческой головы [Электронный ресурс]. URL: <http://fishki.net/2433552-v-kitae-provedena-pervaja-v-istorii-uspeshnaja-peresadka-chelovecheskoj-golovy.html> (дата обращения: 20.06.2018).
14. Соловьёв В. С. Духовные основы жизни // Избранные произведения. Ростов н/Д: Феникс, 1998. С. 122–275.
15. Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта. М.: АСТ, 2002. 586 с.
16. Никольский Е. В., Панищев А. Л. Эвтаназия как феномен антропологической катастрофы // Социально-политические науки. 2011. № 1. С. 89–93.
17. Панищев А. Л. Человек и его жизнь как высшие ценности в христианском государстве // Современные наукоемкие технологии. 2006. № 3. С. 28–33.
18. Панищев А. Л. Эвтаназия и врач: от биоэтики и права к антропологии и человеку // Успехи современного естествознания. 2005. № 5. С. 17–19.
19. Панищев А. Л. Хоспис как форма духовной ответственности государства // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2009. № 3. С. 67–72.
20. Захаров М. В. Финал. М.: Наука, 1969. С. 58–61.

Поступила в редакцию 21.07.18

UDC 17.331.108.6:347.56.614.25

I. V. Kosterina, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Kursk Cooperative Institute (branch) of Belgorod University of Cooperation, Economics and Law (Kursk, Russia) (e-mail: kosterinaiv@mail.ru)

A. L. Panishev, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Kursk Cooperative Institute (branch) of Belgorod University of Cooperation, Economics and Law (Kursk, Russia) (e-mail: alexei1980@mail.ru)

THE PHENOMENON OF SKEPTICISM IN THE CLINICAL PRACTICE OF A DOCTOR

This article is devoted to the topic of scientific skepticism in the clinical practice of a doctor. The work notes that the doctor refers to the principle of doubt and skepticism for the most reasonable organization of his work.

Skepticism within reasonable limits corresponds to the principle of collegiality, since a doctor who doubts the correctness of his decision, compares it with his colleagues' opinion and consults the specialized literature. Skepticism in medicine emphasizes the moral responsibility of the doctors and the scientific basis on which the medical sciences develop themselves.

The concept of skepticism was used in the ancient world, but the phrase "scientific skepticism" was first used in 1985 in the works of the American scientist Karl Edward Sagan. Despite the fact that he was an astronomer, the notion of scientific skepticism spread to other sciences, including medical ones.

This circumstance is not only professionally, but also ethically justified, because the work of a doctor is connected with the moral values of the society.

Also the scientific skepticism is necessary in solving a number of biomedical problems related with euthanasia, transplantology, clinical experiments, cloning. These controversial matters can be solved by addressing scientific skepticism. Medical aspects, ethical norms and substantive law are taken into account in the framework of skepticism. Meanwhile, the complex of achievements and capabilities of modern science has such a great potential that without common skepticism it can bring not only benefits, but also harm.

The appeal to the scientific skepticism allows doctors to arrange their work in a scientific approach, minimizing the probability of making mistakes.

Key words: doctor, science, skepticism, doubt, clinical practice.

For citation: Kosterina I. V., Panishev A. L. The phenomenon of skepticism in the clinical practice of a doctor. Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management, 2018, vol. 8, no. 3 (28), pp. 241–253 (in Russ.).

References

1. Berdyaev N. A. *Filosofiya svobody*. Moscow, AST Publ., 2002. 736 p.
2. Siluyanova I. V. *Bioetika v Rossii: cennosti i zakony*. Moscow, Grant Publ., 1997. 192 p.
3. Segeth W. *Materialische Dialektik als Methode*. Berlin, Akademie-Verlag, 1977.
4. Omel'chenko N. V., Pasharina E. S. Princip somneniya v ehtose nauki Roberta Mertona. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7*, 2013, no. 2, pp. 7–14.
5. *Kachestvennaya klinicheskaya praktika s osnovami dokazatel'noj mediciny*; ed. by R. G. Oganov. Moscow, Siliceya-Poligraf Publ., 2011. 136 p.
6. Caregorodcev G. I., Erohin V. G. *Dialekticheskij materializm i teoreticheskie osnovy mediciny*. Moscow, Medicina Publ., 1986. 288 p.
7. *Klinicheskaya farmakologiya i farmakoterapiya v real'noj vrachebnoj praktike*. Moscow, GEHOTAR-Media Publ., 2011. 880 p.
8. Tetenev F. F., Bodrova T. N., Kalina O. V. *Formirovanie i razvitie klinicheskogo myshleniya – vazhnejshaya zadacha medicinskogo obrazovaniya. Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya*, 2008, no. 4, pp. 65.
9. *Pravila nadlezhashchej klinicheskoy praktiki Evrazijskogo ehkonomicheskogo soyuza: [utv. resheniem Soveta Evrazijskoj ehkonomicheskoy komissii ot 03.11.2016 No 79]*. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207651/ (accessed 20.06.2018).
10. Rupova R. M. *Antropologicheskie modeli v social'noj filosofii XX – nachala XXI veka*. Avtoref. diss. kand. filos. nauk. Moscow, RGSU Publ., 2008. 26 p.
11. Sgrechcha Eh., Tambone V. *Bioehtika*. Moscow, Biblejsko-bogoslovskij institut sv. apostola Andreyana Publ., 2002. 434 p.
12. Shuper V. A. *Rossiya v globalizirovannom mire: al'ternativy razvitiya. Voprosy filosofii*, 2008, no. 12, p. 14.
13. *V Kitae provedena pervaya v istorii uspeshnaya peresadka chelovecheskoj golovy*. URL: <http://fishki.net/2433552-v-kitae-provedena-pervaja-v-istorii-uspeshnaja-peresadka-chelovecheskoj-golovy.html> (accessed 20.06.2018).
14. Solov'yov V. S. *Duhovnye osnovy zhizni. Izbrannye proizvedeniya*. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 1998, pp. 122–275.
15. Il'in I. A. *Aksiomy religioznogo opyta*. Moscow, AST Publ., 2002. 586 p.
16. Nikol'skij E. V., Panishchev A. L. *Ehvtanaziya kak fenomen antropologicheskoy katastrofy. Social'no-politicheskie nauki*, 2011, no. 1, pp. 89–93.
17. Panishchev A. L. *Chelovek i ego zhizn' kak vysshie cennosti v hristianskom gosudarstve. Sovremennye naukoymkie tekhnologii*, 2006, no. 3, pp. 28–33.
18. Panishchev A. L. *Ehvtanaziya i vrach: ot bioehtiki i prava k antropologii i cheloveku. Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya*, 2005, no. 5, pp. 17–19.
19. Panishchev A. L. *Hospis kak forma duhovnoj otvetstvennosti gosudarstva. Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnyh i fundamental'nyh issledovanij*, 2009, no. 3, pp. 67–72.
20. Zaharov M. V. *Final*. Moscow, Nauka Publ., 1969, pp. 58–61.

УДК 332.133.22

А. И. Остриков, аспирант, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»
(Курск, Россия) (e-mail: ostrikow.aleksandr@yandex.ru)

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА

В статье обосновывается необходимость введения системы оценки проектов государственно-частного партнерства. Разработанная автором система оценки ГЧП-проектов позволит ускорить и упростить проверку проектов. Работоспособность системы доказывается на оценке уже действующего в г. Курске ГЧП-проекта системы платных парковок. В результате оценки проекта в соответствии с разработанной системой выявлены слабые места, которые не позволили ему получить спрос населения на услугу.

Основой для разработки системы оценки ГЧП-проектов послужили законы и подзаконные акты, целью которых является стимулирование развития отдельных регионов Российской Федерации. Кроме того, изучен опыт оценки бизнес-планов. Обобщение изученной информации позволило создать систему оценки ГЧП-проектов, которую рекомендуется принять путем введения поправок в Федеральный закон от 13 июля 2015 года № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Особое внимание в системе оценки ГЧП-проектов уделяется их экономической эффективности, экологичности и удобству пользования для населения. Кроме того, проекты, в процессе реализации которых будет создано много рабочих мест, имеют преимущество над другими, поскольку в таком случае решается вопрос с занятостью населения, что положительно отражается на бюджете, ввиду поступления дополнительных налогов.

Представленная система позволит еще на стадии разработки проекта выявить те области, которые нуждаются в улучшении или доработке. Принятие данной системы на законодательном уровне приведет к увеличению «прозрачности» принятия решений в отношении ГЧП-проектов, снижая тем самым коррупционную составляющую в данной области.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, система оценки, развитие, публичное управление.

Ссылка для цитирования: Остриков А. И. Совершенствование публичного управления развитием государственно-частного партнерства // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2018. Т. 8, № 3 (28). С. 253–262.

В настоящее время развитию системы государственно-частного партнерства в России уделяется особое внимание. Такой подход является положительным фактором для развития экономики и бизнеса. В государственно-частном партнерстве должны быть заинтересованы как публичная власть, так и частный инвестор. Интерес публичной власти – пополнить доходную часть бюджета и улучшить социальную или иную сферу, привлекая частные инвестиции. Частному инвестору выгодно сотрудничать с государством, поскольку в большинстве случаев проекты ГЧП будут пользоваться спросом у населения ввиду повышенной потребности и, следовательно, приносить прибыль [1].

К сожалению, в настоящее время нет четкой системы оценки ГЧП-проектов.

Целью данного исследования является разработка системы оценки ГЧП-проектов, внедрение которой позволит избавить публичную власть и частного инвестора от возможных финансовых издержек [2].

При создании проекта важным критерием оценки является спрос населения на услугу, поскольку в противном случае такой проект принесет убыток либо частному инвестору, либо государству. Частный инвестор получит убытки, если проект будет не востребован [3]. В результате инвестиции будут долго окупаться или не окупятся вовсе. Риск государства в том, что под видом важного проекта может быть прикрыта схема отмывания бюджетных средств. Для того чтобы не допустить убытки

как для государства, так и для частного инвестора, нами была разработана методика оценки значимости и необходимости проектов, реализуемых посредством ГЧП [4]. Методика оценки заключается в следующем: проект оценивается по ряду признаков с выставлением баллов. Если проект не набирает необходимого количества баллов, то его следует отклонить либо отправить на доработку авторам. Кроме того, данная методика оценки поможет инвестору на этапе разработки проекта увеличить свои шансы на успех, поскольку заранее будет известно, какие критерии оцениваются и какое место в этой системе оценки отведено каждому из параметров [5]. Например, за разработку в области перспективных направлений развития проект может получить достаточно много баллов, а вот халатность при разработке удобства пользования проектом, проделанной работы, приведет к снятию штрафных баллов [6].

Докажем на примере уже реализованного ГЧП-проекта необходимость разработанной нами системы.

В городе Курске ярким примером ГЧП является введение системы платных парковок. После ее введения население города стало активно бойкотировать данную систему и всячески уклоняться от уплаты. Необходимо разделить систему классификации на 2 типа:

– тип А – система оценки проектов, направленных на получение прибыли в результате оказания услуг населению, т. е. прибыль получают посредством взимания платежей с населения;

– тип Б – система оценки проектов, которые будут получать прибыль, не прибегая к взиманию платежей с населения.

Таким образом, оценка ГЧП-проектов по типу «А» осуществляется по 11 пунктам, а оценка проектов по типу «Б» – по 9 пунктам.

Проверим, насколько эффективен данный проект. Для этого воспользуемся

описанной ниже системой оценки ГЧП-проектов по типу «А».

Основными критериями, по которым должен оцениваться проект, являются:

- степень финансовой устойчивости проекта;
- срок окупаемости проекта;
- уровень проработки стратегии реализации проекта;
- оценка технического потенциала проекта;
- экологическая эффективность проекта;
- наличие положительного социально-экономического эффекта;
- опыт реализации подобных проектов;
- поступление и взносы, которые поступят в бюджет в ближайшие 10 лет с момента начала реализации проекта;
- количество созданных рабочих мест;
- востребованность проекта у населения;
- удобство пользования, создаваемой услугой или продуктом.

1. *Оценка степени финансовой устойчивости проекта* предполагает сопоставление затрат на реализацию проекта с его потенциальной доходностью, а также проверку финансовых возможностей инвестора, реализующего данный проект (табл. 1).

Инвестором является достаточно крупная организация, которая имеет финансовые возможности на реализацию проекта и в состоянии нести убытки. Таким образом, проект получает максимальный балл, т. е. сумму 5-и и 7-и баллов. Итого по первому параметру проект введения платных парковок в г. Курске оценивается в 12 баллов [7].

2. *Оценка срока окупаемости проекта.* Данный параметр необходим для того, чтобы принять решение о целесообразности реализации проекта, а также для исключения проектов, заведомо созданных для дальнейшего признания неэффективными (табл. 2).

Таблица 1

Критерии оценки степени финансовой устойчивости проекта

Степень финансовой устойчивости проекта	Баллы	Максимальный балл
<i>Финансовые возможности инвестора:</i>		
– инвестор имеет необходимую сумму на реализацию проекта	7	7
– инвестор имеет более 75% суммы, необходимой на реализацию проекта	5	
– инвестор имеет 50–75% суммы, необходимой на реализацию проекта	2	
– инвестор имеет 25–50% суммы, необходимой на реализацию проекта	0	
– инвестор имеет менее 25% суммы, необходимой на реализацию проекта	–2	
<i>Готовность к убыткам:</i>		
– в случае отсутствия прибыли от реализации проекта инвестор имеет финансовую возможность нести убытки более 5 лет	5	5
– в случае отсутствия прибыли от реализации проекта инвестор имеет финансовую возможность нести убытки от 3 до 5 лет	3	
– в случае отсутствия прибыли от реализации проекта инвестор имеет финансовую возможность нести убытки от 1 до 3 лет	2	
– в случае отсутствия прибыли от реализации проекта инвестор имеет финансовую возможность нести убытки менее 1 года	0	
– инвестор не имеет финансовой возможности нести убытки	–2	

Таблица 2

Критерии оценки срока окупаемости ГЧП-проекта

Срок окупаемости проекта	Баллы	Максимальный балл
Менее 1 года	7	7
От 1 до 3 лет	5	
От 3 до 5 лет	2	
От 5 до 10 лет	0	
Более 10 лет	–2	

В соответствии с проектом по истечении 5-ти лет все техническое оборудование (т. е. паркоматы) переходят государству, т. е. инвестор рассчитывает получить прибыль в первые 5 лет. Таким образом, по данному критерию проект получает 5 баллов.

3. *Уровень проработки стратегии реализации проекта* позволяет оценить глубину выверенности и всесторонней оценки всех сфер, которые затрагиваются при реализации проекта (табл. 3). Данный критерий необходим для проверки качества разработки проекта.

Таблица 3

Критерии оценки уровня проработки стратегии реализации ГЧП-проекта

Уровень проработки стратегии реализации проекта	Баллы	Максимальный балл
Инвестором изучен спрос, опыт реализации, а также обосновано ценообразование и получаемая прибыль в полном объеме	2	2
Инвестором недостаточно изучены спрос, опыт реализации и не обосновано ценообразование	0	
Инвестором не проводилась работа по изучению спроса, опыта реализации подобных проектов	-2	

В процессе подготовки проекта инвестор не смог внятно обосновать ценообразование и, таким образом, получает 0 баллов.

4. *Оценка технического потенциала проекта.* Данный пункт подразумевает изучение технической новизны и ее необходимости при реализации проекта (табл. 4).

Поскольку данный проект с успехом применяется в ряде регионов России, по данному параметру получает 2 балла.

5. *Экологическая эффективность проекта* оценивается для того, чтобы понять, насколько положительно или отрицательно повлияет данный проект на экологическую ситуацию в месте его реализации (табл. 5).

Таблица 4

Критерии оценки технического потенциала ГЧП-проекта

Технический потенциал проекта	Баллы	Максимальный балл
Проект разработан в приоритетном направлении развития экономики, медицины, техники и иных областях	10	10
Подобный проект с успехом применяется в мире и ранее не использовался в России	5	
Аналогичный проект с успехом применяется в России и ранее не использовался в регионе предполагаемой реализации	2	
Подобный проект ранее не был реализован ни в России, ни в мире где-либо	0	

Таблица 5

Критерии оценки экологической эффективности проекта

Экологическая эффективность проекта	Баллы	Максимальный балл
Проект оказывает положительное влияние на экологическую ситуацию	5	5
Проект не оказывает влияние на экологическую ситуацию в месте реализации	0	
Проект оказывает негативное влияние на экологическую ситуацию	-5	

Улучшение экологической ситуации позволит оцениваемому проекту получить дополнительные баллы.

Реализация проекта введения платных парковок не оказывает влияния на экологию города, таким образом, проект получает 0 баллов.

6. *Положительный социально-экономический эффект* оценивается с целью исключения проектов, в результате реализации которых будет ухудшаться социальная сфера либо данный проект не будет иметь экономической эффективности (табл. 6).

Таблица 6

Критерии оценки социально-экономического эффекта ГЧП-проекта

Социально-экономический эффект	Баллы	Максимальный балл
<i>Социальный эффект:</i>		
– проект оказывает положительный социальный эффект	5	5
– проект не влияет на социальную сферу	0	
– проект оказывает отрицательное воздействие на социальную сферу	–5	
<i>Экономический эффект:</i>		
– проект оказывает положительный экономический эффект	5	5
– проект не влияет на экономику	0	
– отрицательный экономический эффект	–5	

При реализации проекта не планируется организация дополнительного парковочного пространства, осуществление ремонта дороги и улучшения текущей ситуации с парковочными местами. Платная парковка будет организована в местах, где она ранее была бесплатной или вовсе запрещена. В первые 5 лет реализа-

ции проекта государство и частный инвестор будут делить прибыль поровну. Таким образом, данный проект получает 5 баллов.

7. *Опыт реализации подобных проектов.* Данный критерий оценивается с целью изучения возможностей реализации проекта у инвестора (табл. 7).

Таблица 7

Критерии оценки опыта реализации ГЧП-проекта

Опыт реализации подобных проектов	Баллы	Максимальный балл
Инвестор имеет опыт реализации подобных проектов	5	5
Опыт реализации подобных проектов отсутствует	0	

У инвестора имеется достаточно опыта в реализации подобных проектов на территории России – 5 баллов.

8. *Оценка поступлений на ближайшие 10 лет реализации проекта* используется для того, чтобы принять решение о необходимости реализации данного про-

екта с учетом вложений со стороны публичной власти [8].

Предполагается оценивать все поступления, которые принесет реализация данного проекта, т. е. чистую прибыль государства, налоговые отчисления и иные доходы в бюджет государства (табл. 8).

Поскольку в данном случае со стороны государства нет финансовых вложений, но отведены участки дорог общего пользования под организацию парковочного пространства, нами было принято решение поставить минимальный положительный балл – 1 балл.

9. *Количество созданных рабочих мест* напрямую влияет на социальную сферу в месте реализации проекта, поскольку чем больше рабочих мест будет создано, тем больше налогов получит государство, а также позволяет оценить влияние проекта на безработицу в целом (табл. 9).

Таблица 8

Критерии оценки финансовых поступлений от реализации ГЧП-проекта

Оценка поступлений на ближайшие 10 лет реализации проекта	Баллы	Максимальный балл
1000 и более процентов от вложений государства	15	15
От 500 до 1000 процентов от вложений государства	10	
От 300 до 500 процентов от вложений государства	5	
От 100 до 300 процентов от вложений государства	3	
От 50 до 100 процентов от вложений государства	1	
Менее 50 процентов от вложений государства	0	

Таблица 9

Критерии оценки количества созданных рабочих мест в результате реализации ГЧП-проекта

Количество созданных рабочих мест	Баллы	Максимальный балл
В процессе реализации проекта будет создано 1000 и более рабочих мест	15	15
В процессе реализации проекта будет создано от 500 до 1000 рабочих мест	10	
В процессе реализации проекта будет создано от 300 до 500 рабочих мест	5	
В процессе реализации проекта будет создано от 100 до 300 рабочих мест	3	
В процессе реализации проекта будет создано от 50 до 100 рабочих мест	1	
В процессе реализации проекта будет создано менее 50 рабочих мест	0	

Для реализации проекта потребуется штат сотрудников менее чем 50 человек – 0 баллов.

10. *Оценивать востребованность проекта населением* необходимо с целью прогнозирования рентабельности и окупаемости проекта, кроме того, данный пункт играет одно из решающих значений при принятии решения о его реали-

зации. Если граждане не заинтересованы в проекте, то публичной власти следует более тщательно рассмотреть целесообразность его реализации (табл. 10).

Данный параметр позволяет оценить не только востребованность проекта, но и условия, в результате которых данный проект может быть востребован. Если инвестором планируется проделать ма-

люю работу по обеспечению комфортных условий пользования проектом, то проект не сможет получить высокую оценку [8; 9]. Таким образом будут отсеиваться проекты, разработанные недобросовестными частными инвесторами.

Для того чтобы выяснить, насколько населению необходима реализация проекта, должен быть проведен опрос не менее чем 10% населения места реализации проекта.

Ввиду отсутствия дополнительно созданных парковочных мест данный проект не пользуется спросом у населения – 0 баллов.

11. В случае если *основную прибыль в процессе реализации проекта* планируется получать посредством взимания платежей за услуги/товар с населения, то данный пункт должен учитывать критерии, представленные в таблице 11.

В процессе реализации проекта население не получило дополнительных парковочных мест, часто сталкивается с неудобством оплаты и техническими сбоями в работе паркоматов – (–10) баллов. ГЧП-проект может быть дальше, если набирает 50% возможных баллов плюс 1 балл.

Таблица 10

Критерии оценки востребованности ГЧП-проекта

Востребованность проекта населением	Баллы	Максимальный балл
Проект будет пользоваться спросом у населения	5	5
Проект не будет пользоваться спросом у населения	0	

Таблица 11

Критерии оценки удобства пользования ГЧП-проектом

Удобство пользования проектом	Баллы	Максимальный балл
Инвестором созданы максимально комфортные условия для пользования предоставляемыми услугами, продумана удобная система принятия платежей, а также отсутствуют неудобства при реализации проекта	10	10
Инвестором созданы максимально комфортные условия для пользования предоставляемыми услугами, но не продуманы удобные способы оплаты	5	
Инвестором продуманы удобные способы оплаты, но услугами пользоваться неудобно	5	
Инвестором не сделано ничего для удобства пользования услугами, в том числе и система оплаты	–10	

Из вышесказанного следует, что проект, оцениваемый по типу «А», должен набрать сумму баллов больше или равную 54, а проект, оцениваемый по типу «Б» – 46,5 баллов.

Проанализировав проект введения платных парковок в г. Курске, определили, что не был набран минимальный порог баллов по типу «А», т. е. при условии,

что предложенная нами система функционировала ранее, данный проект получил бы отрицательную оценку и не рассматривался дальше, пока инвестор не внес в него необходимые корректировки [10].

Таким образом, внедрение системы оценки ГЧП-проектов является необходимой мерой для дальнейшего развития и совершенствования системы государ-

ственно-частного партнерства в России. Кроме того, инвестор сможет заранее самостоятельно оценить свой проект и выявить слабые и сильные стороны, т. е. выполнить отладку и корректировку проекта еще на стадии разработки. Внедрение разработанной системы должно происходить путем внесения поправок в Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Список литературы

1. Харламов А.В, Аверьянова В. Г. Проблема перехода России к инновационной экономике // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2017. Т. 7, № 2(23). С. 7–13
2. Осборн Д., Пластик П. Управление без бюрократов: Пять стратегий обновления государства / общ. ред. и вступ. ст. Л. И. Лопатникова. М.: Прогресс, 2001. 535 с.
3. Циклаури В. Ю., Белоусова Л. С., Деятелилова А. И. Теневая экономика в мировом экономическом пространстве // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2017. Т. 7, № 3(24). С. 15–24.
4. Зимина Е. А. Особенности государственного регулирования экономики // Intelligence Plus. 2017. № 2(3). С. 40–46.
5. Адаменко А.А. Барьеры ресурсного участия малого и среднего бизнеса в развитии экономики // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2017. Т. 7, № 1(22). С. 58–63.
6. Паруль Э. Развитие государственно-частного партнерства в ряде стран СНГ // Институты и механизмы государственного регулирования экономики: сб. М.: ИЭ РАН, 2012. С. 247–254.
7. Панкратов А. Государственно-частное партнерство в современной практике. Основные теоретические и практические проблемы. М.: Анкил, 2010. 246 с.
8. Осадчая И. Постиндустриальная экономика: меняется ли роль государства? // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 5. С. 31–42.
9. Черепова Н. Проблема повышения инвестиционной привлекательности Курской области // Intelligence Plus. 2017. № 3(4). С. 53–56.
10. Козьева М. С. Модели оценки риска внедрения инновационного проекта // Intelligence Plus. 2017. № 1(1). С.69–79.

Поступила в редакцию 18.06.18

UDC 332.133.22

A. I. Ostrikov, Post-Graduate Student, Southwest State University (Kursk, Russia)
(e-mail: ostrikow.aleksandr@yandex.ru)

IMPROVEMENT OF PUBLIC ADMINISTRATION OF THE DEVELOPMENT OF THE STATE-PRIVATE PARTNERSHIP

The article substantiates the need to introduce a system of evaluation of public-private partnership projects. The system of evaluation of PPP projects developed by the author will allow to speed up and simplify the verification of projects. The efficiency of the system is proved by the evaluation of the already existing Kursk PPP project of a system of paid parking. As a result of the project evaluation, in accordance with the developed system, weaknesses were identified that did not allow it to receive the population's demand for the service.

The basis for developing a system for assessing PPP projects was the laws and bylaws, the purpose of which is to stimulate the development of individual regions of the Russian Federation. In addition, the experience of evaluating business plans has been studied. The generalization of the information studied made it possible to create a system for evaluating PPP projects, which is recommended to be adopted by introducing amendments to Federal Law No. 224-FZ of July 13, 2015 "On Public-Private Partnership, Municipal-Private Partnership in the Russian

Federation and Amendments to Certain Legislative Acts Russian Federation". Particular attention in the evaluation system of PPP projects is paid to their economic efficiency, environmental friendliness and user-friendliness. In addition, projects in the process of implementation of which many jobs will be created have an advantage over others, since in this case the issue of employment of the population is solved, which positively affects the budget, in view of the receipt of additional taxes.

The presented system will allow to identify at the stage of project development those areas that need improvement or refinement. Adoption of this system at the legislative level will lead to an increase in the "transparency" of decision-making in relation to PPP projects, thereby reducing the corruption component in this area.

Key words: public-private partnership, evaluation system, development, public administration.

For citation: Ostrikov A. I. Improvement of public administration of the development of the state-private partnership. Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management, 2018, vol. 8, no. 3 (28), pp. 253–262 (in Russ.).

References

1. Harlamov A.V., Aver'yanova V. G. Problema perekhoda Rossii k innovacionnoj ehkonomie. *Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Jekonomika. Sociologija. Menedzhment*, 2017, vol. 7, no. 2(23), pp. 7–13
2. Osborn D., Plastrik P. Upravlenie bez byurokratov: Pyat' strategij obnovleniya gosudarstva; ed. by L. I. Lopatkova. Moscow, Progress Publ., 2001. 535 p.
3. Ciklauri V. Yu., Belousova L. S., Devyatilova A. I. Tenevaya ehkonomika v mirovom ehkonomicheskom prostranstve. *Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Jekonomika. Sociologija. Menedzhment*, 2017, vol. 7, no. 3(24), pp. 15–24.
4. Zimina E. A. Osobennosti gosudarstvennogo regulirovaniya ehkonomiki. *Intelligence Plus*, 2017, no. 2(3), pp. 40–46.
5. Adamenko A.A. Bar'ery resursnogo uchastiya malogo i srednego biznesa v razvitii ehkonomiki. *Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Jekonomika. Sociologija. Menedzhment*, 2017, vol. 7, no. 1(22), pp. 58–63.
6. Parul' Eh. Razvitie gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v ryade stran SNG. *Instituty i mekhanizmy gosudarstvennogo regulirovaniya ehkonomiki: sb. Moscow, IEH RAN Publ.*, 2012, pp. 247–254.
7. Pankratov A. Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo v sovremennoj praktike. *Osnovnye teoreticheskie i prakticheskie problemy. Moscow, Ankil Publ.*, 2010. 246 p.
8. Osadchaya I. Postindustrial'naya ehkonomika: menyaetsya li rol' gosudarstva? *Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2009, no. 5, pp. 31–42.
9. Cherepova N. Problema povysheniya investicionnoj privlekatel'nosti Kurskoj oblasti. *Intelligence Plus*, 2017, no. 3(4), pp. 53–56.
10. Koz'eva M. S. Modeli ocenki riska vnedreniya innovacionnogo proekta. *Intelligence Plus*, 2017, no. 1(1), pp. 69–79.

УДК 332.02

М. С. Шубина, аспирант, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»
(Курск, Россия) (e-mail: kama46@rambler.ru)

РАЗРАБОТКА МОДЕЛИ СИСТЕМНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРОЕКТНОГО И ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫМ РАЗВИТИЕМ

Современная нестабильная экономическая ситуация объективно требует внедрения в систему государственного управления новых методов и технологий. Важную роль в совершенствовании процесса управления национальным и региональным развитием играет проектный подход. Исследование особенностей применения проектного подхода в публичном управлении свидетельствует о многочисленных проблемах, решение которых во многом будет способствовать достижению целей развития на всех уровнях управления, особенно на уровне региона. Идентификация проектности, процессы разработки и реализации проектов, формирование организационно-экономических механизмов реализации проектов, адаптированных к отраслевой и региональной специфике, встраивание результатов проекта в процесс развития региональных систем – все это актуализирует проведение исследований в области системного взаимодействия проектного и публичного регионального управления.

В статье изложены результаты терминологического исследования различных трактовок и приведена авторская интерпретация понятий «проектное управление» и «публичное управление», с учетом возможности их интеграции; проанализирован процесс развития проектного управления в Курской области; проведена оценка регулирующего воздействия; исследованы проблемы повышения устойчивости регионального развития в процессе разработки и реализации проектов; предложен вариант модели системного взаимодействия проектного и публичного управления.

Интерпретация проектного управления как системы, целью которой является достижение наилучшего результата за минимальный период времени, основанной на определенных принципах и состоящей из определенных механизмов и инструментов, выступающих взаимодействующими структурными элементами, открывает возможность обосновать направления системного взаимодействия с публичным управлением.

В структуре публичного управления создается интегральный механизм для решения проблем общественного развития на основе различных подходов и методов. Инкорпорирование проектного подхода в публичное управление обеспечит их системное взаимодействие и системный эффект.

Система государственного управления играет основную роль в создании условий для устойчивого регионального развития. Структура государственного управления на региональном уровне представляет собой сложную иерархическую систему, что проецируется на результативность управленческих решений. Разработка и использование модели встраивания проектного подхода будет способствовать повышению эффективности публичного управления и открытию новых возможностей повышения устойчивости регионального развития.

Ключевые слова: проект, проектное управление, система публичного управления, оценка регулирующего воздействия, проектные офисы, модель системного взаимодействия.

Ссылка для цитирования: Шубина М. С. Разработка модели системного взаимодействия проектного и публичного управления региональным развитием // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2018. Т. 8, № 3 (28). С. 262–271.

В современной социально-экономической ситуации развитие публичного управления на региональном уровне требует особых преобразований. В связи с этим применение проектного управления как метода внедрения новых технологий в процесс управления и повышения его эффективности может служить существенным толчком для решения многих государственных, экономических и социальных проблем.

Переход на проектные методы управления связан, в первую очередь, с

трансформацией организационных систем исполнительной власти, основанной на строго централизованном подчинении и разработке, принятии и реализации управленческих решений. Развитие проектного подхода в системе публичного управления существенно повысит эффективность управленческих процессов и обеспечит достижение целей регионального развития.

Управление проектной деятельностью в органах власти на всех уровнях иерархии публичного управления должно

стать системообразующим элементом, повышающим производительность управленческого труда и обеспечивающим синергический эффект.

В некоторых регионах проектный подход успешно применяется при реализации государственной и региональной социально-экономической политики государства, разработке и реализации стратегии развития региона, наряду с методами прогнозирования и планирования регионального развития. Однако успешное использование проектного подхода в региональном управлении имеет эпизодический характер и для унификации проектности публичного управления необходима концептуальная модель системного взаимодействия проектного и публичного управления региональным развитием.

Данные обстоятельства свидетельствуют о необходимости активного науч-

ного поиска в области непрерывного использования проектного подхода в государственном управлении. Переход от стадии развития проектного подхода к комплексной реформе публичного управления на основе системно-проектного подхода позволит решить многие проблемы совершенствования государственного менеджмента, обеспечит его адаптацию к постоянным изменениям потребностей современного общества, создаст условия для координации проектных инициатив, повысит гарантии достижения целей общественного развития.

В процессе разработки модели системного взаимодействия проведен анализ различных формулировок определений «проектное управление» и «публичное управление», что дало возможность сформулировать авторские интерпретации данных понятий (табл. 1).

Таблица 1

Обзор определений «проектное управление» в интерпретации различных авторов

Источник	Определение
A guide to the project management body of knowledge [1]	Проектное управление – приложение знаний, навыков, инструментов и методов к работам проекта для удовлетворения требований, предъявляемых к проекту
М. Л. Разу, А. М. Лялин [2]	Проектное управление – особый вид управленческой деятельности, базирующийся на предварительной коллегиальной разработке комплексно-системной модели действий по достижению оригинальной цели и направленный на реализацию этой модели
Методические рекомендации по внедрению проектного управления в органах исполнительной власти [3]	Проектное управление – планирование, организация и контроль трудовых, финансовых и материально-технических ресурсов проекта, направленные на эффективное достижение целей проекта
А. А. Дульзон [4]	Проектное управление – это применение знаний, умений, инструментов и приемов к работам по проекту с целью удовлетворения требований к проекту. Руководитель проекта является лицом, ответственным за выполнение целей проекта
Joseph W. Weiss [5]	Проектное управление рассматривается как метод и набор процедур, основанных на принятых принципах управления, которые используются для планирования, оценки и контроля рабочих заданий, с целью получить желаемый конечный результат в установленные сроки, в рамках выделенных средств и в соответствии с требованиями к проекту

Термин «проектное управление» достаточно прочно вошел в экономический лексикон, используется и трактуется в самых разных многочисленных интерпретациях.

Одни авторы сущность проектного управления раскрывают как набор креативно реализуемых функций управления; другие – концентрируют свое внимание на системных аспектах проектного подхода, объединяя эти термины в одно словосочетание «системно-проектный» подход; третья группа авторов основой проекта считает специальные ин-

струменты и механизмы как способы эффективного достижения цели проекта с учетом экономии ресурса времени. Однако, на наш взгляд, большое влияние на сущность проектного управления оказывает область его применения, и окончательная интерпретация термина может быть дана только в системном взаимодействии с областью его использования.

В соответствии с направлениями исследования было проведено терминологическое исследование определения «публичное управление» (табл. 2).

Таблица 2

Обзор определений «публичное управление»

Источник	Определение
W. Wilson [6]	Публичное управление представляет собой детализированное и систематическое применение права
И. В. Понкин [7]	Понятие «публичное управление» отражает интегральный системный механизм, подсистемами и элементами которого выступают политические программные ориентиры и приоритеты, нормативное регулирование, процедуры, финансируемые государством или органами местного самоуправления, централизованные и децентрализованные организационно-управленческие структуры и их персонал, отвечающие за администрирование деятельности в определенной области общественных отношений на национальном, субнациональном и местном уровнях
J. M. Pfifner, R. Presthus [8]	Публичное управление – это управление организацией и направлением человеческих и материальных ресурсов для достижения желаемых целей
D. H. Rosenbloom [9, p. 4]	Государственное публичное управление представляет собой использование управленческих, правовых и политических теорий и процессов для реализации законодательных, исполнительных и судебных государственных мандатов в целях нормативного и сервисного служения обществу в целом или отдельным его сегментам
D. Waldo [10]	Публичное управление – искусство и наука управления применительно к делам государства

Трансформация государственного управления в публичное способствовало росту дискусионности понятия «публичное управление». Высказывания различных авторов по поводу содержания публичного управления варьируют от сугубо юридического наполнения до де-

тального социально-экономического и общественно-политического содержания. Организация взаимодействия общества, государства и бизнеса в публичном управлении предполагает формирование в большей степени горизонтальных связей, чем вертикальных; использование

сетевых форм сотрудничества, что должно найти отражение в трактовке данного термина.

Обзор и анализ различных определенных понятий «проектное управление» и «публичное управление» сформировали нашу точку зрения на данные термины и их взаимосвязь.

В соответствии с нашими представлениями «проектное управление» – это система, целью которой является достижение наилучшего результата за минимальный период времени, состоящая из определенных принципов, механизмов и инструментов, выступающих взаимодействующими структурными элементами.

Публичное управление, по нашему мнению, – это интегральный механизм взаимодействия государственного администрирования, управления бизнесом и гражданской активности, предназначенный для решения проблем общественного развития на основе различных подходов и методов. Структура регионального публичного управления представляет собой сложную иерархическую систему.

Система публичного управления играет важную роль в обеспечении устойчивого регионального развития. Инкорпорирование проектного подхода в публичное управление должно обеспечить их системное взаимодействие и системный эффект.

При внедрении проектного подхода в систему публичного государственного управления региона решаются многие проблемы, основными из которых являются:

– избыточность присутствия государства в отдельных сферах экономики (в настоящее время вне зависимости от принятых стратегий эта избыточность только увеличивается);

– нестабильность формируемых правил, частое изменение направлений развития.

Рассматривая и оценивая систему публичного государственного управления, рекомендуется подходить с точки зрения временных рамок, что также является основой при построении и создании

проекта. Ограничение сроков, точная дата начала и окончания проекта поможет выполнить все установленные нормы в рамках существующих ресурсов и финансирования.

В Курской области деятельность проектного управления регулируется работой организованного в 2018 году Проектного офиса.

Проектный офис Курской области выполняет следующие задачи:

– контроль над нормативно-правовым регулированием проектной деятельности в Курской области;

– разработка методических рекомендаций по разработке, внедрению, реализации проектов;

– определение стратегических направлений развития Курской области.

Основные стратегические направления развития Курской области приведены на рисунке 1.

Реализация стратегических направлений развития Курской области осуществляется на основе проектного подхода с учетом нормативно-правового регулирования проектной деятельности и методических рекомендаций по разработке, внедрению, реализации проектов.

В первом полугодии 2018 г. осуществлялась реализация портфеля проектов (программ) области, включающего одну программу и семь проектов по направлениям стратегического развития на период до 2018 г. и на перспективу до 2025 г. [11] В области успешно реализуется программа «Комплексное развитие моногорода Железнодорожска Курской области» по направлению «Моногорода», проекты по направлениям «Образование», «Ипотека и арендное жилье», «Малый бизнес и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы», «Экология».

Проектная деятельность регулируется 17 исполнительными органами государственной власти Курской области, руководством муниципальных образований, предусмотрено финансирование в размере 12426,3 млн руб.

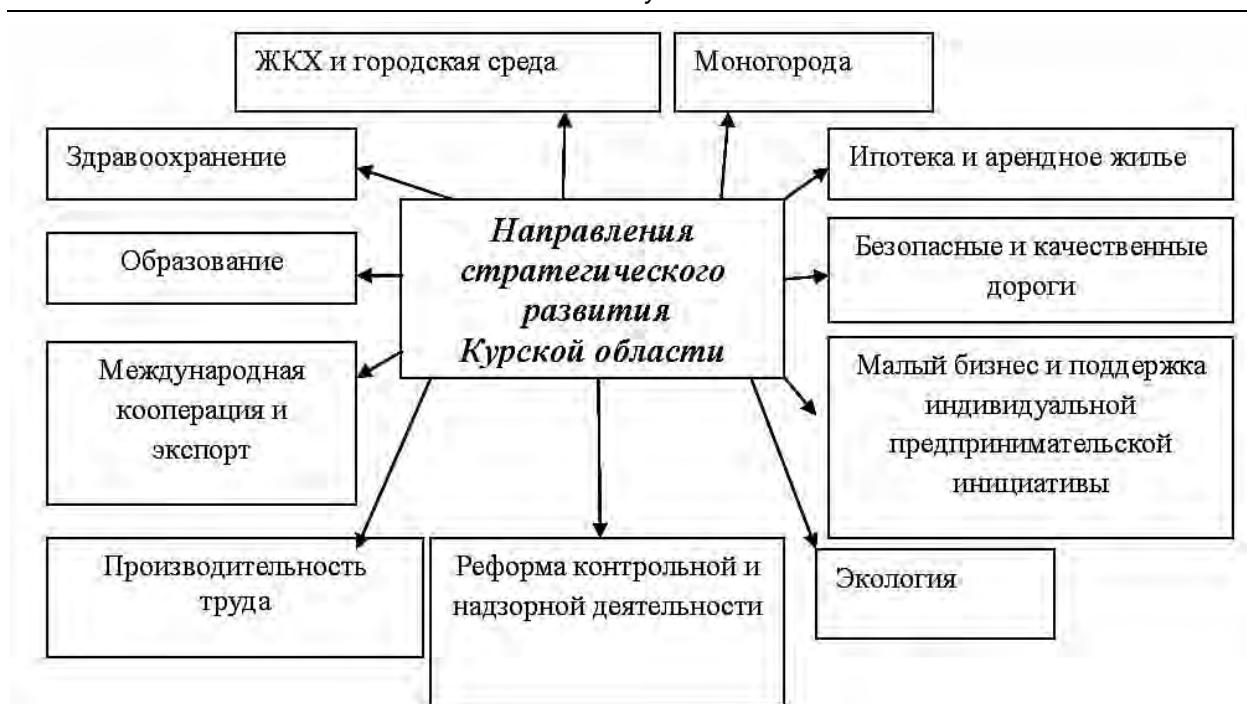

Рис. 1. Основные направления стратегического развития Курской области на период с 2018 до 2025 г.

Общий статус реализации портфеля проектов оценивается по совокупности показателей, контрольным точкам, степени освоения бюджета и возникновению проблем и рисков.

Формирующаяся организационная структура системы проектного управления в регионе включает постоянные, временные и вспомогательные органы управления проектной деятельностью.

Постоянными органами управления выступают Совет по стратегическому развитию и проектам (программам), региональный проектный офис и отдел внедрения проектного управления в Комитете по экономике и развитию Курской области. К временным органам управления проектной деятельностью относятся функциональные заказчики, рабочие органы проекта (программы) – руководители и участники проектов.

В число обеспечивающих и вспомогательных органов управления проектной деятельностью включены общественно-деловой совет, экспертная группа проекта (программы) и центр компетенций проектного управления.

Важную роль в процессе внедрения проектного подхода в публичное управление в Курской области играет оценка регулирующего воздействия (ОРВ) и развитие организационной структуры управления региональными проектами.

ОРВ выступает центральным элементом системы эффективного регулирования проектного подхода, основанном на анализе проблем и целей государственного регулирования, определении возможных вариантов достижения целей, а также оценке связанных с ними позитивных и негативных эффектов с целью выбора наиболее эффективного варианта в соответствии со специальными установленными процедурами.

ОРВ предполагает диагностику проблемы, на которую направлено регулирование, цели регулирования, идентификацию различных вариантов развития, которые позволяют достигнуть поставленной цели, сравнение этих вариантов и выбор наилучшего из возможных.

Проблемы внедрения проектного подхода в систему публичного регионального управления актуализируются в

связи с принятием современных законодательных документов на национальном уровне. Курс Правительства РФ корректирует траекторию развития государственной власти в направлении проектного подхода. Старт в мае 2018 г., согласно Указу Президента, двенадцати национальных проектов, проецируемых в регионы и муниципальные образования, требует разработки научно-практической основы для их реализации. Совершенствование нормативно-правовой базы, дифференциация оказываемых публичных услуг, развитие цифровой экономики открывают принципиально новые возможности для инкорпорирования проектного подхода в систему публичного управления.

Одним из условий устойчивого развития региональной экономики и социальной сферы выступает снижение рисков. В процессе исследования было оценено взаимовлияние проблем и рисков, возникающих в процессе их решения.

К основным процедурам управления рисками в проектном управлении нами отнесены следующие: идентификация риска, качественный и количественный анализ рисков, планирование минимизации рисков и контроль над рисками.

В прикладном менеджменте выделяют риски, влияющие на бюджет, на сроки, качество и функционирование продукта. Результаты оценки регулирующего воздействия в процессе разработки и реализации проектов регионального развития представлены в таблице 3.

Таблица 3

Оценка регулирующего воздействия в процессе разработки и реализации проектов регионального развития

Региональный проект	Проблема/риск
Создание современной образовательной среды для школьников	Недостаток ресурсов для реализации проекта в 2021–2024 гг. в связи с ограниченностью средств федерального, областного и местного бюджетов на 2021–2024 гг.
Рабочие кадры для передовых технологий	По состоянию на 01.07.2018 ни один из специализированных центров компетенции не аккредитован Союзом WorldSkills Russia
Доступное дополнительное образование для детей	Проблемы в вопросах правоприменительной практики, возникающие в результате реализации требований федерального законодательства на региональном уровне
Ипотека и арендное жилье	Недостаточность финансирования проекта. Недостаток ресурсов для реализации проекта в 2018 и последующих годах в связи с ограниченностью средств федерального, областного и местного бюджетов
Формирование сервисной модели поддержки малого и среднего предпринимательства в Курской области	Отсутствие достаточного финансирования государственных программ (подпрограмм), содержащих мероприятия по поддержке субъектов малого и среднего предпринимательства

Система публичного управления функционирует и развивается на основе определенных принципов. Данные принципы тесно связаны с функциями органов публичного управления и с целями публичного управления. Каждый принцип играет специфическую роль в

формировании системы публичного управления.

Проектный подход также основан на определённых принципах, которые во многих случаях структурируются и трактуются иначе. Проведенный анализ научных исследований [12; 13] позволил найти взаи-

мосвязь принципов проектного подхода и принципов публичного управления.

Для достижения цели исследования и поставленных задач нами была предло-

жена концептуальная модель системного взаимодействия проектного и публичного управления региональным развитием (рис. 2).

Рис. 2. Концептуальная модель системного взаимодействия проектного и публичного управления региональным развитием

Концептуальная модель системного взаимодействия проектного и публичного управления региональным развитием учитывает разнообразие форм, функций и механизмов региональной власти, бизнес-структур и структур гражданского общества. Использование модели в управлении позволяет диагностировать проблемы, связанные с инкорпорированием инструментов проектного управления в систему эффективного публичного управления развитием региона.

Список литературы

1. A Guide to the Project Management Body of Knowledge (PMBOK), Project / Management Institute, USA, 1996, 2000, 2004.

2. Разу М. Л., Лялин А. М. Управление проектом. Основы проектного управления. М.: КноРус, 2010. 768 с.

3. Методические рекомендации по внедрению проектного управления в органах исполнительной власти [Электронный ресурс]: [утв. распоряжением Минэкономразвития России № 26Р-АУ от 14.04.2014]. URL: <http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depstrategy/201404181> (дата обращения: 12.09.2018).

4. Дульзон А. А. Управление проектами. 3-е изд., перераб. и доп. Томск: Изд-во Том. политехн. ун-та, 2010. 334 с.

5. Weiss J. W., Wysocki R. K. 5 стадий управления проектом. Практическое руководство по планированию и реализации [Электронный ресурс]. URL: http://web.krao.kg/7_menejment/0_pdf/1.pdf (дата обращения: 12.07.2018).

6. Wilson W. The study of administration // American Political Science Quarterly. 1887. Vol. 2, No. 2. P. 197–222.

7. Понкин И. В. Общая теория публичного управления: Избранные лекции / Международный институт государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. М., 2013. 196 с.

8. Pfifner J. M., Presthus R. Public Administration. New York: The Ronald Press Co., 1960. 570 p.

9. Rosenbloom D. H. Public Administration: Understanding Management, Politics and Law in the Public Sector. New York: McGraw-Hill, 2008. 608 p.

10. Waldo D. What is public administration // Public administration: concepts and cases / ed. Richard Stillman. 7th ed. Boston: Houghton Mifflin, 2000.

11. Вертакова Ю. В., Волкова А. А., Караганчу А. В. Управление проектами / Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2016. 215 с.

12. Мазур И. И., Шапиро В. Д., Ольдерогге Н. Г. Управление проектами / под общ. ред. И. И. Мазура. 2-е изд. М.: Омега-Л, 2005. 664 с.

13. Сводный отчет о ходе реализации портфеля проектов (программ) Курской области в 1 полугодии 2018 года и достижениях показателей проектов (программ) [Электронный ресурс]. URL: http://adm_old.rkursk.ru/index.php?id=1812&mat_id=81568 (дата обращения: 12.09.2018).

Поступила в редакцию 10.08.18

UDC 332.02

M. S. Shubina, Post-Graduate Student, Southwest State University (Kursk, Russia)
(e-mail: kama46@rambler.ru)

DEVELOPMENT OF THE MODEL OF SYSTEM INTERACTION OF PROJECT AND PUBLIC MANAGEMENT OF REGIONAL DEVELOPMENT

The current unstable economic situation objectively requires the introduction of new methods and technologies into the public administration system. An important role in improving the management of national and regional development is played by the project approach. The study of the specifics of the application of the project approach in public administration demonstrates numerous problems, the solution of which will in many respects contribute to the achievement of development goals at all levels of government, especially at the regional level. Project identification, project development and implementation processes, the formation of organizational and economic mechanisms for the implementation of projects adapted to industry specificity, the integration of project results into the development of regional systems - all this actualizes research in the field of system interaction between the project and public regional management.

The article describes the results of the terminological study of various interpretations and presents the author's interpretation of the concepts "project management" and "public management", taking into account the possibility of their integration; the process of development of project management in Kursk region is analyzed; an assessment of the regulatory impact; The problems of increasing the sustainability of regional development in the process of project development and implementation are investigated; A version of the model of system interaction of project and public management is proposed.

Interpretation of project management as a system whose aim is to achieve the best result in a minimum period of time based on certain principles and consisting of certain mechanisms and instruments acting as interacting structural elements opens the possibility of substantiating the directions of system interaction with public management.

In the structure of public administration an integral mechanism is created to solve problems of social development on the basis of various approaches and methods. Incorporating the project approach into public management will ensure their systemic interaction and systemic effect.

Key words: project, project management, public administration system, assessment of regulatory impact, project offices, model of system interaction.

For citation: Shubina M. S. Development of the model of system interaction of project and public management of regional development. Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management, 2018, vol. 8, no. 3 (28), pp. 262–270 (in Russ.).

References

1. A Guide to the Project Management Body of Knowledge (PMBOK), Project Management Institute, USA, 1996, 2000, 2004.
2. Razu M. L., Lyalin A. M. Upravlenie proektom. Osnovy proektnogo upravleniya. Moscow, KnoRus Publ., 2010. 768 p.
3. Metodicheskie rekomendacii po vnedreniyu proektnogo upravleniya v organah ispolnitel'noj vlasti: [utv. rasporyazhenie' Minehkonomrazvitiya Rossii No 26R-AU ot 14.04.2014]. URL: <http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depstrategy/201404181> (accessed 12.09.2018).
4. Dul'zon A. A. Upravlenie proektami. 3th ed. Tomsk, Tomsk. politekhn. un-t Publ., 2010. 334 p.
5. Weiss J. W., Wysocki R. K. 5 stadij upravleniya proektom. Prakticheskoe rukovodstvo po planirovaniyu i realizacii. URL: http://web.krao.kg/7_menejment/0_pdf/1.pdf (accessed 12.07.2018).
6. Wilson W. The study of administration. American Political Science Quarterly, 1887, vol. 2, no. 2, pp. 197–222.
7. Ponkin I. V. Obshchaya teoriya publichnogo upravleniya: Izbrannye lekicii. Moscow, Mezhdunarodnyj institut gosudarstvennoj sluzhby i upravleniya Rossijskoj akademii narodnogo hozyajstva i gosudarstvennoj sluzhby pri Prezidente Rossijskoj Federacii, 2013. 196 p.
8. Pfifner J. M., Presthus R. Public Administration. New York, The Ronald Press Co., 1960. 570 p.
9. Rosenbloom D. H. Public Administration: Understanding Management, Politics and Law in the Public Sector. New York, McGraw-Hill, 2008. 608 p.
10. Waldo D. What is public administration. Public administration: concepts and cases; ed. Richard Stillman. 7th ed. Boston, Houghton Mifflin, 2000.
11. Vertakova Yu. V., Volkova A. A., Karaganchu A. V. Upravlenie proektami. Kursk, Yugo-Zap. gos. un-t Publ., 2016. 215 p.
12. Mazur I. I., Shapiro V. D., O'ldergogge N. G. Upravlenie proektami; ed. by I. I. Mazur. 2th ed. Moscow, Omega-L Publ., 2005. 664 p.
13. Svodnyj otchet o hode realizacii portfelya proektov (programm) Kurskoj oblasti v 1 polugodii 2018 goda i dostizhenii pokazatelej proektov (programm). URL: http://adm_old.rkursk.ru/index.php?id=1812&mat_id=81568 (accessed 12.09.2018).

УДК 338.2

В. В. Тарновский, аспирант, Поволжский институт управления им. П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС (Саратов, Россия)(e-mail: kafedramunh@mail.ru)

ПРОЕКТНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В ОРГАНИЗАЦИИ: ВОЗМОЖНОСТИ ГЕЙТОВОГО ПОДХОДА

Проектно-ориентированная деятельность в настоящее время приобретает все большую популярность в российской экономической среде главным образом потому, что приносит высокие результаты, в связи с чем методология управления проектами стала фактическим стандартом управления в экономических системах различного уровня.

Реализация проектов является мощным драйвером для успешного развития экономики страны, обеспечивает ее рост и конкурентоспособность на мировых рынках. Эффективное управление проектами – сложная задача для тех, кто их инициирует, разрабатывает и осуществляет. Для достижения успеха необходимы координация и контроль над активами и людьми, часто находящимися в разных странах. С развитием управления проектами в мире появляются всё больше стандартов, авторы которых пытаются систематизировать накопленные знания по управлению проектами.

В работе сделан акцент на анализе существующих стандартов в области управления проектами. Сделан акцент на гейтовом подходе в управлении проектами, который заключается в том, что если скрещивать различные методы в управлении проектами, можно добиться больших результатов, чем применяя их в чистом виде. Скрещивание лучше управления всем портфелем проектов в чистом виде. В гейтовой системе управления есть кое-что от разных итеративных разработок, а также от технологий регулирования портфелем. Гейтовый подход минимизирует риски инвестирования в проект, отстраивая процесс управления и своевременно информируя о рисках в проекте.

Проблема внедрения проектных методов в деятельность предпринимательских структур различного уровня в российской практике разработана в недостаточной степени и требует к себе особого внимания. Существует небольшое количество научных трудов, посвященных теме проектов развития и использования проектных методов для управления проектно-неориентированными компаниями. Очень мало трудов по специфике проектного управления в российских компаниях, способам адаптации зарубежных методов под менталитет и корпоративную культуру в России.

Ключевые слова: управление проектами, гейтовый подход, проект, развитие, проектно-ориентированные и непроектно-ориентированные компании.

Ссылка для цитирования: Тарновский В. В. Проектное управление в организации: возможности гейтового подхода // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2018. Т. 8, № 3 (28). С. 271–281.

Непрерывные усложнения и рост потребностей общества приводят к неизбежному усилению интеграции науки и производства, а также к возникновению новых, более эффективных форм их взаимодействия. В условиях ускорения научно-технического прогресса и необходимости в быстром современном информационном потоке контролировать процессы, ресурсы и время важно создавать системы управления проектами в экономических системах различного уровня.

Для большинства предпринимательских структур одной из актуальных задач становится повышение эффективности развития и способности реагировать на внешние изменения. Структурирование и формализация процессов управления развитием предпринимательских структур

способствуют решению данной проблемы. Одним из более подходящих для этого методов и является проектное управление – относительно новая методология, которая получает все более широкое применение в России.

Управление проектами – это управление и организация всего, что нужно для достижения цели – вовремя и в рамках бюджета. Любая организация независимо в той или иной степени является проектом. Если бизнес складывается удачно и развивается, то он сам становится проектом и начинает генерировать новые направления развития, продукты, услуги, новые предприятия и другие проекты. Пока в организации таких проектов не очень много и люди, деньги, результаты, риски в пределах контроля собственников, проблем нет, но если их становится

больше и контроль над ресурсами начинает теряться, то сразу появляются вопросы: что делать с большим количеством проектов и как ими управлять.

Независимо от того, как развивается бизнес, руководители, если они заинтересованы в развитии компании, рано или поздно приходят к пониманию необратимости разработки и внедрения системы управления проектами в организации, в масштабе компании или в масштабах отдельных бизнес-процессов или бизнес-единиц [1; 2].

Проблемам развития и становления проектного менеджмента уделяют внимание такие специалисты, как Р. Арчибалд, М. Ньюэлл, Р. Ньюман, И. И. Мазур, В. Д. Шапиро, а также отечественные авторы В. М. Хобта, О. Ю. Попова, С. И. Кравченко, Д. Двир, Р. Купер, Дж. Пинто, Д. Слевин, М. А. Стрыгин, Б. Флювбьер, Дж. Хайсмит, А. Шенхар, А. А. Юницкий и др.

Особый вклад в развитие методологии, теоретического и практического знания по проблемам управления проектами внесли В. Н. Фунтов, А. С. Товб и Г. Л. Ципес, С. А. Мишин, В. Богданов, Э. Голдрат, И. Адизес, О. Н. Ильина, В. М. Аньшин.

Такие современные авторы, как В. Н. Фунтов, С. А. Мишин, В. В. Богданов, считают проектное управление одним из лучших способов формализовать деятельность по развитию компании. Создание единой системы по управлению проектами в компании, применение этой методологии как инновации, конкурентного преимущества может стать серьезным толчком к развитию.

По данным Международной ассоциации управления проектами (IPMA), использование проектного менеджмента позволяет сэкономить порядка 20–30% времени и около 15–20% средств, затрачиваемых на реализацию проектов и программ [3].

История менеджмента эволюционировала с разделения труда к командной работе. Работа в команде приносит боль-

шую эффективность по сравнению с принятым способом функционального разделения. Организовывая команду, т. е. создавая большие возможности для интеграции усилий, можно достичь следующих преимуществ:

- при выработке решения учитываются интересы всех сторон;

- команда делает возможным решение задач, которые не под силу одному человеку;

- уменьшается риск принятия ошибочного решения;

- команда предоставляет как отдельному работнику, так и целому коллективу возможность максимального раскрытия творческого потенциала и его практической реализации;

- решение проблем в команде помогает бороться с «производственной слепотой»; выносит на общее обсуждение те вопросы, которые не видны руководству со стороны;

- в средних и малых компаниях команда способна заменить работу некоторых «сторонних» сотрудников, которых компания не может пригласить по финансовым причинам [3; 4; 5; 6; 7].

Представим на рисунке 1 основные выгоды и риски проектного управления в современных условиях.

В каждой организации можно найти множество проблем, решить которые можно в формате проектов. Если рассматривать такую деятельность фирмы, как вывод нового товара на рынок, можно с уверенностью найти в ней все признаки проектной деятельности. Во-первых, деятельность по выводу товара на рынок в любом случае уникальна. Разработка этого продукта для компании, если его до этого не было в ассортименте, – новинка для компании, а вывод уже известного товара на новый рынок – это тоже уникальный набор задач для руководства. Во-вторых, новинка должна появиться на глазах и слуху потребителя также в нужный момент. Таким образом, ограниченность во времени у данного рода деятельности сохраняется. Очень важно не

упустить подходящий момент по выводу нового товара на рынок, не уступив возможность воспользоваться стратегией «снятия сливок» конкурентам. В-третьих, любая компания не может похвастаться неограниченным бюджетом. Вся дея-

тельность компании четко организована, и сверхлимитное расходование средств может отрицательно сказаться на деятельности компании, поэтому третий признак проекта – ограниченность в ресурсах – тоже сохраняется.

Рис. 1. Преимущества и риски современного проектного управления

В. Н. Фунтов предлагает разделить хозяйствующие субъекты на проектно-ориентированные и непроектно-ориентированные, в которых происходят постоянные повторяющиеся процессы, например, компании с постоянной производственной или торговой деятельностью. По мнению автора, именно в таких компаниях целесообразно использовать методы проектного управления при работе с проектами развития фирмы [8].

Жизненные циклы организаций различны, но все же каждая из них тем или иным образом развивается. Безусловно, и у каждого проекта существует жизненный цикл (ЖЦП), который может по-разному быть представлен в различных методологиях, но так или иначе он включает в себя следующие этапы:

- 1) инициация;
- 2) планирование;
- 3) управление и исполнение;

4) контроль, мониторинг и оценка исполнения;

5) завершение проекта.

В процессе развития научного и практического подхода к проектному управлению были сформированы различные методологии. Формировались они в разных странах, в разных экономических условиях и для различных профессиональных сфер, поэтому на сегодняшний день имеется достаточно большое количество методологий проектного управления, которые можно применять в различных сферах. Более того, имеется возможность создавать новые на основании уже существующих и комбинировать их, а некоторые методологии уже являют собой своеобразный синтез существовавших на тот момент подходов [5; 9; 10; 11; 12].

PMBOK (Project Management Book of Knowledge) является одним из наиболее распространённых стандартов по управлению проектами. Возможно, одной из причин стала его универсальность, возможность использования в любой сфере без адаптации (впрочем, в отдельных сферах это может быть и недостатком).

PMBOK хорошо структурирован, применим при любой организационной структуре, но требует выделения команды проекта. Можно назвать эту методологию процессно-ориентированной.

PMBOK подходит для управления не только проектами, но и программами проектов (ряд связанных друг с другом проектов) и портфелями проектов (набор проектов, реализация которых необходима для достижения стратегических целей организации). Таким образом, основные преимущества PMBOK состоят в его универсальности и структурированности. Недостатком в отдельных сферах или случаях может быть обобщённость или кажущаяся негибкость. Более того, PMBOK слабо учитывает взаимодействия людей в команде проекта и их личные характеристики.

PRINCE2 (Projects IN Controlled Environments 2) представляет собой струк-

турированный метод управления проектами, одобренный правительством Великобритании в качестве стандарта управления проектами в социальной сфере. Методология PRINCE2 включает в себя подходы к менеджменту, контролю и организации проектов.

PMBOK имеет более чёткую структуру, тогда как PRINCE2 более гибок. В PMBOK акцент делается на процессах и стадиях проекта, тогда как в PRINCE2 – на взаимосвязях между процессами и участниками проекта.

PRINCE2 не регламентирует управление поставками, человеческими ресурсами и другими не упомянутыми объектами, оставляя это на усмотрение руководителя проекта. В этом PRINCE2 похож на методологии разработки программного обеспечения, что связано с тем, что разработка ПО часто требует гибкого подхода от участников проекта.

Ядром методологии IPMA (International Project Management Association) является модель IPMA Delta, которая состоит из таких блоков, как: индивидуальные компетенции, организация, проекты.

Японский подход к управлению сложными проектами P2M содержит черту национального менеджмента. В нем имеются элементы философии, сделан упор на инновации как элемент, создающий основу добавленной стоимости продукта и позволяющий компании лидировать на рынке. Согласно методологии, главная идея управления проектом и программой – это создание ценности. В P2M отдельно выделяется область знаний «управление информационными технологиями проекта», что вкупе со стремлениями к инновациям и тенденциями на рынке ИТ характеризует эту методологию как слияние классических наработок PMBOK и учитывает важность ИТ для производства инновационной продукции и создания «сложной» ценности.

В современной России были разработаны свои методологии управления проектами, которые были оформлены в виде государственных стандартов:

– ГОСТ Р 54869-2011 «Проектный менеджмент. Требования к управлению проектом»;

– ГОСТ Р 54870-2011 «Проектный менеджмент. Требования к управлению портфелем проектов»;

– ГОСТ Р 54871-2011 «Проектный менеджмент. Требования к управлению программой».

На основании рассмотрения ГОСТ Р 54869-2011, ГОСТ Р 54870-2011 и ГОСТ Р 54871-2011 можно сделать следующие выводы: при подготовке ГОСТ Р 54869-2011 за основу был взят РМВОК с его процессной идеологией; ГОСТ Р 54870-2011 и ГОСТ Р 54871-2011 можно охарактеризовать как надстройки над ГОСТ Р 54869-2011.

Развитие информационных технологий (ИТ) и особенности, существующие в этой среде, привели к созданию методологий, использующихся для написания программного обеспечения (ПО), обладающих большей гибкостью, чем классические методологии, так называемые гибкие (Agile) методологии [13; 14]. Причиной их возникновения является то, что в сфере ИТ изменения происходили (и происходят) значительно быстрее, чем в промышленности и производстве.

Scrum (англ. scrum – толкучка) – методология управления проектами, активно применяющаяся при разработке информационных систем для гибкой разработки программного обеспечения. В методологии существуют две группы ролей: основные роли – «свиньи» (стороны, полностью заинтересованные в реализации проекта или принимающие в нём полное и непосредственное участие) и дополнительные – «куры» (заинтересованы в проекте частично).

Scrum представляет собой классическую гибкую методологию, в которой имеется и распределение ролей, и образование рабочих групп, и велика роль взаимодействия между исполнителями, возможно, именно поэтому Scrum является на сегодняшний день одной из самых популярных Agile-методологий.

Rational Unified Process (RUP) – методология разработки программного обеспечения, созданная компанией Rational Software. Динамическая структура RUP состоит из четырех фаз (стадий): Inception (Начальная стадия), Elaboration (Уточнение), Construction (Конструирование) и Transition (Внедрение).

Open Unified Process (OpenUP) представляет собой более лёгкий и гибкий вариант RUP. Одной из целей выпуска облегченного варианта RUP под свободной лицензией была возможность внесения изменений в OpenUP мировым сообществом. Это привело к изменению отдельных элементов RUP и включению туда других процессов гибкой разработки, в частности из методологий Scrum (Скрам) и XP (Экстремальное программирование). Работа была объединена с разработкой компонента среды Eclipse – программы Eclipse Process Framework Composer (EPFC).

Фактически, среда EPFC создавалась под внедрение методологии OpenUP, при этом можно «прикрутить» в EPFC и другие методологии разработки ПО (Scrum, XP). В перспективе запланировано расширение возможностей для внедрения методологий управления проектами, в частности РМВОК.

Современным направлением развития проектного управления является интеграция различных методов, подходов и стандартов. По мнению авторов, такой симбиоз позволяет добиться лучших результатов, чем при применении в чистом виде одной из методик. С данной точки зрения научный и практический интерес представляет гейтовая система управления проектами и их портфелем.

Stage-gate (гейтовый) подход появился в 1980-х гг. и использовался в маркетинге при создании новых продуктов. В настоящее время гейтовый подход является нормой управления бюджетом проекта в организациях [15; 16].

Гейтовый подход минимизирует риски инвестирования в проект, отстраивая процесс управления и своевременно

информируя о рисках в проекте. Преимуществом гейтового подхода:

- выделяет типовые этапы любого проекта, его стандартизируя;
- выставляет требования (условия) прохождения каждого этапа;
- контролирует исполнение бюджета проекта по этапам и основным предварительным результатам проекта.

Гейтовая модель предполагает, что переход к следующему этапу осуществляется после принятия соответствующего решения. Этапы управления приоритетными проектами включают: 1) инициирование; 2) подготовка; 3) реализация; 4) завершение.

Каждый этап сопровождается подготовкой документов, необходимых для за-

вершения данного этапа и перехода к следующему.

В конце каждой фазы проекта оценивается его реализуемость и принимается решение, выделять ли проекту средства на следующую фазу. Если проект не показывает необходимых результатов, изменилась окружающая среда проекта и приоритеты компании, то финансирование проекта прекращается.

Гейтовая система интегрирует все ключевые роли и задачи в процессе разработки проекта и обеспечивает связь с существующими практиками инжиниринга и проектирования. Графически жизненный цикл управления проектами представлен на рисунке 2.

Рис. 2. Жизненный цикл управления проектами с компонентами гейтового подхода

Гейтовый подход выделяет типовые этапы любого проекта, стандартизирует его, а также контролирует исполнение бюджета по этапам и основным предварительным результатам. Данный подход делает систему управления проектами понятной и предсказуемой для всех ее участников. Для заказчика проекта это возможность:

- иметь единую информацию для всех;

- использовать детализированную отчетность о статусе конкретных проектных работ;
- прогнозировать достижение сроков.

Гейтовый подход дает возможность подрядчику: увеличить удовлетворенность заказчика, а также уменьшить стремление к микроменеджменту со стороны заказчика. Применение гейтового подхода в практике проектного управления приведено на рисунке 3.

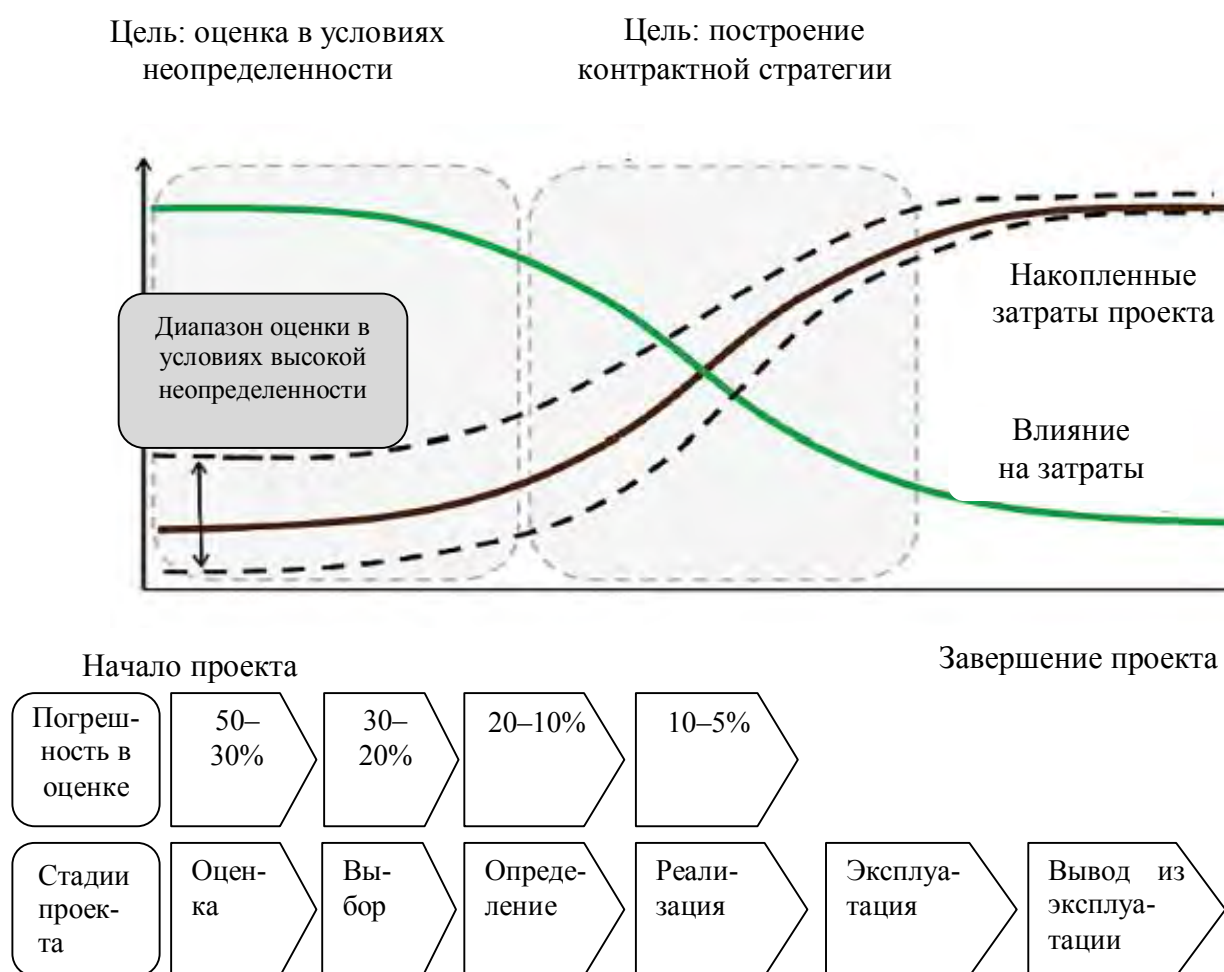

Рис. 3. Содержание гейтового подхода в проектном управлении

Таким образом, концепция гейтовой модели заключается в расстановке между фазами проекта так называемых ворот принятия решений, или гейтов (от англ. gate – «ворота»). На выходе каждой фазы необходимо получить конкретный, заранее оговоренный результат. На воротах принятия решений этот результат всесто-

ронне оценивается и анализируется на предмет соответствия требованиям, и ответственное лицо (гейткипер) принимает одно из нескольких решений: переходить к следующей фазе; не переходить к следующей фазе и вернуть результат на доработку; не переходить к следующей фазе и досрочно завершить проект.

Стандарты рассматривают исключительно процессы управления проектами, оставляя за скобками производственные и обеспечивающие процессы. Процессы управления проектами можно сгруппировать двумя способами: по группам процессов управления и по предметным группам управления. Аналогичные группы процессов с указанными связями характерны как для проекта в целом, так и для фаз проекта. В этом случае результаты группы процессов завершения первой фазы передаются в группу процессов инициации второй фазы для ее начала. Наличие гейта между фазами позволяет принять решение о переходе (непереходе) к следующей фазе проекта.

Использование гейтового подхода на каждой стадии жизненного цикла проекта обеспечивает принятие эффективного управленческого решения, при этом минимизируется фактор личной заинтересованности, представляется объективная картина о текущих результатах и прогнозе выполнения проекта. Данная концепция позволяет запускать в реализацию несколько проектов и, используя методы итеративной разработки, обеспечить успешную реализацию каждого, при этом отклонить решения, не соответствующие цели организации.

Список литературы

1. Леонова О. В. Трансформация управленческой культуры в государственном секторе в условиях внедрения проектного управления // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. Т. 12, № 2. С. 167–175.

2. Polyenin A. V., Dokukina I. A. Implementation of strategic management in agricultural organizations: problems and prospects // Russian Journal of Agricultural and Socio-Economic Sciences. 2016. No 7 (55). P. 54–61.

3. Смирнова Я. В., Лытнева Н. А. Процесс формирования стратегии разви-

тия организации // Экономическая среда. 2016. № 2 (16). С. 139–142.

4. Трансформация управленческих систем под воздействием цифровизации экономики: монография / Ю. В. Вертакова, Т. О. Толстых, Е. В. Шкарупета [и др.]; Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2017. 156 с.

5. Лебедев В. М., Полянин А. В. Системный подход при формировании стратегий публичного управления // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2015. № 3 (44). С. 294–296.

6. Маюнова Н. В. Основы управления проектами [Электронный ресурс]. М.: Центр дистанционных образовательных технологий МИЭМП, 2010. URL: <http://www.e-college.ru/xbooks/xbook164/book/index/> (дата обращения: 20.06.2018).

7. Полянин А. В., Лебедев В. М. Стратегическое планирование в публичном управлении // Вестник Поволжского института управления. 2015. № 5 (50). С. 11–15.

8. Фунтов В. Н. Управление проектами развития фирмы: теория и практика. СПб.: Питер, 2009. 496 с.

9. Плотников В. А. Цифровизация производства: теоретическая сущность и перспективы развития в российской экономике // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2018. № 4 (112). С. 16–24.

10. Арыстанов Н. К. Анализ методологий управления IT-проектами и проектного управления в государственном секторе // Norwegian Journal of Development of the International Science. 2018. № 4-4 (17). С. 18–21.

11. Рудакова О. В., Полянин А. В., Кузнецова Л. М. Основные проблемы инвестиционной привлекательности России // Среднерусский вестник общественных наук. 2016. Т. 11, № 2. С. 152–162.

12. Грегчин В. В., Полянин А. В. Концептуальные положения использова-

ния электронного администрирования в менеджменте // Экономические и гуманитарные науки. 2014. № 11 (274). С. 112–118.

13. Головина Т. А., Полянин А. В., Рудакова О. В. Развитие системы государственного стратегического управления предпринимательскими структурами на базе возможностей новой модели цифровой экономики // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2017. № 2. С. 13–18.

14. Чуланова О. Л. Технология управления проектами и проектными командами на основе методологии гибкого управления проектами Agile // Вестник

евразийской науки. 2018. Т. 10, № 1. С. 37.

15. Гейтовая система управления проектом: скрещивание моделей управления портфелем и итеративной разработки [Электронный ресурс]. URL: <http://www.advanta-group.ru/blog/gejtovaa-sistema-upravlenia-proektom/> (дата обращения: 20.06.2018).

16. Хлебникова Н. С. Подход к управлению проектами в Госкорпорации «Росатом» на основе гейтовой модели. URL: <http://pmolimp.ru/files/content/408/hlebnikova-pdf.pdf> (дата обращения: 20.06.2018).

Поступила в редакцию 02.08.18

UDC 338.2

V. V. Tarnovsky, Post-Graduate Student, Volga Region Institute of Management P. A. Stolypin, Branch of RANEPА (Saratov, Russia) (e-mail: kafedramunh@mail.ru)

PROJECT MANAGEMENT IN ORGANIZATIONS: OPPORTUNITIES GATE APPROACH

Project-oriented activities are now becoming increasingly popular in the Russian economic environment, mainly because it brings good results. In this connection, the methodology of project management has become the actual standard of management in economic systems of various levels.

The implementation of projects is a powerful driver for the successful development of the country's economy, ensure its growth and competitiveness in world markets. Effective project management is a difficult task for those who initiate, develop and implement them. To achieve success, coordination and control of assets and people, often located in different countries, is necessary.

With the development of project management, more and more standards are appearing in the world, the authors of which are trying to systematize the accumulated knowledge on project management.

The work focuses on the analysis of existing standards in the field of project management. The focus is on the gated approach in project management, which is that if you cross different methods in project management, you can achieve greater results than applying them in pure form. Crossing is better than managing the entire portfolio of projects in its pure form. In the gate management system, there is something from different iterative developments, as well as from portfolio management technologies.

The gated approach minimizes the risks of investing in the project, building up the management process and timely informing about the risks in the project.

The problem of implementing project methods in the activities of entrepreneurial structures at various levels in Russian practice has been insufficiently developed and requires special attention. There is a small number of scientific papers devoted to the theme of development projects and the use of project methods for the management of non-projected companies. Very few works on the specifics of project management in Russian companies, ways of adapting foreign methods to the mentality and corporate culture in Russia.

Thus, the theoretical and methodological undeveloped issues of the development of project management in Russian companies proves the urgency and necessity of this study.

Key words: project management, gated approach, project, development, project-oriented and non-target-oriented companies.

For citation: Tarnovsky V. V. Project management in organizations: opportunities gate approach. Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management, 2018, vol. 8, no. 3 (28), pp. 271–280 (in Russ.).

References

1. Leonova O. V. Transformaciya upravlencheskoj kul'tury v gosudarstvennom sektore v usloviyah vnedreniya proektnogo upravleniya. *Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk*, 2017, vol. 12, no. 2, pp. 167–175.
2. Polyanin A. V., Dokukina I. A. Implementation of strategic management in agricultural organizations: problems and prospects. *Russian Journal of Agricultural and Socio-Economic Sciences*, 2016, no. 7 (55), pp. 54–61.
3. Smirnova Ya. V., Lytneva N. A. Process formirovaniya strategii razvitiya organizacii. *Ehkonomicheskaya sreda*, 2016, no. 2 (16), pp. 139–142.
4. Vertakova Yu.V., Tolstyh T. O., Shkarupeta E.V., eds. Transformaciya upravlencheskih sistem pod vozdejstviem cifrovizacii ehkonomiki. Kursk, Yugo-Zap. gos. un-t Publ., 2017. 156 p.
5. Lebedev V. M., Polyanin A. V. Sistemnyj podhod pri formirovanii strategij publicnogo upravleniya. *Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Novye gumanitarnye issledovaniya*, 2015, no. 3 (44), pp. 294–296.
6. Mayunova N. V. Osnovy upravleniya proektami. Moscow, Centr distancionnyh obrazovatel'nyh tekhnologij MIEHMP, 2010. URL: <http://www.e-college.ru/xbooks/xbook164/book/index/> (accessed 20.06.2018).
7. Polyanin A. V., Lebedev V. M. Strategicheskoe planirovanie v publicnom upravlenii. *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya*, 2015, no. 5 (50), pp. 11–15.
8. Funtov V. N. Upravlenie proektami razvitiya firmy: teoriya i praktika. St. Petersburg, Piter Publ., 2009. 496 p.
9. Plotnikov V. A. Cifrovizaciya proizvodstva: teoreticheskaya sushchnost' i perspektivy razvitiya v rossijskoj ehkonomie. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ehkonomicheskogo universiteta*, 2018, no. 4 (112), pp. 16–24.
10. Arystanov N. K. Analiz metodologij upravleniya IT-proektami i proektnogo upravleniya v gosudarstvennom sektore. *Norwegian Journal of Development of the International Science*, 2018, no. 4-4 (17), pp. 18–21.
11. Rudakova O. V., Polyanin A. V., Kuznecova L. M. Osnovnye problemy investicionnoj privlekatel'nosti Rossii. *Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk*, 2016, vol. 11, no. 2, pp. 152–162.
12. Gretchin V. V., Polyanin A. V. Konceptual'nye polozheniya ispol'zovaniya ehlektronnogo administrirovaniya v menedzhmente. *Ehkonomicheskie i gumanitarnye nauki*, 2014, no. 11 (274), pp. 112–118.
13. Golovina T. A., Polyanin A. V., Rudakova O. V. Razvitie sistemy gosudarstvennogo strategicheskogo upravleniya predprinimatel'skimi strukturami na baze vozmozhnostej novej modeli cifrovoj ehkonomiki. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ehkonomika i upravlenie*, 2017, no. 2, pp. 13–18.
14. Chulanova O. L. Tekhnologiya upravleniya proektami i proektnymi komandami na osnove metodologii gibkogo upravleniya proektami Agile. *Vestnik evrazijskoj nauki*, 2018, vol. 10, no. 1, p. 37.
15. Gejtovaya sistema upravleniya proektom: skreshchivanie modelej upravleniya portfelem i iterativnoj razrabotki. URL: <http://www.advanta-group.ru/blog/gejtovaa-sistema-upravlenia-proektom/> (accessed 20.06.2018).
16. Hlebnikova N. S. Podhod k upravleniyu proektami v Goskorporacii "Rosatom" na osnove gejtovoj modeli. URL: <http://pmolimp.ru/files/content/408/hlebnikova-pdf.pdf> (accessed 20.06.2018).

УДК 338

Лю Сюелин, аспирант, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»
(Курск, Россия) (e-mail: REandM@rambler.ru)

СКВОЗНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПРОИЗВОДСТВЕННЫМИ СИСТЕМАМИ ПРЕДПРИЯТИЙ

В современных условиях хозяйствования в практике менеджмента промышленных предприятий весьма активно используется процессный подход, доказавший свою эффективность. В то же время становится весьма актуальным управление сквозными бизнес-процессами, в которых задействованы сотрудники всех функциональных подразделений. Однако генерирование и формализация сквозных бизнес-процессов является результатом субъективных оценок руководителя, его опыта, знаний и компетентности. В связи с этим достаточно сложно определить границы сквозных бизнес-процессов, оценить их, выстроить грамотный алгоритм управления, нейтрализующий признаки субъективизма.

В этих условиях возникает необходимость осуществления сквозного управления бизнес-процессами предприятий. В настоящее время единой трактовки понятия «сквозное управление бизнес-процессами» не существует. В связи с вышесказанным в статье рассмотрены исторические тенденции зарождения данной категории.

Модернизация производственной системы сказывается на преодолении отдельных «узких мест» на производстве, для устранения которых необходимо «сквозное» управление бизнес-процессами производственной системы, предполагающее эффективную организацию бизнес-процессов на предпроизводственной, производственной и послепроизводственной стадиях.

В статье исследованы основные бизнес-процессы предпроизводственной, производственной и послепроизводственной стадий. Сделан акцент на том, что необходимо сквозное управление бизнес-процессами производственных систем для эффективного воздействия на входные процессы, оптимизацию производства и получение запланированных выходных показателей с учетом принципов и технологий автоматизированного управления жизненным циклом производственной системы.

Автором рассмотрены особенности управления жизненным циклом, выявлены мировые лидеры по внедрению систем управления жизненным циклом, а также зарубежные и отечественные системы управления полным жизненным циклом, используемые в российской промышленности. В заключение исследования визуализирована сущность «сквозного» управления развитием бизнес-процессов предприятий в условиях формирования производственных систем полного жизненного цикла.

Автором отмечено, что особое внимание следует уделять производственной стадии, на которой происходит создание конечного продукта, качество которого будет определять послепроизводственные и вновь предпроизводственные процессы. Именно поэтому построение эффективных бизнес-процессов на производственной стадии является приоритетным.

Ключевые слова: сквозное управление, производственные системы, полный жизненный цикл, предприятие.

Ссылка для цитирования: Лю Сюелин. Сквозное управление производственными системами предприятий // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2018. Т. 8, № 3 (28). С. 281–289.

В настоящее время особую актуальность в практике управления предприятиями приобрел процессный подход, реализация которого позволила выделить два основных практических аспекта, таких как «сегментирование» и управление «сквозными» бизнес-процессами. Основной акцент при выборе методики «сегментирование» ставится на ее «прозрачность», привязку к существующей структуре, простоте документирования и др. Особенность подхода управления «сквозными» бизнес-процессами состоит в необходимости повышения эффективности работы компании на межфункциональном уровне. При этом следует отме-

тить, что методы управления «сквозными» процессами пока недостаточно структурированы и регламентированы [1].

Очень часто под сквозным процессом понимают элементарный поток работ – Work Flow (последовательная во времени передача работы от одного исполнителя к другому, выполняемая согласно определенной логике). По мнению В. В. Репина, данное определение является более узким, поскольку не включает в себя понятие ресурсов и системы управления процессом [2]. По его мнению, сквозной процесс, так же как и процесс подразделения, обязан иметь владельца

процесса, в распоряжении которого должны находиться ресурсы, необходимые для реализации процесса, иначе роль владельца сведется к сбору информации о деятельности процесса и доклада ее руководству организации. Автор приводит типовой перечень сквозных процессов.

Резюмируя вышесказанное, можно отметить, что выявление и формализация сквозных процессов предприятия является достаточно субъективным процессом, и у руководства компании никогда не может быть уверенности в обоснованности сделанного выбора.

Таким образом, предприятиям, внедряющим процессный подход, необходимо сосредоточиться на описании и регламентации бизнес-процессов структурных подразделений, а не только сквозных процессов [3; 4; 5; 6]. После этого предприятие может осуществлять не только матричное управление для повышения эффективности своего развития, но и возникает необходимость внедрения так называемого «сквозного» управления бизнес-процессами.

Единой трактовки понятия «сквозное» управление бизнес-процессами не существует. «Сквозное» управление употребляется применительно к материальным потокам, поставкам, рассматривается в контексте управления качеством, отдельно задачами и ресурсами, жизненным циклом изделия, продукции и др. В связи с вышесказанным целесообразно рассмотреть исторические тенденции зарождения данной категории.

Современный процессный подход основан на системном подходе к управлению, который рассматривает организацию как единый организм. На каждом предприятии протекают разнообразные бизнес-процессы, на входе принимающие ресурсы, а на выходе дающие полуфабрикат или продукт. Весь цикл замкнут на выпуске готового товара, услуги.

Данный подход состоит в такой организации работы, которая основана на разделении всей деятельности предприятия на бизнес-процессы, а аппарата управле-

ния по блокам. Вся система может быть представлена в виде схемы, цепочки с отдельными звеньями – операциями. Конечным итогом производственной цепочки становится продукт. Звенья, отвечающие за конкретный бизнес-процесс, формируются из структурных подразделений.

Совмещение принципов процессного управления с функционированием организации как единой производственной системы свидетельствуют об актуализации «сквозного» управления развитием бизнес-процессов в производственных системах.

Опыт российских предприятий, модернизирующих свои производственные системы, указывает на перспективность совершенствования производственной системы с позиции повышения эффективности производства. В первую очередь модернизация производственной системы сказывается на преодолении отдельных «узких мест» на производстве [7; 8; 9; 10; 11].

Для устранения данных «узких мест» необходимо «сквозное» управление бизнес-процессами производственной системы, предполагающее эффективную организацию бизнес-процессов на предпроизводственной, производственной и послепроизводственной стадиях для эффективного воздействия на входные процессы, оптимизацию производства и получение запланированных выходных показателей с учетом принципов и технологий автоматизированного управления жизненным циклом производственной системы.

Предпроизводственная стадия – этап жизненного цикла изделия, на котором осуществляются научно-исследовательские работы по созданию новой конкурентоспособной продукции, разрабатывается конструкторская документация и устанавливается последовательность технологических операций, потребность в средствах технологической оснастки и т. д. [12]

На предпроизводственной стадии изучаются потребность в изделии, свой-

ства, которыми оно обладает, разрабатываются конструкция изделия, технология его производства, проводится подготовка производства. Здесь могут быть выявлены резервы повышения эффективности производства за счет улучшения конструкции изделия, усовершенствования технологии его производства, применения более дешевого сырья и т. д.

На этой стадии определяются: сырье, материалы, полуфабрикаты, рецептура, конструкция, технологии и упа-

ковка, с помощью которых создается конкурентоспособная продукция. Именно на этой стадии объективно содержатся самые большие резервы снижения себестоимости продукции, и чем более полно они выявлены на этом этапе, тем выше эффективность данного изделия.

Далее нами были выделены следующие бизнес-процессы предпроизводственной стадии, которые изображены на рисунке 1.

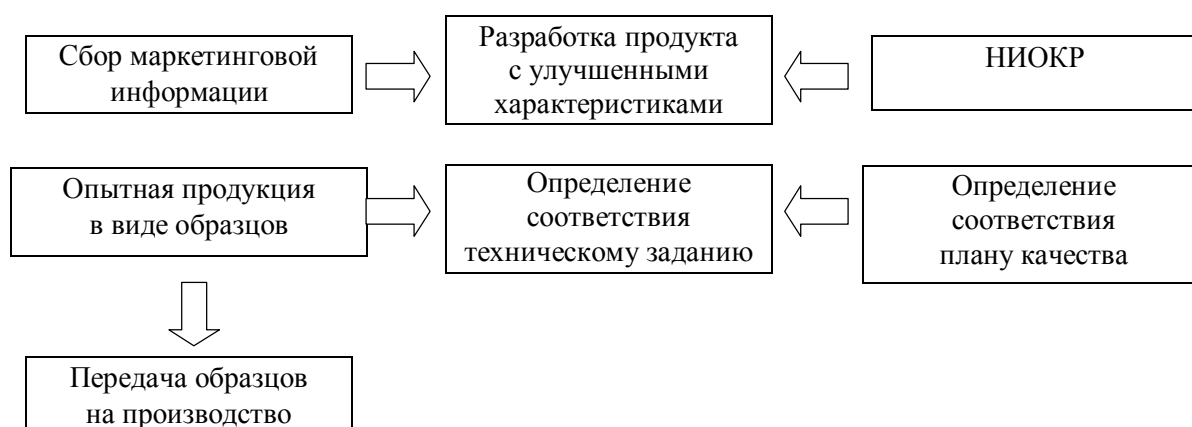

Рис. 1. Процессы предпроизводственной стадии

Процессы, происходящие в этой стадии, играют важную роль в формировании качества продукта.

Далее следует стадия производства, а способствуют ее осуществлению производственные процессы [4; 6; 7].

Производственный процесс – это целенаправленное, постадийное превращение исходного сырья и материалов в готовый продукт заданного свойства и пригодный к потреблению или к дальнейшей обработке. Производственный процесс начинается с его проекта и заканчивается на стыке производства и потребления. На рисунке 2 установлена взаимосвязь производственных процессов.

Можно сделать вывод, что производство непрерывно и последовательно. Каждый этап производства зависит от предыдущего.

Элементы послепроизводственной стадии протекают одновременно и независимо друг от друга. Представим процессы послепроизводственного этапа на рисунке 3.

Последний элемент позволяет улучшать характеристики товара, которые достигаются в результате внесенных изменений в производство продукта. Собранный информация от потребителей и анализ рынка повышает конкурентоспособность продукции предприятия [7].

«Управление жизненным циклом» – термин, который используется для обозначения практики обеспечения связности всех состояний системы, как в прямом направлении, так и в обратном.

Глобальные системы управления полным жизненным циклом (PLM) создавались на базе глобальных корпораций с существенным участием государственного капитала. Глобальные корпорации имеют системы управления полным жизненным циклом на основе единых доверенных программ и аппаратных решений.

Мировыми лидерами по внедрению систем управления жизненным циклом являются компании, представленные на рисунке 4.

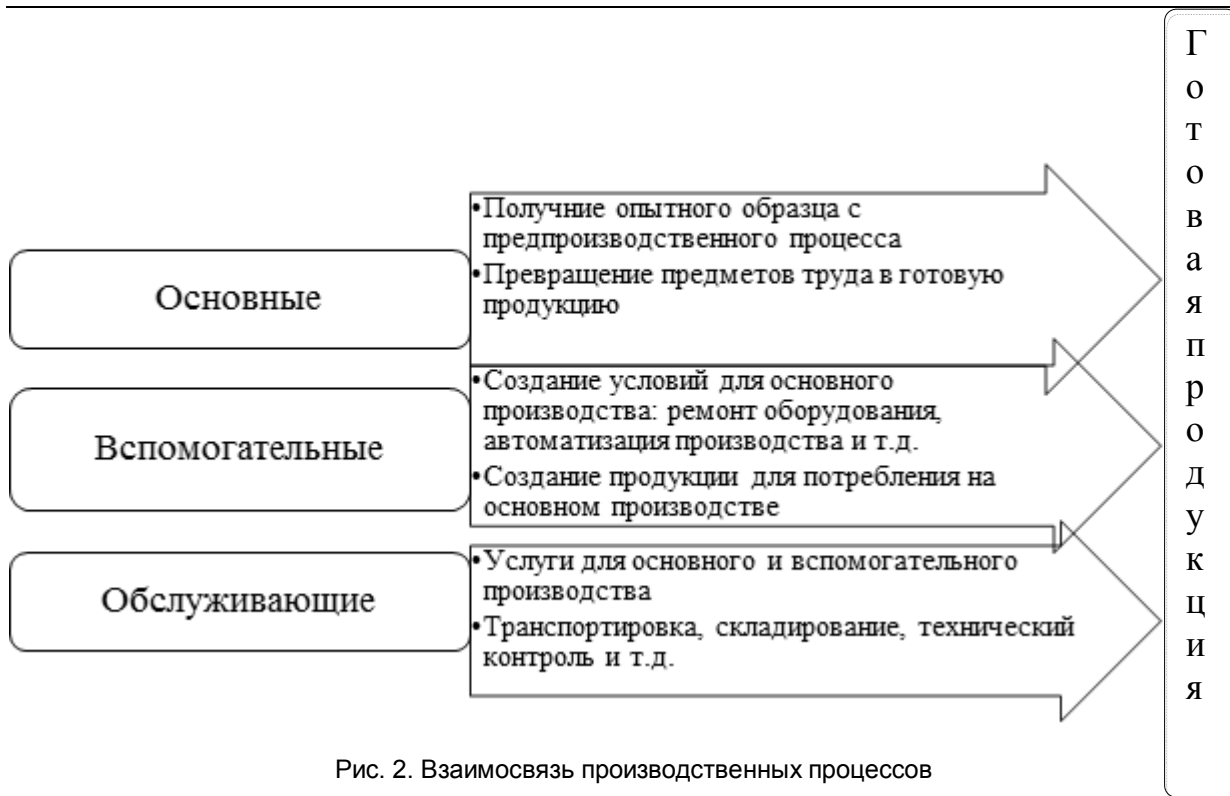

Рис. 2. Взаимосвязь производственных процессов

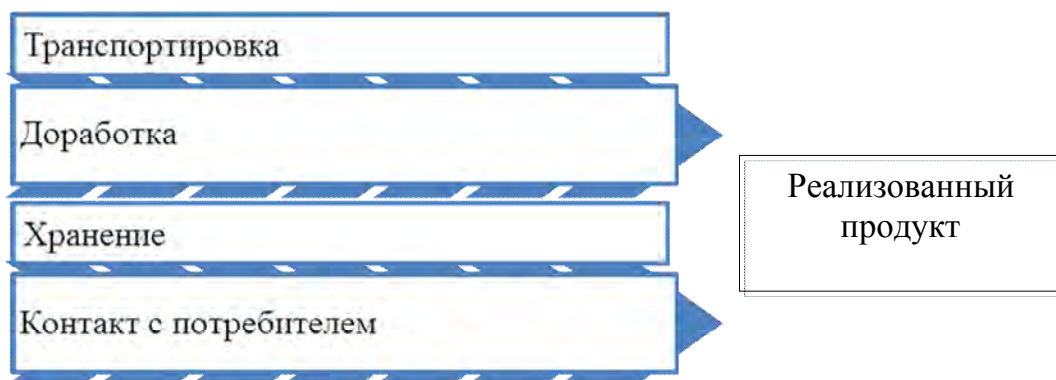

Рис. 3. Процессы послепроизводственного этапа

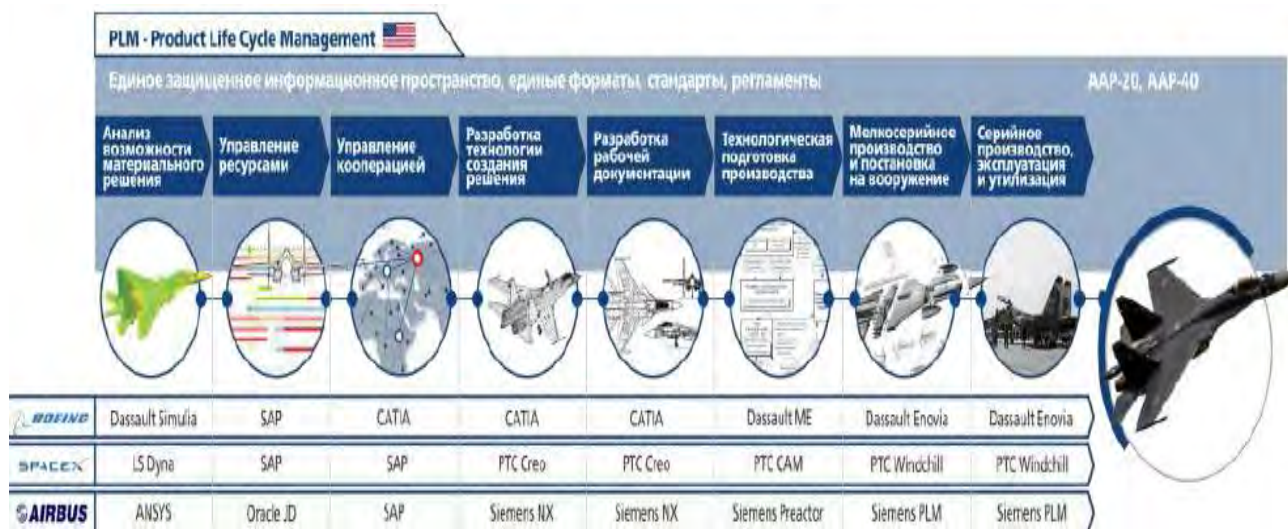

Рис. 4. Мировые лидеры по внедрению систем управления жизненным циклом [13]

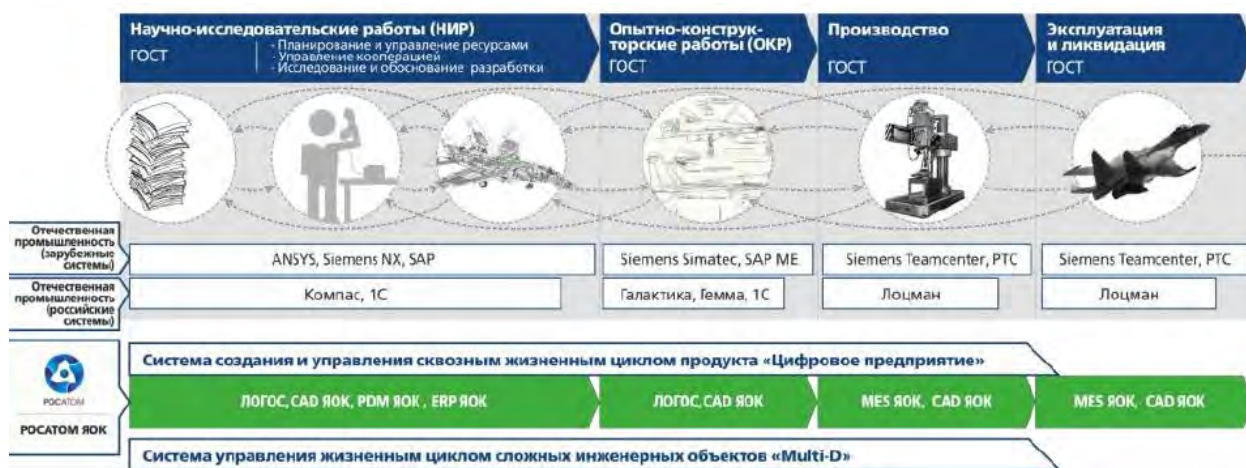

Рис. 5. Зарубежные и отечественные системы управления полным жизненным циклом, используемые в российской промышленности [13]

Зарубежные и отечественные системы управления полным жизненным циклом, используемые в российской промышленности, представлены на рисунке 5.

Внедрение системы управления полным жизненным циклом закреплено, например, в Военной доктрине Российской Федерации (утверждена Президентом РФ В. В. Путиным 26.12.2014), в которой отмечено, что «к задачам развития оборонно-промышленного комплекса относятся: разработка и производство перспективных систем и образцов вооружения, военной и специальной техники, повышение качества и конкурентоспособности продукции военного назначения, создание системы управления полным жизненным циклом вооружения, военной и специальной техники» [14].

Главной целью повсеместного внедрения ИПИ-технологий (информационная поддержка изделия), по мнению А. Е. Бром [15], является создание целостной системы, охватывающей и интегрирующей в единое информационное пространство основные стадии жизненного цикла продукции (в соответствии со стандартом ИСО 9004-1): маркетинговые исследования; опытно-конструкторские работы (ОКР); материально-техническое снабжение (МТС); подготовка производ-

ства; производство продукции; контроль и испытания; упаковка и хранение; реализация и распределение; монтаж и эксплуатация; техническая помощь и пост-продажное обслуживание; утилизация.

Данные стадии могут объединяться или исключаться из системы жизненного цикла в зависимости от вида продукции, от целей создания подобной системы и достигнутых соглашений между всеми участниками ЖЦ. ИПИ-технологии включают системы автоматизации процессов проектирования и производства и к настоящему моменту дают возможность перейти к полному электронному моделированию процессов ЖЦ (информационной поддержке ЖЦ изделия, т. е. технологиям «Product Lifecycle Management» или PLM) в рамках концепции создания системы управления жизненным циклом (СУЖЦ).

А. Е. Бром понимает под процессом управления жизненным циклом продукции некую интеграцию набора информационных и организационно-управленческих стратегий с инструментами для обеспечения организации деятельности всех участников ЖЦ с целью достижения оптимальных значений по ключевым показателям ЖЦ: длительности ЖЦ, стоимости ЖЦ, надежности и качества изделий. Для каждого процесса ЖЦ должны

рассчитываться количественные оценки эффекта и затрат, оцениваться факторы риска, внедряться методы реинжиниринга для повышения качества изделий и минимизации совокупной стоимости ЖЦ изделия.

Разделяя позицию исследователя, можно утверждать, что внедрение системы управления жизненным циклом производственной системы предопределило становление и необходимость «сквозного» управления бизнес-процессами производственных систем, базирующегося на принципах и технологиях автоматизированного управления жизненным циклом производственной системы, но отличающимся не просто применением технологии реинжиниринга бизнес-процессов, но и оценкой важности и проблемности бизнес-процессов, спецификой моделирования и оценкой эффективности их организации для реализации и продвижения

промышленной продукции не только в приоритетных для государства отраслях промышленности (оборонной, энергетической отраслях и др., где происходит активное внедрение СУЖЦ), но и в отраслях, для которых не предполагается прямая государственная поддержка, вынужденных адаптироваться к развитию в условиях санкционных ограничений и росту импортозамещения в России. Сущность «сквозного» управления развитием бизнес-процессов предприятий в условиях формирования производственных систем полного жизненного цикла отражена на рисунке 6.

Таким образом, сквозное управление развитием бизнес-процессов предприятий в условиях формирования производственных систем полного жизненного цикла пронизывает предпроизводственную, производственную и послепроизводственную стадии.

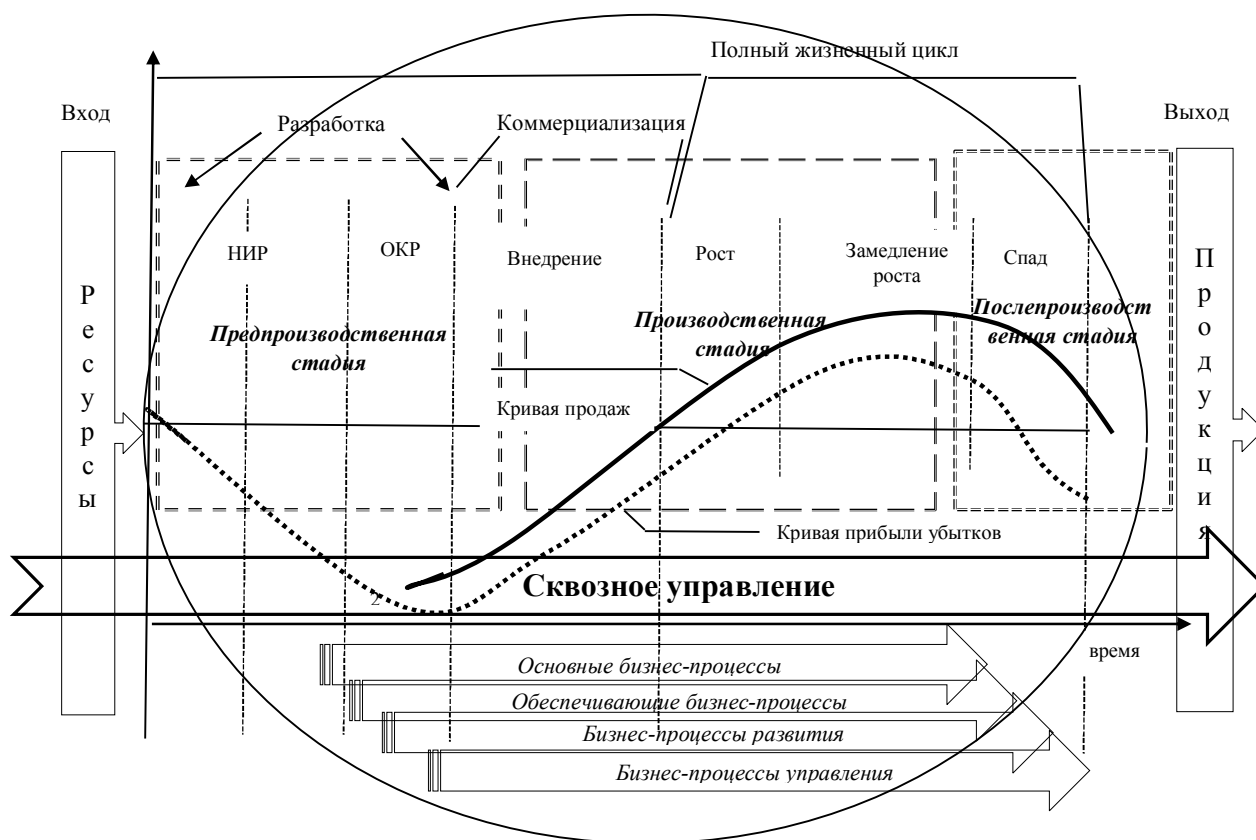

Рис. 6. Сущность «сквозного» управления развитием бизнес-процессов предприятий в условиях формирования производственных систем полного жизненного цикла

При этом особое внимание следует уделять производственной стадии, на которой происходит создание конечного продукта, качество которого будет определять послепроизводственные и вновь предпроизводственные процессы. Именно поэтому построение эффективных бизнес-процессов на производственной стадии является приоритетным.

Исследование выполнено по Государственному заданию Министерства образования и науки РФ № 26.3546.2017/ПЧ «Развитие фундаментальных основ анализа и прогнозирования структурно-динамических параметров региональной экономики на основе интеграции российского и мирового опыта управления территориальным развитием и современных научных доктрин».

Список литературы

1. Репин В. В. Субъективная реальность сквозных бизнес-процессов [Электронный ресурс] // Журнал о системах электронного документооборота Ecm-journal. URL: <https://ecm-journal.ru/card.aspx?ContentID=1760732> (дата обращения: 26.06.2018).
2. Официальный электронный ресурс менеджмента качества quality.eur.ru [Электронный ресурс]. URL: <http://quality.eur.ru/DOCUM5/ebp.htm> (дата обращения: 26.06.2018).
3. Вертакова Ю. В., Согачева О. В. Исследование социально-экономических и политических процессов. М.: КНОРУС, 2009. 336 с.
4. Мильгунова И. В., Вертакова Ю. В., Колмыкова Т. С. Формирование и оценка конкурентных преимуществ промышленных предприятий: монография / Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2012. 151 с.
5. Крыжановская О. А., Вертакова Ю. В. Управление изменениями в развитии социально-экономических систем: маркетинговый подход: монография. Воронеж: Науч. кн., 2010. 179 с.
6. Каширцева А. Ю., Чарочкина Е. Ю. Социально-экономические факторы формирования эффективной экономики // Российская наука и образование сегодня: проблемы и перспективы. 2015. № 4 (7). С. 211–213.
7. Кузьбожев Э. Н., Рябцева И. Ф. Практика системного анализа проблемы повышения производительности труда // Экономический анализ: теория и практика. 2011. № 1 (208). С. 17–24.
8. Кузьбожев Э. Н., Рябцева И. Ф., Некрасова А. С. Государственная экономическая политика и индикативное планирование на предприятии // Экономический анализ: теория и практика. 2013. № 10 (313). С. 11–23.
9. Плахотникова М. А., Крыжановская О. А. Стратегия процессной трансформации бизнеса на российских предприятиях // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2017. № 1 (31). С. 45–50.
10. Марченкова Л. М., Плотников В. А., Рудакова О. В. Человеческий и интеллектуальный капитал как основа инновационного развития промышленности // Известия Юго-Западного государственного университета. 2012. № 1 (40), ч. 2. С. 205–210.
11. Крыжановская О. А., Вертакова Ю. В., Афанасьев Д. В. Обеспечение стратегического равновесия организации // Известия Юго-Западного государственного университета. 2016. № 4 (67). С. 133–141.
12. Зайцев Н. Л. Словарь экономиста. 4-е изд. М.: Инфра-М, 2007. 224 с.
13. Кривошеев О. В. Система полного жизненного цикла «Цифровое предприятие» – технология создания продукта в новом технологическом укладе [Электронный ресурс] / РОСАТОМ. URL: <http://mpt.tatarstan.ru/file/File/4ФЯЦдля>

КОВ_16082017_в2_Ч.pdf (дата обращения: 26.06.2018).

14. Военная доктрина Российской Федерации [Электронный ресурс]: [утв. Президентом РФ 25.12.2014 № Пр-2976]. URL: <http://www.base.garant.ru/70830556> (дата обращения: 26.06.2018).

15. Бром А. Е. Современные технологии организации и управления жизненным циклом наукоемкой продукции // Вестник МГОУ. Серия: Экономика. 2015. № 2. С. 41–46.

Поступила в редакцию 10.08.18

UDC 338

Liu Sueling, Post-Graduate Student, Southwest State University (Kursk, Russia)
(e-mail: REandM@rambler.ru)

END-TO-END MANAGEMENT OF PRODUCTION SYSTEMS OF THE ENTITIES

In modern conditions of managing and practice of management of industrial enterprises the process approach which proved the efficiency is very actively used. At the same time there is very relevant a management of end-to-end business processes in which the staff of all functional divisions is involved. However generation and formalizations of end-to-end business processes is result of value judgment of the head, his experience, knowledge and competence. With respect thereto it is rather difficult to determine borders of end-to-end business processes, to estimate them, to build the competent control algorithm neutralizing subjectivity signs.

In these conditions there is a need of implementation of end-to-end management of business processes of the entities. Now the single interpretation of a concept end-to-end management of business processes doesn't exist. Due to the aforesaid in article historical tendencies of origin of this category are considered.

Upgrade of a production system affects overcoming separate "bottlenecks" on production which elimination requires the "end-to-end" management of business processes of a production system assuming the effective organization of business processes at preproduction, production and postproduction stages.

In article the main business processes of preproduction, production and postproduction stages are researched. The emphasis that end-to-end management of business processes of production systems is necessary for effective impact on entrance processes, optimization of production and receipt of the planned output indicators taking into account the principles and technologies of automated management of lifecycle of a production system is placed.

The author considered features of management of lifecycle, world leaders on implementation of management systems lifecycle and also the foreign and domestic management systems complete lifecycle used in the Russian industry are revealed. In the conclusion of a research the essence of "end-to-end" management of development of business processes of the entities in the conditions of forming of production systems of complete lifecycle is visualized.

The author noted that special attention should be paid to a production stage at which there is a creation of an end product which quality will determine postproduction and again preproduction processes. For this reason, creation of effective business processes at a production stage is priority.

Key words: *end-to-end management, production systems, complete lifecycle, entity.*

For citation: Liu Sueling End-to-end management of production systems of the entities. Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Managment, 2018, vol. 8, no. 3 (28), pp. 281–289 (in Russ.).

References

1. Repin V. V. Sub"ektivnaya real'-nost' skvoznyh biznes-processov. Zhurnal o sistemah ehlektronnoho dokumentooborota Ecm-journal. URL: <https://ecm-journal.ru/>

card. asp?ContentID=1760732 (accessed 26.06.2018).

2. Oficial'nyj ehlektronnyj resurs menedzhmenta kachestva quality.eup.ru. URL: <http://quality.eup.ru/DOCUM5/ebp.htm> (accessed 26.06.2018).

3. Vertakova Yu. V., Sogacheva O. V. Issledovanie social'no-ehkonomicheskikh i politicheskikh processov. Moscow, KNORUS Publ., 2009. 336 p.
4. Mil'gunova I. V., Vertakova Yu. V., Kolmykova T. S. Formirovanie i ocenka konkurentnyh preimushchestv promyshlennykh predpriyatij. Kursk, Yugo-Zap. gos. un-t Publ., 2012. 151 p.
5. Kryzhanovskaya O. A., Vertakova Yu. V. Upravlenie izmeneniyami v razvitiitii social'no-ehkonomicheskikh sistem: marketingovyy podhod. Voronezh, Nauch. kn. Publ., 2010. 179 p.
6. Kashirceva A. Yu., Charochkina E. Yu. Social'no-ehkonomicheskie faktory formirovaniya ehffektivnoj ehkonomiki. Rossijskaya nauka i obrazovanie segodnya: problemy i perspektivy, 2015, no. 4 (7), pp. 211–213.
7. Kuz'bozhev Eh. N., Ryabceva I. F. Praktika sistemnogo analiza problemy povysheniya proizvoditel'nosti truda. Ehkonomicheskij analiz: teoriya i praktika, 2011, no. 1 (208), pp. 17–24.
8. Kuz'bozhev Eh. N., Ryabceva I. F., Nekrasova A. S. Gosudarstvennaya ehkonomicheskaya politika i indikativnoe planirovanie na predpriyatii. Ehkonomicheskij analiz: teoriya i praktika, 2013, no. 10 (313), pp. 11–23.
9. Plahotnikova M. A., Kryzhanovskaya O. A. Strategiya processnoj transformacii biznesa na rossijskikh predpriyatiyah. Teoriya i praktika servisa: ehkonomika, social'naya sfera, tekhnologii, 2017, no. 1 (31), pp. 45–50.
10. Marchenkova L. M., Plotnikov V. A., Rudakova O. V. Chelovecheskij i intellektual'nyj kapital kak osnova innovacionnogo razvitiya promyshlennosti. Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta, 2012, no. 1 (40), pt. 2, pp. 205–210.
11. Kryzhanovskaya O. A., Vertakova Yu. V., Afanas'ev D. V. Obespechenie strategicheskogo ravnovesiya organizacii. Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta, 2016, no. 4 (67), pp. 133–141.
12. Zajcev N. L. Slovar' ehkonomista. 4th ed. Moscow, Infra-M Publ., 2007. 224 p.
13. Krivosheev O. V. Sistema polnogo zhiznennogo cikla “Cifrovoe predpriyatie” – tekhnologiya sozdaniya produkta v novom tekhnologicheskom uklade. ROSATOM. URL: http://mpt.tatarstan.ru/file/File/4FYACdlya_KOV_16082017_v2_CH.pdf (accessed 26.06.2018).
14. Voennaya doktrina Rossijskoj Federacii: [utv. Prezidentom RF 25.12.2014 No Pr-2976]. URL: <http://www.base.garant.ru/70830556> (accessed 26.06.2018).
15. Brom A. E. Sovremennye tekhnologii organizacii i upravleniya zhiznennym ciklom naukoemkoj produkcii. Vestnik MGOU. Seriya: Ehkonomika, 2015, no. 2, pp. 41–46.

УДК 658

А. И. Пономарева, младший научный сотрудник, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (Екатеринбург, Россия) (e-mail: alex.ponomareva@gmail.com)

РОЛЬ УНИВЕРСИТЕТОВ В ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

Данная статья рассматривает возможные подходы и проблемы для освещения роли университетов в системе создания инноваций. В рамках статьи предпринимается попытка инкорпорировать экономические и социальные факторы, которые влияют на способность университетов создавать новые знания и использовать эти знания экономически полезными способами и тем самым способствовать экономическому росту и выгодам.

В первой части статьи приводятся данные по цифровой экономике в России и в мире. Рассматриваются положительные эффекты от перехода к цифровой экономике. Также указываются проблемы и трудности, с которыми столкнется экономика России. Безусловно, такие проблемы носят институциональный характер, поэтому требуют компетентного и комплексного решения.

Однако для того, чтобы эффективно решать существующие задачи, необходимо определить круг вопросов, которому они принадлежат. Данная статья концентрируется на определении пробелов в механизмах трансфера технологических инноваций между университетами и промышленными предприятиями.

Картина не является полной без понимания передачи технологий между университетами и промышленностью с точки зрения фирмы. Хотя в широкой литературе по стратегическим альянсам в области НИОКР упоминается важность деятельности фирм и университетов, в ней не уделяется особого внимания уникальным аспектам деятельности университетов в качестве исследовательских партнеров. Таким образом, мы имеем лишь ограниченное понимание того, как взаимодействие университетов вписывается в более широкую стратегию НИОКР фирмы и как стратегия и организационная структура фирмы влияют как на механизмы передачи технологии, используемые фирмой, так и на конечные отношения, которые фирма поддерживает с университетом.

Ключевые слова: университеты, предпринимательство, трансфер технологий, развитие экономики, промышленность, цифровизация.

Ссылка для цитирования: Пономарева А. И. Роль университетов в технологической трансформации промышленного комплекса России в условиях цифровизации экономики // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2018. Т. 8, № 3 (28). С. 290–297.

Цифровизация преобразует социальную парадигму жизни людей. Она открывает небывалые возможности получения новых знаний, расширения кругозора, освоения новых профессий и повышения квалификации. Возникают новые социальные лифты. Расширяются географические горизонты возможностей. Цифровые преобразования – один из главных факторов мирового экономического роста. По оценкам Глобального института McKinsey, в Китае до 22% увеличения ВВП к 2025 г. может произойти за счет интернет-технологий. В США ожидаемый прирост стоимости, создаваемый цифровыми технологиями, впечатляет не меньше – здесь он к 2025 г. может составить 1,6–2,2 трлн долл. США [1].

Потенциальный экономический эффект от цифровизации экономики России увеличит ВВП страны к 2025 г. на 4,1–8,9

трлн руб. (в ценах 2015 г.), что составит от 19 до 34% общего ожидаемого роста ВВП.

Одно из главных ограничений развития отечественных инновационных компаний – недостаток инвестиционных ресурсов. И если объем государственного финансирования научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР) в России соответствует уровню развитых стран, составляя 0,4% ВВП, то с привлечением средств частных инвесторов дела обстоят хуже. Доля частного финансирования исследований и разработок составляет всего 0,7% от российского ВВП, что существенно меньше, чем в США (1,9%) или Германии (2,0%) [2]. Область венчурного финансирования можно назвать проблемной. Достаточно сказать, что в США доля его объемов в процентах от ВВП в 21 раз больше, чем в России [3].

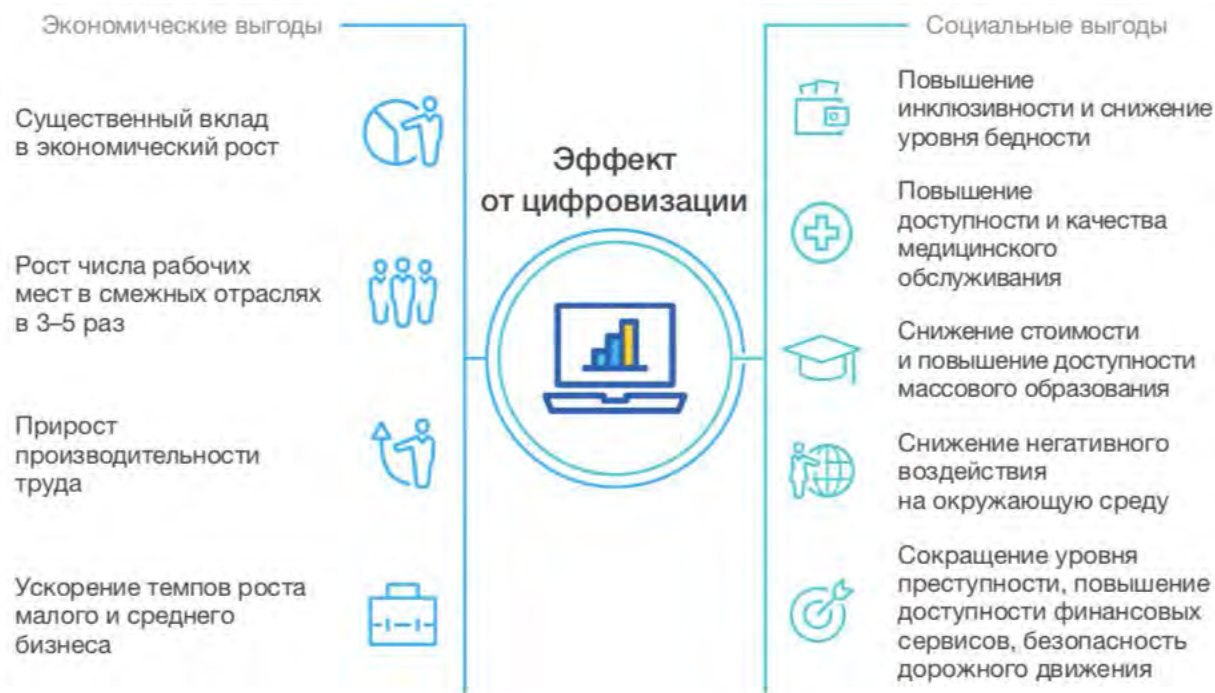

Рис. 1. Экономические и социальные выгоды от цифровизации экономики (Всемирный банк, McKinsey Global Institute) [1]

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы предложить рамочную работу, которая может быть использована для освещения роли университетов в изучении инноваций. Бенчмаркинг экономического развития основывается на различных показателях, которые могут рассматриваться как вклад в инновации или результаты. Эта точка зрения, как правило, игнорирует процесс передачи технологии и факторы, обуславливающие ее успех. В предлагаемой здесь рамочной программе рассматривается «черный ящик» передачи технологии «единство» и рассматриваются мотивы и стимулы, предоставляемые различным субъектам. На них, в свою очередь, влияют экономические, социальные и политические факторы, которые формируют способность университетов создавать новые знания и использовать эти знания экономически полезными для фирм способами. Таким образом, мы выявляем и исследуем точки влияния и специфические факторы, которые усиливают или тормозят создание и передачу академической науки.

Коммерциализация университетских исследований в простейшем случае является диадой, включающей сделки между университетом и коммерческой фирмой. Коммерциализация технологии может включать в себя множество различных видов операций между университетом и компанией, и различные виды операций могут происходить последовательно для усиления коммерциализации.

На рисунке 2 представлены концептуальные рамки, которыми стоит руководствоваться при анализе взаимоотношений между университетами и промышленностью. Отношения университетов с промышленностью формируются посредством ряда последовательных сделок, таких как спонсируемые исследования, лицензии, побочные фирмы и наем студентов. Ученые, как правило, анализируют формальные механизмы, такие как спонсируемые исследовательские соглашения, лицензии или свопы акций при расследовании передачи технологии [4].

Рис. 2. Модель взаимодействия университетов и промышленности

Ключевыми элементами взаимоотношений между университетами и промышленностью являются сделки, которые осуществляются через механизмы спонсорской поддержки научных исследований (включая участие и спонсорство исследовательских центров), соглашения о лицензировании интеллектуальной собственности университетов, найм научных сотрудников и создание новых фирм [5].

Спонсируемое исследование определяется как контракт между академической организацией и фирмой. Спонсируемый исследовательский проект поддерживает исследования, заказанные через университет, и предоставляет ресурсы для инфраструктуры, аспирантов, выпусков курсов и летней поддержки для преподавателей (рис. 3).

Спонсируемые исследования могут также включать участие компании в отраслевом исследовательском центре и консорциуме. Кроме того, отдельные фирмы принимают стратегические реше-

ния для спонсирования университетских исследований, влияющих на типы альянсов, которые они формируют с университетами, и атрибуты, которые они ищут в университетском партнере [7]. Общепринятое мнение заключается в том, что государственное финансирование является более базовым и менее ограниченным, в то время как отраслевое финансирование является более целенаправленным и более поздним этапом (табл. 1).

Знания трудно оценить и трудно присвоить. Договорные механизмы, используемые для передачи знаний, такие как лицензионные соглашения, структурированы как рыночные сделки – условия сделки являются взаимно согласованными и добровольно согласованными. Но в отличие от типичных товаров, вовлеченных в рыночные сделки, ценность знаний является неопределенной, причем неопределенность является самой высокой для наиболее восходящей, основной исследовательской деятельности. Офици-

альные соглашения о передаче технологии заключаются до завершения исследований и в то время, когда коммерческая ценность конечных результатов неизвестна. Таким образом, переговоры основываются на оценках субъективной ожидаемой стоимости той части знаний,

которую фирма сможет получить. Такая несовершенная оценка стоимости знаний для фирмы-заказчика может повлечь за собой рыночную несостоятельность: договорная цена может существенно отличаться от социальной стоимости.

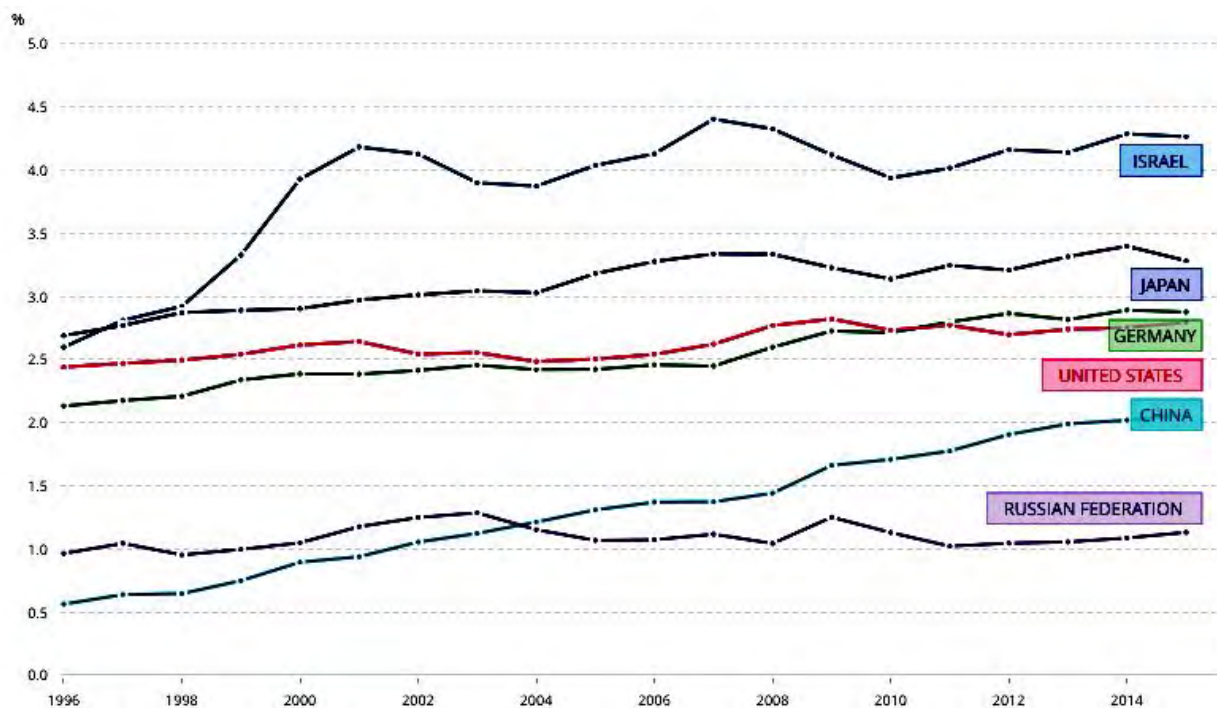

Рис. 3. Объем вложений в науку и исследования по странам, % от ВВП [6]

Таблица 1
Формальные и неформальные транзакционные механизмы трансфера технологий университета

Механизм	Определение
Спонсорская поддержка исследований	Соглашение, по которому университет получает финансирование на проведение научно-исследовательского проекта
Лицензии	Юридические права на использование определенной части интеллектуальной собственности университета
Сотрудничество со студентами	Набор студентов из университета, особенно тех, кто работает над спонсируемыми проектами
Стартапы	Новая организация, которая формируется вокруг исследований факультета или лицензии университета

В основе передачи технологии лежит индивидуальный преподаватель, мотивированный набором индивидуальных и институциональных стимулов. Модели

жизненного цикла ученых предполагают, что ученые инвестируют значительные средства в человеческий капитал на ранних этапах своей карьеры, чтобы постро-

ить репутацию и создать позицию в области экспертизы [8]. На более поздних этапах своей карьеры ученые обычно стремятся получить экономическую отдачу от своего человеческого капитала. Для ученых создание компании служит цели определения ценности их интеллектуальной собственности, а также обеспечения доступа к дополнительным механизмам финансирования для продвижения научной программы ученого. Наиболее важно то, что академические исследователи, особенно финансируемые государством, должны иметь возможность сохранять некоторые права на свою интеллектуальную собственность для участия в коммерческой деятельности. Потенциальные финансовые выгоды от создания компании в сочетании с ограниченным бюджетом университетов и конкуренцией за относительно фиксированный пул государственного финансирования создают стимулы для участия ученых в предпринимательской деятельности.

Считается, что решение отдельного преподавателя принять участие в передаче технологии в процессе раскрытия изобретений сильно зависит от трех факторов: эффектов обучения, эффектов лидерства и когортных эффектов [9]. Частные лица с большей вероятностью будут раскрывать изобретения, если они пройдут подготовку в учреждениях, находящихся на переднем крае с точки зрения эталонного анализа передачи технологии. Лица, прошедшие подготовку в учреждениях, которые уже давно и относительно успешно осуществляют операции по передаче технологии, чаще раскрывают свои изобретения. Кроме того, чем больше времени прошло с момента получения диплома, тем меньше вероятность того, что преподаватель будет активно применять новую норму коммерциализации. Наиболее поразительно, что поведение при передаче технологий определяется опытом тех, кто занимает аналогичную должность, с точки зрения академического ранга и ведомственной принадлежно-

сти. Если человек может наблюдать за другими на их академическом уровне, вникая в процесс, то он, скорее всего, будет участвовать в передаче технологии.

На способность отдельных ученых оценить стоимость интеллектуальной собственности будут влиять университетские патенты и авторские права. Следовательно, изменение прав интеллектуальной собственности является одним из важных факторов, которые могут повлиять на результаты передачи технологии [8]. Результаты передачи технологии могут зависеть от организационных практик, которые потенциально ослабляют ощутимые различия в мотивации, стимулах и организационной культуре участников этого процесса.

Структуру управления по передаче технологии стоит анализировать как независимую переменную, которая частично учитывает измеряемые межинституциональные различия в патентовании, лицензировании и спонсируемой исследовательской деятельности. Этот аналитический объектив позволяет заострить внимание на изучении вариаций, на которые другие ссылались в оговорках или квалификационных заявлениях, но которые систематически не изучались.

Производство знаний все в большей степени носит междисциплинарный характер и зависит от способности исследователей работать с другими по широкому спектру дисциплин. Система, которая придерживается жестких границ при финансировании исследовательских проектов, будет препятствовать этим взаимодействиям и, таким образом, может ограничить возможности передачи технологий.

Резюмируя вышесказанное, в таблице 2 приводится перечень факторов, влияющих на механизмы передачи технологий университетами и различающихся между инновационными системами. Эти вопросы можно рассматривать как отправную точку для начала исследования о факторах, влияющих на способность университета передавать знания.

Таблица 2

Вопросы для рассмотрения механизмов, влияющих на передачу университетских технологий

Механизм	Вопросы для рассмотрения
Спонсорская поддержка исследований	Есть ли предложение исследований, имеющих отношение к промышленности? Существуют ли экономические стимулы для финансирования университетских НИОКР? Существуют ли антимонопольные положения, ограничивающие участие компаний в исследовательских консорциумах?
Лицензии	Какие ограничения на лицензирование накладывают источники финансирования? Какие ограничения на лицензирование накладывают университеты?
Сотрудничество со студентами	Есть ли достаточное количество студентов? Существуют ли механизмы проверки?
Стартапы	Разрешается ли преподавателям работать за пределами университета? Существуют ли особые положения, облегчающие спин-офф о ОСП справедливости, помощи и т. д.?

Университеты рассматриваются многими как двигатели экономического роста и продолжают называться важным фактором регионального технологического развития и возрождения. Однако процесс экономического развития под руководством университетов требует значительного времени и терпения, что зачастую выходит за рамки непосредственных требований политического процесса [11].

Основная посылка данной работы заключается в том, что правовые, экономические и политические условия, составляющие систему инноваций, определяют скорость и тип производства университетских знаний и тем самым влияют на темпы технологических изменений. Кроме того, в рамках того или иного университета будут возникать дополнительные внутренние факторы, определяющие темпы и направления потока знаний из этого учреждения. Эта статья имеет скромную цель выявить эти влияния и спекулировать на их влиянии на передачу знаний. Конечно, учитывая ограниченность простран-

ства и времени, этот документ вызывает больше вопросов, чем ответов. Но, безусловно, дальнейшее внимание заслуживает понимание эволюции роли университета в системах инноваций. Если мы собираемся творчески мыслить о государственной политике, направленной на увеличение передачи университетских технологий, мы должны сосредоточиться на более широком контексте инноваций.

Подготовлено при поддержке гранта РФФИ № 18-010-01156 «Моделирование технологической трансформации промышленного комплекса России в условиях цифровизации экономики».

Список литературы

1. Цифровая Россия: новая реальность 2017 [Электронный ресурс] // Digital McKinsey. 2017. URL: <https://www.mckinsey.com/~/media/McKinsey/Locations/Europe%20and%20Middle%20East/Russia/Our%20Insights/Digital%20Russia/Digital-Russia-report.ashx> (дата обращения: 23.04.2018).

2. Entrepreneurship at a Glance 2016 [Электронный ресурс] // ОЭСР. 2016. URL: http://www.oecd-ilibrary.org/industry-and-services/entrepreneurship-at-a-glance-2016/venture-capital-investments-as-a-percentage-of-gdp_entrepreneur_aag-2016-graph119-en (дата обращения: 23.04.2018).
3. Cimoli M., Dosi G., Stiglitz J. Industrial policy and development: The political economy of capabilities accumulation. Oxford: Oxford univ. press, 2009. 575 p.
4. Bercovitz J., Feldman M. Entrepreneurial universities and technology transfer: A conceptual framework for understanding knowledge-based economic development // The journal of technology transfer. 2006. Vol. 31, No. 1. P. 175–188.
5. Aghion P., Boulanger J., Cohen E. Rethinking industrial policy // Bruegel Policy Brief. 2011. Vol. 04.
6. How much does your country invest in R&D [Электронный ресурс] // Статистический институт ЮНЕСКО. URL: http://www.uis.unesco.org/_layouts/unesco/research-and-development-spending/ (дата обращения: 23.04.2018).
7. Коровин Г. Б. Теоретическая модель мультисубъектной промышленной политики // Вестник УрФУ. Серия: Экономика и управление. 2017. Т. 16, № 5. С. 744–759.
8. Романова О. А., Акбердина В. В., Бухвалов Н. Ю. Инновационное развитие // Экономические и социальные перемены. 2016. № 3 (45). С. 173–190.
9. Lucchese M., Nascia L., Pianta M. Industrial policy and technology in Italy // *Economia e politica industriale*. 2016. Vol. 43, No. 3. P. 233–260.
10. Leydesdorff L., Ivanova I., Meyer M. S. The Measurement of synergy in innovation systems: redundancy in the triple helix of university-industry-government relations // SPRU Working Paper Series. 2018. Vol. 8. 55 p.
11. Knowledge-based development dynamics in less favoured regions: insights from Australian and Icelandic university towns / T. Yigitcanlar, I. R. Edvardsson, H. Sohannesson [et al.] // *European Planning Studies*. 2017. Vol. 25, No. 12. P. 2272–2292.

Поступила в редакцию 31.05.18

UDC 658

A. I. Ponomareva, Junior Researcher, Institute of Economics, Ural branch, Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia) (e-mail: alex.ponomareva@gmail.com)

THE ROLE OF UNIVERSITIES IN THE TECHNOLOGICAL TRANSFORMATION OF THE INDUSTRIAL COMPLEX OF RUSSIA IN TERMS OF DIGITALIZATION OF THE ECONOMY

This article considers possible approaches and problems to highlight the role of universities in the system of innovation. In the article an attempt is made to incorporate economic and social factors that affect the ability of universities to create new knowledge and to use this knowledge economically useful ways and thereby contribute to economic growth and benefits.

The first part of the article presents data on the digital economy in Russia and in the world. The positive effects of the transition to the digital economy are considered. The problems and difficulties that the Russian economy will face are also indicated. Of course, such problems are institutional, and therefore require a competent and comprehensive solution.

However, in order to effectively address existing challenges, it is necessary to identify the range of issues to which they belong. This article focuses on the identification of gaps in the mechanisms of transfer of technological innovations between universities and industrial enterprises.

The picture is not complete without an understanding of technology transfer between universities and industry from a firm perspective. While the broad literature on strategic alliances in R & d mentions the importance of firms and universities, it does not focus on the unique aspects of universities as research partners. Thus, we have only a limited understanding of how the interaction of universities fits into the broader R & d strategy of the firm—and how the strategy and organizational structure of the firm affects both the technology transfer mechanisms used by the firm and the final relationships that the firm maintains with the University.

Key words: universities, entrepreneurship, technology transfer, economic development, industry, digitalization.

For citation: Ponomareva A. I. The role of universities in the technological transformation of the industrial complex of Russia in terms of digitalization of the economy. Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management, 2018, vol. 8, no. 3 (28), pp. 290–297 (in Russ.).

References

1. Cifrovaya Rossiya: novaya real'nost' 2017. Digital McKinsey. 2017. URL: <https://www.mckinsey.com/~media/McKinsey/Locations/Europe%20and%20Middle%20East/Russia/Our%20Insights/Digital%20Russia/Digital-Russia-report.ashx> (accessed 23.04.2018).

2. Entrepreneurship at a Glance 2016. OEHSR. 2016. URL: http://www.oecd-ilibrary.org/industry-and-services/entrepreneurship-at-a-glance-2016/venture-capital-investments-as-a-percentage-of-gdp_entrepreneur_aag-2016-graph119-en (accessed 23.04.2018).

3. Cimoli M., Dosi G., Stiglitz J. Industrial policy and development: The political economy of capabilities accumulation. Oxford, Oxford univ. press, 2009. 575 p.

4. Bercovitz J., Feldman M. Entrepreneurial universities and technology transfer: A conceptual framework for understanding knowledge-based economic development. The journal of technology transfer, 2006, vol. 31, no. 1, pp. 175–188.

5. Aghion P., Boulanger J., Cohen E. Rethinking industrial policy. Bruegel policy brief, 2011, vol. 04.

6. How much does your country invest in R&D. Stati-sticheskiĭ institut YUNESKO.

URL: http://www.uis.unesco.org/_layouts/unesco/research-and-development-spending/ (accessed 23.04.2018).

7. Korovin G. B. Teoreticheskaya model' mul'tisub'ektnoj promyshlennoj politiki. Vestnik UrFU. Seriya: Ehkonomika i upravlenie, 2017, vol. 16, no. 5, pp. 744–759.

8. Romanova O. A., Akberdina V. V., Buhvalov N. Yu. Innovacionnoe razvitie. Ehkonomicheskie i social'nye peremeny, 2016, no. 3 (45), p. 173.

9. Lucchese M., Nascia L., Pianta M. Industrial policy and technology in Italy. Economia e politica industrial, 2016, vol. 43, no 3. pp. 233–260.

10. Leydesdorff L., Ivanova I., Meyer M. S. The Measurement of synergy in innovation systems: redundancy in the tri-ple helix of university-industry-government relations. SPRU Working Paper Series, 2018, vol. 8, 55 p.

11. Yigitcanlar T., Edvardsson I. R., Sohannesson H., eds. Knowledge-based development dynamics in less favoured regions: insights from Australian and Icelandic university towns. European Planning Studies, 2017, vol. 25, no. 12, pp. 2272–2292.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

1. К публикации в журнале «Известия Юго-Западного государственного университета. Серия Экономика. Социология. Менеджмент» принимаются актуальные материалы, содержащие новые результаты научных и практических исследований, соответствующие профилю журнала, не опубликованные ранее и не переданные в редакции других журналов.

2. Объем статьи не должен превышать 8 страниц печатного текста, включая иллюстрации и таблицы.

3. Авторы статей должны представить в редакцию журнала:

- статью, оформленную в соответствии с правилами оформления статей, представляемых для публикации в журнале;
- рецензию специалиста по соответствующему направлению;
- рекомендацию кафедры или научно-исследовательского отдела учреждения, в котором выполнена данная работа;
- разрешение на опубликование в открытой печати статьи от учреждения, в котором выполнена работа (обязательно для статей по техническим специальностям, по экономическим – по требованию редколлегии);
- сведения об авторах (фамилия, имя отчество, место работы, должность, ученая степень, звание, почтовый адрес, телефон, e-mail);
- электронный носитель (CD-диск).

4. Бумажный вариант статьи подписывается всеми авторами, что означает их согласие на передачу Университету прав на распространение материалов статьи с помощью печатных и электронных носителей информации.

5. Редакция не принимает к рассмотрению рукописи, оформленные не по правилам.

6. **Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается (если автор один и им представлена справка с места учебы).**

7. Основной текст рукописи статьи (кроме аннотации и ключевых слов) набирают в текстовом редакторе MS WORD шрифтом «Times New Roman» размером 14 пт с одинарным интервалом, выравнивание по ширине. Поля с левой стороны листа, сверху и снизу – 2,5 см, с правой стороны – 2 см. Абзацный отступ – 1,5 см.

8. Схема построения публикации: УДК (индекс по универсальной десятичной классификации), фамилия и инициалы автора(ов) с указанием ученой степени, звания, места работы (полностью), электронного адреса (телефона), название (полужирный, прописные), аннотация и ключевые слова, текст с рисунками и таблицами, литература. Авторы, название, аннотация и ключевые слова приводятся на русском и английском языках.

Перед основным текстом печатается аннотация (200–250 слов), отражающая содержание статьи.

Например:

УДК 004.9:519.8

А.Л. Иванов, канд. техн. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (Курск)

(e-mail: ivanov@gmail.com)

ПОСТРОЕНИЕ МОДЕЛИ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ОБЕСПЕЧЕННОСТИ КАДРАМИ ГРАДООБРАЗУЮЩЕГО ПРЕДПРИЯТИЯ

В статье рассматривается агентная модель прогнозирования обеспеченности кадрами градообразующего предприятия, основанная на структуризации поведения агента и определения влияния его внутреннего представления об окружающем мире на его деятельность.

Ключевые слова: агентное моделирование, градообразующее предприятие, событие.

9. При формировании текста не допускается применение стилей, а также внесение изменения в шаблон или создание собственного шаблона. Слова внутри абзаца следует разделять одним пробелом; набирать текст без принудительных переносов; не допускаются разрядки слов.

10. Для набора формул и переменных следует использовать редактор формул MathType версии 5.2 и выше с размерами: обычный – 12 пт; крупный индекс 7 пт, мелкий индекс – 5 пт; крупный символ – 18 пт; мелкий символ – 12 пт.

Необходимо учитывать, что **полоса набора – 75 мм**. Если формула имеет больший размер, ее необходимо упростить или разбить на несколько строк. **Формулы, внедренные как изображение, не допускаются!**

Все русские и греческие буквы (Ω , η , β , μ , ω , ν и др.) в формулах должны быть набраны прямым шрифтом. Обозначения тригонометрических функций (\sin , \cos , \tg и т.д.) – прямым шрифтом. Латинские буквы – прямым шрифтом.

Статья должна содержать лишь самые необходимые формулы, от промежуточных выкладок желательно отказаться.

11. Размерность всех величин, принятых в статье, должна соответствовать Международной системе единиц измерений (СИ).

12. Рисунки и таблицы располагаются по тексту. Таблицы должны иметь тематические заголовки. Иллюстрации, встраиваемые в текст, должны быть выполнены в одном из стандартных форматов (TIFF, JPEG, PNG) с разрешением не ниже 300 dpi и публикуются в черно-белом (градации серого) варианте. Качество рисунков должно обеспечивать возможность их полиграфического воспроизведения без дополнительной обработки. **Рисунки, выполненные в MS Word, недопустимы.**

Рисунки встраиваются в текст через опцию «Вставка-Рисунок-Из файла» с отбечиванием «В тексте» с выравниванием по центру страницы без абзацного отступа. Иные технологии вставки и отбечивания **не допускаются.**

13. **Список литературы к статье обязателен** и должен содержать все цитируемые и упоминаемые в тексте работы (не менее 10). Пристатейные библиографические списки оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008. «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Ссылки на работы, находящиеся в печати, не допускаются. При ссылке на литературный источник в тексте приводится порядковый номер работы в квадратных скобках.

14. В материале для публикации следует использовать только общепринятые сокращения.

Все материалы направлять по адресу: 305040, г.Курск, ул. 50 лет Октября, 94. ЮЗГУ, редакционно-издательский отдел.

Тел.: (4712) 22-25-26, тел/факс (4712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru

Изменения и дополнения к правилам оформления статей и информацию об опубликованных номерах можно посмотреть на официальном сайте журнала: <http://www.swsu.ru/izvestiya/index.php>.